МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Чемоданова София Мария Викторовна

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ МИФОПОЭТИКИ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА НИКОЛАЯ КОТАРА

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор **Зоя Григорьевна Прошина**

Москва – 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА И БИКУЛЬТУРНОСТИ, ТРАНСЛИНГВАЛЬНОСТИ И ТРАНСКУЛЬТУРНОСТИ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ЛИНГВОКУЛЬТУРОЙ 16

1.1. Исследование билингвальности и бикультурности, формирование транслингвальности и транскультурности 16

1.2. Билингвизм как объект билингвологии и его аспекты 19

1.3. Идентичность и культурные особенности билингвов 21

1.4. Особенности билингвов-носителей унаследованного языка 23

1.5. Транслингвальность и транскультурность у писателей-билингвов в художественной литературе 24

1.6. Выводы по главе I 28

ГЛАВА II. ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ И МИФОПОЭТИКИ: ФИЛОСОФСКИЙ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ 31

2.1 Философские аспекты мифопоэтики 32

2.2 Литературоведческие аспекты мифопоэтики 35

2.3 Лингвистические аспекты мифопоэтики 37

2.3.1. Лингвокультура, лингвокультурология и культурная лингвистика 38

2.3.2. Прецедентные феномены 39

2.3.3. Интертекстуальность текста и культуры 40

2.3.4. Интерлингвокультурология 43

2.3.5. Языковая личность автора 43

2.3.6. Русско-английские языковые контакты 45

2.4. Культурная адаптация и переводческие стратегии 47

2.5. Выводы по главе II 49

ГЛАВА III. ОБЗОР И АНАЛИЗ ТВОРЧЕСТВА АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА И ПЕРЕВОДЧИКА Н. КОТАРА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК 54

3.1 Николай Котар как писатель-билингв и переводчик 56

3.2 Переводческая деятельность Николая Котара с русского на английский: In a Certain Kingdom 59

3.3. Оригинальное англоязычное художественное творчество Николая Котара, основанное на русских сказках и былинах в книжной серии Raven Son Series 72

3.3.1 Тематическая и семантическая классификация мифонимов – заимствований из русской культуры 74

3.3.2 Переводческая классификация – операции внутреннего перевода 101

3.3.3 Неологизмы и трансформы писателя в авторском мифотворчестве (лингвистические способы их создания) 108

3.4 Выводы по главе III.....144

ГЛАВА IV. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: ПИСАТЕЛЬСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ 147

4.1 Интервью как метод исследования рефлексии писателя.....147

4.2. Анализ интервью с писателем-билингвом и носителем унаследованного русского языка Николаем Котаром.....148

4.3 Анкета как метод исследования читательской перцепции.....163

4.4 Анализ анкеты читательской перцепции 165

4.5. Выводы по главе IV 237

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 243

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 249

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Транскрипт интервью с писателем-билингвом..... 279

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Анкета читательской перцепции..... 300

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена изучению средств вербальной реализации элементов русской лингвокультуры в англоязычном художественном тексте и особенностям формирования транслингвальности на материале литературных произведений и переводов современного американского писателя-билингва русского происхождения Николая Ко́тара (Nicholas Kotar).

В условиях современных культурно-языковых контактов все большую значимость приобретает проблема сохранения родного языка в условиях иноязычной среды и доминирования иноязычной культуры, окружающей индивида. Также актуальным является исследование форм билингвизма и использования двух языков как инструмента креативности при создании художественных произведений, позволяющих приобщить англоязычных читателей к элементам русской лингвокультуры. Такие произведения способствуют знакомству англоязычной аудитории с особенностями русского мира. В современный период значимой оказывается задача расширения за рубежом русского культурного фона, создаваемого англоязычными писателями русского происхождения, так называемыми эритажниками (от англ. термина “heritage language speakers”).

В работе проводится исследование формирования лингвокультурной гибридности художественных текстов на основе анализа литературных произведений Николая Котара, двуязычного и бикультурного американского писателя русского происхождения (он родился и вырос в Сан-Франциско, Калифорния, в семье потомков русских эмигрантов первой волны).

Целью работы является выявление особенностей формирования транслингвальности и транскультурности в современной англоязычной литературе на основе русского фольклора, а также нахождение и описание способов гибридизации англоязычной и русской линвокультурных традиций в мифопоэтических текстах на материале произведений исследуемого автора.

Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Выявить исследовательские подходы к мифопоэтике в текстах художественной литературы в лингвистическом, литературоведческом и философском аспектах.
2. Установить научные сведения о транслингвальности и транскультурности у билингвов-писателей как объекте изучения.
3. Охарактеризовать аспекты взаимосвязи культуры и языка у писателей-билингвов.
4. Определить языковые и культурные особенности вербальной реализации русской лингвокультуры в англоязычном творчестве писателя-билингва.
5. Выявить в англоязычном творчестве исследуемого автора особенности представления и перевода русских лингвокультурных реалий, заимствований, фразеологизмов, пословиц, поговорок и аллюзий.
6. Определить читательскую перцепцию творчества писателя для определения степени восприятия и понимания элементов русской лингвокультуры в англоязычном тексте.
7. Выявить процесс формирования лингвокультурного опыта у англоязычного бикультурного писателя-билингва, наследника русского языка, проведя интервью с писателем.

Выделенные задачи в данной теме исследования позволяют углубить понимание влияния билингвизма и бикультурности автора на вербальную реализацию образцов русской лингвокультуры в англоязычной художественной литературе.

В работе раскрываются новые понятия транслингвальности и транскультурности, для которых в отечественной лингвоконтактологии недавно были предложены соответствующие термины. «Словарь терминов межкультурной коммуникации» дает следующее определение транскультуры: «Транскультура – transculture от латинского trans- ‘через, за’ и ‘культура’. – Новая сфера культурного развития за границами сложившихся

национальных, расовых, гендерных и профессиональных культур» [Жукова и др., 2013: 419].

В отличие от межкультурности, которая подразумевает взаимодействие между представителями разных культур, транскультурность предполагает преодоление ограничений культурных традиций и творческий подход к выходу за рамки исходных культур [Малиновский, 2002].

Транслингвальность представляет собой синергетический переход между различными лингвокультурами, в ходе которого происходит их частичное слияние. Но полная ассимиляция не происходит, и лингвокультурная идентичность пользователей языков сохраняется, что приводит к формированию смешанного дискурса [Прошина, 2017].

Актуальность диссертационного исследования обусловлена, во-первых, необходимостью изучения использования русского языка и обращения к русской культуре в американской языковой среде, где происходит контакт языков, во-вторых, потребностью уточнения некоторых терминов, связанных с двуязычием, например эритажность, транслингвальность текстов автора-билингва; в-третьих, значимостью исследования поликодовых художественных текстов, созданных на стыке лингвокультур, а также изучения лингвистических и экстралингвистических аспектов переводоведения как проявления билингвальности.

Объект исследования – транслингвальные и транскультурные тексты билингвального писателя, унаследовавшего русский язык.

Предмет исследования – использование вербальных средств и приемов создания транслингвальных художественных текстов на материале мифопоэтических произведений и переводов русско-американского писателя Николая Котара.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые проводится исследование лингвокультурных особенностей формирования транслингвальных художественных текстов на материале произведений и переводов билингвального русско-американского писателя Н. Котара,

который является носителем унаследованного русского языка; определяются приемы вербальной реализации мифопоэтических элементов русской лингвокультуры в англоязычном творчестве писателя-билингва; выявляется лингвокультурная гибридность его стиля на основе переводческого, семантического и контекстуального анализа авторского текста, а также описывается транслингвальное отражение опыта писателя русского происхождения в его англоязычных текстах.

Гипотеза исследования заключается в следующем: свободное переключение языкового и культурного кода при сбалансированности билингвизма и транскультурности автора, приводит к гибридным формам вербальной реализации в англоязычном творчестве писателя, внедрению в англоязычный текст экзотизмов (русизмов), заимствований и их трансформов, а также аллюзий из русской лингвокультуры и мифопоэтики с использованием фольклорных мотивов.

Теоретическая значимость данной работы состоит в том, что полученные результаты исследования подтверждают, что языковые и культурные навыки автора-билингва влияют на формы вербальной реализации русской лингвокультуры в его англоязычном творчестве. В переводоведении значима дальнейшая разработка теории внутреннего перевода, предложенная В.В. Кабакчи, как перевода элементов текста без участия посредника, непосредственно автором, создающим не вторичный, а первичный текст. Теория внутреннего перевода применена к транслингвальной литературе, определение которой получило уточнение: это не только художественный дискурс, создаваемый на неродном языке автора, как ее определял С. Келлман, но также художественный текст писателя-эритажника, доминирующим языком которого является не язык, сохраненный им в семье, а язык окружения и который в своем художественном творчестве мастерски использует оба языка. Данная работа имеет значение, таким образом, для стилистики при изучении авторского идиостиля, для

билингвологии как направления социолингвистики, лингвокультурологии и ее трансформационных возможностей, а также для переводоведения.

Теоретическая база исследования основывается на трудах ряда исследователей:

- Среди современных исследователей в области билингвологии – работы А.М. Антоновой, Л.И. Арониной, Х.З. Багирокова, Е.В. Белоглазовой, Э. Биалисток, М.Б. Богус, К. Бэйкера, Г.М. Вишневской, Ф. Грожана, М.Б. Елисеевой, В.В. Кабакчи, В.В. Кабакчи, В.П. Коровушкина, Ли Вэя, К. Майерс-Скоттон, А. Павленко, З.Г. Прошиной, С. Ромэйн, Р. Румбо, А.В. Хархурина, Э. Хаугена, С.Н. Цейтлин, Г.Н. Чиршевой, С. Шин.
- По направлению изучения билингвизма у носителей унаследованных языков, так называемых «эритажников» (от англ. термина “heritage language speakers”), выделяются работы А.А. Акишиной, Т.Е. Акишиной, Г. Вальдес, Г.Г. Григорьевой[1], М. Еленевской, О.Е. Каган, Р. Кэмпбелла, М.С. Полинской, Е.Ю. Протасовой, Н.М. Родиной, Ю. Тайтус, Дж. Фишмана.
- По направлению изучения транскультурности и транслингвальности – работы У.М. Бахтикиреевой, О.А. Валиковой, И.И. Валуйцевой, А. Ваннера, Г.Т. Гариповой, О. Гарсиа, А. Даньино, Н.М. Джусупова, С. Канагараджа, С. Келлмана, Ш.Р. Кешфидинова, Е.С. Лебедевой, И.Л. Лебедевой, Ли Вэя, Т.А. Лупачевой, У.В. Овчеренко, А. Пенникука, З.Г. Прошиной, Н.А. Токаревой, Г.Т. Хухуни, Э.Ф. Шафранской.
- В области переводоведения в рамках стратегии перевода и культурной адаптации в художественной литературе – работы Л. Венути, К.Н. Гарбовского, В.В. Кабакчи, В.Н. Комиссарова, Г. Крингса, Э. Пима, Л.В. Полубиченко, З.Г. Прошиной, В.В. Сдобникова.

[1] Григорьева Г.Г., директор детского образовательного центра «Знатоки» (Нидерлангды). URL: https://znatokialmere.nl/teachers (дата обращения 06.06.2025).

- По поэтике и мифопоэтике в рамках лингвистики – научные работы А.Л. Барковой, Р. Барта, Г.Г. Гадамера, И.В. Гюббенет, И.А. Ильина, Д.П. Козолупенко, Дж. Кэмпбелла, К. Леви-Стросса, А.А. Липгарта, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, Н.О. Осиповой, В.Я. Проппа, А.А. Потебни, Г. Слочовера, Э.Р. Хайдеггера.
- В области лингвокультурологии – труды М.М. Бахтина, А. Вежбицкой, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, М.Л. Ковшовой, В.В. Красных, Ю. Кристевой, А.Э. Левицкого, М.М. Маковского, Е.В. Марининой, В.А. Масловой, Г.Г. Молчановой, В.В. Робустовой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телии, С.Г. Тер-Минасовой, Т.В. Устиновой.
- По направлению интерлингвокультурологии – труды А.М. Антоновой, Е.В. Белоглазовой, В.В. Кабакчи.
- В области русистики работы Л.И. Богдановой, В.И. Даля, Е.А. Земской, Т.В. Кортава, Б.А. Рыбакова, С.М. Толстой, М.Ю. Федосюка.
- По контактной вариантологии английского языка (World Englishes paradigm) – научные работы Е.С. Гриценко, Д. Дэйвиса, Б. Качру, Д. Кристала, С. Нельсона, З.Г. Прошиной, А.А. Ривлиной, Л. Смита.

Материалы исследования составляют художественные произведения Николая Котара (The Raven Son Series: *"The Song of the Sirin"; "The Curse of the Raven"; "The Heart of the World"; "The Forge of the Covenant"; "The Throne of the Gods"; "The Rusted Blade"; "The Son of the Deathless"*), научно-популярные книги Николая Котара ("*Heroes for All Time: Stories of Inspiring Heroism from Russian History"; "How to Survive a Russian Fairy Tale: How to Avoid Getting Eaten, Chopped Into Little Pieces, or Turned Into a Goat"; "A Window to the Russian Soul: Ancient Folk Wisdom for Modern Life"*) и блог-ресурсы на его официальном сайте о русской лингвокультуре для англоязычных читателей (Russian Folk Culture, World Building, Fairy Tales and Myths, Russian History and Literature), а также переводные работы автора ("In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old Russia"; "In a Certain Kingdom: Epic

Heroes of the Rus”). К исследованию привлекались и русские источники: «Народные русские сказки» (А.Н. Афанасьев), «Руслан и Людмила» (А.С. Пушкин), «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (А.С. Пушкин), «Русские народные сказки и былины», «Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи» (Б.А. Рыбаков), использованные для сопоставления.

В работе применялись следующие **методы исследования**:

- общенаучные методы: индуктивно-дедуктивный; описательный; классификационный;
- специальные методы: психолингвистический (интервью для изучения рефлексии автора, анкетирование для изучения рецепции читателя); лингвокультурологический (выявление ценностей культуры и их вербализации в языке); лингвистический (семантический, контекстуальный анализ собранных примеров); сопоставительный и переводоведческий (выявление языковых соответствий в двух языках).

Практическая ценность работы заключается в возможности использования ее материала и выводов в курсах психолингвистики, билингвологии, лингвоконтактологии, теории и практики перевода. Сделанные в работе выводы показывают пути сохранения русского культурно-языкового наследия в иноязычной среде. Полученные в ходе исследования результаты могут быть также использованы в образовательных и научных программах.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Эритажный билингвизм, т.е. двуязычие носителей унаследованных языков, как одно из направлений билингвологии создает новые лингвокультурологические феномены – транслингвальность и транскультурность, проявляющиеся в возникновении гибридности контактирующих языков и культур. В работе обосновано, что термин «эритажный билингвизм» характеризуется лаконичностью,

прозрачностью мотивации для знающих английский язык, глобальный язык науки, и потому предпочтителен в научном узусе.

2. В контексте межкультурного взаимодействия существенную роль в создании транскультурных художественных произведений играет адаптация мифопоэтических элементов из другой лингвокультуры, требующая специальных приемов для поддержания аутентичности и понятности текста. В ходе анализа, проведенного на материале произведений билингвального писателя-эритажника, выявлены специальные приемы лингвокультурной трансформации, например семантической, орфографической, и адаптации в художественных текстах в целях лучшего понимания культурных реалий целевой аудиторией.
3. Писатель-билингв Н. Котар создает англоязычные тексты, объединяя русскую и англоязычную лингвокультуры через трансформацию элементов русского фольклора. Задействование переводческих стратегий доместикации и форинизации с использованием приемов субституции, транскрипции и калькирования приводит к гибридным формам вербальной реализации, формируя синкретизм двух языков и культур в рамках транслингвальных текстов, создаваемых писателями-эритажниками. Показано, что широкое применение автором внутреннего перевода, объяснительного перевода и генерализации культуронимов способствует адаптации элементов русской лингвокультуры для англоязычных читателей.
4. В работе установлено, что при переводе русских сказок и произведений других фольклорных жанров автор-переводчик применял различные виды заимствования, включая калькирование, транслитерацию, транскрипцию, описательный перевод и генерализацию. Подтверждено, что такой подход способствовал лучшему пониманию целевой аудиторией культурных реалий. Обосновано, что при переводах произведений фольклорных жанров

применение сочетания стратегий форинизации и доместикации в рамках коммуникативно-равноценного перевода способствует как сохранению аутентичности исходных текстов, так и их доступности для англоязычных читателей. При этом выявлено, что при внутреннем переводе в оригинальных художественных произведениях использование автором стратегии переадресации лингвокультурных реалий способствует созданию понятного англоязычным читателям художественного текста в жанре фэнтези.

5. Как носитель унаследованного русского языка писатель комбинирует свой языковой и культурный репертуары, создавая произведения на основе русского фольклора. Показано, что билингвальная креативность автора-эритажника, создающего трансформации некоторых мифопоэтических элементов, в синтезе с переводческими приемами играет существенную роль в формировании текста, являющегося образцом транскультурной и транслингвальной американской литературы.

Обоснованность полученных в исследовании результатов обусловлена апробацией предложенного в диссертационной работе анализа особенностей русско-английских языковых контактов при вербальной реализации элементов русской лингвокультуры в художественных текстах, широким использованием разнообразных фундаментальных теоретических и прикладных материалов, охватывающих ключевые аспекты темы, а также использованием комплекса разных методов анализа.

Апробация исследования. Основные положения и результаты исследования представлены в пяти научных статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова, одна из которых написана в соавторстве в журнале, индексируемом в WoS CC (ESCI). Результаты исследования также представлены на десяти международных научных конференциях, из которых 8 международных конференций в России

и 2 международные конференции за рубежом: Международная научная конференция «VIII Би-,поли-, транслингвизм и лингвистическое образование» под эгидой МАПРЯЛ (Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия, 2022); Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2023», (Факультет иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, 2023); Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе: проблемы теории языка и методики преподавания», (Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Россия, 2023); Международная научная конференция “The 25th Conference of the International Association for World Englishes: World Englishes in a Multilingual World”, (Stony Brook University, г. Нью-Йорк, США, 2023); Международная научная конференция «Юбилейная международная конференция СПб. высшей школы перевода Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена “Качество подготовки переводчиков в эпоху глобализации, антропологизации и искусственного интеллекта”», (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Высшая школа перевода, г. Санкт-Петербург, Россия, 2023); Международная научная конференция «IX Би-, поли-, транслингвизм и лингвистическое образование» (Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия, 2023); Международная научная конференция «Взаимодействие языков и культур. XI Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения проф. В.П. Коровушкина» (Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия, 2024); Международная научная конференция «X Би-, поли-, транслингвизм и лингвистическое образование» (Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия, 2024); Международная научная конференция «III международная научно-практическая конференция “Обучение иностранным языкам в открытом поликультурном пространстве”» (Факультет иностранных языков и

регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, 2024); Международная научная конференция “The 26th Conference of the International Association for World Englishes: World Englishes through space and time”, (Justus Liebig University, г. Гиссен, Германия, 2025).

Личный вклад автора заключается в теоретической и практической разработке ключевых идей и концептуальных положений по исследуемой проблеме; в сборе, обработке и анализе исследуемых данных и лингвистического материала; в выявлении специфических аспектов полученных результатов, в изучении и описании механизмов и характеристик вербальной реализации в авторском тексте; в формулировании выводов и подготовке публикаций.

Структура диссертационной работы состоит из следующих частей: введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и двух приложений. В первых двух главах раскрываются теории, которые легли в основу концепции работы, и объясняются термины, необходимые для последующего эмпирического исследования, описанного в третьей и четвертой главах. Приложения содержат практические материалы: интервью с писателем и результаты анкетирования читателей.

В первой части (Главы I и II) рассматриваются следующие теоретические проблемы: билингвизм, транслингвальность и транскультурность и их взаимосвязь с лингвокультурой (**Глава I**); проблемы лингвокультуры и мифопоэтики в художественной литературе: философский, литературоведческий, лингвистический и переводческий аспекты (**Глава II**).

Во второй части проведено эмпирическое исследование, в рамках которого решены следующие задачи: проведен обзор, сделан анализ творчества американского писателя-билингва русского происхождения Николая Котара, показан творческий путь писателя, медиатора русской лингвокультуры и переводчика с русского на английский, а также произведен перевод фрагментов произведений Николая Котара с

английского языка на русский и учтены лингвокультурологические аспекты перевода, в том числе проблемы перевода в аспекте гибридизации, транслингвальности и транскультурности (**Глава III**); разработано и проведено лингвокультурологическое и психолингвистическое исследование, объектом которого стали писательская рефлексия в виде интервью и читательская перцепция виде анкеты-опросника (**Глава IV**).

В разделе **Заключение** приводятся результаты и выводы настоящего диссертационного исследования.

В разделе **Приложение 1** содержится транскрипт писательской рефлексии в виде интервью с писателем-билингвом. Раздел **Приложение 2** состоит из ответов читательской перцепции и самой анкеты-опросника.

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА И БИКУЛЬТУРНОСТИ, ТРАНСЛИНГВАЛЬНОСТИ И ТРАНСКУЛЬТУРНОСТИ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ЛИНГВОКУЛЬТУРОЙ

1.1. Исследование билингвальности и бикультурности, формирование транслингвальности и транскультурности

В современной билингвологии в конце XX и в начале XXI века возникает ряд новых теорий и новых направлений исследований, связанных со смежными дисциплинами. Одним из современных исследований является изучение феномена двуязычия у билингвов-носителей унаследованных языков, также называемых «эритажниками» (от термина *heritage language speaker*). Данный термин впервые использовал американский профессор прикладной лингвистики Р. Кэмпбелл в конце XX века [Campbell, 1987]. Позднее исследованиями в рамках этого направления занимались А.А. Акишина, Т.Е. Акишина, О.Е. Каган, М.С. Полинская, Г. Вальдес, Дж. Фишман, Ю. Тайтус, Е. Ю. Протасова, С. Монтруль, М. Каррейра, С. Шин, К. Хитченс-Чик, С. Баукус.

В начале XXI века появляются работы, направленные на исследование методических проблем билингвизма, и разрабатываются учебно-методические комплексы для развития билингвизма у детей и взрослых, в том числе направленные на полноценное овладение унаследованными языками и их сохранение. В связи с этим можно отметить работы по билингвизму и билингвальному образованию К. Бэйкера [Baker, 2011], Г. Вальдес [Valdes, 2001] Дж. Фишмана [Fishman, 2001], М.С. Полинской [Polinsky, 2014], а также разработанные учебные пособия для овладения унаследованными языками [Kagan, Akishina and Robin, 2002; Rehman, 2010; Dubinina, Kisselev, 2019].

В этот же период рядом билингвологов изучаются социальные проблемы билингвизма, такие как проблема поддержания малых языков и языковая политика государств. В рамках этого направления можно выделить работы У.М. Бахтикиреевой, О.А. Валиковой [Бахтикиреева, Валикова, 2017],

К. Вильямса [Williams, 2007], Н.М. Джусупова [Джусупов, 2017] и Р. Румбо [Rumbaut, 2009].

На рубеже XX и XXI вв. в рамках изучения лингвокультурологических проблем идентичности билингвов возникает новая парадигма, определяющая одно из современных направлений исследований, – изучение феноменов транслингвальности и транскультурности (новые термины впервые использованы лингвистами С. Келлманом [Kellman, 2000] и А. Пэнникуком [Pennycook, 2007]). В научной терминологии появляются такие понятия, как *транслингвальность* и *транскультура* [Жукова и др., 2013; Тлостанова, 2004].

Кроме того, фокус исследований современных билингвологов смещается в область изучения таких вопросов, как сбалансированность билингвизма, взаимодействие и сохранение языков и культур (лингвокультур), а также в область изучения особенностей двуязычия определенных категорий билингвов, в частности, билингвов-носителей унаследованных языков.

В качестве билингвологии следует также выделить изучение языковых и культурных особенностей билингвальных авторов, сочетающих и смешивающих два языка и две культуры в транслингвальных и транскультурных литературных жанрах [Прошина, 2020].

До того как появились эти термины, о билингвальных авторах писал Б. Качру, называя феномен *контактной литературой (contact literatures)* [Kachru, 1983; Kachru, 1986], в современной парадигме *контактная вариантология английского языка* (*World Englishes paradigm*), рассматриваемая в [The Handbook of world Englishes, 2006; The Handbook of world Englishes, 2020; Прошина, 2020].

В связи с возрастающим интересом к проблемам билингвизма, возникает ряд отечественных научных школ, среди которых можно выделить следующие:

- Московская. Представлена специалистами по транслингвальности и транскультурности (У.М. Бахтикиреевой, О.А. Валиковой, И.И. Валуйцевой, С.С. Галактионовым, Г.Т. Гариповой, Ш.Р. Кешфидиновым, Е.С. Лебедевой, И.Л. Лебедевой, У.В. Овчеренко, З.Г. Прошиной, Н.А. Токаревой, Г.Т. Хухуни, Э.Ф. Шафранской), специалистами по изучению педагогических аспектов билингвизма (А.А. Акишиной, Н.Д. Афанасьевой, А.Э. Ахапкиной, И.И. Воронцовой, В.В. Дроновым, Н.М. Родиной и А.В. Хархуриным).
- Санкт-Петербургская. Среди ведущих ученых этой школы можно отметить труды специалистов по интерлингвокультурологии (отражении русской лингвокультуры в английском и других языках) и переводческим проблемам билингвизма: А.М. Антоновой, Е.В. Белоглазовой, В.В. Кабакчи, нейролингвиста Т.В. Черниговской, а также специалистов по детскому билингвизму С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеевой Т.В. Кузьминой, Т.А. Кругляковой и Г.Р. Добровой.
- Череповецкая. Лингвисты этой школы П.В. Коровушкин, Г.Н. Чиршева и их последователи развивают изучение детского билингвизма.
- Ивановская. Представитель этой школы Г.М. Вишневская специализируется на различных аспектах билингвизма, таких как изучение интерференции языков и проблемах лингвистической интерпретации в художественном билингвизме.
- Майкопская. Лингвисты А.Х. Абубакарова, Х.З. Багироков, М.Б. Богус специализируются на исследовании социолингвистических и педагогических аспектов билингвизма.
- Билингвизмом занимаются также ученые-соотечественники, живущие за границей: Т.Е. Акишина, И.Ю. Дубинина, О.Е. Каган, О.В. Киселева, М.С. Полинская (США), Л. Аронина и М. Еленевская (Израиль), Е.Ю. Протасова (Финляндия), Н. Рингблом (Швеция).

1.2. Билингвизм как объект билингвологии и его аспекты

Лингвисты дают определение билингвизма и билингва в зависимости от того внимания, которое они уделяют определенной стороне коммуникации. Например, известный британский социолингвист, директор Института образования при Лондонском университете (UCL) Ли Вэй определяет билингва как человека, «который может общаться на более, чем одном языке, либо активно (в разговоре и письме) или пассивно – через слушание и чтение» [Li, 2008: 4]. Таким образом, выделяется:

- пассивный, или рецептивный билингвизм – билингв владеет только рецептивным видом речевой деятельности [Diebold, 1964; Hockett, 1958: 16].
- активный билингвизм – билингв владеет продуктивными видами речевой деятельности в обоих языках.

По определению У. Вайнрайха, билингвизм – это возможность использовать оба языка попеременно [Weinreich, 1953].

В то же время О.С. Ахманова определяет билингвизм как «одинаково совершенное владение двумя языками, умение в равной степени использовать их в необходимых условиях общения» [Ахманова, 1966: 125] – данное определение до сих пор превалирует в отечественной лингвистике [Жукова и др., 2013: 37], хотя и начинает уступать место более широкому определению, приведенному выше.

В зарубежной билингвологии доминирует широкое понимание билингвизма, который рассматривается как «способность использования двух или более языков в степени достаточной для поддержания повседневного общения» [Myers-Scotton, 2006: 44]. Похожее определение билингвизма предлагал также Л.В. Щерба, рассматривавший этот феномен как «владение двумя языками и умение с их помощью осуществлять успешную коммуникацию» [Щерба, 1974а].

В зависимости от степени владения языками выделяют два основополагающих типа билингвизма: доминирующий билингвизм и сбалансированный билингвизм [Grosjean, 1982; Grosjean, 2010].

- *Доминирующий билингвизм* – один из языков, которые использует билингв, развит сильнее, чем другой, и его предпочитает билингв при языковом общении. Такой вид билингвизма на сегодняшний день находит наибольшее распространение в практике двуязычия, и он отражает то определение билингвизма, которое находим у Л.В. Щербы и К. Майерс-Скоттон.
- *Сбалансированный билингвизм* – умение полноценно применять оба языка в языковом общении. Этот вид билингвизма противостоит доминирующему (несбалансированному) билингвизму и встречается реже, чем доминирующий билингвизм. Именно этот вид билингвизма имеется в виду в определении О.С. Ахмановой.

Ряд современных лингвистов, например, Ф. Грожан, К. Майерс-Скоттон, Г. Уиглзуорт, С. Шин и другие уделяют внимание опровержению некоторых мифов о билингвизме [Grosjean, 2010; Myers-Scotton, 2006; Chin, Wigglesworth, 2007; Shin, 2013]. Двуязычные индивиды, которые живут в среде, где большинство людей являются монолингвами, рассматривают билингвизм как довольное редкое явление. Однако билингвологи замечают, что индивидуальное двуязычие – это весьма распространенное явление. Как отмечает современный американский лингвист С. Шин: «Около 55 миллионов американцев, или каждый из пяти человек старше пяти лет, разговаривают в семье на языке, отличном от английского» [Shin, 2013: 1].

В течение десятилетий отношение к билингвизму ученых, равно как и политиков, не было одинаковым. В разные периоды времени билингвизм считали либо положительным, либо отрицательным явлением. Г.Н. Чиршева замечает, что «в конце XIX – начале XX века к билингвизму относились очень настороженно, поскольку родному языку приписывали чрезвычайно важную

роль в формировании характера и нравственного развития личности» [Чиршева, 2012: 37].

Среди широко распространенных мифов о билингвизме можно отметить мнение о том, что двуязычие может отрицательно влиять на интеллектуальное развитие личности, особенно в раннем возрасте. Например, датский лингвист О. Есперсен полагал, что дети, которые изучают одновременно два языка, в действительности не могут полноценно освоить ни один из изучаемых языков [Jespersen, 1922].

В результате накопления научных данных к середине XX века отношение к билингвизму стало меняться [Чиршева, 2012]. В. Пенфилд и Л. Робертс, исследуя процессы взаимовлияния речи и мышления, приходят к заключению, что мозг ребенка способен одновременно осваивать несколько языков. При этом механизм усвоения одного или нескольких языков один и тот же [Penfield, Roberts, 1959].

К аналогичному выводу приходят и другие специалисты по изучению билингвизма: человек имеет свойства, позволяющие ему одновременно осваивать несколько языков [Cummins, 1976, 1978; Hoffmann, 2001]. По мнению некоторых исследователей, двуязычие позволяет билингву совершенствовать мышление, применяя понятия, выраженные в речи в различной форме [Соколовский, 1991; Фомин, 1998].

1.3. Идентичность и культурные особенности билингвов

Еще в начале XIX века немецкий философ и филолог В. Гумбольдт выдвинул идею о том, что люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают и познают мир, по-разному относятся к нему [Гумбольдт, 2000: 68]. Американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф также полагали, что особенности языка способны влиять на мышление человека, определяя его мировосприятие и взгляды на мир [Сепир, 1993; Whorf, 1956]. Если мировосприятие, культура и язык – явления, которые взаимосвязаны и зависят друг от друга, то возникает вопрос о том, какой из языков определяет

восприятие мира у носителя двух и более языков, и с культурой какого из языков ассоциирует себя билингв. Существует мнение, что бикультурность – это неотъемлемое свойство билингва. Однако Ф. Грожан замечает, что не все билингвы бикультурны и не все бикультурные люди являются полноценными билингвами [Grosjean, 2010].

Культура предполагает, что билингв приобщен ко многим аспектам жизни, например к ценностям, традициям, определенной картине мира, социальным правилам и т.д. Возможность адаптации билингва в определенных языковых и культурных ситуациях является важным признаком бикультурализма [Grosjean, 2010]. Вместе с тем, как правило, одна из культур является доминирующей в жизни билингва, подобно тому, как билингв имеет доминирующим один из языков. При этом значение каждой культуры в жизни билингва может меняться так же, как и язык (культурный и языковой сдвиг). Кроме того, подобно языкам, культуры могут смешиваться, приводя к так называемой *культурной интерференции* или *культурной трансференции* [Grosjean, 2010].

Психолингвист А.А. Залевская пришла к заключению, что билингвы, овладевшие двумя языками в детстве, имеют сформированными две картины мира, каждая из которых влияет на поведение билингва [Залевская, 2011: 33–47]. В то же время некоторые специалисты делают вывод, что многие билингвы не сопрягают свои мысли со словами какого-либо языка, но имеют в своем сознании смешение языков, которыми они владеют, используя при этом картину мира одного из языков в контексте определенной ситуации языкового общения [Афанасьева, Захарченко, Могилева, 2022].

Как отмечает американо-норвежский профессор прикладной лингвистики А. Павленко, языковое поведение билингва часто оказывается разным в зависимости от используемого языка, что приводит к различному восприятию личности билингва со стороны собеседника в зависимости от того языка, который используется в общении [Pavlenko, 2006].

1.4. Особенности билингвов-носителей унаследованного языка

В конце XX века в билингвологии обозначилось новое направление исследования, касающееся определенного типа билингвов – *носителей унаследованного языка*, или так называемых «эритажников». Интерес к изучению унаследованных языков возник в конце XX – начале XXI века, когда профессор лингвистики Калифорнийского университета Р. Кэмпбелл основал ряд языковых программ для обучения студентов, которые в домашних условиях говорили на языке отличном от языка общества (английского), но не имели достаточной компетенции в этом (семейном) языке. Р. Кэмпбелл видел в унаследованных языках важный ресурс, требующий сохранения и поддержания в процессе овладения билингвом общеупотребительного языка (английского) [Campbell and Rosenthal, 2000]. К носителям унаследованного языка («эритажникам») относятся билингвы, получившие от семьи язык своего происхождения, но использующие этот язык ограниченно из-за отсутствия или ограниченности языковой среды [Aronin, Singleton, 2010; Shin, 2013; Рингблом, Карпова, 2018].

Один из современных лингвистов, Г. Вальдес, определяет *наследника языка* как человека, который «вырос в семье, где используется язык, отличный от английского, и который говорит или как минимум понимает этот язык и, таким образом, является до некоторой степени билингвом, владея домашним и английским языком» [Valdes, 2001: 38]. Ряд билингвологов дают расширенное определение унаследованного языка, распространяя его также на тех, кто хотя и не владеет языком своего происхождения, но имеет мотивацию к изучению языка и сохраняет культурные связи с этим языком ввиду своего происхождения [Fishman, 2001; Montrul, 2016].

По замечанию ряда специалистов, хотя такие билингвы и демонстрируют понимание бытового разговорного языка, унаследованного по происхождению, этого оказывается недостаточно. Ввиду этого они часто нуждаются в параллельных объяснениях на общеупотребительном языке [Kagan, Akishina, and Robin, 2002]. Носители унаследованных языков

отличаются языковыми свойствами, требующими специального изучения. Такие билингвы для развития и поддержания унаследованного языка требуют специальных методов обучения [Heritage Language Education: A New Field Emerging, 2008; Innovative Strategies for Heritage Language Teaching, 2016; The Routledge Handbook of Heritage Language Education, 2017].

1.5. Транслингвальность и транскультурность у писателей-билингвов в художественной литературе

Возникновение транслингвальности как новой парадигмы вытекает из психолингвистического подхода, при котором исследуются речевые процессы билингвов, при этом введение понятия транскультурности обусловливает переход от психолингвистического подхода – к лингвокультурному [Жукова и др., 2013: 227].

Первыми лингвистами, которые начали в своих исследованиях использовать термин *транслингвизм* были Стивен Келлман [Kellman, 2000], Аластэр Пэнникук [Pennycook, 2007], Суреш Канагараджа [Canagarajah, 2013], Арианна Даньино [Dagnino, 2013], Офелия Гарсиа и Ли Вей [Garcia and Li, 2014]. В некоторых работах вместо термина *транслингвизм* также используется термин *транслингвальность* [Прошина, 2017]. В этот же период С. Келлман проводит углубленный анализ особенностей транслингвального творчества ряда писателей-билингвов [Kellman, 2000]. Транслингвальность – это плавный переход между лингвокультурами, который приводит к их слиянию, сохраняя идентичность пользователей и формируя смешанный дискурс [Прошина, 2017: 160].

По наблюдению Офелии Гарсиа, при транслингвизме билингвам открывается в определенных режимах доступ к языковым особенностям, присущим каждому из языков, что позволяет наиболее эффективно осуществлять языковую коммуникацию [Garcia, 2009]. Однако при транслингвизме взаимодействие языков может иметь как положительный, так и отрицательный эффекты, выражаясь в трансференции (при положительном

или нейтральном взаимодействии) и интерференции (негативном взаимовлиянии языков) [Прошина, 2017].

Транслингвальность и транскультурность – это взаимопроникновение языков и культур, создающее у автора особую самоидентификацию, которая не сводится к выбору определенного языка или культуры [Шафранская, Гарипова, Кешфидинов, 2024]. Транслингвальное и транскультурное творчество выступает медиатором между языками и культурами, объединяя их и передавая читателю уникальные языковые и культурные элементы [Бахтикиреева, 2009; Воронченко, 2022; Шафранская, Гарипова, Кешфидинов, 2024].

Транслингвальная и транскультурная литература формирует новую модель мира через «второй родной» язык, отражая многообразие культурной принадлежности личности [Шафранская, Гарипова, Кешфидинов, 2024]. Транскультура – это состояние принадлежности множеству культур, размывающее границы между ними [Эпштейн, 2004].

В лингвистике особое внимание уделяется языковой личности, пересекающей языковые и культурные границы [Белоглазова, 2023]. Транслингвизм – это не просто владение несколькими языками (билингвизм или мультилингвизм), а творческое и гибридное использование языковых ресурсов, которое нарушает традиционные нормы, создавая новую лингвокультурную идентичность [Белоглазова, 2023; Rivlina, 2020]. Транслингвальная личность обладает когнитивной гибкостью, способностью «нативизировать» язык (сделать родным), сочетая элементы разных языков в единую языковую компетенцию [Beaujour, 1989; Kellman, 2000].

Транслингвизм часто представляет собой отклонение от традиционных языковых норм и речевого поведения, отражая языковой сдвиг [Rivlina, 2020]. Он предполагает отказ от монолингвальной нормы в пользу гибкой, интегрированной языковой компетенции, где языковые ресурсы смешиваются и используются творчески [Rivlina, 2020]. Префикс *транс-* подчеркивает движение через языковые границы, приводящее к появлению

транслингвальной личности, объединяющей разные лингвокультуры, ранее считавшиеся изолированными [Белоглазова, 2023].

Современные исследователи билингвизма и транскультурности обратили внимание на то, как языки и культуры могут сосуществовать и смешиваться, формируя транскультуру и транслингвизм. Это, в свою очередь, позволяет билингву ощутить принадлежность к нескольким лингвокультурам. В последние годы возрастает интерес к изучению языковых и культурных особенностей двуязычных и бикультурных авторов, способных сочетать и смешивать два языка и две культуры в транслингвальных и транскультурных литературных жанрах [Прошина, 2020]. В качестве примеров можно привести транскультурные литературные произведения таких классиков русской зарубежной литературы, как Иосиф Бродский и Владимир Набоков, а также ряда современных русско-американских авторов-иммигрантов, например Ольги Грушиной и Лары Вапняр, приехавших в США во взрослом возрасте [Антонова, 2022; Белоглазова, 2023; Лебедева, 2020; Лебедева, Лупачева, 2019; Лебедева, Выдрин, 2024; Прошина, 2020; Butenina, 2016; Grosjean, 2021; Kellman, 2000; Kellman, 2003; Kellman, 2020; Wanner, 2022].

Можно также выделить творчество ряда современных американских писателей-эритажников русского происхождения, таких как Николай Котар (Nicholas Kotar) [Kotar, 2024], Патриция Полакко (Patricia Polacco) [Polacco, 2024] и Олеся Сальникова-Гилмор (Olesya Salnikova-Gilmore) [Salnikova-Gilmore, 2024]. Писатели-эритажники, как правило, родились либо приехали в детстве и выросли в США. Эти писатели создают свои англоязычные транскультурные и транслингвальные произведения на английском как родном, основываясь на своем русском происхождении.

Примером современного транскультурного творчества писателя-билингва, носителя унаследованного русского языка, служат произведения Николая Котара (Nicholas Kotar). Николай Котар – двуязычный и бикультурный американский писатель русского происхождения, родившийся

в США (Сан-Франциско, штат Калифорния) в семье потомков русской эмиграции первой волны [Kotar, 2024]. Н. Котар является представителем русского зарубежья и русской диаспоры в г. Сан-Франциско. Его литературные произведения написаны на английском языке и вдохновлены русскими сказками. В литературных произведениях автора присутствуют мотивы русского фольклора, трансформированные в современном мифопоэтическом стиле, что способствует ознакомлению англоязычных читателей с русской лингвокультурой.

В творчестве Николая Котара прослеживаются двуязычие и бикультурность и их гибридизация, что позволяет говорить о транслингвальности и транскультурности писателя. Произведения писателя относятся к литературе, вобравшей в себя как русские, так и американские литературные традиции. Николай Котар представляет русскую лингвокультуру, пробуждая к ней интерес и делясь с англоязычными читателями элементами русской культуры и языка.

Так, в мифопоэтическом англоязычном произведении Николая Котара *“The Song of the Sirin”* («Песня Сирин») встречаются многочисленные лексические и культурологические заимствования, экзотизмы (русизмы), аллюзии из русской лингвокультуры [Kotar, 2017], что формирует гибридные формы вербальной реализации.

Особенности текстов писателей-билингвов, и в частности билингвальных авторов – носителей унаследованного языка, являются предметом для дальнейших исследований процессов языкового и культурного погружения и гибридности, которые позволяют выразить принадлежность к нескольким лингвокультурам и влияют на двуязычие и бикультурность билингва-эритажника, приводя к транслингвизму и транскультурности в их творчестве.

1.6. Выводы по главе I

Одной из ключевых особенностей современного мира является стремительное развитие языковых и культурных контактов, открывающих значительные возможности для тех, кто владеет несколькими языками. Такая тенденция обусловливает важность явления билингвизма и развития билингвологии как науки на современном этапе. При этом новые возможности межъязыкового и межкультурного общения могут как способствовать развитию многоязычия, так и создавать определенные трудности у билингвов, связанные со сбалансированностью билингвизма, сохранением унаследованных языков и культур.

Обозначенные проблемы вызывают необходимость изучения процессов формирования билингвизма и бикультурализма в современных условиях в рамках развивающейся билингвологии.

Среди обозначенных направлений современного развития билингвологии как науки можно выделить исследования формирования билингвизма, социальные проблемы двуязычия, методические проблемы формирования билингвизма, переводческие проблемы, лингвокультурологические проблемы идентичности билингва, а также исследования художественного билингвизма, транслингвальной и транскультурной литературы.

Среди новейших направлений билингвологии отмечается новая парадигма: изучение транслингвальности и транскультурности – понятий, которые недавно вошли в российскую лингвоконтактологию.

Если билингвизм – это владение двумя языками, то транслингвизм – это творческое, гибридное использование языков, нарушающее традиционные нормы и формирующее новую лингвокультурную идентичность. Транслингвальная личность сочетает элементы разных языков в единую компетенцию, обладая когнитивной гибкостью и «нативизируя» (делая родным) смешанные языковые ресурсы, в отличие от простого владения несколькими языками и переключением кодов.

Таким образом, в современной билингвологии возникло новое направление исследований: формирование транслингвальности и транскультурности у билингвов. Транслингвизм как часть современной билингвологии рассматривает полноценно развитые двуязычие и бикультурность у билингва как новую фазу развития билингвальности, на которой у билингва формируется транслингвальность и транскультурность личности.

Одной из ведущих тенденций современной билингвологии является изучение проблем сбалансированности билингвизма и методов формирования транслингвальности и транскультурности.

Кроме того, отмечается возрастающий интерес современных исследователей к изучению особенностей писателей-билингвов, которые способны эффективно задействовать в своем творчестве два языка и две культуры для создания художественных образов и выражения своих идей. Такие писатели транслингвальны и транскультурны, что обусловливает значительный научный интерес к изучению их творчества.

Можно сделать вывод о значимости в рамках обозначенного нового направления продолжения изучения культурной гибридности, транслингвальности и транскультурности у билингвов, проявленных в творчестве билингвальных писателей, является предметом исследования в области двуязычия и культурной гибридности у авторов-билингвов. В связи с этим можно отметить актуальность изучения особенностей феномена формирования транслингвальности и транскультурности в современной англоязычной литературе, созданной писателями билингвами-эритажниками на основе русских сказок и других фольклорных жанров, а также проведения анализа пути приобщения англоязычных читателей к элементам славянской лингвокультуры через объединение и гибридизацию англоязычных и русских традиций в мифопоэтике. В частности, является важным рассмотрение того, как двуязычный американский автор русского происхождения сочетает два языка и две культуры в своих литературных произведениях. При этом важно

определить, что именно представляют собой процессы языкового и культурного погружения и гибридность, которые обусловливают связь автора с множеством лингвокультур, и, как результат, выяснить, каким образом это сказывается на билингвизме и бикультурности писателя, способствуя проявлению транслингвальности и транскультурности в художественных текстах.

ГЛАВА II. ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ И МИФОПОЭТИКИ: ФИЛОСОФСКИЙ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Под мифопоэтикой в современном смысле понимается методологический подход, направленный на выявление и интерпретацию проекций мифа — в виде сюжетов, образов, мотивов — в рамках литературного произведения [Белокурова, 2006].

В рамках зарубежной лингвистики понятие «мифопоэтика» (или также «мифопоэзис» от англ. “mythopoesis”) относится к художественному жанру, основанному на фольклоре и сказках, переосмысленных и трансформированных в авторском мифотворчестве писателя [The Oxford Dictionary of Literary Terms, 2008].

Н.О. Осипова различает два значения термина мифопоэтики. «Мифопоэтика – это метод исследования таких явлений литературы, которые ориентированы на мифопоэтические модели, с целью проследить их генезис, развитие и функции в создании целостной картины мира, трансформацию традиционных образов, что позволяет исследовать широкие интертекстуальные связи» [Осипова, 2000: 51]. Помимо указанного, предлагается следующее определение мифопоэтики: «Мифопоэтика – творческая, личностная и жизнетворческая система художника, основанная на художественно мотивированном обращении к традиционным мифологическим схемам, моделям, сюжетно-образным системам и поэтике мифа и обряда, в том числе и к созданию “неомифологических текстов”» [Осипова, 2000: 51]. Именно в этом значении термин будет использоваться далее.

Содержание понятия «мифопоэтика» включает два взаимосвязанных аспекта: во-первых, переработку автором традиционных мифологических элементов – мотивов, аллюзий, образов – и, во-вторых, сознательное конструирование им оригинального мифологического пространства [Осипова, 2001; Солдаткина, 2012].

Мифопоэтика в настоящей работе рассматривается в контексте сравнительно-сопоставительного языкознания и лингвокультуры. Стоит отметить важность отличия понятий мифа и мифопоэтики [Козолупенко, 2009: 15]. Важно подчеркнуть различие между понятиями «миф» и «мифопоэтика». Сам миф представляет собой «базисное представление», лежащее в фундаменте любой культуры и формирующее основу мировосприятия человечества [Козолупенко, 2009]. С термином миф также связан термин «мифологема» – сюжетная схема и мотив, которые повторяются в художественных произведениях [Шафранская, Гарипова, Кешфидинов, 2024: 212]. Например, повторяющаяся мифологема «живой воды» в русских сказках. Также следует пояснить родственный термин «мифоним», обозначающий лексическую единицу, содержащую мифическое содержание, как например: топонимы, различного вида артефакты, бестиарий и т.д. [Матвиенко, 2010]. Мифонимы составляют мифологическую ономастику народных сказок [Суперанская, 2023].

Мифопоэтика же – это поэтика в художественных произведениях, где прослеживаются мифологические образы и сюжеты [Шафранская, Гарипова, Кешфидинов, 2024: 212]. Мифопоэтика выступает как языковое выражение доминирующего мифопоэтического способа восприятия мира, характерного для той или иной культуры. Ее можно рассматривать как совокупность «культурных следов», зафиксированных в языке и речевых практиках, — в частности, в фольклорных жанрах, таких как сказки, былины, пословицы, поговорки, песни и другие формы устной традиции, отражающие специфику мировоззрения носителей языка [Козолупенко, 2009].

2.1 Философские аспекты мифопоэтики

Философские аспекты мифопоэтики затрагивают ряд тем, среди которых можно выделить следующие ключевые направления. Мифы являются не просто вымышленными историями, но также могут

рассматриваться как способы понимания и осмысления реальности, они обладают способностью формировать мироощущение и устанавливать связи между разнообразными аспектами жизни [Барт, 2021]. Как философское направление онтология мифа изучает сущность и природу мифа, а также его влияние на восприятие человеком окружающей его реальности. Таким образом, миф можно рассматривать не только как набор различных легенд и историй, то также как существенный элемент, который способствует осознанию людьми своего места в окружающем мире и установить связи с действительностью [Хайдеггер, 2011].

Мифы можно рассматривать как символические нарративы, способные объяснить многие основные аспекты общечеловеческого опыта (например, природа, жизнь, время, мораль, и т.д.) [Маковский, 2018]. Имея содержанием общие для человечества архетипы и темы, мифы способны пересекать различные эпохи и культуры, помогая людям разных поколений культур осмысливать и переосмысливать явления и концепции, выражаемые в доступных и понятных для всех людей образах [Маковский, 2018]. Таким образом, мифы можно рассматривать как особый способ познания реальности и формирования представления о мире. Так мифы, рассказывающие о сотворении мира, объясняют возникновение в нем человека и связь человека с природой, а мифы о богах и героях выявляют человеческие пороки и добродетели [Мелетинский, 2019]. В мифах часто можно просмотреть временную и пространственную структуру, связывающую текст мифа с определенной культурой и историей, привязывая к конкретным событиям и формируя ощущение этой связи с народной традицией. Такие свойства мифов позволяют им сохранять актуальность и иметь большое значение для различных поколений [Мелетинский, 2019].

Мифы также могут играть существенную роль при формировании личной идентичности и общественной культурной идентичности [Барт, 2021]. Создавая объединяющие людей общие нарративы, мифы помогают людям осознавать свою принадлежность к определенному сообществу, народу и

культуре. Онтология мифа исследует влияние этих нарративов на восприятие личностью себя и других, а также на отношения в обществе [Мелетинский, 2019]. Мифы могут быть основанием для философских размышлений, способствуя осмыслению вопросов человеческой природы, бытия, и смысла жизни. Являясь отправной точкой для критики и философского анализа, мифы могут способствовать выявлению скрытых предпосылок общественных событий и идеологических установок [Барт, 2021; Хайдеггер, 2011].

В исследованиях мифов онтология часто пересекается с такими дисциплинами, как культурология, социология и психология, которые исследуют мифы в контексте их специфического влияния на личность и общество, а также пути переосмысления мифов в современном контексте [Лосев, 2021]. Представляя собой важную область философского исследования, онтология мифов позволяет понять процессы влияния мифов на восприятие человеком окружающего мира, своего места в нем, а также ставить вопросы о смыслах человеческого существования. Таким образом мифы не только являются культурными артефактами, но и служат для анализа человеческого опыта и его интерпретации [Campbell, 1991]. Хотя мифы и могут служить источником познания мира и передавать человеческий опыт, но в отличие от научного знания, мифопоэтическое знание не стремится к объективности, фокусируясь на субъективных переживаниях и истинах [Slochower, 1970]. В связи с этим представляется справедливым вопрос о том, какое знание, передаваемое мифом, считать истинным и каким образом различные формы знания могут взаимодействовать друг с другом. Как раздел философии эпистемология изучает источники знания, природу знания, и его пределы [Лебедев, 2022]. В контексте исследования мифов эпистемология изучает процессы того, как мифы формируют и передают знания, влияя на восприятие реальности.

Во многих культурах важная роль передачи знаний и объяснения сложных концепций отводится мифам, которые помогают людям осознать свои корни и место в обществе [Slochower, 1970]. Поэтому мифы можно

рассматривать как особую форму знания, которая отличается от научного знания или рационального подхода [Slochower, 1970]. Эпистемология мифа исследует особенности влияния символики мифов на понимание реальности. В мифах часто используются многозначные и открытые для интерпретации метафоры и образы, что обусловливает возможность для каждого поколения находить в мифах актуальные значения в соответствии с современными условиями [Lévi-Strauss, 2015]. Эта особенность делает миф динамичным источником знания, способным быть адаптированным к изменениям в обществе [Lévi-Strauss, 2015].

Следует отметить, что одной из черт философии последних двух веков, на которую стоит обратить внимание, является возрождение в ней мифопоэзиса, начиная с романтиков [Slochower, 1970]. Во второй половине XIX века начинает формироваться апологетическое отношение к мифу, когда за мифом начинают признавать философскую, художественную и эстетическую ценность [Lewis, 2017; Мелетинский, 2019]. Таким образом, сравнение мифа и научного знания представляет существенный аспект эпистемологии [Гадамер, 1991]. В рациональном подходе ключевую роль играет фактор объективности и проверяемости, в то время как мифы зачастую базируются на культурных и субъективных представлениях, передавая глубокие истины, которые зачастую не поддаются научному анализу, но могут служить важными контекстами для интерпретации человеческого опыта, понимания социальной жизни и человеческой природы [Гадамер, 1991; Slochower, 1970].

2.2 Литературоведческие аспекты мифопоэтики

Понятие мифопоэтики тесно связано с терминами «поэтика» и «лингвопоэтика». В литературоведении часто разделяют понятия поэтики и лингвопоэтики, каждое из которых делает акцент на определенных аспектах и роли в литературе и языке [Липгарт, 2022]. В обычном понимании поэтика – это искусство и способ создания поэтических произведений, включая

жанры, формы и используемые авторами художественные средства [Потебня, 2019]. Таким образом, поэтика изучает такие эстетические аспекты текста, как образность, метафора, ритм, и анализирует влияние различных авторских приемов на восприятие произведения читателями [Белокурова, 2006]. Кроме того, этот термин можно использовать в более широком смысле, включая литературу в целом.

Лингвопоэтика представляет из себя «раздел филологии, в рамках которого стилистически маркированные языковые единицы, использованные в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта» [Липгарт, 1996: 10].

С литературоведческой точки зрения термин «мифопоэтика» часто рассматривают как изучение воздействия мифа, его сюжета и образов на литературное произведение [Белокурова, 2006]. Здесь термин миф можно понимать расширительно [Руднев, 1997]. А.Н. Афанасьев считал, что миф представляет из себя поэтическую форму, то есть древнейшую форму поэзии, в которой слово мифа употреблялось метафорически, в него был заложен поэтический смысл [Афанасьев, 2024]. Миф относится к поэзии в широком смысле и представляет собой изначальное словесное произведение. Миф – это словесное выражение и произведение, придающее субъективному образу объективное значение и реальность [Потебня, 2021].

Лингвопоэтика изучает языковые средства в художественных произведениях, которые писатель использует для создания эстетического эффекта и реализации своих идей [Задорнова, 1992]. Поэтическая функция языка заключается в создании выразительных форм, направленных на эстетическое впечатление. Данная функция проявляется, когда речь становится самостоятельной эстетической ценностью, а внимание сосредоточивается на самом сообщении, а не на его содержании [Жукова и др., 2013; Jakobson, 1960]. Лингвопоэтический анализ акцентирует внимание

на выявлении стилистических приемов и языковых средств, а также на объяснении эстетического воздействия в художественных текстах [Задорнова, 1992]. В ходе своего развития художественная форма литературных произведений напрямую заимствовала народные мифы с помощью обобщения и синкретизма [Мелетинский, 2021]. В связи с этим Е.М. Мелетинский предлагает использовать термин «поэтика мифа» или «поэтика мифотворчества» [Мелетинский, 2021: 5].

Духовное наследие и язык формируют культурный код людей. Художественная литература играет ключевую роль в духовном воспитании личности, являясь основой культуры народа [Кортава, 2023]. Авторы текстов, прибегая к мифологическим сюжетам и элементам, помогают читателям погрузиться в сюжет произведения и понять исторические и культурные контексты литературного произведения. Так фольклорные архетипы и мотивы могут обогащать текст, коррелируя его с культурными традициями народа [Мелетинский, 2019]. Здесь важную роль играет лингвокультура текста, обусловливающая то, как язык произведения передает читателю мифологические идеи и образы [Маслова, 2022].

2.3 Лингвистические аспекты мифопоэтики

Со второй половины XX века в лингвистике начинает проявляться антропоцентризм [Ковшова, 2023], сдвигается фокус на изучение языка как у индивида - носителя языка, так и в рамках социума [Benveniste, 1971]. Саму идею о том, что стоит также изучать мысли и чувства носителей языка при исследовании самого языка, первоначально выявил В. фон Гумбольдт в начале XIX века [Гумбольдт, 2000; Потебня, 2021]. Ф. Боас, продолжая идеи В. фон Гумбольдта, утверждал, что культура формирует язык [Boas, 1982]. Э. Сэпир подчеркивал, что лексика отражает культурные интересы и окружающую среду носителей, меняясь вместе с историей культуры. Восприятие мира во многом обусловлено языковыми привычками сообщества, которые влияют на способы интерпретации реальности [Sapir,

1983]. Лексика языка отражает как общечеловеческие элементы культуры, так и специфические особенности образа жизни конкретного народа [Богданова, 2020].

2.3.1. Лингвокультура, лингвокультурология и культурная лингвистика

Термин *лингвокультура* (*linguaculture*) относится к антропоцентрической парадигме в рамках лингвистики, сложившейся во второй половины XX века [Friedrich, 1989; Agar, 1994]. Лингвокультура включает в себя связь языка и культуры и их взаимовлияние друг на друга [Жукова и др., 2013]. *Лингвокультурология* изучает эти взаимосвязи, исследует выражение культуры в языке и общую связь между языком и культурой [Красных, 2002; Маслова, 2022]. В рамках лингвокультурологии также исследуется выражение менталитета народа в языке, а также культуры в языковых единицах через сопоставление с другими лингвокультурами [Карасик, 2002; Ковшова, 2016; Телия, 1996]. Лингвокультурология как междисциплинарная отрасль сочетает в себе лингвистику, культурологию, психологию, антропологию, социологию и др. дисциплины и изучает взаимодействие языка и культуры в рамках определенного социума или индивида [Телия, 1996]. С одной стороны, лингвокультура рассматривается как совокупность текстов, которые отражают этнокультурные особенности, менталитет, мировоззрение и языковую картину мира носителей языка, а также культурные ценности [Алефиренко, 2006; Воробьёв, 1997; Телия, 1996]. С другой стороны, лингвокультура состоит из культурных феноменов, которые выражены в языке [Маслова, 2022]. Культура хранит в себе историческую память, в то время как язык, обладая кумулятивной функцией, передает культурно-историческую преемственность и связь между поколениями [Телия, 1996].

Следует выделить схожее междисциплинарное направление – *культурную лингвистику* (*cultural linguistics*), применяемую в таких сферах, как межкультурная коммуникация, преподавание английского как

международного языка, вариантология английского языка (world Englishes) и лингвистическая прагматика [Sharifian, 2017b]. Так же, как и лингвокультурология, культурная лингвистика берет свое начало от идеи В. фон Гумбольдта, Ф. Боаса, Э. Сепира и Б. Уорфа и основана на антропоцентрической парадигме [Маслова, 2022; Sharifian, 2015]. Культурная лингвистика изучает связь между языком, культурой и мышлением [Langacker 1994; Palmer, 1996; Sharifian, 2017a]. Это направление возникло в процессе объединения когнитивной лингвистики с лингвистической антропологией, включающей в себя этносемантику [Sharifian, 2017a]. Язык состоит из символов, опирающихся на образы, при этом сами образы формируются внутри культуры [Palmer, 1996]. Именно культурно обусловленные образы лежат в основе того, как используются метафоры, формируются значения слов, грамматические структуры и нарративы [Palmer 1996]. Теоретической основой культурной лингвистики является так называемое понятие культурного познания (cultural cognition), объединяющее понимание когниции и культуры в языке [Sharifian, 2017b]. Культурное познание формируется через социальные и языковые взаимодействия между людьми. Оно распределено неравномерно среди носителей языка, проявляя вариативность, постоянно меняясь и подвергаясь переосмыслению при контакте в процессе межкультурного общения [Sharifian, 2017b].

2.3.2. Прецедентные феномены

Восприятие мира во многом формируется через тексты, которые не только передают информацию, но и создают смыслы, формируя понимание культуры, общества и языка [Караулов, 2010]. Представители разных культур и языков интерпретируют окружающую реальность через призму накопленного языкового материала [Щерба, 1974b]. Набор «языковой ткани», так называемое накопление текстов, помогает в процессе коммуникации и интерпретации полученной информации в ходе взаимодействия индивидуумов с окружающей действительностью [Гаспаров, 1996]. Такие тексты также можно назвать *прецедентными текстами*, то есть

предшествующими текстами [Караулов, 2010]. Они имеют значимость и известны языковой личности из определенной языковой и культурной группы, а также применяются в лексиконе определенной группы людей [Караулов, 2010].

Прецедентные феномены передают культурную информацию в дискурсе. Эти феномены создают лингвокультурную базу, необходимую для понимания культуры и передачи ее наследия [Робустова, Коваленко, 2022]. Прецедентные феномены составляют существенный элемент лингвокультуры. Также стоит обратить внимание и на прецедентные феномены иностранного происхождения, влияющие на формирование *культурного образа* исконной языка и культуры, из которой они были заимствованы [Маринина, 2017]. Изучение культурных образов, то есть широко известных «стереотипных» элементов культуры определенной страны и ее представителей, легло в основу дисциплины *имагология* [Маринина, 2017; Папилова, 2011].

Сам прецедентный текст хранится в когнитивной базе человека как инвариант восприятия и имеет когнитивный характер [Красных, 1997]. В речи же используются прецедентные имена и высказывания, символизирующие эти тексты, при этом сама информация хранится в виде восприятия, а не текста [Красных, 1997]. Прецедентные тексты присутствуют в различных видах текстов, включая мифы, легенды и другие фольклорные жанры, например сказки и былины [Караулов, 2010; Рыбаков, 2022]. Прецедентные тексты также часто проходят процесс реинтерпретации у последующих поколений. Они выходят за пределы первоначальной народной словесности, становясь частью других формах творчества с новыми интерпретациями в культуре [Караулов, 2010].

2.3.3. Интертекстуальность текста и культуры

В основе понимания любой культуры лежит понимание ее семиотики – умения интерпретировать значение используемых символов и расшифровывать, декодировать полученные тексты [Степанов, 2023]. В этом

смысле термин «тексты» включает в себя не только письменные сообщения, но и все другие объекты, несущие информацию, как например устные произведения, знаки, символы, обычаи и так далее [Степанов, 2023]. В семиотике текст рассматривается как совокупность каких-либо знаков.

В лингвистике термин текст используется в более широком смысле, включая образцы устной речи. Текст может включать в себя изображения и различные виды искусства, соответствующие цели передачи авторского замысла [Гальперин, 1981], в этом случае он называется креолизованным [Анисимова, 2003] или мультимодальным текстом. Хотя текст является объектом материальной культуры, его устная или письменная речь связана с личностью автора, с определенным временем и местом, а также с конкретной ситуацией, в которой создавался текст.

Текст также служит коллективной культурной памятью, устанавливая связь между аудиторией и культурной традицией. В этой функции текст обладает, с одной стороны, способностью обновляться и пополняться, а с другой стороны, развивать отдельные стороны содержащейся в нем информации, в то время как другие могут быть временно или полностью забыты [Лотман, 1992]. Текст находится в глобальном контексте, который включает в себя *фоновую информацию* (совокупность информации, доступной автору и аудитории) и *вертикальный контекст* (связанный с «культурным голосом» текста, его историческим развитием и социальными отношениями) [Лотман, 1992]. Вертикальный контекст связан с культурной, познавательной и коммуникативной деятельностью человека. При этом для полноты понимания текста особую роль играет филологический вертикальный контекст, включающий различные литературные аллюзии [Гюббенет, 2009].

Одним из ключевых свойств текста является интертекстуальность. Текст функционирует, с одной стороны, как элемент культуры, в которой он существует, и в то же время содержит опыт более ранних и смежных культур. Связь текста с культурой, а также его связь с другими речевыми

произведениями является интертекстуальностью [Kristeva, 1980; Бахтин, 1986]. Такие прецедентные тексты [Караулов, 2010], неразрывно связанные с определенной культурой, включают в себя ряд аллюзий, так называемых «скрытых ссылок» к другим текстам, для понимания которых реципиентам необходимо иметь соответствующие фоновые знания [Жукова и др., 2013].

Реципиенты во многом понимают свою родную культуру или культуры, но не всегда способны уловить смысл, связанный с другими культурами, поскольку каждая культура уникальна и имеет свои лингвокультурные особенности [Маслова, 2019]. Текст вписывается в культурное пространство своего времени и отражает особенности личности, мировоззрение, знания, словарный запас, цели и мотивации автора. Текст включает в себя впечатление о культуре, характерной для исторического периода, о культуре народа с его традициями, устоями и определенным менталитетом, а также о неповторимости личности автора текста.

Текст и культура имеют общие параметры, которые позволяют рассматривать текст как единицу культуры [Жеребило, 2010]. Для текста свойственны такие характеристики как: диалогический характер, то есть диалог культур, знаковость, а также «культурная память» текста, его ассоциативно-образное свойство, которое является одной из основных особенностей художественного текста как части культуры [Лотман, 1992]. При этом одним из актуальных современных вопросов философии культуры является исследование контекста, изображенного в художественном тексте [Суминова, 2014]. Контекст представляет собой общее представление о социокультурных условиях и психических состояниях времени, а также большое влияние, которое социальная и индивидуальная психология оказывает на художника (автора) и процесс создания текста, способствуя выявлению его смыслового значения [Суминова, 2014]. В некотором смысле анализ текста всегда связан с контекстом, что делает его культурным и означает, что он неизбежно включает в себя личностный, культурный и социальный контексты, влияющие на процесс чтения и интерпретации текста

[Kovala, 2002]. Текст можно рассматривать как систему, которая активно взаимодействует с различными другими динамическими системами. К этим системам относятся искусство, художественность, литературное творчество, культура и ряд других явлений [Бахтин, 1986].

2.3.4. Интерлингвокультурология

Язык отражает как внутреннюю, так и внешнюю культуру, что приводит к функциональному дуализму, рассматриваемому в парадигме интерлингвокультурологии [Кабакчи, Белоглазова, 2022]. В области интерлингвокультурологии изучается роль английского языка как языка глобального общения и его взаимосвязь с передачей иноязычных культур [Кабакчи, Белоглазова, 2022]. В рамках интерлингвокультурологии также рассматривается внутренний перевод – переводческий процесс, при котором элементы одной лингвокультуры воплощаются в другой в ходе создания оригинальных текстов билингвальными авторами [Кабакчи, Белоглазова, 2022].

В основу этой парадигмы входит концепция культурного перевода, рассматривающая способы адаптации исходной культуры в языковую среду перевода. В качестве примера можно привести творчество авторов-билингвов, которые интегрируют русские культуронимы в англоязычные тексты с помощью культурного и внутреннего перевода [Beloglazova, 2023; Антонова, 2019].

2.3.5. Языковая личность автора

В текстах писателей-билингвов, пишущих произведения на английском языке, часто встречаются *агнонимы*, то есть единицы лексической системы, которые могут быть незнакомы или частично незнакомы как и носителям русского языка, так и англоязычным читателям-монолингвам [Морковкина, 1993; Морковкин, Морковкина, 1997; Федосюк, 1998; Федосюк, Чжан, 2021]. Агнонимы также рассматриваются как лексикон индивидуальной языковой личности [Федосюк, Чжан, 2021]. Таким образом, языковая личность может

проявляться через идиостиль писателя, создающего оригинальное художественное произведение на основе существующих текстов, принадлежащих определенной культуре [Карасик, 2002; Карасик, 2022; Караулов, 2010].

В связи со стремительно развивающейся антропоцентрической парадигмой в современной лингвистике можно отметить важность изучения и анализа языковой личности билингвального и бикультурного писателя, являющегося представителем двух различных языков и культур [Белоглазова, 2023; Левицкий, 2021]. Изучение билингвальной языковой личности автора с культурной идентичностью, вобравшей особенности двух культур, приобретает особую ценность, поскольку его творчество отражает сочетание и взаимодействие двух культурных традиций и двух языковых картин мира. [Левицкий, 2021].

Опыт владения несколькими языками способен расширить мировоззрение человека, обостряя его восприятие языковых и культурных особенностей. Осваивая несколько языков и культур, билингвы становятся более восприимчивыми к деталям, характерным для разных языковых и культурных контекстов. Такая усиленная восприимчивость способствует развитию творческого потенциала [Kharkhurin, 2024].

Художественные тексты, в которых отражены процессы взаимовлияния двух языков и культур, служат языковым материалом *художественного билингвизма* к более полному восприятию сложностей становления языковой личности, находящейся на стыке двух культур [Карасик, 2022].

Художественный билингвизм [Хухуни, 2018; Хухуни, Валуйцева, 2021; Карасик, 2022] и *билингвальная креативность* (bilingual creativity) [Kachru, 1986; Gritsenko, Laletina, 2024], а также ее интерпретация читателями связаны с понятием *лингвокреативности.*

Языковая креативность (лингвокреативность) рассматривается как общая человеческая способность создавать и интерпретировать различного вида новые слова и неологизмы [Chomsky, 1965; Устинова, 2016].

Лингвокреативность также рассматривается как способность к нестандартному языковому выражению как у коллектива, так и у индивида [Гридина, 1996]. Такие отклонения от принятой языковой нормы часто наблюдаются у билингвов, в особенности у эритажников, которым свойственно «играть» со своими языками [Еленевская, 2020; Rivlina, 2020].

Исследование лингвокреативности как умения личности оригинально самовыражаться через язык подразумевает изучение примеров нестандартного языкового использования [Устинова, 2016]. Эти лингвокреативные особенности могут проявляться в авторском идиостиле писателя-билингва [Карасик, 2022]. Авторский идиостиль отражается как в творчестве писателей-билингвов, создающих новые гибридные языковые формы в своих транслингвальных и транскультурных художественных произведениях, так и у читателей, которые в разной степени способны на творческую интерпретацию текста [Демьянков, 2016].

2.3.6. Русско-английские языковые контакты

На протяжении последних нескольких столетий русская лингвокультура и культуронимы постепенно проникали в англоязычную среду благодаря языковым контактам и межкультурной коммуникации [Gritsenko, Aleshinskaya, 2023; Russian English, 2016]. Но несмотря на языковые контакты носители английского языка имеют ограниченное представление о русской культуре. Сегодня для переводчиков и авторов, знающих русский язык и культуру, предоставляется возможность ознакомить англоязычных читателей с элементами русской культуры в своих книгах.

Писатели русского зарубежья первых волн эмиграции – И.А. Бунин, А.М. Ремизов, И.С. Шмелев, В.В. Набоков и многие другие – продолжали свое творчество в эмиграции как представители различных русских диаспор, сохраняющих русский язык и культуру вдали от исторической родины на протяжении более ста лет [Кравченко, 2010; Русское зарубежье. Великие соотечественники, 2018]. Сегодня уже потомки эмигрантов различных волн продолжают передавать свое лингвокультурное наследие в своих

художественных произведениях, как например, американские писатели-эритажники с русскими корнями, такие как Патриция Полакко (Patricia Polacco), Николай Котар (Nicholas Kotar) и Олеся Сальникова-Гилмор (Olesya Salnikova-Gilmore).

Писатели-эмигранты различных волн чаще создавали и создают свои произведения на русском языке, либо на общеупотребительном английском языке с транслингвальными особенностями русского варианта английского языка, ввиду адаптации к новой лингвокультурной среде. В то же время, современные писатели-эритажники, родившиеся и выросшие в иноязычной среде, пишут преимущественно на общеупотребительном (английском) языке как родном, имея превалирующими транскультурные особенности и проявляя транслингвальность, комбинируют гибридные культурные элементы из русского языка с американским вариантом английского языка. Для такого вида писателей легче «фильтровать» или «отключать» транслингвальные особенности в своей англоязычной письменной речи. При этом полностью переключить культуру(ы) и менталитет(ы) невозможно либо чрезвычайно сложно, так как данные психолингвистические феномены исходят из подсознательного уровня бикультурного билингва [Grosjean, 2022]. Двуязычные бикультурные личности способны деактивировать один из своих языков, но не способны деактивировать полностью одну из своих культур при общении в монокультурной среде [Grosjean, 2022]. Происходит своего рода «культурная интерференция» или «культурная трансференция» [Grosjean, 2022: 138].

Таким образом, писатели-эритажники пишут на общеупотребительном языке как родном о культуре своего происхождения, создавая транскультурную литературу. У такого вида билингвов «эритажность» является транскультурным феноменом носителей унаследованного языка и культуры, родившихся и выросших в иноязычной среде [Шафранская, Гарипова, Кешфидинов, 2024]. Такое гибридное англо-русское литературное творчество в интерпретации писателей-эритажников, являющихся как

носителями американского варианта английского языка, так и носителями унаследованного варианта русского языка, способствует обогащению обеих картин мира, что может способствовать расширению мировосприятия у читателя.

2.4. Культурная адаптация и переводческие стратегии

Включение иноязычных слов в новую лингвокультуру, например различные аллюзии и реминисценции, как правило, подразумевает наличие у читателей знания соответствующих реалий [Полубиченко, 2025]. Во многих случаях «чужое слово» передается не в аутентичном виде в процессе адаптации к иной лингвокультуре, а с адаптацией под условия языка перевода [Полубиченко, 2025]. Здесь также стоит обратить внимание на заимствование возвращенное, когда лексемы из одного языка попадают в другой язык, в процессе трансформируясь с новыми значениями, а затем заимствуются в трансформированном виде обратно в исходный язык [Жукова и другие, 2013].

Адаптация представляет собой такой тип трансформации, при котором изменяется предметная ситуация на более понятную для целевой аудитории [Комиссаров, 1990]. Это изменение обусловлено межкультурной асимметрией и чаще всего применяется при передаче реалий в процессе перевода [Гарбовский, 2024].

Переводческие стратегии представляют собой комплекс подходов и методов, используемых для передачи смысла и особенностей исходного текста [Сдобников, 2011; Sdobnikov, 2012; Сдобников, 2022]. Выбор определенного вида стратегии зависит от целей перевода. В теории перевода различают две основополагающие переводческие стратегии: *форинизацию* и *доместикацию* [Krings, 1986; Venuti, 2001]. Стратегия форинизации направлена на сохранение культурных и языковых особенностей исходного текста, чтобы читатель мог ощутить колорит иностранной культуры [Venuti, 1995]. Доместикация, наоборот, адаптирует текст под нормы и традиции языка перевода, делая его более понятным и близким для целевой аудитории [Venuti, 1995].

Одна из задач переводческой деятельности – это преодоление культурных барьеров и асимметрии, которая часто возникает между различными языками и культурами [Pym, 2009]. При адаптации культуры, представленной в исходном тексте с помощью языка перевода, возникает трудность, заключающаяся в выборе подхода, который не только сохранял бы исходное значение текста, но также обеспечивал соответствие нормам перевода в зависимости от социокультурной среды [Pym, 2009; Venuti, 1995]. Для соблюдения этих норм применяются переводческие стратегии [Pym, 2009].

В зависимости от конкретной лингвокультурной обстановки могут использоваться различные переводческие стратегии. Кроме уже упомянутых форинизации и доместикации, существуют и другие типы переводческих стратегий: *коммуникативно-равноценный перевод*, *терциарный перевод* и *переадресация* [Сдобников, 2022]. Эти три стратегии применяют как доместикацию, так и форинизацию в процессе перевода [Сдобников, 2022].

Стратегия коммуникативно-равноценного перевода направлена на сохранение коммуникативного намерения автора исходного текста, чтобы произвести такое же впечатление на целевую аудиторию, сохраняя при этом аутентичность оригинала [Сдобников, 2022].

Терциарная стратегия перевода стремится создать переведенный текст, который отвечает потребностям целевой аудитории, имея другую коммуникативную роль по сравнению с исходным языком, и преследует цель, отличную от цели оригинала [Сдобников, 2022].

Стратегия переадресации сосредотачивается на создании текста, ориентированного на получателя языка и культуры перевода, учитывая особенности данной социолингвистической среды [Сдобников, 2022].

Переводческий анализ исходного текста помогает переводчикам выбрать оптимальную стратегию перевода в зависимости от социокультурного контекста целевой аудитории [Сдобников, 2011]. Таким образом, переводческие стратегии способствуют преодолению культурных

барьеров при переводе иноязычных реалий и концепций на язык перевода. При переводе русских сказок и былин на английский язык в сборниках “In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old Russia” и “In a Certain Kingdom: Epic Heroes of the Rus” Н. Котар часто прибегает к комбинации стратегий форинизации и доместикации в рамках *коммуникативно-равноценного перевода* в целях сохранения коммуникативного эффекта текстов русских сказок и восприятия их англоязычными читателями. При этом автор также в ряде случаев пользуется *стратегией переадресации* для адаптации текста к англоязычной аудитории. Особенно это наглядно прослеживается в его художественных книгах из серии “The Raven Son”.

2.5. Выводы по главе II

Мифопоэтика – культурный и языковой феномен, который отражает глубинные структуры коллективного сознания и служит способом формирования, интерпретации и трансформации культурных смыслов, идентичностей и художественных образов. Представляя собой поэтическое переосмысление мифологических сюжетов и образов в художественной речи, мифопоэтика формирует культурные тексты, наполненные архетипическими значениями и символами. В лингвокультурологическом плане мифопоэтика выступает как носитель «культурных следов», фиксирующих исторически сложившееся восприятие мира, ценностные ориентиры и коллективные представления, которые передаются через язык и тексты.

В отличие от мифа, представляющего из себя первичный культурный базис, мифопоэтика является способом художественного выражения и интерпретации этого базиса в текстах, которые обладают динамичностью и адаптивностью при выражении мифологических сюжетов в различных культурных контекстах. Таким образом, мифопоэтика обеспечивает преемственность культурных кодов, одновременно позволяя их трансформировать в соответствии с изменяющимися условиями социума и сознания.

Философский анализ мифопоэтики выявляет ее связь с онтологией и эпистемологией мифа. Мифы функционируют не просто как набор повествовательных конструкций, но и как символические нарративы, которые формируют мировоззрение, осмысливают бытие и человеческую природу, а также служат инструментом познания реальности, отличным от научного знания. Онтологическая природа мифа заключается в его способности создавать смысловые структуры, которые связывают человека с миром, историей и культурой, формируя его идентичность и социальные связи.

Эпистемологически мифопоэтика представляет собой особую форму знания, основанную на субъективных переживаниях, метафорическом мышлении и символах, что позволяет мифам сохранять актуальность на протяжении эпох и культур. В отличие от рационального научного знания, мифопоэтическое знание не стремится к объективности, но передает глубокие культурные и психологические истины, которые оказывают влияние на восприятие мира и поведение людей.

С точки зрения литературоведения мифопоэтика рассматривается как совокупность поэтических приемов и художественных средств, посредством которых в тексте реализуются мифологические сюжеты и образы. Мифопоэтика выступает как мост между фольклорной традицией и авторским творчеством, позволяя авторам создавать произведения, насыщенные культурными архетипами и символами, которые усиливают эстетическое и смысловое воздействие на читателя.

Связь мифопоэтики с лингвопоэтикой подчеркивает важность языковых средств в создании мифологического пространства текста. Язык художественного произведения становится не просто средством передачи сюжета, а инструментом создания культурных смыслов. Анализ стилистических и семантических особенностей мифопоэтических текстов позволяет выявить закономерности их воздействия на читателя и механизм интеграции мифологических элементов в современную литературу. Таким образом, мифопоэтика в литературоведении выступает как метод

исследования, раскрывающий взаимодействие мифа и художественного слова, что способствует более глубокому пониманию культурных и эстетических процессов в литературе.

Лингвистические аспекты мифопоэтики подчеркивают антропоцентрическую направленность современных исследований языка, в которых язык рассматривается не только как система знаков, но и как отражение культурных и ментальных особенностей носителей. Лингвокультурология как междисциплинарная область изучает взаимосвязь языка и культуры, выявляя, как культурные феномены и историческая память воплощаются в языковых единицах и текстах. Прецедентные феномены, включая прецедентные тексты и имена, играют важную роль в формировании лингвокультурной базы, необходимой для успешной коммуникации и передачи культурного наследия.

Важным элементом лингвокультуры являются прецедентные феномены, которые включают прецедентные тексты, имена и высказывания. Прецедентные тексты, обладающие устойчивым культурным значением и широко известные в языковом сообществе, служат источником для аллюзий, цитат и интертекстуальных связей. Мифы и мифопоэтические тексты выступают в роли таких прецедентных феноменов, обеспечивая культурную преемственность для понимания и интерпретации.

Интертекстуальность является одним из ключевых свойств текстов и культуры в целом. Текст функционирует как элемент культурного пространства, включающий в себя связи с другими текстами, традициями и культурными кодами. Мифопоэтические тексты насыщены аллюзиями и скрытыми ссылками, которые требуют от реципиента наличия соответствующих культурных знаний для их правильной интерпретации.

Тексты, насыщенные мифопоэтическими элементами, становятся носителями «культурной памяти» и инструментом диалога между поколениями и культурами. В условиях межкультурного взаимодействия особое значение приобретает переводческая адаптация мифопоэтических

элементов, связанных с русской лингвокультурой, в английскую и другие культуры. Перевод мифологических и культурно-специфических элементов требует применения различных стратегий – форинизации, доместикации, коммуникативно-равноценного перевода, терциарного перевода и переадресации. Выбор стратегии зависит от целей перевода, социокультурного контекста и особенностей целевой аудитории. Переводческие стратегии, направленные на преодоление языковых и культурных барьеров, позволяют автору сохранить аутентичность исходного текста и одновременно сделать его доступным и понятным для целевой аудитории, обеспечивая таким образом успешную коммуникацию и культурный обмен.

При исследовании текстов одним из предметов изучения являются особенности языковой личности автора, в данном случае, билингвальных и бикультурных писателей, которые воплощают в своем творчестве особенности двух культур и языков. Исследование таких авторов позволяет понять в их творчестве механизмы культурной и языковой трансформации мифопоэтических образов. Художественные произведения билингвальных авторов становятся полем взаимодействия и синтеза культурных кодов, расширяя лингвокультурные границы и обогащая современную литературу. Писатели русского зарубежья и билингвальные авторы, создающие тексты на английском языке с элементами русской лингвокультуры, выступают в роли медиаторов, осуществляя внутренний перевод и культурную трансформацию мифопоэтических образов. Их творчество способствует расширению культурного диалога, обогащению обеих культур и формированию транскультурной идентичности.

Современная антропоцентрическая парадигма в лингвистике и лингвокультурологии подчеркивает важность исследования языка и культуры через призму субъективного опыта носителей языка, их менталитета и культурного опыта. Изучение языковой личности, особенно в случае билингвальных и транскультурных писателей, позволяет понять, как

формируются и трансформируются мифологические образы, культуронимы и аллюзии в процессе авторского творчества. Понимание механизмов мифопоэтической трансформации и культурной адаптации текстов способствует анализу художественных текстов и культурных феноменов, а также улучшению качества перевода и интерпретации культурно-специфических элементов. Это открывает новые перспективы для исследования взаимодействия языка, культуры в авторском творчестве.

Мифопоэтика раскрывает возможности языка для выражения коллективного и индивидуального мировоззрения, служит инструментом творческого осмысления мира, способствуя развитию межкультурного диалога и взаимопонимания.

ГЛАВА III. ОБЗОР И АНАЛИЗ ТВОРЧЕСТВА АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА И ПЕРЕВОДЧИКА Н. КОТАРА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В данной главе дается обзор транскультурного творчества писателя-билингва Николая Котара (Nicholas Kotar), который является носителем унаследованного русского языка. Писатель владеет двумя языками и пребывает одновременно в двух культурах, и вместе с тем ни одна из них не проявляется в «чистом виде», он создает нечто третье благодаря их своеобразному синтезу. Произведения писателя относятся к литературе, вобравшей в себя как русские, так и американские литературные традиции. Образцы англоязычного творчества Николая Котара возникают в результате процесса гибридизации и синкретизма через мифопоэтику русских сказок, других фольклорных жанров и лингвокультуры в текстах книг в жанре фэнтези. Николай Котар знакомит англоязычных читателей с русской лингвокультурой, вызывая интерес к ней и делясь элементами русского языка и культуры.

Примечательно, что Николай Котар в своих литературных произведениях использует *внутренний перевод*. Термин введен Виктором Владимировичем Кабакчи для характеристики языковых операций, используемых билингвом в межкультурной коммуникации при описании иной лингвокультуры [Кабакчи, 2000]. Этот тип перевода выполняется, когда авторы создают оригинальные тексты, которые включают культуронимы из разных культур, что требует принятия решения со стороны автора о том, как преодолеть культурные и языковые пробелы, возникающие в процессе создания и восприятия текста [Кабакчи, Белоглазова, 2022]. В процессе внутреннего перевода автор-билингв обычно применяет различные виды заимствования, такие как калькирование, транслитерацию, транскрипцию, а также описательный перевод и генерализацию. При этом билингв, применяющий внутренний перевод, часто прибегает к комплексному подходу, при котором автор задействует различные способы перевода [Белоглазова, 2018: 57].

Внутренний перевод применяется авторами текстов, передающих иноязычную культуру на родном для автора языке, а также теми, кто описывает родную культуру на втором языке, для которого эта культура является иноязычной [Кабакчи, Белоглазова, 2022]. Внутренний перевод эффективен при применении комплексной стратегии для перевода культуронимов и зависит от точности номинации при формальном заимствовании. Важное значение для эффективности внутреннего перевода имеет доступность номинации, обеспечиваемая пояснениями в виде «роднокультурного аналога, общекультурного гиперонима или описательного оборота» [Белоглазова, 2018: 57; Раренко, 2019: 74]. При этом существенными факторами эффективности внутреннего перевода являются последовательность и системность подхода и его принципов в рамках авторского текста. Также следует отметить важность такого фактора, как «дозирование» сложности текста для восприятия и введение в описание только значимых, культурно-нагруженных лексических единиц» [Белоглазова, 2018: 57].

Так, в мифопоэтическом англоязычном произведении Николая Котара “The Song of the Sirin” («Песня Сирин») встречаются многочисленные лексические и культурологические заимствования, экзотизмы (русизмы), аллюзии из русской лингвокультуры [Kotar, 2017b], что формирует гибридные формы вербальной реализации. Писатель-билингв, создающий оригинальный художественный текст на основе русских культуронимов, эффективно применяет внутренний перевод и учитывает сложность восприятия «культурно-нагруженных лексических единиц» [Белоглазова, 2018: 57]. Николай Котар в ходе применения культуронимов из русской лингвокультуры задействует вышеуказанные операции, которые обычно характерны для внутреннего перевода.

3.1 Николай Котар как писатель-билингв и переводчик

Писатель родился и вырос в Сан-Франциско, штат Калифорния. Николай Котар – потомок русских эмигрантов первой волны, выехавших из России после революции 1917 года через Владивосток в Шанхай [Рожнёва, 2021a]. После некоторого времени пребывания на Филиппинах [Рожнёва, 2021b] вместе с русскоговорящей общиной, которую возглавлял епископ Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский, семья Николая Котара в итоге оказалась в Сан-Франциско, где уже существовала русскоязычная община потомков русских переселенцев из Аляски, которыми еще в 1812 году была основана крепость Росс (Fort Ross) неподалеку от Сан-Франциско. Затем в Сан-Франциско последовали следующие волны иммиграции в XX-XXI вв. [Zaverukha, Bogdan, 2010]. Их потомки смогли сохранить двуязычие и бикультурность благодаря поддерживающей культурно-языковой среде. Стоит отметить, что данный вариант русского языка среди потомков первой волны эмиграции в некоторой степени отличается от современного литературного русского языка в России [Земская, 2001].

Для зарубежного варианта русского языка, встречаемого в диаспорах, как например, в Сан-Франциско, характерны не только трансференция американского английского, но и сохранение и применение русских слов, которые считаются архаичными в современном русском языке. В качестве примера можно выделить обращения, используемые в бытовой речи: *сударь, дама, кавалер, барышня, девица.* Также можно выделить у потомков первой волны эмиграции такие устаревшие выражения и слова, как: *писать пером, воспоминать, аэроплан, уборная, абитуриент* (в значении выпускник школы) [Zaverukha, Bogdan, 2010].

В факультативной школе «Гимназия святых Кирилла и Мефодия» (основана в 1927 году) преподают современный русский язык и церковнославянский, но в некоторых случаях применяется дореволюционная орфография в письменной речи [Zaverukha, Bogdan, 2010].

На своем официальном сайте [Kotar, 2024] Николай Котар кратко говорит о себе, что он родился и вырос в русскоязычном районе (Richmond District), где проживает много потомков разных волн эмиграции. Николай Котар поясняет, что до пяти лет он в основном слышал в кругу семьи и близких знакомых русский язык, который был его первым языком [Kotar, 2024]. Писатель отмечает, что любовь к русской литературе и русским сказкам прививала ему его мать, Мария Котар, по образованию филолог и историк, окончившая Калифорнийский университет Беркли [Рожнёва, 2021a; Рожнёва, 2021c]. Родители Николая Котара, протоиерей Сергий Котар и его супруга Мария Котар, были основателями в 1994 году аккредитованной штатом Калифорния частной православной англоязычной школы – Академии святителя Иоанна Шанхайского (Saint John of San Francisco Orthodox Academy), которая по окончании выдает государственный аттестат и является одной из немногих школ, где преподается русский язык в качестве одного из иностранных языков [Saint John of San Francisco Orthodox Academy: Academics].

Следует отметить, что, кроме Академии святителя Иоанна, в Сан-Франциско есть также факультативная Гимназия святых Кирилла и Мефодия, основанная в 1927 году по примеру семилетних школ дореволюционной России [Zaverukha, Bogdan, 2010]. Ее посещают русскоязычные дети в свободное время после основной школы, что дает возможность семьям сохранить унаследованные русский язык и культуру.

По образованию Николай Котар является русистом-филологом. Он окончил славянскую кафедру по программе «Русский язык и русская литература» в Калифорнийском университете Беркли в 2004 году (Slavic Languages and Literatures, Russian Literature Program, UC Berkeley) [Holy Trinity Orthodox Seminary, Faculty List, Dn. Nicholas Kotar, 2023]. В университете преподавателем Николая Котара был доктор филологических наук, профессор МГУ и Отделения славянских языков и литератур Калифорнийского университета в Беркли, заместитель директора Института

русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Виктор Маркович Живов, написавший ряд работ о языке и культуре русского языка [Slavic Languages and Literature, University of California, Berkeley. Viktor Zhivov, 2023]. В университете научные интересы Николая Котара включали творчество Ф.М. Достоевского и русский фольклор, в том числе сборник «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева.

Интерес писателя к русскому фольклору обусловил наличие в творчестве Николая Котара многочисленных лексических и культурных заимствований, русизмов и аллюзий из русской лингвокультуры.

После окончания университета Николай Котар возвращается в Академию святителя Иоанна, где он преподает семь лет. За это время он и его коллеги организовали творческий кружок под названием *Conquering Time* («Покоряя время») [Kotar, N. Official Website: About, 2023]. В этом кружке проводились музыкальные выступления, литературные вечера, где участники делились своим творчеством. Эти встречи вдохновили Николая Котара начать писать, и он создал свой первый крупный творческий проект под названием “The Raven Son” («Сын ворона»), который лег в основу его первой книги “The Song of the Sirin” («Песня Сирин»), которая была опубликована в 2017 году, а также его других художественных произведений.

Спустя некоторое время, Николай Котар переезжает со своей семьей из Сан-Франциско в Нью-Йорк, поступает в англоязычную православную духовную семинарию в городе Джорданвилль, штат Нью-Йорк и оканчивает ее в 2014 году (Holy Trinity Orthodox Seminary) по программе «Теология». В настоящее время Николай Котар в основном переводит тексты духовного содержания с русского на английский язык для различных издательств, включая Holy Trinity Publications в Джорданвилле, штат Нью-Йорк.

Кроме того, Николай Котар пишет художественные произведения и научно-популярные книги о русской культуре и фольклоре (например: “Heroes for All Time: Stories of Inspiring Heroism from Russian History” [Kotar, 2020b]; “How to Survive a Russian Fairy Tale: How to Avoid Getting Eaten,

Chopped Into Little Pieces, or Turned Into a Goat" [Kotar, 2019b]; "A Window to the Russian Soul: Ancient Folk Wisdom for Modern Life" [Kotar, 2020a]) для англоязычных читателей, а также ведет блог о русской культуре и литературе [Holy Trinity Orthodox Seminary, Faculty List, Dn. Nicholas Kotar, 2023]. В 2020 и 2021 годах Николай Котар создал серию подкастов и опубликовал свои переводы русских сказок и былин в качестве личного проекта "In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old Russia" («В некотором царстве: сказки Древней Руси») и "In a Certain Kingdom: Epic Heroes of the Rus" («В некотором царстве: былинные герои Руси») [Kotar, N. Tomorrow, a new fairy tale podcast, 2020].

Николай Котар отмечает, что современная англоязычная аудитория знакома со сказками братьев Гримм, но многие не знакомы с русскими сказками. Писатель поясняет, что данные подкасты – это переводы русских сказок и былин для англоязычной аудитории, состоящие из двух частей. Первая часть подкаста состоит из самого пересказа, а вторая часть посвящена смысловому и художественному анализу сказки или былины, а также определению их значения в современной жизни человечества [Kotar, N. Introducing: In a Certain Kingdom, 2020].

3.2 Переводческая деятельность Николая Котара с русского на английский: In a Certain Kingdom

В данном разделе дается обзор переводческой деятельности с русского на английский Николая Котара. В его переводах англоязычные читатели знакомятся с русской лингвокультурной традицией через переводы русских сказок и былин. Николай Котар взял на себя задачу перевода и адаптации для передачи русских сказок и былин англоязычным читателям. Серия подкастов, а также начатые в 2020 году и опубликованные в 2021 году книги получили положительные отзывы и были одобрены англоязычной аудиторией [Kotar, N. In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old Russia. Amazon Customer Reviews], [Kotar, N. In a Certain Kingdom: Epic Heroes of the Rus. Amazon Customer Reviews].

Николай Котар подчеркивает важность сказок [Kotar, N. Spiritual Meaning of Stories, 2016] и ссылается на лекцию русского философа-эмигранта Ивана Александровича Ильина «Духовный смысл сказки», прочитанную в 1934 году [Ильин, 1997]. Лекция И.А. Ильина была переведена на английский язык и опубликована в 2019 году Николаем Котаром вместе с другими лекциями и эссе философа в книге “Foundations of Christian Culture” («Основы христианской культуры») [Kotar, 2019a]. В своей лекции «Духовный смысл сказки» И.А. Ильин отмечает: «Не думайте, что сказка есть детская забава, несерьезное дело для умного человека» [Ильин, 1997: 259]. В основе сказок лежит мир образов, и эти образы показывают духовное состояние и национальный характер. Переводы русских сказок и былин Николаем Котаром были выполнены под влиянием прочтения на русском языке сборника русского фольклора Александра Николаевича Афанасьева (Афанасьев, 2021), а также сборника русских народных сказок и былин в обработке Алексея Николаевича Толстого (Русские народные сказки и былины, 2022).

В сборник “In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old Russia” («В некотором царстве: сказки Древней Руси») вошли переводы классических русских сказок, таких как «Сказка об Иване-царевиче и сером волке», «Перышко Финиста – Ясна сокола», «Василиса Прекрасная», «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка» и многие другие [Kotar, 2021b].

Вскоре после публикации вышеупомянутой книги был издан сборник “In a Certain Kingdom: Epic Heroes of the Rus” («В некотором царстве: былинные герои Руси»). В этой книге представлены переводы классических былин ранней средневековой Руси: «Детство Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Свадьба Добрыни Никитича» и др. [Kotar, 2021a]. Ниже рассматриваются англоязычные сборники сказок и былин, а также переведенные и пересказанные для англоязычной аудитории одноименные подкасты с 2020

года “In a Certain Kingdom” («В некотором царстве»), которые передают русскую картину мира на английском языке.

Сборник “In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old Russia”

В переводах Николая Котара из книги “In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old Russia” [Kotar, 2021b] англоязычные читатели могут найти ряд культуронимов из лингвокультуры русского фольклора.

Сказка “The Tale of Ivan the Prince and the Grey Wolf”

King Berendei *(Царь Берендей)* – это одна из версий имени правителя. В русских сказках существует несколько других вариантов имени правителя, таких как царь Выслав Андронович, царь Демьян Данилович или просто «царь». В этом случае переводчик основывается на русском тексте А.Н. Толстого (Русские народные сказки и былины, 2022). В данном переводе сказки «Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» (Русские народные сказки и былины, 2022) Н. Котар применяет стратегию доместикации в титуле правителя, используя “King” (Король) вместо “Tsar” (Царь). Русский же колорит, экзотичный для англоязычного читателя, передан собственным именем Berendei.

Ivan the Prince, Prince Ivan *(Иван–царевич)* **–** главный герой многих русских сказок. Также применена стратегия доместикации в переводе титула «царевич» на английский язык “Prince”. Что касается личного имени героя, то здесь используется обратная стратегия.

- “In the morning, Ivan came to his father. ‘Well, my dear ***Vaniusha***, did you see the thief?’” (Kotar, 2021b: 2). – «Наутро Иван пришел к отцу. – Ну, дорогой мой *Ванюша*, видел ли ты вора?».[2]

Vaniusha *(Ванюша)* – уменьшительная форма от имени Ивана (аналогично Джонни – уменьшительной форме имени Джон в английском языке). Н. Котар применяет форинизацию и транслитерирует уменьшительную форму имени на английский язык “*Vaniusha”* с суффиксом

[2] Перевод произведений Николая Котара на русский язык здесь и далее автора дис., С.-М.В. Чемодановой.

-iush и с флексией *-a*. Англоговорящие читатели замечают изменение в написании “Ivan” на вариант “Vaniusha" и связывают вариацию имени с помощью корней “–van” и “Van–”. Читатели с помощью применения прилагательного “my dear” (мой дорогой) интерпретируют Vaniusha (Ванюша) как уменьшительную форму имени Ivan (Иван).

King Aphron *(Король Афрон)* – персонаж в одной из версий русской сказки «Сказка об Иване-царевиче и сером волке». По-русски его называют царь Афрон, однако переводчик, применяет стратегию доместикации, заменяет титул «царь» его англоязычным эквивалентом “king” (король) для англоговорящих, которые могут не знать титул правителя “tsar” (царь) и титул его сына “tsarevich” (царевич). Интересно отметить, что он использует греческую форму орфографии – пишет через *ph*, а нетранскрибирует как *Afron.*

The living water and the dead water *(Живая вода и мертвая вода)* – часто встречается в русских сказках и используется для того, чтобы вернуть к жизни главного героя после его смерти. Вначале используется мертвая вода, чтобы заживить раны, а затем – живая вода, чтобы воскресить героя из мертвых.

- “Go, raven, go find the *living water and the dead water*. <…> *Whether he traveled long or short*, the raven brought the living water and the dead water” (Kotar, 2021b: 8). – «Лети ворон, найди *живую воду и мертвую воду*. <…> *Долго ли, коротко ли* летел ворон, он принес живую и мертвую воду».

  Калькируется с русского начало второго предложения (как присказка), при этом используется в английском переводе катафорическое местоимение, не свойственное современному русскому языку, а для английского языка катафора – норма. Здесь автор-переводчик применяет доместикацию. В этом же примере фраза “***Whether he traveled long or short*** <…>” соблюдает русскую конструкцию исходного текста, кроме местоимения («*Долго ли* ворон летал, *коротко ли*, принес он живой и

мертвой воды…») (Русские народные сказки и былины, 2022), возможно, в поэтических целях.

"*In a certain kingdom, in a certain land, there lived…*" («*В некотором царстве, в некотором государстве жил был…*») (Kotar, 2021b: 1). Настоящая форинизированная фраза, аналогична фразе из англоязычных сказок "Once upon a time in a faraway land there lived…" – «Однажды в далекой стране жил-был…» в английском языке.

Сказка заключается калькированной фразой *"**And they lived together, with no sorrow ever darkening their days**"* (букв.: *И они жили вместе, и никакая печаль никогда не омрачала их дней*) (Kotar, 2021b: 9). Здесь перевод использует прием расширения и отличается от исходного текста: «*И стали они жить-поживать да горя не знать*» (Русские народные сказки и былины, 2022).

Сказка "Marya Morevna, the Wondrous Queen"

Marya Morevna, the Wondrous Queen (Марья Моревна, прекрасная королевна) – одна из героинь в русских сказках. В этом примере Николай Котар транслитерирует имя «Марья Моревна» в "Marya Morevna", таким образом он применил стратегию форинизации. Но он заменил титул «прекрасная королевна» на англоязычный эквивалент "the Wondrous Queen" (что переводится, как *чудесная королевна*).

Koshchei the Deathless (Кощей Бессмертный) – один из главных антагонистов в русском фольклоре. Этот персонаж всячески стремится избежать смерти и прячет свою душу в игле, которая хранится в заколдованных предметах [Кабакчи, 2023]. В русском фольклоре он крадет красивых молодых женщин. В русском фольклоре существуют различные легенды об этом персонаже. К примеру, что он происходит от Чернобога, хранителя загробного царства [Жучкова, Галай, 2015]. Николай Котар транслитерирует имя Кощей на английский язык "Koshchei" и калькирует прозвище «Бессмертный» – "the Deathless", хотя в английском языке

варьируется номинация данного персонажа синонимом “the Immortal” (без смерти) [Кабакчи, 2023: 174].

Фразеологизм «Не видать как своих ушей» (Электронная версия словаря А.И. Фёдорова «Фразеологический словарь русского литературного языка», 2008) встречается в английском переводе сказки **– “*to never again see* <…> *just as you’ll never see your own ears*”** (Kotar, 2021b: 13). Автор-переводчик сборника применяет стратегию форинизации и калькирует русский фразеологизм вместо применения доместикации и замены на английский эквивалент “to kiss something goodbye” (буквально: поцеловать что-нибудь на прощание) (Cambridge Dictionary, 2025).

- “Thank you, Ivan the Prince!” said Koshchei the Deathless. *“Now you will never again see Marya Morevna, just as you’ll never see your own ears!”* (Kotar, 2021b: 13). – «Спасибо, Иван-царевич! – молвил Кощей Бессмертный. – Теперь ты никогда *больше не увидишь* Марью Моревну, *как своих ушей*!».

В вышеуказанном примере переводчик сохраняет русское устойчивое сочетание «Не видать как своих ушей», сохраняя этот же смысл в английском языке. Фраза может показаться необычной для англоязычного читателя, хотя понятной по значению, тем самым она придает русский колорит всему нарративу. В заключении сказки о Марье Моревне приводится широко распространенная англоязычная идиома: *“And they lived happily ever after”* (Kotar, 2021b: 17). – «И жили они долго и счастливо». В этом примере переводчик применяет стратегию доместикации при переводе в завершающей фразе в англоязычных сказках. В исходном тексте используется стандартная русская народная фраза: «И стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать» (Русские народные сказки и былины, 2022).

Сказка “The Feather of Finist the Bright Falcon”

Стоит обратить внимание на семантическое сужение названия сказки, где переводчик делает фокус на *соколином пере* в словосочетании “The

Feather of", а не на антропониме "Finist the Bright Falcon". В переводе сказки «Финист Ясный сокол» переводчик калькирует русский фразеологизм «куда глаза глядят» (Фразеологический словарь русского литературного языка, 2025). Здесь присутствует некоторая семантическая трансформация: в русском языке подчеркивается физическое сенсорное действие, в английском языке – предполагается кинематическое действие, своего рода метонимический перенос.

- "I will go," she said, "***wherever my eyes lead me***!" (Kotar, 2021b: 27). – «*Я пойду, – сказала она, – куда глаза глядят*!»

В английском языке кинематическая схема присутствует в двух глаголах: "go" и "lead". Русский язык проявляет себя более имплицитно (высококонтекстный язык).

Также англоязычная аудитория знакомится с калькированной фразой из русских народных сказок: «Избушка, избушка на курьих ножках, повернись к лесу задом, ко мне передом!» (Даль, 1989: 380):

- *"**Hut! Hut! Stand with your back to the forest and your front towards me**"* (Kotar, 2021b: 28). – «*Избушка! Избушка! Встань к лесу задом, а ко мне передом*».

В переводе сказки «Финист Ясный Сокол» встречается транслитерация русского междометия ***"Foo!"*** («Фу!»). С помощью форинизации переводчик сохраняет междометие «фу» из русского дискурса, похожее на междометие "ew" в английском языке. Однако, переводчик заменяет «русский дух» в английском языке на "Russian blood" (русская кровь).

- "*Foo, foo, foo!* For years uncounted I did not have to smell the stink of *Russian blood*" (Kotar, 2021b: 28). – «*Фу, фу, фу!* В течение многих лет мне не приходилось чуять *русский дух* (букв.: русскую кровь)».

В данном контексте сочетание "Russian blood" является адекватным переводом фразы «русский дух». С другой стороны, возможно, Н. Котар подтверждает давний стереотип о различиях американской и русской культур: первая ориентирована на материальное, вторая – на духовное.

Переводчик апеллирует к ценностям принимающей культуры. Таким образом автор-переводчик применяет доместикацию на примере фразы из английской сказки «Джек и бобовое дерево»: *"*Fee fie foe fum, *I smell the blood of an Englishman"* (Jack and the Beanstalk, 2025). – «Фи-фо-фам, *я чувствую запах крови англичанина*».

Сказка "Vasilissa the Beautiful"

В переводе сказки «Василиса Прекрасная» также повторяется русское междометие *"Foo!"* («Фу!»), которое по-английски обычно передается местоимением "Ew!". Н. Котар применяет стратегию форинизации, используя русское междометие в англоязычном тексте. С помощью пояснительной фразы "It smells!" («Пахнет!») англоязычные читатели понимают русское междометие.

- "*Foo! Foo!* It smells!" (Kotar, 2021b: 37). – «*Фу, фу*! Плохо пахнет!».

Николай Котар в своих переводах русских сказок применяет форинизацию и сохраняет транслитерацию имени персонажа Бабы-яги – Baba Yaga.

- "***Baba Yaga*** arrived from the forest. She sat in her *mortar*, hurrying herself along *with her pestle*, brushing away her tracks with a broom" (Kotar, 2021b: 36). – «*Баба-яга* вернулась из леса. Она сидела *в ступе*, торопливо двигаясь с помощью *пестика* и заметая следы метлой».

Переводчик также сохраняет классические атрибуты Бабы-яги, применяя доместикацию в словах "mortar" (ступа) и "pestle" (пестик).

- "*Baba-Yaga sat in her mortar* and flew off, hurrying herself along *with her pestle*, and brushing away her tracks with a broom" (Kotar, 2021b: 38). – «*Баба-яга села в ступу* и полетела, отталкиваясь *пестиком* и заметая следы метлой».

Автор-переводчик сборников также сохраняет характерную в русском языке манеру обращаться к старшему поколению вежливым словом «бабушка», которое Василиса адресует Бабе-яге несмотря на отсутствие какого-либо родства. Как правило, в англоязычных странах данный вид

обращения используется только тогда, когда женщина является родственником, таким обращением можно даже обидеть собеседника. Нижеуказанный пример демонстрирует транслингвальность и стратегию форинизации в переводе, где англоязычные читатели сталкиваются с необычным для английского языка обращением.

- “Come and see, *grandmother*! said Vasilissa” (Kotar, 2021b: 38). – «Идите и посмотрите, *бабушка*! – сказала Василиса».

Н. Котар применяет стратегию форинизации, сохраняя русскую пословицу «много будешь знать – скоро состаришься» (Толковый словарь современных разговорных фразеологизмов и присловий, 2025) в английском переводе текста. Для англоязычной аудитории данное выражение незнакомо, но по смыслу понятно.

- “***If you know too much, you’ll get old faster****!*” (Kotar, 2021b: 39). – «Если ты будешь слишком много знать, ты быстрее состаришься!».

Вышеуказанный русский перевод демонстрирует трансформацию русской фразы в английском переводе Н. Котара. Обычно в русском языке используется фраза: «*Много будешь знать – скоро состаришься*» (Даль, 1984b: 69).

В следующем примере переводчик применяет стратегию доместикации, используя английскую идиому “head over heels in love” (Cambridge Dictionary, 2025) вместо русских фраз «влюбиться без памяти», «влюбиться по уши» (Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений, 1999).

- “As soon as the king saw Vasilissa the Beautiful, he *fell head over heels in love* with her” (Kotar, 2021b: 42). – «Как только король увидел Василису Прекрасную, так и *влюбился в нее по уши*».

Сказка “The Frog Princess”

В названии сказки «Царевна-лягушка» Н. Котар использует доместикацию, применяя английский титул “princess” (принцесса) вместо транслитерации русского титула «царевна».

Здесь также можно отметить перестановку слов: в русском языке слово «лягушка» выступает как синтаксическое необособленное приложение в постпозиции, в английском – “frog” – препозитивное синтаксическое определение.

Еще одно русское междометие, которое встречают англоязычные читатели, – это “***Kwaa-kwaa***” (ква-ква) вместо англоязычного местоимения (ribbit-ribbit). В данном случае Н. Котар использует форинизацию, хотя писатель передает русское междометие английской буквой “w” вместо буквы “v”.

- “*Kwaa-kwaa*, Ivan the Prince! Why are you so sad?” (Kotar, 2021b: 44). – «*Кваа-кваа*, Иван-царевич (буквально: Иван-принц)! Почему ты такой грустный?».

Автор также калькирует русскую фразу «Баба-яга – костяная нога» (Большой словарь русских поговорок, 2007). Переводчик к калькированной фразе добавляет предлог “with”.

- “Oh, *Baba Yaga with the bony leg*!” (Kotar, 2021b: 49). – «*Баба-яга с костяной ногой*».

Сборник “In a Certain Kingdom: Epic Heroes of the Rus”

В сборнике переводов книги и подкаста “In a Certain Kingdom: Epic Heroes of the Rus” (Kotar, 2021a) читатели и слушатели знакомятся с культуронимами.

Былина “How Ilya Muromets Received Sviatogor’s Sword”

Ilya Muromets (Илья Муромец) – антропоним из русских былин, например, в сказании «Как Илья Муромец получил меч Святогора» (Былины: сборник, 2020), который Н. Котар сохраняет, используя форинизацию. Также переводчик применяет русскую уменьшительную форму в английском тексте. В примере ниже Николай Котар сохраняет суффикс “-ush-” («-уш-»), которое рассматривается как ласкательное обращение родителей к взрослому сыну.

- “Then ***Ilyusha*** asked the blessing of his parents” (Kotar, 2021a: 7). – «Тогда *Илюша* попросил благословения у родителей».

Также еще одной вариацией имени Ильи Муромца является применение отчества с помощью стратегии доместикации. Вместо “Ivanovich” (Иванович) переводчик адаптирует для англоязычных ***“Ivan’s son”*** (Иванов сын/сын Ивана), как это видно в примере:

- “My name is *Ilya Muromets*, *Ivan’s son*, I wanted to see the great Sviatogor for myself” (Kotar, 2021a: 11). – «Меня зовут *Илья Муромец*, *Иванов-сын*, я хотел сам увидеть великого Святогора».

Переводчик сохраняет кальку русской пословицы «не по дням, а по часам» (Даль, 1989: 380) в английском переводе текста. Для англоязычных читателей – это не привычная фраза, но весьма понятная по смыслу.

- “The foal ***grew not by days, but by hours***” (Kotar, 2021a: 8) – «Жеребёнок *рос не по дням, а по часам*».

Sviatogor (Святогор) – былинный герой, с которым знакомятся англоязычные читатели. Имя *Sviatogor* состоит из: “*Sviat-*” (свят-), “-о-” (интерфикс, соединительная гласная между корнями) и “*gor*” (-гор), то есть «священная гора». Переводчик применяет стратегию форинизации, транслитерируя имя, но также Н. Котар использует пояснительный перевод. У читателей из контекста предложения возникает ассоциация имени “Sviatogor” (Святогор) с его характеристикой “mountainous warrior”.

- “Go to the great *Sviatogor*, the mountainous warrior” (Kotar, 2021a: 10). – «Ступай к великому *Святогору*, воину размером с гору».

Bogatyr*:* в переводах существует две формы множественного числа этого культуронима – *bogatyrs* и *bogatyri.*

- “<...> He envies the *bogatyrs* of the plains” (Kotar, 2021a: 10). – «...Он завидует *богатырям* равнин».

Грамматический вариант “bogatyrs” соответствует форме множественного числа английского языка, в то время как “bogatyri” соответствует форме множественного числа русского языка.

- “Well known was that city for its warriors of old, for the ***bogatyri***, led by Ilya Muromets and Dobrynia son of Nikita” (Kotar, 2021a: 36). – «Известен был этот город своими древними воинами, *богатырями* во главе с Ильей Муромцем и Добрыней, сыном Никиты».

Cossack – в контексте перевода автор-переводчик использует в качестве контекстуального синонима лексеме “bogatyr”. Применение историзма “cossack” (казак) является контекстной синонимией и, возможно, отражением стереотипа казака в американском менталитете, то есть он представляется на коне, мощным, с оружием в руках [Gerhart, 2001; Кабакчи, 2023].

- “And the old *cossack*, Ilya Muromets, rode on his horse once again” (Kotar, 2021a: 54). – «А старый *казак* Илья Муромец снова поехал на своём коне».

В следующих примерах автор переводов былин применяет ряд синонимичных номинаций в стратегии доместикации: “great warrior” (великий воин) (Kotar, 2021a), “warrior of old” (воин былых времен) (Kotar, 2021a), “my warrior fair” (мой прекрасный воин) (Kotar, 2021a), “warrior true” (истинный воин) (Kotar, 2021a), а также форинизацию для художественного разнообразия “fair knight” (прекрасный рыцарь) (Kotar, 2021a).

Былина “Dobrynia Nikitich and the Dragon”

Dobrynia Nikitich – один из былинных героев. Знакомя читателей с этим персонажем, переводчик транслитерирует отчество «Никитич» на английский язык – “Nikitich”.

- “And so *Dobrynia Nikitich* returned home victorious after the fight with the wyrm” (Kotar, 2021a: 42). – «И вот *Добрыня Никитич* вернулся домой победителем после битвы с червем».

Однако в другом случае переводчик применяет стратегию доместикации **“son of Nikita”** (сын Никиты) вместо “Nikitich” (Никитич).

- “Oh, you great warrior, *Dobrynia*, *son of Nikita*!” (Kotar, 2021a: 32). – «О ты, великий воин, *Добрыня, сын Никиты*!».

В переводах Н. Котар чередует форинизацию и доместикацию, чтобы пояснить значение «Никитич» англоязычным читателям незнакомым с отчествами. Также переводчик сохраняет и передает уменьшительную форму имени Добрынюшка: “***Dobryniushka***, my love, young *Nikitich*” (Kotar, 2021a: 44). – «*Добрынюшка*, любовь моя, молодой *Никитич*». В данном примере форинизация перевода реализуется путем транслитерации уменьшительной формы имени “Dobrynia” (Добрыня) в “Dobryniushka” (Добрынюшка) из исходного текста с сохранением ласкательного обращения и усилением его “<...> my love, young Nikitich” (Kotar, 2021a: 44) для англоязычного реципиента.

Burka – персонаж из русских сказок, который не знаком многим англоязычным читателям. В контексте сюжета англоязычные читатели узнают, что Бурка – это лошадь “the best horse” (лучшая лошадь) (Kotar, 2021a: 34). Н. Котар сохраняет в своих переводах транслитерацию «Бурка» и показывает, что это существо женского рода.

- “And *Burka* stamped like her life depended on it” (Kotar, 2021a: 34). – «И *Бурка* топала так, как будто от этого зависела её жизнь».

В следующем примере читатели также сталкиваются с уменьшительной формой “*Burushka*” (Бурушка):

- “***Burushka*** will jump and stamp even more” (Kotar, 2021a: 34). – «*Бурушка* будет прыгать и топать ещё больше».

Уменьшительный суффикс “-ushk-” может показаться необычным и, возможно, вначале непонятным для англоязычных читателей, не знающих русского языка. Однако сохранившийся корень “Bur-” в имени “Burka” помогает читателям установить связь между данной уменьшительно-ласкательной формой этого антропонима в контексте былины.

Zmei Gorynich – дракон из русских сказок и былин. Н. Котар также переводит этот антропоним как “foul snake” (буквально: мерзкая змея) и использует средневековое написание “wyrm” (червь), которое в английском

языке является метонимией (метонимическим синонимом) для слов “dragon” (дракон) или “serpent” (змей).

- *“*A great dragon alighted with three heads. *Zmei Gorynich* the monster, no longer a legend, but a beast with red eyes” (Kotar, 2021a: 32). – «Спустился великий дракон с тремя головами. Чудовище *Змей Горыныч*, более не легенда, а чудовище с красными глазами».

Также переводчик, применяя форинизацию, сохраняет уменьшительную форму ***“Zmeiushka-zmei”*** в обращении.

- “Tell me, *Zmeiushka-zmei*, so mighty and strong” (Kotar, 2021a: 39). – «Скажи мне, *Змеюшка-змей*, такой могучий и сильный».

В этом примере переводчик также использует суффикс “-ushk-”. Англоязычные читатели приходят к выводу на основе похвалы “so mighty and strong” о том, что уменьшительная форма “Zmeiushka-zmei” (Змеюшка-змей) в данном контексте не создает ощущения искренности, а скорее лести, чтобы обхитрить этого персонажа.

3.3. Оригинальное англоязычное художественное творчество Николая Котара, основанное на русских сказках и былинах в книжной серии Raven Son Series

В серии произведений Николая Котара, относящихся к жанру эпического фэнтези, таких как “The Song of the Sirin” («Песня Сирин») (Kotar, 2017b), “The Curse of the Raven” («Проклятие ворона») (Kotar, 2017a), “The Heart of the World” («Сердце мира») (Kotar, 2018), “The Forge of the Covenant” («Заключение завета») (Kotar, 2019c), “The Rusted Blade” («Ржавый клинок») (Kotar, 2019d), “The Throne of the Gods” («Трон богов») (Kotar, 2020c), “The Son of the Deathless” («Сын бессмертного») (Kotar, 2022), содержится множество лексических и культурных заимствований, культуронимов, антропонимов, экзотизмов (русизмов), поговорок из русских сказок, а также аллюзий, относящихся к русской лингвокультуре. Включение элементов русских сказок и других фольклорных жанров в англоязычное повествование

позволяет транскультурному автору и писателю-переводчику знакомить читателей с элементами славянской лингвокультуры посредством сочетания и гибридизации английской и русской литературных традиций в мифопоэтической литературе. Николай Котар использует внутренний перевод при создании ряда своих англоязычных произведений, передавая русизмы читателям, которым эти лексические единицы могут быть незнакомы. Приведенные ниже примеры культуронимов, встречающихся в художественных произведениях автора, демонстрируют использование писателем-билингвом внутреннего перевода. Русский перевод каждого примера приводится с целью продемонстрировать мифопоэтическую трансформацию этих культуронимов.

Ниже приводятся критерии классификации и примеры англоязычного описания русской культуры в художественных текстах, созданных писателем билингвом-эритажником. Выбор примеров обусловлен необходимостью продемонстрировать вербальную реализацию русской лингвокультуры через мифопоэтическую трансформацию англоязычного художественного текста писателем-билингвом Николаем Котаром. Приведенные ниже примеры англоязычного описания русской культуры относятся к области интерлингвокультурологии, рассматривающей иноязычное (англоязычное) описание русской культуры в рамках межкультурной коммуникации [Кабакчи, Белоглазова, 2022].

Предлагается ряд критериев классификации культуронимов из русской лингвокультуры. Настоящие критерии классификации культуронимов делятся на следующие три группы:

1) **тематическая и семантическая классификация мифонимов** (указывает на то, что именно писатель-билингв заимствует из русской культуры);

2) **переводческая классификация** (поясняет, какие операции внутреннего перевода Н. Котар использует в своих художественных книгах-фэнтези);

3) **классификация собственных неологизмов и трансформаций автора** (называет лингвистические способы их создания).

Данные критерии систематизируют проведенный анализ художественного творчества Н. Котара.

3.3.1 Тематическая и семантическая классификация мифонимов – заимствований из русской культуры

В настоящем разделе содержатся тематическая и семантическая классификации культуронимов, заимствованных из русской культуры, в том числе мифонимов, различных реалий из фольклора, средневековых культуронимов, бытовых культуронимов и др. Классификация культуронимов состоит из следующих пяти разделов:

I. 3.3.1.1. Обращения и титулы
II. 3.3.1.2. Обряды, ритуалы и праздники
III. 3.3.1.3. Предметы русского быта
IV. 3.3.1.4. Одежда, обувь и головные уборы.
V. 3.3.1.5. Антропонимы

3.3.1.1. Обращения и титулы

В данном разделе рассматриваются культуронимы, относящиеся к обращениям и титулам из древней и средневековой Руси, которые были заимствованы Н. Котаром в его художественном творчестве.

Sudar

По-русски *“sudar”* (сударь) – это устаревшее вежливое обращение к мужчине из привилегированных слоев общества, эквивалентный “sir” (сэр) или “lord” (лорд) в английском языке. Этимологически слово восходит к более полной форме «государь», в которой был отброшен первый слог. В Российской империи обращение «сударь» использовалось для обращения к представителю среднего или высшего класса. В книге “The Song of the Sirin” слово *“sudar”* используется как уважительное обращение к кому-то из

неопределенного социального класса. После применения русизма *"sudar"* в произведении следует объяснительный перевод. Для современного носителя русского языка слово «сударь» звучит архаичным, хотя этот историзм возродился в годы перестройки и сейчас иногда используется, например в сети кафе быстрого питания «Теремок», где пытаются возродить народные традиции.

- "***Sudar***," said the merchant, using *the honorific of respect* for a person of indeterminate social class, "may I ask what you intend…?" All the ladies gasped in unison as the Pilgrim dropped both urns to the ground" (Kotar, 2017b: 33). – *«Сударь*, – обратился купец, используя *уважительную форму обращения* к лицу неопределенного социального положения, — могу ли я спросить о ваших намерениях…? — Все дамы одновременно ахнули, когда Странник бросил оба пустых сосуда на землю».

Voevoda

"*Voevoda"* (воевода) – в средневековой Руси это был военачальник [Kotar, 2020b]. В книге "The Song of the Sirin" («Песня Сирин**»)** для передачи этого русизма писатель применяет стратегию форинизации, то есть отстранение перевода, без объяснительного перевода, позволяя читателям расшифровать значение слова «воевода» из контекста сюжета. Стратегия форинизации сохраняет элемент экзотизма для англоязычных читателей по сравнению с русским переводом, в котором *«*воевода*»* является знакомым культуронимом для русскоязычных читателей.

- "Suffice it to say that had I not been ***Voyevoda***, had I not seen death and torture firsthand, I would have done as they wanted and run screaming for the hills, whipping up the populace with the nameless fear" (Kotar, 2017b: 33). – «Достаточно сказать, что если бы я не был *воеводой*, если бы я не видел смерти и пыток воочию, я бы сделал, как они хотели, и побежал бы с криком в горы, подгоняя народ безымянным страхом».

В следующем примере читателю становится более-менее ясно значение слова *voyevoda* благодаря предложному сочетанию с псевдогеографическим топонимом ***Vasyllia****: государство Василлия.*

- “Acolytes lit and scented censers, and the smoke rose to accompany the chant offered on behalf of the fallen ***Voyevoda of Vasyllia*** <...>” (Kotar, 2017b: 322). – «Аколиты зажгли и воскурили кадильницы, и поднялся дым в сопровождении пения, возносимого за павшего *воеводу государства Василлия* <...>».

Vohin

Также на протяжении всей книжной серии «Сын Ворона» (“The Raven Son” series) встречается слово «воин». Хотя оно не является титулом, а обозначает вид деятельности (человек, который служит в армии, тот, кто сражается с врагом), в творчестве Николая Котара этот культуроним используется как титул, а не как должность. Писатель использует стратегию форинизации во внутреннем переводе лексемы – «воин» (vohin). Интересна форма этого слова – по всей видимости, вставка английской буквы *H* обусловлена удлинением гласного «о» и разделением слова на два слога: (*voh-in)*. Этот культуроним используется на протяжении всего произведения с минимальным применением объяснительного перевода, и таким образом, воспринимается англоязычным читателем как мистический славянский титул.

В книге “The Son of the Deathless” («Сын бессмертного») читатели в рамках предлагаемого автором контекста узнают значение слова “Vohin” (воин) с помощью слова “rank” (ранг).

- “My rank is ***Vohin***” (Kotar, 2022: 36). – «Мой ранг – *воин*».

В тексте книги “The Heart of the World” («Сердце мира») встречается также множественное число ***Vohini*** *(воины)*, сохраняющее окончание русской формы множественного числа, как видно в последующем примере. В данном примере англоязычные читатели делают связь между русским

словом *Vohini* и английскими словами “guards” (охранники), “helmets” (каски), “leather jerkins” (кожаные куртки).

- **“*Vohini*,”** said Voran, in a commanding voice. <...> Both of *the guards stood up*. They straightened their *helmets* and brushed down their *leather jerkins* (Kotar, 2018: 218). – «*Воины!* — молвил Воран командным голосом. <...> Оба *стражника встали*. Они поправили *шлемы* и отряхнули свои *кожаные куртки*».

Knyaz

Писатель транслитерирует русское слово «князь» на английский язык “knyaz” вместо применения широко распространенного аналога “prince” [Кабакчи, 2023: 316]. В следующих примерах наблюдается применение древнерусского титула ***князь***:

- “As ***knyaz***, ***I grant you*** safe passage through these lands for the space of twelve hours” (Kotar, 2018: 258). – «Как *князь*, *я дарую вам* безопасный проход через эти земли на двенадцать часов».

В следующем примере прослеживается транскультурное заимствование русского слова “knyaz” (князь) и английского слова “knight” (рыцарь) во множественном числе.

- “He had been recently promoted to head of the ***knyaz’s*** household ***knights***” (Kotar. 2018: 367). – «Недавно его назначили главой придворных *рыцарей князя*».

Читатели, которые не знают значения этого русского слова, могут по контексту понять смысл этого слова – человек, имеющий власть – по фразам:

- “As ***knyaz***, I grant you” («Как князь, я разрешаю тебе») и “the ***knyaz’s*** household knights” («придворные рыцари князя»).

Также в предложении, приведенном ниже, читатели понимают смысл слова ***knyaz*** – «правитель» с помощью словосочетания *“have your own knyaz”* («заведи своего собственного князя») (Kotar. 2018: 380-381), “*will choose you for her next knyaz”* («выберет тебя своим следующим князем») (Kotar. 2018: 380-381).

- “Return to your New Nebesta. <...> Have your own ***knyaz***.” <...> “I know that ***Veches*** are fickle and dangerous affairs. But I wish you luck. I hope Nebesta will choose you for her ***next knyaz*** (Kotar, 2018: 380-381). – «Вернитесь в свою Новую Небесту. <...> Выберите своего *князя*». <...> «Я знаю, что *вече* не постоянно и опасно. Но я желаю вам удачи. Надеюсь, Небеста выберет тебя своим *следующим князем*».

Писатель также создает неологизм “***knyaz-elect***” (будущий избранный князь) при упоминании еще одного русского культуронима – вече, который более детально рассматривается в разделе 3.3.3 Неологизмы и трансформы автора в авторском мифотворчестве (подраздел 3.3.3.5 Трансформированные аллюзии к русской истории).

- “As you all know, I have the ancient right to declare myself as ***knyaz-elect***, for the consideration of the ***Veche***” (Kotar, 2018: 129). – «Как вы все знаете, у меня есть древнее право объявить себя *избранным князем* на рассмотрение *вече*».

3.3.1.2. Обряды, ритуалы и праздники

В этом разделе рассматриваются различные русские народные обряды, ритуалы и праздники, которые заимствует писатель в своем художественных произведениях.

Loaf of bread with salt

В славянской культуре часто было принято встречать почетных гостей караваем хлеба с солью на рушнике: ***“loaf of bread in an embroidered white towel, with a wooden cup of salt”*** (Kotar, 2017b: 153). Предполагалось, что гости обмакнут кусочек хлеба в соль и съедят его. В следующем примере из произведения “The Song of the Sirin” писатель применяет объяснительный перевод и генерализацию реалий “*loaf of bread*” вместо транслитерации «каравай» и “*embroidered white towel*” вместо «вышитый белотканый рушник».

- “Five longboats waited on the shore, and a small group of Vasylli—or so they seemed by their dress, even if it was a little outmoded—greeted us. Svetlomír was at their head, carrying a ***loaf of bread*** *in an embroidered white towel,* ***with a wooden cup of salt*** in the middle” (Kotar, 2017b: 153). – «На берегу ждали пять баркасов, и нас встретила небольшая группа из Василлии — так они казались по одежде, хотя и немного старомодной. Во главе шел Светломир, неся *каравай хлеба на вышитом белом рушнике*, с деревянной солонкой посередине».

Feast of the Larks; Zhavoronki

Встречается аллюзия на русскую народную традицию праздника «***Жаворонков***» (или «***Сороки***», как было принято называть в народе) [Киктенко, 2023], когда пекут хлебные изделия в виде птиц. Этот праздник символизирует приход весны и скорого празднования Пасхи [Gerhart, 2001: 332]. Писатель применяет внутренний перевод, описывая общие характеристики этой русской народной традиции, как видно в следующем примере. Стоит отметить, что в данном примере автор не заимствует русский культуроним «жаворонки» в описании булочных изделий, а генерализирует словосочетанием “bird-shaped breads” (хлеба в форме птиц) [Ботякова, 2025].

- “It was already passing high noon, and the ***spring*** festivities were reaching a boiling point <...> By now, hundreds of ***bird-shaped breads*** hung from every tree <...> The more breads the women baked—and the ***more realistic they were—the faster spring would come***” (Kotar, 2018: 76). – «Уже близился полдень, *и весенние* праздники достигли точки кипения <...> К этому моменту на каждом дереве висели сотни *хлебов в форме птиц* <...> Чем больше хлебов пекли женщины и *чем реалистичнее они были, тем быстрее наступит весна*».

Kulik-kulik! Birds of fire!

Писатель-билингв заимствует русское народное стихотворчество. Читатели, знающие русский язык, заметят, что автор заимствует и транслитерирует слово «кулик» из русского языка вместо того, чтобы

использовать английский перевод этой птицы “wader”. В творчестве писателя также эта песня служит призывом весны, как в русском фольклоре.

В приведенной ниже таблице предлагается в качестве сопоставления оригинал русской народной песни и адаптированный на английский язык текст песни в художественной книге “The Heart of the World” («Сердце мира»).

Текст оригинальной весенней детской песни из русского фольклора, которую пели в качестве призыва весны (Пропп, 2021b: 58); (Шейн, 1900: 337).	Заимствование весенней песни в художественной книге Николая Котара “The Heart of the World” («Сердце мира») (Kotar, 2018: 42).
«Летел ***кулик*** ***Из-за моря,*** ***Принес*** *кулик* *Девять замков.* *Кулик, кулик,* ***Замыкай*** *зиму*, *Замыкай зиму*, ***Отпирай*** *весну —* Теплое лето». (Шейн, Великорус, № 1175) (Шейн, 1900: 337; Пропп, 2021b: 58).	“***Kulik-kulik***! Birds of fire! Bring to me my heart’s desire ***Bring*** *nine locks* ***from over-sea****.* ***Lock up*** *winter’s gates for me. Kulik-kulik*! Birds of fire! Bring to me my heart’s desire *Bring nine locks from over-sea.* ***Unlock*** *the doors of spring-to-be”* (Kotar, 2018: 42).

Как видно в представленной таблице, перевод сохраняет общую структуру русского оригинала, но с некоторыми изменениями.

Фраза из исходного текст «*Из-за моря, / Принес кулик / Девять замков*» (Шейн, 1900: 337; Пропп, 2021b: 58) передается в переводе “*Kulik-kulik! Bring nine locks from over-sea*”. Интересно отметить, что в русском тексте –

прошедшее время (*принес)*, но в английском Н. Котар применяет повелительное наклонение (*bring*). Возможно, данная трансформация была сделана писателем-билингвом в поэтических целях при переводе на английский язык. Но далее в русском оригинале также используется повелительное наклонение: «*Замыкай* зиму» – "*Lock up* winter's gates" (Kotar, 2018: 42), «*Отпирай* весну» – "*Unlock* the doors of spring-to-be" (Kotar, 2018: 42).

Также приводятся поэтические дополнения в английском тексте: "Birds of fire!" (Птицы огня!), "Bring to me my heart's desire" (Принеси мне желание моего сердца). Читатель, знающий русский язык, заметит повтор русского слова «кулик» (*Kulik-kulik*). Но англоязычный читатель, не знающий русский язык и значение этого слова, скорее воспримет фразу "Kulik-kulik" в качестве восклицания, а не как название определенного вида птицы. Также сразу после сочинительного словосочетания "Kulik-kulik" читатели обратят внимание на фразу "Birds of fire*"* (птицы огня). В сознании англоязычных читателей возникнет образ птицы Феникс. Но у русскоязычных читателей эта фраза будет скорее ассоциироваться с образом Жар-птицы.

The burning of the effigy

В сюжете книги "The Song of the Sirin" («Песня Сирин») встречается ритуал *сжигания чучела* – отголосок весеннего языческого обряда масленицы, символизирующего новое начало [Gerhart, 2001].

- "It was an ***effigy of a young woman with a long braid***, carried on a stick by a boy with red cheeks. It was the size of a house. Ribbons flew from every conceivable place on the effigy, in all colors ever seen by man." <…> "*Burn away the old*! Make way for the new!" (Kotar, 2017b: 209). – «Это было *чучело девушки с длинной косой*, которую нес на палке мальчик с красными щеками. *Чучело было размером с дом*, ленты развивались со всех сторон, они были различных цветов, когда-либо виденных человеком». <…> «*Сожгите старое*! Уступите место новому!»

Писатель применяет внутренний перевод при объяснении этой традиции, описывая заимствованный образ чучела размером с дом в виде молодой женщины с длинной косой, украшенной многочисленными лентами разных цветов.

Ritual of mourning the bride

Также встречается аллюзия к русскому обряду *оплакивания невесты* и прощания с прежней жизнью [Kotar, 2020a: 8–9]. В своей научно-популярной книге “A Window to the Russian Soul” («Окно в русскую душу») [Kotar, 2020a], а также в своем лингвокультурном онлайн-блоге Николай Котар описывает семантику и символику свадебного обряда [Kotar, 2016]. На протяжении всей свадебной подготовки девушки оплакивали невесту как умирающую для своей прошлой жизни, таким образом подготавливая ее к будущей новой замужней жизни [Kotar, 2020a].

В художественной книге “The Song of the Sirin” («Песня Сирин») Николай Котар, как видно в следующих примерах, описывает ритуал «причитания» невесты, проводимый вместе с ее подругами. Сам англоязычный текст составлен автором-билингвом на основе русских народных свадебных причитаний [Кузнецова, 1993; Толстая, 2015].

В данном примере подруги невесты начинают ритуал причитания:

- “Away, away! Avert your eyes,
  The sacred distance don’t despise
  For now’s the time ***the bride must die***
  To all her past. ***Cry****, nightingale,* ***cry****!*” (Kotar, 2017b: 206-207).
  – Буквально: «Прочь, прочь! Отведи глаза,
  Священную даль не презирай.
  Настало время, когда невеста должна умереть
  Для всего ее прошлого. *Плачь*, соловей, *плачь*!»

В следующем отрывке содержится ответ-причитание самой невесты:

- “Oh, ***my single braid, my single braid****!* <...>
  Is it time for my braid to be split?” Lebía keened, almost ***wailing***.

“Is it ***time to part from my father’s house***?” (Kotar, 2017b: 206-207).

– Буквально: «О *моя единая коса, моя единая коса*! <...>

Неужели *пришло время разделить мою косу*?» Лебия завыла, почти *плача*. «Разве *пришла уже пора расстаться с отцовским домом*?».

В вышеуказанном примере читатели знакомятся с существующим на Руси обычаем: незамужние девушки волосы заплетали в одну косу – “my single braid” (моя единая коса). Последующая фраза “Is it time for my braid to be split?” (Kotar, 2017b: 206-207) описывает народный обряд, когда невеста накануне свадьбы расплетала свою косу, символизируя прощания с девичеством. Затем замужние женщины на Руси заплетали свои волосы в две косы и покрывали голову головным убором, что было символом социального статуса замужества [Сорокина, 2025; Символ девичьей красы, 2025].

Как видно в цитате из книги “The Song of the Sirin”, персонаж завершает свое причитание типичной фразой из народных свадебных причитаний: “Is it time to part from my father’s house?” (Kotar, 2017b: 206-207). Настоящая фраза в различных вариациях в народном творчестве стала клише и предвещала новый жизненный этап девушки: замужество и семейную жизнь в доме мужа.

Стоит отметить, что в текстах народных свадебных причитаний можно часто встретить обращение к различным видам птиц, как например «малая пташечка», «черная галочка», «кукушка», «соловей» и другие [Кузнецова, 1993: 113]. По народным поверьям душа невесты, как душа покойника, перевоплощается в образ птицы, связывающей мир живых и мир мертвых. Птицы служили посредниками между этими мирами. Поэтому весьма часто можно встретить различные упоминания птиц в различных видах обрядов оплакивания [Кузнецова, 1993: 113].

3.3.1.3. Культуронимы из русского быта

Животные

borzoi

Примером внутреннего перевода русизма, присутствующего в произведении “The Song of the Sirin”, может быть слово ***“borzoi”*** (борзая) – это русская порода собак, которую дворяне держали для охоты [Кабакчи, 2023]. Само слово “borzoi” было заимствовано в английский язык во второй половине XIX века (Etymonline: Borzoi, 2024), но тем не менее оставалось малоизвестным словом для носителей английского языка (Cambridge Dictionary, 2025).

В этом примере Николай Котар применяет стратегию форинизации в использовании слова напрямую, сохраняя экзотизм, но добавляет “hunter”, что поясняет характеристику этой породы. Писатель в своем тексте использует форму мужского рода «борзой» вместо женского рода «борзая», как это привычно в английском языке.

- “He lay by the hearth in the sleeping embrace of three *hunter-borzoi*” (Kotar, 2017b: 366). – «Он лежал у очага в объятиях трех спящих *охотничьих борзых*».

Для того, чтобы читатель понял, что значит это слово *“borzoi”,* автор добавил гипероним *“hunter”* (охотник)*,* подчеркивающий функцию этой собаки. Однако некоторая загадка для читателя все же осталась, ибо этот английский гипероним относится не только к животным, но и к людям. В книге этот культуроним упоминается один раз.

Tabun of horses

Писатель заимствует слово *«табун»* (татар.) (Даль, 1994b: 708), которое еще не вошло в узус английского языка, что делает его для англоязычных читателей необычным.

Но в рамках контекста книги словосочетание *“**tabun of horses**”* становится понятным собирательным понятием множества лошадей. Таким образом, писатель применяет стратегию форинизации в своей книге “The Heart of the World” («Сердце мира»), применяя слово «табун» из русского языка вместо английского аналога “herd” (буквально: стадо).

- “A giant head, covered by a peaked helmet the size of a small mountain. It seemed to sprout from a set of shoulders so massive that Khaidu’s ten brothers, their wives and children, their entire *tabun of horses*, and their yurts could have fit in their shadow” (Kotar, 2020c: 42). – «Гигантская голова, покрытая остроконечным шлемом размером с небольшую гору. Казалось, она вырастала из таких массивных плеч, что в их тени могли бы поместиться десять братьев Хайду, их жены и дети, весь их *табун лошадей* и юрты».

Meryn

Писатель в книге “The Throne of the Gods” («Трон богов») также заимствует из русского языка слово «мерин» (монгол.) (Даль, 1994b: 836). Само слово в русском языке имеет несколько значений. Первый лексико-семантический вариант этого слова – «кастрированный жеребец» (Ожегов, 1985: 298). Но также данное слово имеет переносное значение: «тот, кто говорит неправду («врет как сивый мерин»), либо неумен («глуп как сивый мерин»)» (Ожегов, 1985: 298). Автор, используя это слово в переносном значении, сначала применяет стратегию форинизации, знакомя англоязычных читателей с формой незнакомого слова. Затем он применяет объяснительный перевод при трактовании значения слова с помощью словосочетания “swear word” (ругательство), “insult” (оскорбление) и “castrated horse” (кастрированный конь). Русскоязычные читатели, возможно, обратят внимание на заимствование данного просторечия.

- “Shut up, *meryn*.” Voran laughed. *Meryn* was an old Vasylli *swear word*, *meaning* “*castrated horse*”. “You do realize that’s a Vasyllian *insult*, yes?” “Do you?” said another guard. “Fair point,” said Voran. The guards chuckled (Kotar, 2020c: 101). – «Заткнись, *мерин*». Воран рассмеялся. *Мерин* – старое *ругательство* василлийцев, означающее «*кастрированный конь*». «Ты же понимаешь, что это *оскорбление* василлийцев, да?» «А ты?» – спросил другой охранник. «Справедливое замечание», – сказал Воран. Охранники захихикали».

Horses will fly

Писатель заимствует английскую идиому “When pigs will fly” (Merriam Webster, 2025) – буквально «когда свиньи полетят», то есть «когда рак на горе свистнет» (Большой словарь русских поговорок, 2007) вместо русского аналога идиомы. Но заменяет существительное “pigs” (свиньи) на “horses” (лошади). Такое заимствование образа лошади писатель применяет в своей книге “The Heart of the World” («Сердце мира»), ссылаясь на культуру степных кочевников в эпоху Древней Руси.

- “She made the sign that meant *horses will fly* before that day comes” (Kotar, 2018: 2). – «Она сделала знак, который означал, что *лошади улетят* еще до того, как этот день настанет».

Русская кухня

Red caviar

Автор заимствует широко распространенный культуроним из русской культуры – ***“red caviar”*** (красная икра), который является одним из знаковых деликатесов русской кухни [Кабакчи, 2023]. Также встречаются русские приправы *“**dill and parsley**”* (укроп и петрушка). Вероятно, Н. Котар использовал название этого русского блюда (блины с икрой) как стереотипного наименования, ассоциируемого с русской культурой за рубежом.

- *“*Thick, buttery *pancakes slathered with red caviar* - fit to burst, *adorned with dill and parsley”* (Kotar, 2017b: 191). – «Толстые маслянистые *блинчики, намазанные красной икрой*, которая вот-вот лопнет, *посыпанные сверху укропом и петрушкой*».

Bread with a slab of cheese and lard

В книге “*The Son of the Deathless”* («Сын бессмертного») читатели знакомятся с различными культуронимами из русской кухни, как например «сало», как видно в приведенной ниже цитате. Употребление сала – часть южнорусской гастрономической традиции. Особенно любят его есть с хлебом, хотя существуют разные применения сала в качестве еды [Gerhart,

2001]. Стоит отметить, что употребление сырого сала не характерно для американской кухни, в которой привычнее использовать сало во время жарки [Fincher, 2021]. Русскоязычные читатели, возможно, обратят внимание на то, что в примере персонаж готовит бутерброд с салом и сыром, что не является характерным для русского стола. В следующем примере автор-билингв задействует стратегию доместикации и вместо транслитерации “salo” (сало) использует английское слово “lard” (свиной жир, смалец).

- “He saw Elania <…> warming a piece of old ***bread with*** *a slab of cheese and* ***lard*** on it. The lard crinkled, wafting a sweet-salty smell” (Kotar, 2022: 11). – «Он увидел, как Элания <…> греет кусок старого *хлеба, на котором лежал сыр и сало*. Сало сморщилось, раздавая сладко-соленый запах».

Возможно, что русские читатели обратят внимание на нетипичное употребление “slab of cheese and lard” (кусок сыра с салом). Здесь, конечно, речь идет о цельном куске сала, нетопленом.

Chaga

Следующий пример – это культуроним «чага». Писатель применяет объяснительный перевод, таким образом поясняя общие характеристики этого гриба читателям, для которых это слово незнакомо, с помощью словосочетания “bitter” (горький) и “healthy fungus” (полезный гриб).

- “Mother, I think we’re low on *chaga*,” said Adelaida, her mouth unconsciously curling with distaste merely at the thought of the *bitter, but very healthy fungus*” (Kotar, 2019c: 2). – «Мама, мне кажется, у нас кончается *чага*», – сказала Аделаида, невольно скривив рот от отвращения при одной мысли о *горьком, но очень полезном грибе*».

Chanterelles, Little foxes

В книге “The Forge of the Covenant” («Заключение завета») писатель заимствует слово, называющее определенный вид грибов, – «лисички» (Kotar, 2019c). По-английски такой вид гриба называется “chanterelles” (заимствование из французского). Н. Котар также калькирует русское

названия гриба “little foxes” (буквально – «маленькие лисята / лисички»), как видно в следующем примере. Русскоязычные читатели сразу обратят внимание на данное калькированное словосочетание, в то время как для англоязычных читателей это словосочетание будет необычным в узусе, но весьма понятным по оранжевой окраске гриба, возможно напоминающей окраску лисы.

- “He held a full bucket of *chanterelles*. <...> ***Little foxes,*** the locals called them” (Kotar, 2019c: 4). – «В руках у него было полное ведро *лисичек*. <...> Так местные жители называли их – *маленькими лисятами*».

Mead

Как видно из следующего примера, писатель применил стратегию доместикации англоязычного названия “mead” (от старого английского слова “medu”, которое было заимствовано еще до XII века от протогерманского корня “meduz–” – напиток из мёда) [Encyclopedia Britannica: Mead, 2023; Oxford English Dictionary: Mead Definition, 2025] вместо транслитерации русского варианта напитка “medovukha” (медовуха). Интересно отметить, что оба слова “mead” и “medovukha” сохранили корень в вариациях “mead-” / “med-”, встречаемый в русском слове «мёд», и имеют первоначальный праиндоевропейский корень “medhu-”, который вошел во многие индоевропейские языки [Origin and History of Mead, 2025].

Само английское слово “mead” в XX–XXI веках стало реже использоваться [Origin and History of Mead, 2025] и скорее встречается в современных английских переводах англосаксонских поэм, как например “Beowulf” [Encyclopedia Britannica, 2023], и в германо-скандинавской мифологии, как например легенда “The Mead of Poetry”, – буквально «поэтический мёд» или «мёд поэзии» [Mark, 2019].

- “The eldest son carried a frothing tankard of *mead* carved in the shape of a mallard” (Kotar, 2017b: 37). – «Старший сын нес пенящуюся кружку с *медовухой*, вырезанную в форме кряквы».

У древних славян, кроме вырезанной из дерева посуды в виде водоплавающих птиц, в качестве посуды для розлива напитков применялись также рога [Древнеславянская керамика, 2023].

- “*A large horn full of mead* was also shared by all” (Kotar, 2017b: 39). – «*Большой рог, полный медовухи*, также был разделен на всех».

3.3.1.4. Культуронимы: одежда, обувь и головные уборы.

Н. Котар часто заимствует наименования различных видов одежды, характерной для средневековой Руси. В произведениях из серии “Сын Ворона” (Raven Son series) читатели узнают о следующих элементах русской одежды.

Kaftan

На протяжении всех книг читателям встречается слово *“kaftan”* (кафтан). Данный культуроним, как правило, на Руси означал мужскую верхнюю одежду. Это слово происходит от персидского слова “khaftān” [Кабакчи, 2023]. Первоначально слово «кафтан» вошло в русский язык через тюркские языки и относится к тюркизмам, несмотря на то что изначально слово было заимствовано из иранского языка.

В русский язык слово «кафтан» вошло в XV веке (Черных, 1993b). В «Большом энциклопедическом словаре» дается современное определение кафтана: «старинная верхняя одежда с глубоким запáхом и длинными рукавами» (Большой энциклопедический словарь: онлайн версия, 2025). В последующем примере словосочетание “over-sleeves” создает классический образ кафтана:

- “He tied the over-sleeves of his *kaftan* behind his back and rolled up the sleeves of his undershirt” (Kotar, 2018: 78). – «Он завязал за спиной длинные рукава *кафтана* и закатал рукава нижней рубахи».

В следующем примере словосочетание “were wearing kaftans on top of their best mail” (Kotar, 2020c: 195) создает у читателей образ своего рода длинного жилета без рукавов, который часто надевали как верхнюю одежду

в средние века. Английское слово “mail” (кольчуга) дает читателям понять военный статус персонажей.

- “Rogned, Voran, and Yarpolk were wearing their finest and cleanest *kaftans on top of their best mail*” (Kotar, 2020c: 195). – «Рогнед, Воран и Ярполк были одеты в свои лучшие и чистейшие *кафтаны поверх лучших кольчуг*».

В данном примере писатель применяет объяснительный перевод для передачи экзотизма, соответствующего русской средневековой одежде.

- “Voran put on his finest *kaftan—sleeveless*, the collar and shoulders tipped with rabbit fur—and tried to brush the dirt off his boots” (Kotar, 2017b: 108). – «Воран надел свой лучший *кафтан без рукавов*, с воротником и плечами, отороченными кроличьим мехом, и попытался стряхнуть грязь со своих сапог».

Tall beaver hats

В книге “The Song of the Sirin” («Песня Сирин») также встречается аллюзия на одежду бояр – *горла́тные шапки:* высокие головные уборы «сшитые из лоскутков меха, который брался из-под горла бобра, соболя или куницы» (Сомов, 1996: 102), и верхнюю одежду с широкими и длинными рукавами, напоминавшую верхние боярские кафтаны (boyar coat).

- **“**The men, in *tall beaver hats and wide*, *sweeping coat-sleeves*, barely looked at them before passing on to the more important business of the day” (Kotar 2017b: 31). – «Мужчины в *высоких бобровых шапках* и *верхней одежде с широкими рукавами* едва взглянули на них, прежде чем перейти к более важным делам дня».

В данном примере писатель применяет описательный перевод и генерализацию *tall beaver hats* вместо *горлатные шапки* и *wide, sweeping coat-sleeves* вместо *кафтаны с широкими рукавами*. Стоит отметить, что данный пример редкий случай, когда писатель применяет стратегию доместикации при передаче культуронима *кафтан*, таким образом, он чередует обе стратегии.

Rough shoes woven from tree bark, Bark Shoes

В русском обиходе широко использовались «лапти» (*"rough shoes woven from tree bark", "bark shoes"*) в качестве каждодневной обуви, которую плели из березовой коры.

В своей англоязычной книге писатель применяет объяснительный перевод и генерализацию в описании этого культуронима, опуская слово «лапти». Для читателей, знакомых с русской народной бытовой культурой, англоязычное описание этой обуви указывает на то, что это лапти.

- "He wore a nondescript grey robe, and ***rough shoes woven from tree bark*** peeked out from the tattered hem" (Kotar, 2017b: 192). – «На нём было невзрачное одеяние, а из рваного подола выглядывала *грубая обувь, сплетённая из древесной коры*».

В нижеуказанном примере читатели знакомятся с процессом изготовления лаптей. Писатель в данном примере также применяет генерализацию, используя словосочетание *bark shoes* (обувь из коры) вместо транслитерации *lapti* русского слова лапти.

- "She began to plait a new set of ***bark shoes***, humming to herself" (Kotar 2018: 76). – «Она стала плести новую пару *обуви из коры*, напевая про себя».

Red sarafans and bare feet

Читатели знакомятся с русским словом «сарафан». Само слово *sarafan* вошло в английский язык в конце XVIII века [Кабакчи, 2023], но используется крайне редко. Николай Котар применяет внутренний перевод при описании образа данной народной одежды. Стоит обратить внимание на красный цвет сарафанов.

В русском языке красный цвет часто ассоциируется с красотой и означает «красивый». В качестве примера можно привести устаревшее русское обращение «красна девица», в значении «красивая девушка» (Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, 1992).

При виде словосочетания “bare feet” (босые ноги) у читателя возникает образ крестьянских детей и девушек, изображенных на картинах XIX века.

- “They looked no different from Ghavanite maidens in ***red sarafans*** *and bare feet* <...>” (Kotar 2018: 46). – «Они ничем не отличались от *босоногих* гаваньских девиц *в красных сарафанах* <...>».

Прически и головные уборы

Headscarves with temple rings. The tell-tale single braid.

В художественных книгах Николай Котар ссылается на обычай замужних женщин покрывать волосы платком с «височными кольцами» – “*headscarves with temple rings*”, как было принято в старину [Артефакт – проект Минкультуры России: Височное кольцо, 2025].

Также он ссылается на обычай незамужних девушек заплетать волосы в единую косу (*single braid*), как видно из следующего примера.

- “The married women in *headscarves with temple rings*, the young women with their hair unbound or in the *tell-tale single braid* regarded them with smiles <...>” (Kotar, 2017b: 31). – «Замужние женщины *в платках с височными кольцами* и девушки с распущенными волосами, либо с одной *заплетенной косой* смотрели на них с улыбками <...>».

A braid from the top of his head

Писатель также ссылается на историческую мужскую прическу – нечто среднее между казачьим чубом и косой викингов, при этом у мужчин были выбриты виски.

- “A patch of dark, shoulder length hair sprouted in *a braid from the top of his head*, while the area of his temples all the way around his head was shaved completely” (Kotar, 2019c: 44). – «Прядь темных волос до плеч была заплетена в *косу на макушке*, а виски по всей длине головы были полностью выбриты».

Sable-edged eyebrows

Николай Котар заимствует народный фразеологизм «соболиные брови», то есть густые, темные брови у девушки (Толковый словарь Ушакова, 1940).

- "She wasn't exotic in her beauty. There was nothing storybook about her. No *sable-edged eyebrows* or hair like flowing gold or eyes blazing like diamonds or any of the other repeated phrases from the old tales" (Kotar, 2022: 72). – «Она не была экзотично красива. В ней не было ничего сказочного. Никаких *соболиных бровей*, или струящихся золотистых волос, или глаз, сверкающих, как бриллианты. У нее не было ничего того, что выражают обычными стереотипными фразами в сказках».

Читатели, владеющие русским языком, узнают эту фразу, но и англоязычные читатели, не знающие русского языка, воспримут фразу, возможно, как комплимент в данном контексте.

3.3.1.5. Антропонимы

Русский колорит произведений Н. Котара создается также за счет использования типично русских имен. В настоящем разделе рассматриваются имена собственные из русского языка.

Aglaia

Антропоним "*Aglaia"* (Аглая) – аллюзия к русской лингвокультуре. Он первоначально вошел в русский язык из греческого языка (святая Аглаида (Ἀγλαΐα) III–IV вв.) (Островский, 2014: 339–340). Аглая – широко распространенное имя в русской культуре прошлых веков. В следующем примере Аглая, мать главного героя, решает собрать *ягоды рябины (rowan berries)* – распространенной ягоды в русском фольклоре.

- "*Aglaia* stood in the doorway, wrapped up against the cold, stopping for a moment before going out to pick the last of the *rowan berries* before winter" (Kotar, 2017b: 367). – «*Аглая* стояла в дверях, закутавшись от холода.

Она остановилась на мгновение, прежде чем выйти, чтобы собрать последние *ягоды рябины* перед приходом зимы».

Следующий пример демонстрирует лингвокультурную гибридность сочетания русского имени с английским титулом “lady” (леди), таким образом соединяющим две лингвокультуры.

Но в то же время создается авторское мифотворчество, состоящее в возможности персонажа книги, Аглаи, менять облик, как видно в следующем примере.

- “Actually, the *wolf was a princess of Vasyllia*, but in her other form. Whatever form she chose, ***Lady Aglaia*** of the excessively strong character never did have any patience for simply being. Come to think of it, she never had any patience at all. Ever. Not even a little bit” (Kotar, 2020c: 41). – «На самом деле *волчица была принцессой Василлии*, но в другой ее форме. Какую бы форму она ни выбрала, *леди Аглая* с чрезмерно сильным характером никогда не терпела простого существования. Только подумайте, у нее совсем не было терпения. Ни капли».

Николай Котар изображает Аглаю в одеянии с русскими элементами. Словосочетание “ancient queen of Vasyllia” (древняя королева Василлии) создает образ царственности и величественности этого персонажа.

- “*Aglaia* stood in her human form, dressed like an *ancient queen of Vasyllia*—in layer upon layer of heavy gold fabric, her curling, grey hair elaborately intertwining with a *circlet of gold, from which temple rings of swans in flight* drooped and tinkled. She had found her human form again, it seemed (Kotar, 2020c: 259). – «*Аглая* стояла в своем человеческом облике, одетая, как древняя королева Василлии, – в многослойной тяжелой золотой ткани, ее вьющиеся седые волосы искусно переплетались с *золотым обручем, с которого свисали и звенели височные кольца летящих лебедей*. Казалось, она снова обрела свой человеческий облик».

В данном случае также создается симбиоз русской и английской лингвокультур с применением русского имени “Aglaia”, английского титула “queen” и головных украшений средневековой Руси – височных колец (*temple rings*). Височные кольца в виде летящих лебедей *(swans in flight)* также являются аллюзией к образу лебедя из русских сказок (например царевна-Лебедь) и ласкательному обращению «лебедушка».

Vera

В своем художественном творчестве Николай Котар заимствует личное имя *Вера* – это русский перевод греческого имени *Πίστιος* (Пистис). Переведенное имя Вера вошло в древнерусский обиход в IX веке вместе с другими двумя, также заимствованными, именами II века: Надежда – Ἐλπίς (Элпис) и Любовь – Ἀγάπη (Агапе) (Островский, 2014: 61–62).

- “*Vera*’s heart did a somersault” (Kotar, 2019d: 95). – «Сердце *Веры* вздрогнуло».

Стоит отметить, что русский вариант имени Вера вошел в англоязычный мир в конце XIX века и стал использоваться среди англоязычных людей в XX веке (Behind the Name: Vera, 2024). При этом для англоязычного читателя, знакомого с латынью, имя Вера скорее будет ассоциироваться со значением слова “правда” от латинского “verus” (truth), “vera” (true), чем со значением слова “вера” (faith) и соответствующим англоязычным вариантом имени Faith (Вера), которое является редким сегодня.

Pelaghia

Писатель заимствует распространенное в русской народной культуре имя Pelaghia (Пелагея), которое сегодня используется редко и имеет архаичную коннотацию.

- “So when the purple morning marked the start of *Pelaghia*’s labor-pains, you will forgive her if she was not entirely thrilled” (Kotar, 2022: 2). – «Поэтому, когда пурпурное утро ознаменовало начало схваток *Пелагеи*, вы простите ей, что она не была в полном восторге».

Николай Котар адаптирует орфографию имени для английского читателя. Вместо транслитерации Pelageya он пишет имя Pelaghia через характерное написание в английском языке “gh”.

Pitirim the village idiot

Николай Котар также заимствует русское имя Питирим (Pitirim). Англоязычные читатели, возможно, вспомнят Питирима Сорокина – русско-американского философа-социолога. В современном русском обиходе данное имя встречается весьма редко. Но в Российской империи имя Питирим широко использовалось особенно в клерикальной среде [Островский, 2014].

Писатель-билингв заимствует и транслитерирует имя Питирим для персонажа *Pitirim the village idiot* из книги “The Son of the Deathless” («Сын бессмертного») – юродивого старца, который скрывал прозорливость необычным поведением. Писатель применяет стратегию доместикации и адаптирует русское понятие «юродивый» (yurodivyi) [Кабакчи, 2023] в более понятное словосочетание для англоязычных читателей “village idiot” (буквально: деревенский идиот).

В следующих двух примерах писатель применяет внутренний перевод при описании данного адаптированного понятия, варьируя номинацию “village idiot” (юродивый деревни) словосочетаниями “secret wise man” (тайный мудрец) и “hid his smarts under a blanket of craziness” (буквально: прятал свой ум под покровом безумия).

- “<...> *Pitirim the village idiot* (and *secret wise man*, as only a few knew), was the crown of their hopes (Kotar, 2022: 2). – «<...> *Питирим*, *юродивый деревни* (и *тайный мудрец*, как знали лишь немногие), был венцом их надежд».
- “He saw *Pitirim*, the old man who *hid his smarts under a blanket of craziness*” (Kotar, 2022: 11). – «Он увидел Питирима, старика, *скрывающего свой ум под покровом безумия*».

The foolish Eremei

Англоязычные читатели знакомятся с русским именем *Еремей* (Eremei), которое происходит от имени библейского пророка Иеремии. Писатель применяет стратегию форинизации, вместо того чтобы использовать англоязычный вариант имени Jeremiah, таким образом знакомя читателей с русским вариантом имени. Как видно из примера ниже писатель также заимствует образ главного персонажа Емели-дурачка из русской сказки «По щучьему велению», но заменяет имя Емеля на Еремей – “foolish Eremei” (глупый Еремей). В примере также замечается аллюзия на изображение передвижения на печи Емели, героя сказки «По щучьему велению».

- “The ancient Vasylli had tales about children born on such days. The tale of the *foolish Eremei* who defeated an army while *sitting on top of a stove*” (Kotar, 2022: 2). – «У древних жителей Василлии были сказания о детях, рожденных в такие дни. История о *глупом Еремее*, который разгромил армию, *сидя на печи*».

Andry

Н. Котар также заимствует русский вариант имени «*Андрей*» вместо использования английского варианта Andrew. Писатель видоизменяет орфографию на английском языке. Вместо “Andrey” или “Andrei” он пишет “*Andry*”. Имя «Андрей» означает «сильный» и «мужественный» [Behind the name: Andrew, 2025].

В следующем примере из книги “The Son of the Deathless” («Сын бессмертного») писатель косвенно поясняет смысл этого имени фразой “a strong name” (сильное имя) и существительным “strength” (сила).

- “*Andry* <…> A strong name. Good. <…> He’s going to need that strength” (Kotar, 2022: 6). – «*Андрей* <…> Сильное имя. Хорошо. <…> Ему понадобится эта сила».

Irene, Kira, Aglusha

В данном примере читатели замечают наличие трех имен «Ирина», «Кира» и деминутив «Аглуша» из русского ономастикона. Читатели,

знающие русский язык, заметят, что писатель адаптировал имя Ирина к англоязычному варианту имени “Irene” (произносится по-англ. Айрин), но сохранил транслитерацию имени «Кира» вместо использования англоязычного написания имени “Kiera” или “Keara” (Behind the Name: Kiera, 2025). Таким образом автор знакомит англоязычных читателей с редким для английского языка вариантом написания имени. Настоящий транскультурный пример антропонимов проявляется в диминутиве «Аглуша» вместо имени «Аглая».

- “There were muffled sounds of shushing and the rustling of long skirts. *Irene* and *Kira* were comforting *Aglusha* now” (Kotar, 2022: 21). – «Послышались приглушенные шорохи и шелест длинных юбок. *Ирина* и *Кира* утешали *Аглушу*».

Читатели, знающие русский язык, сделают связь между диминутивом “Aglusha” с первоначальной формой имени собственного, в то время как англоязычный читатель, не знающий русского языка, возможно, не поймет, что «Аглуша» и «Аглая» – это одно имя.

Alienne

Писатель в настоящем примере адаптирует к английскому языку русское имя «Алёна», меняя орфографию на “Alienne” в поэтических целях. Древнерусское имя Алёна происходит от греческого имени «Елена» (Ἑλένη) и означает «сияющая» (Суперанская, 2005). В примере автор дает прозвище этому персонажу “*the Golden Lady*” («Золотая леди»), что бросает свет на этимологию имени Елена. В русском переводе нижеуказанного примера происходит орфографическая трансформация “Alienne”.

- **“***Alienne, the Golden Lady*” (Kotar, 2019c: 86). – «*Алёна, золотая леди*».

Nadzeia

Автор заимствует белорусский вариант слова и имени Надежда – «Надзея» (Russian-Belarusian dictionary, 2025). Как видно на этом примере, писатель применяет внутренний перевод в самом тексте, давая дефиницию имени:

- “She was a girl-child named *Nadzeia*. <...> *her name. It meant hope”* (Kotar, 2018: 179). – «Это была девочка по имени *Надзея* <...> *вот ее имя. Оно означает надежда*».

Написание “Nadzeia” вместо “Nadezhda” возможно покажется необычным для русскоязычных, не знающих белорусского аналога. Но для англоязычных читателей оба варианта имени будут необычными как корреляты более привычного англоязычного аналога этого имени – “Hope”.

Rogned

В книге “The Throne of the Gods” («Трон богов») читатели встречаются с аллюзией на историческую личность Рогнеды из русских летописей [История России, 2015]. Читатели, знающие русский язык и русскую историю, заметят, что писатель трансформировал женское имя Рогнеда в мужскую форму Rogned (Рогнед).

- “*Rogned*, prince of Karila, balanced on the tip of the highest point in his land” (Kotar, 2020c: 1). – «*Рогнед*, князь Карилы, балансировал на вершине самой высокой точки своих земель».

В вышеуказанном примере писатель применяет английское слово “prince” вместо слова «князь», таким образом применяя стратегию доместикации. Но автор сочетает этот титул с трансформированным именем “Rogned”.

Veles

В книгах-фэнтези Н. Котара “The Heart of the World” («Сердце мира») и “The Throne of the Gods” («Трон богов») автор заимствует антропоним *Велес* из восточнославянской мифологии [Мифы народов мира, 1991].

- “The looming shadow resolved into the familiar – far too familiar – stone-shouldered form of *Veles*, the *royal bodyguard*” (Kotar, 2018: 43). – «Надвигающаяся тень превратилась в знакомую – слишком знакомую фигуру *Велеса*, *царского телохранителя*, с мощными плечами словно из камня».

В произведениях писателя персонаж “*Veles*” («Велес») – не языческий бог из восточнославянских мифов [Славяне: мифы и предания, 2023], а сильный человек-воин, что демонстрирует мифопоэтическую антропоморфную трансформацию. Писатель в следующих примерах дает положительную характеристику этого персонажа как верного воина и телохранителя молодого правителя Дара Антомира (Dar Antomír).

- “No one would be as devoted as *Veles*” (Kotar, 2018: 44). – «Никто не будет таким же преданным, как *Велес*».
- “Antomír turned to see *Veles* running not two steps behind him, silent as a cat. “I am going with the anointed one,” he growled, his eyes challenging Antomír to contradict him” (Kotar, 2018: 156). – «Антомир обернулся и увидел, что *Велес* бежит за ним в двух шагах, бесшумный, как кот. «Я иду с Помазанником», – прорычал он, взглядом призывая Антомира перечить ему».

В интервью, проведенном в рамках настоящего исследования, Николай Котар замечает: *Он (Велес) раскрывает себя не просто как человека, но как полубога, обожествленного человека в каком-то смысле. Поэтому я должен был решить, какое дать ему имя, которое будет как бы передавать суть его натуры. Кто он такой? Он как бы дохристианский бог, который перешел в новый мир и принял состояние хотя и не совсем божества, а немного ниже божества. То есть я хотел передать этот процесс христианизации дохристианской культуры, которое в сказках полностью убирает все, что было, но его как бы преображает и освещает* (См. Интервью, гл. 4).

3.3.2 Переводческая классификация – операции внутреннего перевода

В произведениях Николая Котара англоязычные читатели встречают элементы из русской лингвокультуры, как например аллюзии, причастные к русским сказкам и литературе. В данном разделе рассматриваются переводческие стратегии форинизации и доместикации. В каждом из подразделов даются разъясняющие примеры данного вида переводческой стратегии.

3.3.2.1 Заимствования: форинизация элементов из русской лингвокультуры

В данном подразделе рассматриваются примеры русских заимствований, которые Николай Котар передал в своих художественных произведениях с помощью стратегии форинизации, используя приемы механического переноса формы слова (транскрипцию и транслитерацию) и калькирования.

Oi

В художественном творчестве Н. Котара встречается русское междометие *"Oi"* (Ой), похожее на междометие в английском языке "uh-oh", которое также используется для обозначения беспокойства или тревоги.

- "*Oioioi,*" she keened (Kotar, 2017b: 187). – «*Ой-ой-ой*!» – запричитала она».

Писатель с помощью глагола "keened" (причитать) передает русское значение данного междометия в своей книге для американских читателей, незнакомых с этим междометием. Но для англоязычного читателя, владеющего британским вариантом английского языка, междометие "oi" сперва воспринимается как восклицание и способ привлечь к себе внимание, когда человек испытывает какое-либо отрицательное чувство (Cambridge Dictionary, 2025). В самом художественном творчестве писателя это единственное применяемое междометие. Но в своих переводах русских сказок и былин из сборников "In a Certain Kingdom" автор-переводчик чаще

сохраняет русские междометия такие как «фу-фу-фу» или «ква-ква» (См. *3.2 Переводческая деятельность Николая Котара с русского на английский*: *In a Certain Kingdom*).

“In a certain kingdom, in a certain land” (Kotar, 2017b: 195).

Николай Котар заимствует многие реалии из русского языка и культуры, например фразы из русского фольклора. Далее рассматривается калькирование различных фраз из сказок. Например, в книге “The Song of the Sirin” («Песня Сирин») писатель заимствует фразу “*In a certain kingdom, in a certain land*” («В некотором царстве, в некотором государстве») (Kotar, 2017b: 195) – фраза, начинающая почти каждую сказку. В данном случае писатель не калькирует русскую присказку слово в слово. Вместо того, чтобы переводить государство как “state”, писатель использует слово “land” в более широком значении. Ритмическая цель заключается в том, что в русском языке используется рифма (*царстве – государстве*), а английский более чувствителен к ритмическому повторению согласных: /-ngd-/ - /-nd-/ (*kingdom – land*).

“Underneath was a beauty that no story can relate, no pen can describe” (букв. «Внизу таилась красота, что ни в сказке сказать, ни пером описать») (Kotar, 2017b: 159) – это заимствование русской народной фразы «ни в сказке сказать, ни пером описать» (Даль, 1984b: 380), обозначающей высшую степень какого-либо качества. Русские читатели обратят внимание на необычное сочетание этой фразы с наречием “underneath” (внизу) в начале этого предложения. Но англоязычные читатели не найдут в таком сочетании наречия ничего необычного, а скорее почувствуют поэтичность всей фразы. Ритм русской поговорки достигается за счет повторения частицы «ни» и синтаксического параллелизма инфинитивного выражения. Николай Котар использует те же стилистические приемы в английском языке: повторение *“no”* и *“can”* и синтаксический параллелизм структуры *(no N can INF).*

“Beyond the thrice-nine lands, into the thrice-tenth kingdom” (Kotar, 2017b: 52).

В книге “The Song of the Sirin” («Песня Сирин») писатель калькирует из русских сказок характерную фразу на английский язык *“The falcon flew beyond the thrice-nine lands, into the thrice-tenth kingdom”* («Полетел сокол за тридевять земель, в тридесятое царство») (Kotar, 2017b: 52). В современном русском языке эта архаичная фраза, означает «очень далеко». В переводе на английский язык можно заметить отсутствие однородности форм числительных. В первом случае писатель в переводе использует выражение с количественным числительным *“thrice-nine”* (трижды девять), а во втором – с порядковым числительным *“thrice-tenth”* (трижды десятое). Оба сочетания имеют одинаковую позицию и синтаксическую функцию в английском предложении.

“The morning is wiser than the evening” (Kotar, 2017b: 121).

Николай Котар заимствует настоящую фразу из русского языка: *“The morning is wiser than the evening”* («Утро вечера мудренее») (Kotar, 2017b: 121). Это высказывание по семантике похоже на английскую идиому “to sleep on it” (буквально «спать на этом»), что означает «отложить важное решение до утра». Кроме того, фраза со значением «обдумывать что-либо» “in the cold light of day” (буквально «в холодном свете дня») имеет то же значение «принимать окончательное решение спокойно, рационально и без чрезмерной реакции». Использование калькированной русской поговорки дает возможность Н. Котару ввести читателя в волшебную атмосферу старинных русских сказок.

“Grew not in days, but in hours” (Kotar, 2022: 8).

Николай Котар калькирует русскую присказку «Растет не по дням, а по часам», ставшую фразеологизмом в современном русском языке (Даль, 1984b: 380). Для англоязычных читателей данная фраза покажется необычной по узусу, но тем не менее понятной по значению, то есть кто-то или что-то очень быстро растет в прямом и переносном значении.

- “Andry *grew not in days, but in hours*” (Kotar, 2022: 8). – «Андрей *рос не по дням, а по часам*».

В данном примере также заметно заимствование русского варианта имени Андрей (ранее рассматриваемое в разделе *3.3.1.5. Антропонимы из русской лингвокультуры*).

“Beauty will save this world” (Kotar, 2020: 9).

Писатель калькирует крылатую фразу из романа «Идиот» Ф.М. Достоевского «Красота спасет мир» (Достоевский, 1989: 384; Академик: Словарь крылатых слов и выражений, 2024). Русскоязычные читатели, так и англоязычные читатели знакомые с творчеством Ф.М. Достоевского, обратят внимание на это крылатое выражение.

- “I know now. *Beauty will save this world*” (Kotar, 2020: 9). – «Теперь я знаю. *Красота спасет этот мир*».

Писатель добавляет указательные местоимения “this” (этот), заменяя определенный артикль “*the*” в переводе фразы “*Beauty will save the world*” (The Project Gutenberg eBook of “The Idiot”). Таким образом, он подчеркивает «этот» мир, в котором мы живем.

“To strike, when the iron is hot!” (Kotar, 2020: 200).

В последующем примере из книги *The Heart of the World* наблюдается применение русской пословицы «Куй железо, пока оно горячо» (Даль, 1984а: 371):

- “This is the moment *to strike, when the iron is hot!*” (Kotar, 2020: 200).

Стоит отметить, что в английском языке существует подобная идиома “strike while the iron is hot” (Cambridge Dictionary, 2025) – «куй, пока железо горячо» (Даль, 1984а: 371). Писатель заменяет союз “while” (пока) на союз “when” (когда), подчеркивая конкретный момент – «когда горячо».

3.3.2.2 Заимствования: доместикация элементов из русской лингвокультуры

В данном подразделе рассматриваются примеры русских заимствований, переданных Н. Котаром в его художественных

произведениях с помощью стратегии доместикации, в частности, через приемы субституции и генерализации.

Swanling

Следующий пример “swanling” (лебедушка) показывает измененное употребление английского существительного “swanling”. В английском языке слово “swanling” означает детеныша лебедя, оно содержит уменьшительный суффикс “-ling”. Но в данном случае суффикс “-ling” указывает на качество лебедя, то есть «похожий на лебедя» в манерах, что калькировано (заимствовано путем структурного перевода) из русского языка – слово «лебедушка» используется для референции в отношении грациозной молодой женщины. В данном примере писатель применяет стратегию доместикации для понимания значения слова “swanling”, а также прибегает к притяжательным местоимениям “our swanling” (наша лебедушка) и “my swanling” (моя лебедушка), чтобы показать очень теплые чувства, которые испытывают люди к этой женщине (Ефремова, 2000).

- “The entire village will take care of our *swanling”* (Kotar, 2017b: 301). – «Вся деревня будет заботиться о нашей *лебедушке*».
- “Sleep now, my *swanling*. You need to rest” (Kotar, 2017b: 3). – «Спи, моя *лебёдушка*. Тебе нужно отдохнуть».

В следующем примере с помощью пояснения от автора англоязычные читатели понимают, что данное слово применяется в качестве диминутива.

- “I think you’re about to be tested, *swanling*.” <…> Lebía almost jumped at that *diminutive* (Kotar, 2019c: 66). – «Я думаю, тебе предстоит испытание, *лебедушка*» <…> «Лебия чуть не подпрыгнула от этого *уменьшительного обращения*».

Таким образом, писатель адаптирует образность и поэтичность исконной фразы из русского языка к англоязычному художественному тексту. Писатель также использует более короткий вариант ласкательной номинации ***“my swan”*** («мой лебедь») в следующем примере, применяя стратегию доместикации.

- “You must understand, *my swan*” (Kotar, 2020: 28). – «Ты должна понять, *моя птичка* (буквально: *мой лебедь*)».

Как видно далее, писатель чередует диминутив *swanling* (лебедушка) с изначальной формой существительного *swan* (лебедь), применяя в обоих случаях стратегию доместикации, но в то же самое время сохраняя в английских текстах русский образ величественной и грациозной девушки (Ефремова, 2000).

- “*Our Swan*, the Darina Sabíana, promised you would return” (Kotar, 2018: 261). – «*Наша Лебедь*, Дарина Сабиана, обещала, что ты вернешься».

При чтении словосочетания “*my swan*” у некоторых американских читателей, знакомых с балетом, возможно, возникнет образ *девушки-лебедя* из сказки и балета «Лебединое озеро» (“Swan Lake”) П.И. Чайковского [Кабакчи, 2023]. Балет «Лебединое озеро» был популяризирован в США в 50-е годы XX века русско-американским хореографом первой волны эмиграции Георгием Мелитоновичем Баланчивадзе (George Balanchine), организовавшим американскую балетную школу (School of American Ballet) и балетную труппу Нью-Йорк Сити балет (New York City Ballet) [Фугина, 2015; Фугина, 2018; George Balanchine biography, 2025] на основе русской балетной школы в Санкт-Петербурге, откуда он был родом [George Balanchine biography, 2025].

Falcon

Что касается добрых и храбрых молодцев, писатель также заимствует из русских сказок русское возвышенное обращение “falcon” (сокол), для чего использует стратегию доместикации.

- “Oh, *my falcon*” (Kotar, 2017: 333). – «О, *мой сокол*».

Русскоязычные читатели сразу заметят кальку древнерусского значения слова «сокол» как символа благородства, например, «ясный сокол» – добрый молодец из сказки «Финист – Ясный сокол». Для англоязычных читателей эта фраза будет новшеством, но применение данной фразы в качестве ласкательного обращения будет понятно благодаря притяжательному

местоимения “my” (мой). Также стоит отметить, что и в русском, и в английском языках слова *сокол* и *falcon* будут ассоциироваться с прилагательными, такими как *сильный*, *храбрый*, *ловкий,* как общая характеристика данной птицы.

“The story begins from the grey, from the brown, from the chestnut-colored horse” (Kotar, 2017b: 205).

В книге-фэнтези “The Song of the Sirin” («Песня Сирин») Н. Котар калькирует русскую присказку из сборника А.Н. Афанасьева о Сивке-бурке, знакомую многим русским читателям из народного творчества (Афанасьев, 2021). Н. Котар применяет генерализацию при переводе данной присказки. Вместо транслитерации цвета масти лошади «от сивки, от бурки» писатель для доместикации переводит в аналогичные цвета в английском языке “*from the grey, from the brown, from the chestnut-colored horse*” (Kotar, 2017b: 205) («серый», «коричневый», «каштановый»).

- “The story begins *from the grey, from the brown, from the chestnut-colored horse”* (Kotar, 2017b: 205). – буквально: «История начинается *с серой, с коричневой, с каштановой лошади*».

Milk-sucker

Читатели знакомятся с пренебрежительной формой обращения “milk-sucker” («молокосос») из разговорной русской речи (Ожегов, 1985: 308).

- “Vasyllia needs a proper Dar, not an over-pampered lily-handed *milk-sucker*!” (Kotar, 2018: 44). – «Государству Василлии нужен настоящий Дар (то есть царь), а не избалованный *молокосос* с лилейными ручками!».

Несмотря на то что писатель не использует привычных англоязычных эквивалентов, как например: существительные “newbie” (новичок), “rookie” (новичок), “greenhorn” (новичок), “tyro” (новичок) или английской идиомы “wet behind the ears” (буквально: «мокро за ушами») (Cambridge Dictionary, 2025), данное калькированное словосочетание понятно для англоязычного читателя в контексте нижеуказанных двух примеров с помощью

словосочетаний *milk* (молоко) - *sucker* (сосунок, сосун) – тот, кто еще мал и совсем неопытен.

Применение глагола прошедшего времени “allowed” (позволил) в сочетании с вопросительным местоимением “who” (кто) подчеркивает, что высказывание было адресовано младшему, либо нижестоящему, который говорит без разрешения:

- “Who allowed you to speak, *milk-sucker*?” (Kotar, 2022: 122). – «Кто позволил тебе говорить, *молокосос*?».

С помощью структурного калькирования *milk* (молоко) и *sucker* (корень «сос», то есть тот, кто сосет) достигается стратегия доместикации вместо форинизированной транслитерации «молокосос» – “*molokosos*”.

3.3.3 Неологизмы и трансформы писателя в авторском мифотворчестве (лингвистические способы их создания)

В данном разделе рассматриваются неологизмы и трансформы в художественных произведениях Николая Котара. Раздел поделен на следующие пять подразделов:

3.3.3.1 Трансформированные заимствования из русской мифологии;

3.3.3.2 Антропонимы;

3.3.3.3 Характонимы;

3.3.3.4 Топонимы;

3.3.3.5 Трансформированные аллюзии к русской истории.

Также в настоящем разделе проводится анализ лингвистических способов их создания.

3.3.3.1 Трансформированные заимствования из русской мифологии

В настоящем разделе рассматриваются заимствования из русского фольклора, которые прошли некую семантическую трансформацию в художественных произведениях Н.Котара.

Алконост – Алконист

Например*, «Алконост»* – мифическая птица с лицом женщины, которая часто воспринимается как птица радости или печали, хотя есть и разные интерпретации этого персонажа [Баркова, 2022; Мифы народов мира, 1991]. Сказочный персонаж Алконост вошел в культуру Древней Руси из Византии и происходит от греческого слова ἀλκυών (Alkion), то есть зимородок [Кабакчи, 2023; Славяне: мифы и предания, 2023]. Алконост часто изображался в старинных лубочных рассказах Руси вместе с птицей-Сирин [Славяне: мифы и предания, 2023].

Но в книге “The Song of the Sirin” Николай Котар трансформирует культуроним алконост в «алконист» (*alkonist*), называя этим трансформированным словом всех сказочных персонажей в своем художественном повествовании.

- “***Alkonist***: a general label indicating any creature of authority in the Lows of Aer” (Kotar, 2017b: 189). – «*Алконист* – это общее название, обозначающее любое существо, имеющее власть в Низинах Аэр».

Стоит отметить, что трансформация здесь не столько в грамматике, сколько в фонетике, то есть меняется гласный «о» на «и». Замена гласных является довольно типичным приемом у Николая Котара (сравните антропоним “Voran” – от русского слова «ворон» в разделе: *3.3.3 Неологизмы и трансформы автора в авторском мифотворчестве (подраздел 3.3.3.2 Антропонимы)*.

- “He had heard of the *Alkonist*. They were Creatures of Aer, High Beings. It seemed they were the ruling authority of the Lows of Aer” (Kotar, 2017b: 193). – «Он слышал об *Алконистах*. Они были Существами Аэра, Высшими Существами. Похоже, они были правящей властью в Низинах Аэра».

В вышеуказанном примере дается более явное объяснение значения термина *Alkonist* (Алконист), применяемого в художественных произведениях Николая Котара. Это сказочные, мифические существа,

имеющие власть над природой, такие как птица-Сирин (Sirin), птица-Гамаюн (Gamayun), Баба-яга (Hag), леший (leshy), русалка (rusalka) и т.д.

Sirin

«Сирин» – также мифическая птица с лицом женщины. В произведении Николая Котара *«птицы-Сирин»* – положительные мифические существа, помогающие главным героям своими райскими песнями и мудрыми советами. Однако англоязычные читатели, не знакомые с образом птицы-Сирин (Sirin), могут перепутать его с *Сиреной (Siren)* из греческой мифологии [Мифы народов мира, 1992]. Исследователи русского фольклора и мифологии приходят к мнению, что первоначально образ славянской птицы-Сирин произошел от образа Сирены из греческой мифологии, и его первоначальный образ вошел в лингвокультуру Древней Руси в X веке из Византийской империи, со временем пройдя трансформацию в русской культуре, например, изображение райской птицы с женским ликом на лубке [Славяне: мифы и предания, 2023]. Но стоит отметить существенное отличие между русской птицей-Сирин и греческой Сиреной, несмотря на общую связь происхождения этих мифических существ.

В русском языке слова «сирин» (sirin) и «сирена» (siren) практически являются омофонами или паронимами (игра на звуковой форме чередования «и» в слове «сирин» и «е» в слове «сирена»). Но в английском языке эти слова не являются омофонами так как произносятся по-разному – “sirin” (/ˈsɪrɪn/) и “siren” (/ˈsaɪrən/). Писатель применяет объяснительный перевод при описании птицы-Сирин в следующих примерах.

- “The creature had a woman’s face and torso, seamlessly blending with the wings and eagle body. Her head was adorned in golden-brown curls, and each feather shone like a living gem. A *Sirin*. She opened her mouth and sang <...>” (Kotar, 2017b: 11). – «Существо имело женский лик и туловище, плавно сливаясь с крыльями и туловищем орла. Её голову украшали золотисто-русые локоны, и каждое перышко сияло, как

живой драгоценный камень. Это была птица-*Сирин*. Она открыла свои уста и запела <...>».

В следующем примере писатель с помощью внутреннего перевода передает образ райского пения птицы-Сирин, по которому тоскует тот, кто ранее слышал эту песню от птицы-Сирин [Мифы народов мира, 1992]:

- “The song of the *Sirin* stopped, and life lost all meaning. It was *all grey, ugly, useless without her song*” (Kotar, 2017b: 12). – «Песня птицы-*Сирин* прекратилась, и жизнь потеряла всякий смысл. *Все было серо, уродливо, бесполезно без её песни*».

Также в книге “The Song of the Sirin” (Песня Сирин) встречается транслингвальное восклицание, которое комбинирует русский культуроним “Sirin” (Сирин) и англоязычную фразу “For God’s sake!” (Ради Бога!).

- “For *Sirin*’s sake!” (Kotar, 2017: 175). – «Ради *Сирин*!».

Данная фраза – это изменение, широко используемой в английском языке фразы “For Pete’s sake!” [Macmillan Dictionary. Sake: Definition.] (Ради Пита!), которое является эвфемизмом первоначальной фразы “For God’s sake!” (Macmillan Dictionary. Sake: Definition) – «Ради Бога!». Таким образом, писатель-билингв объединяет две лингвокультуры, заменяя существительное из англоязычного выражения русским культуронимом.

Firebird

Н. Котар в своих художественных книгах заимствует широко распространенную мифологему «жар-птица» из русского фольклора. В русских сказках *“firebird”* (жар-птица) – это мифическое существо с огненными перьями.

В приведенном ниже примере писатель использует калькированный перевод в описании этого культуронима.

- “The sky above them shimmered with red gold. Hundreds of *firebirds* circled the tree” (Kotar, 2017b: 395). – «Небо над ними переливалось красным золотом. Над деревом кружили сотни *жар-пт*иц».

В следующем примере русскоязычный читатель обратит внимание на аллюзию к русской сказке об «Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» (Русские народные сказки и былины, 2022). Писатель ссылается на то, как Иван-царевич всю ночь не спал в ожидании жар-птицы, которую ему надо было поймать, с помощью фраз “losing sleep to capture them at night” (не спали, чтобы поймать их ночью).

- “All month, the migrating *firebirds* had been returning, and all week *the boys had been losing sleep to capture them at night*. This year, they had caught thirteen. An omen for a warm and fruitful growing season” (Kotar, 2018: 42). – «Весь месяц перелетные *жар-птицы* возвращались в сад, и всю неделю *молодцы не спали, стараясь поймать их ночью*. В этом году они поймали тринадцать жар-птиц. Предзнаменование теплого и плодотворного вегетационного периода».

Стоит отметить, что в сознании читателя, знающего русский язык, возникает образ жар-птицы из русских сказок, а для англоязычного читателя, не знакомого с русскими сказками, скорее возникнет образ птицы-феникс. Но читатели знакомые с мировой классической музыкой возможно узнают балет И.Ф. Стравинского «Жар-птица», который переводится на английский язык как “Firebird” [Кабакчи, 2023].

Gamayun

“Gamayun” (Гамаюн) – это вещая полуптица-полуженщина в русском фольклоре. Вводя транскрибированное имя птицы, Николай Котар описывает, что она умеет делать, тем самым вводя англоязычного читателя в славянский миф. Сам культуроним Гамаюн вошел в средневековую русскую лингвокультуру из иранского языка от “Huma” (Хумай) – птица вещаний [Славяне: мифы и предания, 2023; Мифы народов мира, 1992]. Также стоит отметить, что культуроним «Гамаюн» состоит из корня «гам-», который встречается в русских словах, состоящих из корней «гам-» и «гом-», означающих «восклицать» или «кричать», как например, «гамить»,

«гомонить», «гомоюнить» (Даль, 1994a: 844); отсюда же фразеологическое выражение *шум и гам*.

- “*Gamayun* sings all possible futures, and Gamayun sings invariably of one thing concerning your future” (Kotar, 2017b: 252). – «*Гамаюн* воспевает все возможные варианты будущего, и при этом Гамаюн поёт неизменно об одном, касательно твоего будущего».

Писатель прибегает к мифопоэтической трансформации, задействуя терминологическую номинацию “black Sirin-sister” (черная сестра Сирин). Таким образом он объединяет эти два образа, «Гамаюн» и «Сирин», что не встречается в русской лингвокультуре [Славяне: мифы и предания, 2023; Мифы народов мира, 1991; Мифы народов мира, 1992]. Стоит отметить, что, как и в русском языке, так и в английском языке, черный цвет часто ассоциируется с печалью, грустью, скорбью, трауром, меланхолией (Ivanova, 2025). Автор передает общие характеристики этого мифического существа, видящего будущее, с помощью фразы “singer of all futures” (певец всего будущего). Николай Котар создает неологизм “Dayseer” в следующем примере, сочетая слова “day” (день) и “seer” (провидец), то есть тот, кто видит дни бытия.

- “*Gamayun.* The *black Sirin-sister*, sometimes called the *Dayseer*. The singer of all futures” (Kotar, 2018: 113). – «*Гамаюн*. *Черная сестра-Сирин*, иногда называемая *Дневной-провидицей*. Певица всех будущих времен».

Писатель подчеркивает специфику птицы-Гамаюн в сравнении с другими птицами с женским ликом с помощью фразы “*one who is apart from us*” («та, которая отдельна от нас»).

- “Among *our sisterhood* there is one who is apart from us. She is named *Gamayun, the Black Sirin*” (Kotar, 2017b: 252). – «Среди наших сестер есть та, которая существует отдельно от нас. Ее зовут *Гамаюн, черная птица-Сирин*».

В целом, читатели обратят внимание на вариативность номинации Гамаюна в англоязычном тексте Н. Котара, начиная с транслитерации *Gamayun*.

Писатель варьирует номинацию Гамаюн словосочетаниями *“black Sirin-sister”* (черная сестра-Сирин), *“Dayseer”* (буквально: провидец дня) и “our sisterhood” (наше сестричество).

Rusalka

Николай Котар в нескольких случаях прибегает к заимствованию культуронима «русалка» из русской мифологии. В следующем примере писатель описывает характерные атрибуты русалки из русских сказок [Кабакчи, 2023; Свиридова, Кравченко, 2001].

- “*Rusalka*: the unquiet soul of a drowned girl. Likes to tickle young men to death” (Kotar, 2017b: 189). – «*Русалка* – неугомонная душа утонувшей девушки, любит щекотать молодцев до смерти».

Как видно в вышеуказанном примере, писатель дает объяснительный перевод англоязычным читателям, не знающим данного культуронима – душа утонувшей молодой женщины [Свиридова, Кравченко, 2001; Мифы народов мира, 1992]. В книге “The Song of the Sirin” («Песня Сирин») русалка – существо зловещее, но притворяется невинным. Вводя этот образ, писатель дает объяснение его сущности и описывает, как выглядит этот мифический персонаж из русских сказок:

- “*Something laughed in the trees*. It was *a girlish laugh, uninhabited and slightly insane*. She had thick, waving blond hair reaching to her heels. It dripped wet, but still covered her body” (Kotar, 2017b: 194). – «*Раздался смех в деревьях*. Это был *девичий смех, неживой и немного безумный*. У неё были густые волнистые белокурые волосы до пят. Они спадали влажными прядями, но покрывали всё её тело».

Николай Котар в своем произведении “The Forge of the Covenant” («Заключение завета») также заимствует русский культуроним русалки, применяя объяснительный перевод при описании данного заимствования. Англоязычные читатели узнают, что русалки – это те, кто утонул, и они, как правило, обитают на ветках деревьев [Кабакчи, 2023; Свиридова, Кравченко, 2001; Мифы народов мира, 1992]. Эти русалки изображаются с зелеными

волосами (в предыдущем примере говорилось о русалках с белокурыми волосами), отсюда сразу возникает ассоциация болота (swamp) и трясины (bog), то есть чего-то неестественного для жизни и опасного. Русскоязычный читатель обратит внимание на употребление множественной формы, как в английском языке "*rusalkas*", вместо транслитерации русской множественной формы "rusalki".

- "Then she saw them—the *Rusalkas in the trees*, their *green hair* waving around them as though they were underwater. <…> No! Not *rusalka*! Not *the drowned ones*! <…> She turned back to see two *rusalkas* fighting each other on the bank" (Kotar, 2019c: 35). – «Затем она увидела их — *русалок на деревьях*, их *зеленые волосы* развевались вокруг них, как будто они были под водой. <…> Нет! Не *русалка*! *Не утонувшие*! <…> Она обернулась и увидела, как на берегу дерутся две *русалки*».

Читатели встречают этот культуроним в книге "The Throne of the Gods" («Трон богов»). В следующем представленном примере автор применяет стратегию доместикации чередуя транслитерацию русского слова "*rusalka*" с английским словом "*mermaid*", как часть объяснительного перевода.

- "<...> *a naked woman with long green hair* that covered most of her body straddled a branch and brushed her hair. <...> So that was *a mermaid, a Rusalka"* (Kotar, 2020c: 173). – «*Обнаженная женщина с длинными зелеными волосами*, прикрывающими большую часть ее тела, сидела верхом на ветке и расчесывала волосы. <...> Так это была *русалка, девушка-утопленница*».

Интересно, что, в отличие от западноевропейской русалки, описанной Андерсеном (существует мнение, что великий датский сказочник заимствовал этот образ из древней славянской мифологии), славянские русалки представляли полноправный образ девушки, без рыбьего хвоста [Мифолог: Русалка, 2023]. В художественном творчестве Н. Котара делается акцент на славянском образе русалки, то есть на призраке девушки-утопленницы, которая способна погубить своими чарами живых людей.

"Leshy" (леший) – дух леса, часто обманывающий людей, заблудившихся в диких лесах (Свиридова, Кравченко, 2001). В произведении Николая Котара «леший» имеет похожие качества. Также писатель называет лешего «лесником» (*lesnik),* то есть «лесным обитателем». В современном русском языке «лесник» – это смотритель леса. В книге "The Song of the Sirin" («Песня Сирин») «леший» обладает способностью уменьшаться или увеличиваться в размерах и неожиданно помогает главному герою в беде.

В примере ниже писатель применяет объяснительный перевод, используя слова "Leshy" (леший) и "Lesnik" (лесник), а также номинацию "spirit of the forest" (дух леса).

- "*Leshy*: a spirit of the forest. Sometimes goes by the name *Lesnik"* (Kotar, 2017b: 189). – «*Леший* – дух леса, а иногда называется *Лесник*».

В следующем примере Николай Котар при помощи внутреннего перевода дает свою авторскую интерпретацию русского культуронима «леший» в произведении "The Song of the Sirin" («Песня Сирин»), а также использует номинацию "giant" (гигант, великан).

- "It was a *giant*, *covered with matted hair and green moss,* with acorns and pinecones sticking out of his long beard" (Kotar, 2017b: 193). – «Это был *великан*, *заросший зеленым мхом*, со спутанными волосами, из его длинной бороды торчали желуди и сосновые шишки».

В книге "*The Throne of the Gods*" («Трон богов») автор также заимствует этот культуроним, применяя описательный перевод. Но в данном случае используются номинации "*tree-man*" (человек-дерево) и "*Lesnik*" (Лесник).

- "It *looked like a man might look if he had decided to dress like a tree*. And if he had bark instead of skin. And a chestnut instead of a nose." <...> "That *tree-man* must be . . . He walked out into the clearing and immediately shrank to the size of a tree stump." <...> "You'll never learn, *Lesnik*, will you?" (Kotar, 2020c: 173). – «Это *выглядело так, как мог бы выглядеть мужчина, решивший одеться, как будто он дерево*. И если бы у него вместо кожи была бы кора и каштан вместо носа. <...> Должно быть,

этот *человек-дерево* . . . Он вышел на поляну и тут же уменьшился до размера пня. <...> – Ты никогда не научишься, *Лесник*, да?».

Писатель-билингв в вышеуказанном примере описывает способность лешего менять свой размер с высоты деревьев на высоту пенька. Таким образом он сливается с природой. Номинация “Lesnik” отсылает читателей к первой книге “The Song of the Sirin” («Песня Сирин»).

Hag

В произведении “The Song of the Sirin” («Песня Сирин») применяется генерализация для передачи значения слова *“hag”* (ведьма) вместо транслитерации *“Baba Yaga”* (Баба-яга). В некоторых русских сказках Баба-яга является антагонистом, а в других она непредсказуемо помогает главному персонажу (Kotar, 2019b). Возможно, что писатель избегает применения культуронима «Баба-яга», чтобы избежать чрезмерно распространенного заимствования в англоязычной массовой поп-культуре образа Бабы-яги среди англоговорящих, не имеющих русского происхождения. Примером такого стереотипа может быть прозвище Baba Yaga у главного персонажа в фильме “John Wick” или заимствование культуронима Baba Yaga в книге “Sandman” британского писателя Нила Геймана (Neil Gaiman) (BBC.com: Baba Yaga, 2025).

Николай Котар в своем творчестве применяет обобщение “hag”, но при этом сохраняет двойственную натуру Бабы-яги [Мифы народов мира, 1991; Kotar, 2019b] и связанные с ней атрибуты, как видно в следующем примере:

- “*Hag*: a shape-shifter of dubious loyalties. She may or may not be immortal” (Kotar, 2017b: 189). – «*Ведьма*-оборотень с сомнительными намерениями. Она бывает смертной и бессмертной».

Культуроним “*hut standing on chicken feet” (избушка на курьих ножках)* – является аллюзией на русские сказки, в которых герой произносил соответствующую фразу, как видно в следующем примере (Kotar, 2019b) в книге “The Song of the Sirin” («Песня Сирин»):

- “The warrior came to the edge of a forest. There, in a clearing, he saw the *hut standing on chicken feet*. ‘*Hut, hut! Turn your back to the forest, with your front to me*.’ It turned” (Kotar, 2017b: 327). – «Воин подошел к опушке леса. Там, на полянке, он увидел *избушку, стоящую на курьих ножках*. «*Избушка, избушка! Повернись к лесу задом, ко мне передом*». — Она повернулась».

Писатель также заимствует типичные атрибуты Бабы-яги в русских сказках, выраженные лексемами “*mortar*” (ступа) и “*pestle*” (пест). В данном примере писатель также применяет описательный перевод данных атрибутов, описывая прибытие своего персонажа в книге “The Throne of the Gods” («Трон богов»).

- “A massive *mortar* flew into the clearing <...> The *pestle* in the hands of the *Hag* was so large, it was a miracle she could even lift it” (Kotar, 2020c: 64). – «На поляну вылетела массивная *ступа* <...> *Пест* в руках *Ведьмы* был настолько велик, что было чудом, как она вообще смогла его поднять».

Николай Котар заимствует из русских сказок образ двойственной натуры Бабы-Яги, способной либо погубить, либо помочь главному герою, в своих книгах “The Song of the Sirin” («Песня Сирин»), “The Heart of the World” («Сердце мира»), “The Throne of the Gods” («Трон богов»).

Писатель поясняет для англоязычных читателей, как видно в отрывке ниже, что Баба-яга в славянских сказках, часто была антагонистом и грозилась съесть главного героя [Kotar, 2019b; Пропп, 2021a; Мифы народов мира, 1991]:

- “*Hag*, if you didn’t spend all your time *tormenting* questing warriors and *eating* some of them, you’d actually smell what’s on the wind” (Kotar, 2018: 194). – «*Ведьма*, если бы ты не тратила все свое время на то, чтобы *мучить* ищущих приключения воинов, и *не ела бы* некоторых из них, ты бы действительно почувствовала запах того, что витает в воздухе».

В следующем примере автор заимствует русское имя Иван во множественном числе с определенным артиклем “the Ivans”. Таким образом возникает аллюзия к русским сказкам к русским сказкам, где главного героя как правило звали Иван [Kotar, 2019b; Пропп, 2021a].

- “The *Hag* was known to bake her visitors during their sleep. But no, she only did that to the boys – *the Ivans*, as she called them in her less guarded moments” (Kotar, 2020c: 133). – «Известно, что *Ведьма* запекала своих посетителей, когда они спали. Но нет, она поступала так только с мальчиками – *Иванами*, как она называла их в минуты меньшей осторожности».

В следующем примере писатель также применяет русский антропоним Иван во множественном числе с определенным артиклем “the poor Ivans” («бедные Иваны»). Здесь также есть отсылка к русским народным сказкам, в которых главный герой, по имени Иван, был вынужден встретиться с коварной Бабой-Ягой, способной погубить персонажа (Kotar, 2019b; Пропп, 2021a; Мифы народов мира, 1991):

- “Ah! Power in potential. Very smart. I’ve always liked that Hag, even if she can be perfectly dreadful some centuries. The way she hounds *the poor Ivans*” (Kotar, 2020c: 247). – «Ах! Сила в потенциале. Очень умная. Мне всегда нравилась эта Ведьма, даже несмотря на то, что в течение несколько столетий она может быть совершенно ужасной. Как она преследует *бедных Иванов*...».

Все вышеуказанные отрывки из книг-фэнтези Николая Котара помогают создать в сознании англоязычных читателей образ мифопоэтического персонажа “Hag”, более приближенный к аутентичному образу Бабы-яги из славянских сказок с помощью лингвокультурной адаптации.

A slumbering giant’s head

В книгах “The Song of the Sirin” («Песня Сирин»), “The Heart of the World” («Сердце мира»), “The Throne of the Gods” («Трон богов») также

встречается персонаж *The giant head of Buyan* (голова великана по имени Буян) – аллюзия к безымянному персонажу в поэме «Руслан и Людмила» (Пушкин, 2022). Антропоним персонажа *"Buyan"* (Буян) – это аллюзия к мифическому топониму остров Буян из русских сказок, как например «Сказка о царе Салтане» (Пушкин, 2023).

Таким образом, писатель комбинирует эти две аллюзии из русских сказок в своем англоязычном художественном тексте, представляя говорящую голову по имени Буян. Для англоязычного читателя, не знакомого с творчеством А.С. Пушкина, этот персонаж покажется весьма необычным. Но читатели, знающие эти пушкинские произведения, сразу обратят внимание на данные аллюзии.

- "Not a stone's throw away lay the strangest thing he had ever seen – *a slumbering giant's head*" (Kotar, 2017b: 135). – «Недалеко от него лежало самое странное существо, которое он когда-либо видел, – *голова дремлющего великана*».

Далее читатели в ходе сюжета узнают его имя – "*the giant head of Buyan*" (Kotar, 2017b: 368) – «голова великана по имени Буян».

The Living Water

В книгах Николая Котара "The Raven Son" Series (серии «Сын-Ворона») мифологема «Живая вода» [Кабакчи, 2023] (*The Living Water*) является одной из центральных мифологем сюжета. При этом, в отличие от русских сказок, Николай Котар не прибегает к мифологеме «мертвая вода», а заимствует только культуроним «живая вода», который ближе к понятию исцеляющей «святой воды».

- "*The Living Water* is never spoken of in the Old Tales without mention of *the Raven* and his eternal quest to seek out *the Living Water*. To become *the Deathless One*" (Kotar, 2017b: 60). – «В старых сказаниях о живой воде всегда есть упоминание Ворона и его вечных поисков живой воды, чтобы стать бессмертным».

Waystone

Писатель-билингв в своем художественном творчестве заимствует образ придорожного камня из русских сказок и былин (Былины: сборник, 2020); (Русские народные сказки, 2021) и с помощью объяснительного перевода дает описание данного мифического культуронима в своей художественной книге “The Song of the Sirin” («Песня Сирин»).

- “Upon closer inspection, the scratches on the *waystone* were legible, though barely, after what seemed many centuries of erosion” (Kotar, 2017b: 136). – «Начертания на *дорожном камне* были разборчивы, хотя и с трудом, как казалось, после многих столетий эрозии».

В следующем примере автор калькирует характерные русские фразы на придорожном камне. Н. Котар также сохраняет русскую структуру предложения на английском языке. Например, вместо того, чтобы составить более характерную для английского языка формулировку *If you go (left)*, писатель калькирует структуру русского предложения на английском языке *If left you go* (Буквально: Если налево пойдешь). Таким образом писатель сохраняет ритмику и поэтичность, как в русских текстах (наречие + глагол второго лица). Но в отличие от бессоюзного русского предложения (*Пойдешь налево…*), автор добавляет английский союз “if” (если) в начале фразы, как видно ниже в примере.

- “*If left you go*, there love awaits. *If right you go*, there gold awaits. *If straight you go*, there death awaits” (Kotar, 2017b: 136). – «*Налево пойдешь* – там любовь ждет. *Направо пойдешь* – там золото ждет. *Если прямо пойдешь* – там смерть ждет».

В данном предложении из книги “The Throne of the Gods” («Трон богов») также наблюдается калька русской структуры предложения *If straight you go* (буквально: «Если прямо ты пойдешь…»). Русскоязычный читатель сразу обратит внимание на аллюзию к русским сказкам и былинам, в то время как для англоязычного читателя данные фразы покажутся фаталистическими.

- “*If straight you go*, cold and hunger await. *If left you go*, you will die, but your horse will live. *If right you go*, your horse will die, but you will live” (Kotar, 2020c: 252). – «*Прямо пойдешь* – холод и голод ждут. *Налево пойдешь* – умрешь, но конь будет жив. *Направо пойдешь* – твой конь умрет, но ты останешься жив».

Данные примененные мифологемы сохраняют образность русской лингвокультуры в англоязычном художественном тексте писателя-билингва, сочетая таким образом две лингвокультуры и формируя гибридную транскультурную (с элементами транслингвальности) литературу, написанную писателем-эритажником.

3.3.3.2 Антропонимы

Vohin Voran

Писатель использует стратегию форинизации во внутреннем переводе титула главного героя – *“vohin”* (воин). Этот культуроним уже рассматривался ранее в разделе*: 3.3.1 Тематическая и семантическая классификация (подраздел 3.3.1.1. Обращения и титулы)*.

Сам антропоним “*Voran”* (Воран) передается через транскрипцию (с нейтральным звуком шва во втором слоге, отраженным гласной буквой А, обычно звучащей как редуцированный шва в безударном слоге в постпозиции), а не через транслитерацию в передаче заимствования омофона *«ворон».*

- *“*My name is *Vohin Voran* <...>” (Kotar, 2018: 261). – «Меня зовут *Воин Воран* <...>».

Стоит также обратить внимание на изменение значения слова *воин* – его первичная семема «служащий в войске» здесь отходит на второй план, а на первом оказывается социальный титул.

Такая трансформация – изменение значения слова – весьма характерна для транслингвизма. В следующем примере писатель применяет стратегию доместикации – вместо ранее использованного культуронима *Vohin* («Воин»)

Н. Котар в данном случае задействует англоязычный эквивалент *Warrior* («Воин»).

- “You are *Voran the Warrior*! <…> I am *Voran the Healer*” (Kotar, 2022: 96). – «Ты *Воран Воин*! <…> Я *Воран Целитель*».

Читатели также обратят внимание на номинацию *Voran the Healer (Воран Целитель).* В сюжете книг персонаж *Voran (Воран)* является хранителем сосуда с *живой водой* и имеет дар исцелять живой водой.

- “This flask contains *Living Water*. An inexhaustible source. But it will only remain as long as *the Healer heals*” (Kotar, 2017a: 84). – «В этом флаконе находится *живая вода*. Неиссякаемый источник. Но так будет только до тех пор, пока *Целитель исцеляет*».

В произведении имя “Voran” имеет другое значение, в сравнении с русским *ворон*, что показывает осуществленную писателем мифопоэтическую (почти антонимическую) трансформацию:

- “*Voran* means stone in Old Vasylli” (Kotar, 2017b: 73). – «На старом языке Василлии *Воран* означает камень».

The Raven

Следует отметить, что в книгах Н. Котара появляется пожирающий души *“Raven” (Ворон)* – древний зловещий дух, главный антагонист, жаждущий найти источник бессмертия. Здесь обнаруживается межъязыковая игра имен: протогонист, хранитель *живой воды*, получает русское имя, хотя и с некоторой фонографической модификацией (*Voran – Ворон*), а его антипод несет английское имя *(Raven),* тоже переводящееся как «ворон». Так противопоставление антропонимов в языках служит дополнительным средством характеристики героев, при этом эритажный язык писателя используется для создания положительного образа, а английский язык повествования используется для номинации отрицательного персонажа.

В славянской мифологии ворон – это вещая птица славянского бога Чернобога. Также в славянской мифологии считалось, что сам Чернобог принимал образ ворона [Славяне: энциклопедия славянских знаний, 2024].

- “It seems the *Raven* has a habit of possessing human bodies, though this vessel was hardly human by then. The Raven had consumed most of him already” (Kotar, 2017b: 272). – «Кажется *Ворон* имеет особенность вселяться в человеческие тела, хотя к тому времени этот сосуд вряд ли уже был человеческим. Ворон поглотил большую часть его тела».

The Deathless One

Также стоит отметить, что в художественных книгах писателя вышеуказанный персонаж *the Raven* также имеет вторую номинацию в словосочетании “*The Deathless One*” (Тот, кто бессмертный). Данная номинация антагониста *the Raven* – это аллюзия к Кощею Бессмертному из русских сказок [Кабакчи, 2023].

- “What if the black fog is a sign that t*he Raven* has become *the Deathless One*?” (Kotar, 2018: 319). – «Что, если черный туман — это знак того, что *Ворон* стал *Бессмертным*?».

Ghan Magai

В книге “The Song of the Sirin” («Песня Сирин») “*Ghan Magai”* (Ган-Магай) – это вымышленный персонаж и, возможно, аллюзия к реальной исторической фигуре Хану Мамаю, средневековому военачальнику Золотой Орды [Encyclopedia Britannica: Golden Horde, 2022]. В качестве мифопоэтической трансформации писатель превращает титул “*khan”* (хан) в *“ghan”* (ган). В трансформации произошло озвончение глухого согласного в имени титула: лексема *“khan”* (хан) превратилась в слово со звонким согласным *“ghan”* (ган). Возможно, это изменение сделано намеренно из-за использования писателем стандартной формы *“khan*” в его научно-популярной работе “Heroes for All Time: Stories of Inspiring Heroism from Russian History” («Герои на все времена: истории вдохновляющего героизма из русской истории»), описывающей исторические события в Средневековой Руси и в эпоху Золотой Орды [Kotar, 2020b]. Смысл трансформации состоит в том, что это не сам представитель татаро-монгольского народа, а

литературный персонаж эпического фэнтези, созданный по образу исторической личности в нашем мире.

Стоит отметить, что при передаче речи персонажа "*Ghan Magai"* (Ган-Магай) автор применяет форму предложения со свободным порядком слов, как в языках синтетического типа "You, I know" (Тебя я знаю) вместо более естественной для английского языка "I know you" («Я знаю тебя»). Таким образом, у англоязычных читателей создается впечатление, что данный персонаж чужестранец и не владеет языком главных персонажей книги. Также можно выделить отсутствие связочного глагола "is" в речи персонажа: "My name – Magai" – «Мое имя – Магай», что также более свойственно для языков агглютинативного и синтетического типа, как например монгольского и русского, чем для языка аналитического типа, как английский язык. Подтверждающим фактором того, что Ган Магай относится к представителям Азии, являются и другие отступления от языковой нормы в его речи, например отсутствие флексии -s в третьем лице единственного числа глагола в настоящем времени и упрощенные временные формы глагола.

- "*Ghan* speak now, yes?" said the Ghan. "My name – *Magai*. *Ghan Magai*. You, I know" (Kotar, 2017b: 267). – «Сейчас говорит *Ган*, да?» – молвил Ган. «Мое имя – *Магай*. *Ган-Магай*. Тебя я знаю».

Mamai Jani-Beg

С другой стороны, писатель заимствует и комбинирует имена двух исторических личностей из Золотой Орды – Мамая и Джанибека в имени вымышленного персонажа "*Mamai Jani-Beg"* из книги "The Heart of the World" («Сердце мира»).

- "Among the towers, in a wide space that could have been a town square for a city of giants, *the horse-clan of Mamai Jani-Beg* lay sprawled" (Kotar, 2018: 53). – «Среди башен, на широком пространстве, которое могло бы быть городской площадью в городе великанов, раскинулся *конный клан Мамай Джанибек*».

Автор заимствует культуроним “*yurt”* **(**юрта) кочевников. Само слово вошло в английский язык через русский из тюркских языков во второй половине XVIII веке [Кабакчи, 2023].

Как видно также в примере, вымышленный антропоним *Mamai Jani-Beg* – женщина, вождь кочевников. «*Мамай Джанибек*» – сестра “*Гана-Магая”*. В следующем примере читатели обратят внимание на применение женского рода местоимения “she” (она) для антропонима “*Mamai”* (Мамай).

- *Mamai’*s yurt—small for someone who was effectively *the leader of a nation*—was in the exact center of the camp. *She alone seemed carved of stone as she sat by her fire*, while her people lived their lives at a fever pitch around her (Kotar, 2018: 53). – «Юрта *Мамай*, маленькая для той, кто по сути *была лидером нации*, стояла в самом центре лагеря. *Она одна казалась высеченной из камня, и возле нее горел костер*, в то время как ее народ жил своей лихорадочной жизнью вокруг нее».
- “I’ve spoken to *Mamai,*” he continued. “*She* is willing**,** this once, to let you come on the hunt” (Kotar, 2018: 2). «Я поговорил с Мамай, – продолжил он. – На этот раз она согласна отпустить тебя на охоту».

Otar Gleb

Антропоним ***“Otar Gleb”***. Глеб – еще одно распространенное имя в восточнославянской культуре. Князь Глеб, живший в XI веке, был одним из первых канонизированных русских христианских мучеников [История России, 2015].

В произведении Николая Котара “The Song of the Sirin” («Песня Сирин») «Отар Глеб» – священнослужитель. *«Отар»* – почетный титул для священнослужителей в этой книге.

Название *«отар»* созвучно русскому слову *«отец»*, что подчеркивает духовную роль персонажа и означает уважение к фигуре отца в патриархальном обществе. Возникает вопрос: почему писатель-билингв к

корню *«от-»* в слове *«отар»* добавил суффикс *-ар,* прибегнув к деривации как словообразовательному приему?

Как поясняет Николай Котар в проведенном интервью для настоящего исследования: *Для меня очень важно было, чтобы в стране Василлии царила главная идея: народ должен служить всем остальным народам. Он должен принести себя в жертву, должен быть даром для мира. Поэтому «царь» не царь, а «дар». Я специально так задумал. Это звучит как царь достаточно близко: «царь» – «дар» Но также потому, что слово "Dar" на русском языке значит «дар», то есть он и царь, и дар в одно и тоже время. Otar тоже дар, но он Отец. Так, что это и «дар», и «отец». Вся его жизнь должна быть отдана как дар своему народу* (см. Приложение 1).

Таким образом, мы видим, что в своем творчестве Николай Котар прибегает к приему образования нового слова, используя для этого славянские словарно-структурные элементы и их семантику. В результате он создает слово с новым значением.

- "'*Otar Gleb*! We only needed you to make this evening perfect. Come, come!' The newcomer was a young *priest* whom Voran didn't know. He was dressed in a linen *cassock* with no adornment other than a red embroidered belt…When he smiled, he was beautiful" (Kotar, 2017b: 42). – «*Отар Глеб*! Ты как раз нам нужен, и тогда вечер станет идеальным. Заходи, заходи! — Новоприбывший был молодым *священником*, которого Воран не знал. Он был одет в льняную *рясу* без какого-либо убранства, кроме красного вышитого пояса… Он был красив, когда улыбался».

Dar Antomír

Dar Antomír (Дар Антомир) – правитель Василлии. В книге "The Song of the Sirin" («Песня Сирин») *"Dar" (Дар)* – это титул, как «король» или «царь». Титул «Дар» совпадает с русским словом «дар». Как подтверждает в интервью Николай Котар, это действительно трансформация русского слова «царь» на английском языке /-tsar-/ на /-dar-/. Изменив звучание слова, автор

тем самым меняет и значение слова «дар», перенеся в него семему «правитель» от слова «царь».

Само имя персонажа состоит из двух корней “Anto” и “mír”. По звучанию и по значению данное вымышленное имя созвучно с реальным именем Антон или Антоний (от лат. Antonius), означающий «состязаться» [Имя Антон: Журнал Фома, 2017]. Н. Котар заимствует латинский корень “Anto-” и добавляет славянский корень “mir” («мир»). Таким образом, Антомир – это тот, кто готов сразиться с миром, со всеми испытаниями.

- “*Dar Antomír* sat in a simple throne of white marble under the fresco of the aspen sapling” (Kotar, 2017b: 102). – «*Дар Антомир* восседал на простом троне из белого мрамора под фреской с изображением ростка осины».

Сам персонаж *Dar Antomír* (Дар Антомир), а также его внук *Antomír*, *Dar-in-waiting* (Антомир, Дар в ожидании) миролюбивые герои, но готовые сразиться с миром для защиты своего народа.

- “*Antomír, Dar of Vasyllia*, or whoever you are. You must be mad. But *you are brave*. I have never seen such bravery. I honor it...” (Kotar, 2018: 258). – «*Антомир, Дар Василлии*, или кто бы Вы ни были. Вы, должно быть, с ума сошли. Но *Вы храбры*. Я никогда не видел такой храбрости. Я уважаю это...».

Darina Sabíana

Кроме титула “Dar” (Дар) читатели также знакомятся с женским вариантом вымышленного титула “Darina” (Дарина), созвучным с более распространенным вариантом русского слова царица “Tsarina” (чередующимся с транскрибированным вариантом “Tsaritsa”) на английском языке с первой половины XVIII века [Кабакчи, 2023].

Как видно в следующем примере из книги “The Heart of the World” («Сердце мира»), здесь заметна авторская трансформация русского слова «царица» на английском языке “tsarina” на “darina”. В следующей цитате читатели ассоциируют вымышленный титул женского рода с английским словосочетанием “hall of kings” (зал королей):

- “I order you, as *Darina of Vasyllia*, to return me to the *hall of kings*. I will assume my place as Darina today. *My people* have waited long enough” (Kotar. 2018: 355). – «Я приказываю вам, как *Дарина Василлии*, вернуть меня в *зал королей*. Сегодня я займу свое место Дарины. *Мой народ* ждал достаточно долго».

В следующем примере писатель описывает титул “Darina”, варьируя его с номинацией “true queen” (истинная королева).

- “We’re going to reclaim Vasyllia for *Darina* Sabíana, the *true queen* of all the lands” (Kotar, 2017a: 8). – «Мы собираемся вернуть Василлию *Дарине* Сабиане, *истинной королеве* всех земель».

В нижеуказанном примере писатель заимствует клишированное английское обращение к царствующему монарху, например, “Long live the King/Queen!” («Да здравствует король/королева!») (U.S. Dictionary, 2023), заменяя английский титул на вымышленный художественный титул “Darina”.

- “*Long live* Sabíana, true Darina of Vasyllia!” (Kotar, 2020c: 231). – «*Да здравствует* Сабиана, истинная Дарина из Василлии!»

Blind Bayan the Bard

Bayan the Bard (Баян) – это певец-сказитель. Имя “Bayan” – это аллюзия на древнерусскую культуру. В современном русском языке *баян* – это музыкальный инструмент, который, в свою очередь, был назван в честь певца-сказителя XI века Бояна (Боян, Academic.ru).

Стоит отметить, что писатель в своем англоязычном творчестве применяет стратегию доместикации, используя английское слово *Bard* (певец-сказитель). Русскоязычный читатель, возможно, обратит внимание на данную адаптацию. Стоит отметить, что русское слово «бард» и англоязычное слово “bard” – межъязыковые омонимы («ложные друзья переводчика») [Кабакчи, 2023]. Для англоязычного читателя слово “bard” ассоциируется со средневековым певцом-сказителем, в то время как у

российского читателя возникает образ советского барда-музыканта, например, Булата Окуджавы [Кабакчи, 2023].

“Every Dar has had his own chosen *bard*. The last, and most brilliant of all, was *blind Bayan*, who outlived two Dars and died on the eve of the great battle for Vasyllia” (Kotar, 2017b: 339). – «У каждого Дара был свой избранный *певец-сказитель*. Последним и самым блестящим из всех был *слепой Баян*, переживший двух правителей и почивший накануне великой битвы за Василлию».

3.3.3.3 Характонимы

В данном разделе рассматриваются авторские характонимы (charactonyms), так называемые «говорящие имена», указывающие на отличительные качества персонажа [Britannica Literary terms: charactonym, 2025]. Николай Котар применяет элементы русского языка при передаче характера некоторых из своих персонажей в фэнтези книжной серии «Сын-Ворона» (“Raven Son” fantasy series).

Svetlomír

Svetlomír (Светломир) – один из персонажей в книге *“The Song of the Sirin”* (Песня Сирин). Его имя состоит из двух корней. Первый корень имени происходит от слова *«*свет*»*, а второй корень – от слова «мир», что образует значение имени «Светломир» – «Светлый мир», которое можно перевести либо в значении “world”, либо в значении “peace”. Для англоязычных читателей, не знающих русского языка, этот характоним не очевиден, и они узнают о личных качествах данного персонажа по мере развития сюжета. В следующем примере читатели обратят внимание на проявление эмпатии и сострадания Отара Светломира.

- “Otar *Svetlomír* was the first to embrace him with tears in his eyes, then every other member of the village followed suit” (Kotar, 2017b: 206). – «Отар *Светломир* первым обнял его со слезами на глазах, за ним последовали все остальные жители села».

Писатель часто изображает данного персонажа с улыбкой, как принято в англоязычной культуре, таким образом показывая доброжелательный характер персонажа.

- “Otar *Svetlomír’s smile* smoothed out the furrows in his forehead, making him look twenty years younger. His young smile had been the first thing Lebía saw when the pilgrims arrived on Ghavan Isle” (Kotar, 2017b: 151). – «*Улыбка Отара Светломира* разгладила морщины на лбу, и он как бы помолодел на двадцать лет. Его молодая улыбка была первым, что увидела Лебия, когда паломники прибыли на остров Гавань».

В следующем примере из книги “The Throne of the Gods” («Трон богов») Н. Котар снова описывает Отара Светломира в положительном свете, как доброго человека. Писатель в процессе описания персонажа применяет номинацию “old priest” (старый священник). Титул *“Otar” (Отар)* также представляет этого персонажа священнослужителем в художественных книгах Н. Котара. Словосочетание “joyful eyes <...> brimming with tears” («радостные глаза <...> были полны слез») вновь создают у читателей образ доброго и эмпатичного человека:

- “Otar *Svetlomír* smiled down at Antomír. <...> After all, the *old priest* from Ghavan had *always left a good impression*. <...> “My boy,” said Otar Svetlomír. *His joyful eyes* now seemed brimming with tears” (Kotar, 2020c: 160). – «*Отар Светломир* улыбался Антомиру. <...> Ведь *старый священник* из Гавани всегда оставлял хорошее впечатление. <...> – Мой мальчик, – сказал Отар Светломир. *Его радостные глаза* теперь, казалось, были полны слез».

Yadovír

Характоним *Yadovír* (Ядовир) состоит из двух корней “*Yad”* (яд) и *vír* (вир). Слово «вир» в архаичном русском языке означает «омут», «водоворот» и «ямина под водой» (Даль, 1994а: 506). Создается образ омута или ямы, наполненной ядом. Читатели, знающие русский язык, сразу догадаются, что

это отрицательный персонаж, в отличие от англоязычных читателей, которые узнают истинную природу Ядовира по его поступкам, раскрытым в сюжете.

- "*Yadovír* wanted power, absolute power, and he was even willing to speak with the Ghan, to give up his own city on the enemy's terms, if only it meant a chance at that power." (Kotar, 2017b: 235). – «*Ядовир* жаждал власти, абсолютной власти. Он даже был готов договориться с Ганом, сдать свой город на условиях врага, лишь бы это означало шанс на такую власть».

Автор также применяет номинацию "traitor" (предатель) в адрес Ядовира, таким образом, раскрывая сущность персонажа.

"*Yadovír, the traitor* who had opened the gates of Vasyllia to the invading army" (Kotar, 2017a: 5-6). – «*Ядовир – тот самый предатель*, открывший ворота Василлии вторгшейся армии».

Mirodara

Следующий характоним («говорящее имя») из книг Н. Котара сочетает русские слова «мир» и «дар» в женском имени "Mirodara" (Миродара). Читатели, владеющие русским языком, поймут значение этого имени. Но для читателей, не знающих русского языка, писатель дает косвенное объяснение в диалогах персонажа Миродары (Mirodara), используя английское слово "peace" (мир) и жест рукопожатия как знак благонамеренности вместо того, чтобы спорить:

- "*Mirodara* looked like she wanted to argue, but *nodded and extended her hand. "Peace?*" (Kotar, 2017a: 8). – «Миродара выглядела так, словно хотела поспорить, но кивнула и протянула руку: «Мир?».

В следующем отрывке из книги "The Throne of the Gods" («Трон богов») прослеживается аллюзия к Евангелию от Иоанна: «*Мир оставляю вам, мир Мой даю вам*» (Евангелие от Иоанна 14, 27).

- "In that chair sat *Mirodara* <...> "Will she finally find her *peace*?" asked Voran. <...> "I know you have never felt true *peace, Mirodara*," said Voran. "You deserve it more than any of us, I think." "Voran, *I have peace to give*

you first," she said, her eyes now distant, pensive. "A vision, a final *gift* to you" (Kotar, 2020c: 290-291). – «В этом кресле сидела *Миродара* <...> «Найдет ли она наконец *покой*?» – спросил Воран. <...> – «Я знаю, что ты никогда не чувствовала настоящего покоя, Миродара», – сказал Воран. – «Я думаю, ты заслуживаешь этого больше, чем любой из нас». «Воран, сначала я хочу *дать тебе мир*», – сказала она, ее глаза теперь были отстранены и задумчивы. «Видение – последний подарок тебе».

В настоящем примере писатель применяет английское слово "peace" в нескольких значениях – в значении «покоя» и в значении «мира». В данном случае корень «дар» используется в его русском значении «даровать», что отличается от ранее рассматриваемого титула "Dar" (Дар).

Yeda

Еще одно «говорящее имя» в художественном творчестве Н. Котара – это персонаж "Yeda" (Éда). С помощью определенного артикля "the", слова, обозначающего профессию, "cook" (повар) и словосочетания "wooden ladle" (деревянный ковш) писатель описывает данный характоним.

- "The most feared person in all of Ghavan Isle, *the cook Yeda*, stood on the threshold, brandishing a wooden ladle the size of a pony" (Kotar, 2019c: 6). – «Самый страшный человек на острове Гавань, *повар Еда*, стояла на пороге, размахивая деревянным ковшом размером с пони».

В следующем примере благодаря притяжательному местоимению "her" (ее) и личному местоимению "she" (она) читатель узнает, что персонаж *"the cook Yeda"* – повариха (женский род сохраняется, как в русском языке, а английское слово "cook" не имеет рода):

- "*Yeda* had already been up for hours probably, knowing *her*. Did *she* even sleep? The daily pot of tea bubbled over the small hearth-fire, already spicing the air with clove and cinnamon" (Kotar, 2019c: 9). – «*Еда*, наверное, уже несколько часов как не спала, зная *ее*. *Она* вообще спала? Каждодневный чайник с чаем кипел над маленьким очагом, уже приправляя воздух гвоздикой и корицей».

В нижеуказанном примере писатель-билингв создает так называемую транслингвальную «языковую игру», сочетая в одном предложении английское существительное “food” (еда) и имя собственное персонажа *Yeda* на основе русского слова «еда». Маловероятно, что англоязычные читатели, как правило не знающие русского языка, обратят внимание на данный пассаж, в то время как русскоязычный читатель сразу заметит этот каламбур.

- “Days passed in that fire-edged stupor, accented by warm, spiced ale and *hearty food that even Yeda would have enjoyed*: mostly pies of various kinds, filled with strong meat like venison and boar. Even the turnips and carrots tasted meaty” (Kotar, 2019c: 50). – «Дни проходили в этом огненном оцепенении, подчеркнутом теплым, пряным элем и *сытной едой, которая понравилась бы даже самой Еде* – в основном пироги разных видов, начиненные крепким мясом, таким как оленина и кабан. Даже репа и морковь были мясистыми на вкус».

Derzhava

В книге “The Throne of the Gods” («Трон богов») писатель заимствует русское слово «держава» в виде характонима “Derzhava”. Автор также применяет притяжательное местоимение “her” (ее), сохраняя женский род в тексте. В сюжете книги героиня “Derzhava” – провидица, видящая натуру окружающих персонажей:

- “Though *Derzhava*, the seer, was at least fifty yards ahead of them, Adelaida heard her voice clearly” (Kotar, 2020c: 32). – «Хотя *Держава*-провидица была по крайней мере ярдов в пятидесяти впереди них, Аделаида отчетливо слышала ее голос».

В следующем примере Николай Котар объясняет англоязычным читателям значение имени персонажа “Derzhava” (Держава) английским словом “power” (сила). Для русскоязычных читателей возникает образ «силы», «владычества», а также «одна из властных регалий, золотой шар с крестом наверху» (Даль, 1994а: 1069).

- “My name, *Derzhava*, means *power* in an ancient tongue” (Kotar, 2020c: 122-123). – «Мое имя – *Держава*, что на древнем языке означает *сила*».

3.3.3.4 Топонимы

В настоящем разделе рассматриваются вымышленные топонимы из художественных произведений Николая Котара, в которых прослеживается симбиоз транскультурной креативности русской и англоязычной лингвокультур.

Vasyllia

В произведении топоним ***“Vasyllia”*** *(Василлия)* – главный из всех городов. Название города происходит от русского мужского имени «Василий», которое происходит от греческого имени “Vassilios”, означающего «царственный».

Имя Василий часто ассоциируется с былинными богатырями, как например *Василий Буслаев* – идеал богатырской молодецкой удали (Значение Василий в русском эпосе, 2023).

- “The song of the Sirin can overthrow kingdoms. I know. I have seen it. I have seen the song make gods of men. The song carved *the eternal city of Vasyllia* out of the mountains” (Kotar, 2017b: v). – «Песня Сирин может ниспровергнуть царства. Я знаю. Я видел это. Я видел, как песня превращала людей в богов. Песня создала из гор *вечный город Василлию*».

Sirin’s Peak

Писатель также заимствует культуроним *Сирин* в качестве топонима “***Sirin’s Peak”*** (пик горы Сирин) в книге “The Song of the Sirin” («Песня Сирин») – вершина горы в государстве Василлии, где в древности пели птицы-Сирин. Писатель делает аллюзию к сильным, заманивающим песням птицы-Сирин с помощью слов “summons” (призыв), “strong” (сильный) и “music” (музыка).

- “When I saw that the weeping tree is at the top of a tor called *Sirin’s Peak*, I felt a summons as strong as the music ever was” (Kotar, 2017b: 81). – «Когда я увидел, что плачущее дерево находится на макушке вершины под названием *пик горы Сирин*, я почувствовал призыв такой сильный, какой может быть только у музыки».

Ghavan Isle

Название топонима ***“Ghavan Isle”*** (Остров Гавань) – аллюзия к русской культуре. В русском языке слово «гавань» имеет положительную коннотацию дома и безопасного места, что именно отмечается в следующем примере с помощью словосочетания “welcomed us like family” (встретили нас как родных). Само слово «гавань» происходит от голландского слова “haven”. Эта же форма слова “haven” также вошла в английский язык и сосуществует со словом “harbor”/“harbour” (гавань, порт). Но писатель вместо доместикации применяет форинизацию, используя русскую форму слова «гавань» в топониме “Ghavan Isle” (Остров Гавань). Стоит отметить, что в английском языке существует устойчивое словосочетание “safe haven” (буквально: безопасная гавань) (Cambridge dictionary, 2025), что сходится со значением слова «гавань» в русском языке. Но возможно только читатели, знающие русский язык, обратят внимание на общую связь между “haven” и “ghavan”.

- “They welcomed us like family, and before we knew it we were all on the boats. We sailed to a dim dot on the horizon. *Ghavan Isle*, they call it” (Kotar, 2017b: 153). – «Они встретили нас как родных, и, не успели мы опомниться, как все оказались в лодках. Мы плыли в сторону едва видимой точки на горизонте. *Остров Гавань*, как они его называют».

В следующем отрывке из книги “The Song of the Sirin” («Песня Сирин») автор утверждает, что птица-Сирин показала путь к Острову Гавань.

- “The first settlers, it is said, were *led here by the Sirin* directly” (Kotar, 2017b: 153). – «Говорят, что первых поселенцев *привела сюда непосредственно птица-Сирин*».

Также писатель делает двойную аллюзию к затонувшим мифическим городам Атлантиды [Мифы народов мира, 1991] и граду Китежу [Мифы народов мира, 1991]. У англоязычного читателя возможно возникает образ Атлантиды, в то время как у русскоязычного читателя может возникнуть образ Китежа.

- "*Ghavan Isle was sinking under the waters, slowly, but visibly*. <...> The whirlpool pulled them in, toward the *sinking island*. <...> He saw the Tree of Covenant, the square, the houses, the people walking back and forth as though they were on dry ground. They were not drowning. It was as though the water did not even touch them" (Kotar, 2018: 157). – «*Остров Гавань погружался под воду*, *медленно, но заметно*. <...> Водоворот потянул их к *тонущему острову*. <...> Он увидел Древо Завета, площадь, дома, людей, ходивших взад и вперед, как будто они шагали по сухой земле. Они не тонули. Как будто вода их даже не коснулась».

Tiverna, Bskova, Charnigal

Топонимы ***"Tiverna"*** (***«Тиверна»), «Бскова» ("Bskova")*** и ***«Чарнигал»*** ("Charnigal") созвучны с историческими городами древней Руси: «Тверь» (Tver), «Псков» (Pskov) и «Чернигов» (Chernigov). Художественный топоним *"Karila"* – созвучен с топонимов Karelia (Карелия). Как подтверждает Николай Котар в проведенном интервью (см. Приложение 1) в рамках настоящего исследования – эта фонетическая трансформация существующих топонимов произведена в художественном тексте в мифопоэтических целях, сохраняя аллюзию к древней Руси.

- "*Tiverna*, *Bskova*, and *Charnigal* pay tribute to *Karila"* (Kotar, 2017b: 179). **–** «*Тиверна*, *Бскова* и *Чарнигал* платят дань *Карилe*».

Forest of Morrok

Название вымышленного топонима *"**Forest of Morrok**"* («Лес Моррок») из книги "The Rusted Blade" («Ржавый клинок») – созвучен с русским устаревшим словом «морок», то есть «мрак», «тьма», «темнота», «отсутствие света» (Даль, 1994b: 927). Н. Котар заимствует слово «морок» в

своем творчестве, но при этом видоизменяет орфографию, используя двойную букву “r” («р») в написании топонима “Morrok” (Моррок).

У современного русскоязычного читателя возможно возникнет ассоциация со словом «морока» (прост.) – «путанное», «непонятное» (Ожегов, 1985: 310), в то время, как у англоязычного читателя возможно возникает ассоциация с латинским корнем “mor-” (лат. “mors”, “mortis” – смерть) (Мирошенкова, 2006) в английских словах, как например “mortal” (смертный), “morbid” (нездоровый, мрачный). Стоит отметить, что корень *мор- (mor-)* в других индоевропейских языках также имеет отрицательную коннотацию и также часто ассоциируется с чем-то темным или смертельным.

- “The dirt track entered the thickest forest they had yet seen. <...> The trees stood so closely compacted that not only light, but even air seemed shut out completely. <...> No birdsong, no rustle of leaves, no gurgle of rushing water. Not even the sound of footfall. All was muted to an indistinct, pervasive murmur. <...> Trails of lichen waved the travelers on, though there was not even a breath of wind. This forest is alive, Voran thought, and shivered. <...> “This is the *Forest of Morrok*. It will take us a week at best to pass through” (Kotar, 2019d: 107). – «Грунтовая дорога вела в самый густой лес, который они когда-либо видели. <...> Деревья стояли так тесно, что казалось, что не только свет, но и воздух полностью закрыты. Ни пения птиц, ни шелеста листьев, ни журчания текущей воды. Даже звука шагов не было. Все было приглушено неясным, всепроникающим ропотом. <...> Следы Тропы из лишайников манили и словно толкали путников дальше, хотя не было даже дуновения ветра. «Этот лес живой», — подумал Воран и вздрогнул. <...> «*Это лес Моррок*. Чтобы пройти его, нам понадобится в лучшем случае неделя».

Писатель создает мрачный и зловещий образ «леса Моррок», используя такие словосочетания как “thickest forest” (самый густой лес), “closely compacted” (тесно), “rotting” (гниющий), “shut out completely”

(полностью закрыт), “No birdsong” (нет пения птиц), “no rustle of leaves” (нет шелеста листьев), “no gurgle of rushing water” (никакого журчания текущей воды), “all was muted to an indistinct, pervasive murmur” (все было приглушено неясным, всепроникающим ропотом), “not even a breath of wind” (нет даже дуновения ветра). Несмотря на отсутствие каких-либо признаков жизни, в данном топониме фраза “This forest is alive” (Этот лес живой) создает образ опасности.

3.3.3.5 Трансформированные аллюзии к русской истории

Писатель часто ссылается на элементы, относящиеся к русской истории. Данный раздел рассматривает различные исторические аллюзии, которые прошли трансформацию и стали неологизмами в процессе заимствования в авторском мифотворчестве.

Veche; Veche bell; Veche square; Hall of Veche; Veche stage; Veche library; Veche of Choosing.

Например, в творчестве Николая Котара многократно встречается древнерусский культуроним «вече» (и производные от него неологизмы), который сохраняет свое значение «народное собрание», на котором принимались коллективные решения, как например в Новгородской республике [Кабакчи, 2023].

Применение словосочетания *“order of”* (по приказу), как видно в последующем примере, создает впечатление высокого статуса и авторитетности денотата культуронима *“Veche”* (Вече).

- “You are under detainment by *order of the Veche.*” – «Вы задержаны *по приказу Вече*». (Kotar, 2018: 61).

Словосочетание *“calling Veche”* (созывает Вече) создает образ собрания авторитетных лиц, а фраза *“He is to be made knyaz”* (Его назначат князем) дает англоязычным читателем понять, что лексема “*knyaz*” – это титул.

- “Why do you think he is calling *Veche* now? *He is to be made knyaz*, of course” (Kotar, 2018: 94-95). – «Как ты думаешь, почему он созывает *Вече* именно сейчас? *Его, конечно, назначат князем*».

В книге “The Heart of the World” («Сердце мира») Николай Котар также калькирует с русского языка атрибуты культуронима «вече», как, например, “Veche bell” – вечевой колокол (Kotar, 2018), “Veche square” – вечевая площадь [Kotar, 2018]. Писатель также создает гибридные неологизмы в английском языке со словом *“Veche”* (вече), такие как *“Hall of Veche”* – вечевой зал (Kotar, 2018), “*Veche stage*” – вечевая сцена [Kotar, 2018], “*Veche library*” – вечевая библиотека (Kotar, 2018), “*Veche of Choosing*” – вече выбора (Kotar, 2018).

Dumar

Писатель заимствует русский культуроним «дума» в трансформированной форме *“Dumar”* (Думар). Русизм *дума* (*duma*) вошел в английский язык во второй половине XIX века [Кабакчи, 2023]. Само слово «дума» изначально означает «размышление или мысль» (Черных, 1993а: 273). Культуроним *дума* – это название органов управления в Российской империи (Черных, 1993а: 274). Но также была так называемая «Боярская дума» – собрание и совет управляющей элиты при царе» (Черных, 1993а: 274).

Стоит обратить внимание, что писатель-билингв сохраняет корень слова *“Duma”* («Дума»), но добавляет к корню суффикс *“-ar”* (-ар), так же как в вымышленном художественном титуле “Otar” («Отар») (ранее рассматриваемого в разделе: *3.3.3 Неологизмы и трансформы автора в авторском мифотворчестве* в подразделе *3.3.3.2 Антропонимы*).

В проведенном интервью для настоящего исследования Николай Котар поясняет, что он намеренно трансформировал культуроним *duma* в *dumar* в поэтических целях, чтобы создать образ древнего Новгорода, а не думы в современном значении этого термина. Лексемы “chosen speakers” и “counsel” помогают англоязычным читателям в интерпретации необычного слова

“Dumar”. Однако те, кто знаком с русской историей, возможно, ассоциируют русизм “Duma” и вымышленную номинацию “Dumar”.

- “Chosen speakers of the *Dumar*, step forward for counsel” (Kotar, 2017b: 103). – «Избранные докладчики Думы, выступите вперед для совета».

В примере ниже наблюдается применение объяснительного перевода при описании культуронима Дума, но в его трансформированной форме Dumar, с использованием фразы “assembled Dumar” (собранные члены Думар), “chosen representatives of the people” («избранные представители народа»). Но в то же время писатель применяет стратегию доместикации, используя английское слово “king” («король») вместо русского слова «царь» во фразе “stood to greet the king” («встали, чтобы поприветствовать короля»).

- “Two-tiered galleries of wood lined either side of the rectangular room, where the assembled *Dumar*, the forty chosen representatives of the people, all stood to greet the king” (Kotar, 2017b: 188). – «По обе стороны прямоугольной комнаты тянулись двухъярусные деревянные галереи, где собравшиеся члены *Думар*, сорок избранных представителей народа, встали, чтобы поприветствовать короля».

The lordship of the Ghan

Также в творчестве писателя-билингва прослеживается аллюзия к Золотой Орде [Кабакчи, 2023]. В данном примере читатели наблюдают поставленные условия ярлыка (ранее рассматриваемого в разделе: *3.3.3 Неологизмы и трансформы автора в авторском мифотворчестве* в подразделе *3.3.3.2 Антропонимы)* художественного персонажа “Ghan” (Гана), трансформированного из исторической личности “Khan” (Хана).

- “The Gumiren have one condition. They will allow Vasyllia its peace and continued existence. In return, *the Dar must recognize the lordship of the Ghan* of Gumir, though *as a courtesy he will retain the title of Dar*” (Kotar, 2017b: 184). – «У гумиренов есть одно условие. Они оставят Василлию в покое и дадут ей возможность существовать. В свою очередь, Дар

должен признать господство Гана Гумира, а в качестве любезности ему будет сохранен титул Дара».

Tribute

В следующем примере писатель дает описание процесса установления ярлыка и дани, которую платили князья ханам Орды. Здесь вместо культуронимов «хан» (khan) и «князь» (knyaz) писатель придумывает свои титулы, опираясь на известные ему русские историзмы в авторском мифотворчестве *"Ghan"* (Ган) и *"Dar"* (Дар).

- "An additional *tribute* of timber, furs, gold, and wine *will be levied every few months*. Furthermore, *a representative of the Ghan will preside at all ruling sessions of the Dar*. He will have power to supersede the Dar's command, should the Ghan's wishes contradict those of the Dar" (Kotar, 2017b: 184). – «Каждые несколько месяцев будет взиматься дополнительная дань лесом, мехами, золотом и вином. Кроме того, представитель Гана будет председательствовать на всех заседаниях правления Дара. У него будет власть отменить приказ Дара, если желания Гана будут противоречить желаниям Дара».

Steppe, steppeland

Культуроним ***"steppe, steppeland"*** (Степь) – вошел в английский язык в конце XVII века [Кабакчи, 2023]. Для англоязычных читателей этот евразийский географический регион похож на прерии в Северной Америке [Кабакчи, 2023]. По сюжету книг Николая Котара в степи (*"steppe, steppeland"*) живут кочевники. У русскоязычных читателей сразу возникает аллюзия к Золотой Орде, к степным кочевникам и Древней Руси.

В книге "The Song of the Sirin" («Песня Сирин») писатель добавляет корень *-land* (еще один пример новообразования, построенного на словосложении), возможно для поэтических целей. Культуронимы *"steppe"* и *"steppeland"* используются писателем-билингвом взаимозаменяемо на протяжении всей книги.

- “In the back of his mind he remembered an old rumor, from about ten years ago, that nomad armies were assembling in the far *Steppelands”* (Kotar, 2017b: 93). – «В глубине души он вспомнил старый слух десятилетней давности о том, что армии кочевников собираются в далеких *степных землях*».

В следующем примере автор сохраняет женский род слова “steppe” «степь» в англоязычном тексте, используя существительное “mother” (мать).

- “Her family, the last true nomads of the Gumiren, had a saying. The *Steppe* is a hard *mother*. The *Steppe* provided food and grass for the herds. The *Steppe* gave water and firm land, comfortable for the feet of the horses. The *Steppe*’s endless sky and limitless grass—it was a home as great as the earth itself. But the *Steppe* was cold. The *Steppe* was wind and driving snow. The *Steppe* was dearth and labor and, sometimes, death” (Kotar, 2018: 1). – «У ее семьи, последних истинных кочевников Гумирена, была поговорка. Степь – суровая мать. Степь обеспечивала стадам пищу и траву. Степь давала воду и твердую землю, удобную для ног лошадей. Бескрайнее небо Степи и бескрайняя трава – это был дом, такой же великий, как сама земля. Но в степи было холодно. Степь была ветром и метелью. Степь была голодом и трудом, а иногда и смертью».

Писатель описывает условия в степи с помощью варьирующих номинаций в следующих словосочетаниях: прилагательного “hard” (суровая) и существительного “mother” (мать) – “The Steppe is a *hard mother*” (Степь – суровая мать), прилагательного “cold” (холодно) – “the Steppe was *cold*” (Но в Степи было холодно), существительного “wind” (ветер) и словосочетания *driving snow* (метель) – “The Steppe was *wind* and *driving snow*” (Степь была ветром и метелью), а также существительных “dearth” (голод), “labor” (труд), “death” (смерть) – “The Steppe was *dearth* and labor and, sometimes, *death*” (Степь была *голодом* и *трудом*, а иногда и *смертью*). Н. Котар также применяет глагол “provided” (обеспечивала) – “The Steppe *provided* food and grass for the herds” (Степь обеспечивала стадам пищу и траву) и глагол “gave”

(давала) – “The Steppe *gave* water and firm land, comfortable for the feet of the horses” (Степь давала воду и твердую землю, удобную для ног лошадей). Писатель далее задействует притяжательный падеж в слове “Steppe” с прилагательными “endless” (бескрайнее) и “limitless” (бескрайняя) и существительным “sky” (небо) и “grass” (трава) – “The Steppe’s *endless sky* and *limitless grass*” (Бескрайнее небо степи и бескрайняя трава).

Также автор применяет номинацию “home” (дом) вместе со сравнением величества степи с землей во фразе “it was a *home* as great as the earth itself” (это был дом, такой же великий, как сама земля).

Перечисленный выше ряд примеров из книжной серии “Raven Son” («Сын Ворона») демонстрирует художественную креативность американского писателя-билингва, успешно сохранившего и комбинирующего унаследованный русский язык и русскую культуру в своих произведениях.

3.4 Выводы по главе III

Примером транскультурного и транслингвального творчества писателя-билингва служат произведения американского писателя Николая Котара (Nicholas Kotar). В своих книгах Николай Котар как носитель унаследованного русского языка использует два языка и две культуры, которые благодаря их синтезу, позволяют ему создать нечто новое для современной американской литературы. Его произведения, таким образом, относятся к литературе, вобравшей в себя как русскую, так и американскую лингвокультуру. Это достигается писателем в результате процесса гибридизации и синкретизма благодаря мифопоэтической трансформации сюжетов русских сказок, фольклора и образцов лингвокультуры.

Николай Котар как переводчик с русского на английский язык в целях адаптации переводов русских сказок, а также как писатель-билингв в своих художественных произведениях применяет переводческие стратегии

доместикации и форинизации. В рамках этих стратегий писатель пользуется различными переводческими приемами, такими как прием субституции (относящийся к стратегии доместикации), механический перенос в виде транскрипции и транслитерации (относящийся к стратегии форинизации) и кальку. Применение писателем этих стратегий и приемов приводит к гибридным формам вербальной реализации русской лингвокультуры в англоязычном художественном тексте.

В своих книгах Николай Котар применяет многочисленные лексические и культурологические заимствования, русизмы, аллюзии на русскую лингвокультуру. Используя русскую лингвокультуру, автор вызывает к ней интерес у англоязычного читателя.

При описании русской лингвокультуры Николай Котар в своих произведениях использует внутренний перевод. Включая в оригинальный текст русские культуронимы, автор передает читателям такие лексические единицы, которые могут быть им в значительной степени незнакомы. В книгах писатель часто применяет объяснительный перевод и генерализацию в описании культуронимов. Некоторые из культуронимов проходят мифопоэтическую трансформацию в процессе заимствования.

Николай Котар, будучи билингвом-эритажником, сохранившим русский язык вдали от исторической родины, «играет с языками», создавая транскультурную и транслингвальную гибридность в своем творчестве через свою интерпретацию русской и англоязычной лингвокультур. Применяя заимствования из русской лингвокультуры, автор также прибегает к стратегии форинизации без объяснительного перевода, предлагая читателям расшифровать значение слов из контекста сюжета. Такая стратегия сохраняет элемент экзотизма для англоязычных читателей. В ряде случаев писатель также использует стратегию доместикации, адаптируя слова из русской лингвокультуры для англоязычных читателей. Н. Котар сохраняет русский колорит произведений, в том числе за счет использования типично русских реалий, концептов, аллюзий, а также традиционных фраз из русского

фольклора. Значение используемых автором характонимов не всегда очевидно для англоязычных читателей, не владеющих русским языком. В этом случае читатель узнает о значении характонима из сюжета произведения. Используя топонимы, писатель знакомит читателя с названиями мифологических мест, которые ассоциируются с сюжетами из русского эпоса.

Выполняя задачу перевода и адаптируя русские сказки и былины, Николай Котар знакомит с ними англоязычную аудиторию в серии подкастов “In a Certain Kingdom” и в одноименных опубликованных книгах, получивших высокую оценку англоязычной аудитории.

Таким образом, используя в своих художественных текстах элементы русской лингвокультуры, заимствованные из сказок и других фольклорных жанров, а также применяя гибридизацию английской и русской литературных традиций, транскультурный писатель и переводчик знакомит англоязычных читателей с русской лингвокультурой.

ГЛАВА IV. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: ПИСАТЕЛЬСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ

В настоящей главе приводятся результаты проведенного исследования, в котором задействуются устное интервью с писателем-билингвом и анкета-опросник с ответами читателей. Участники читательской перцепции включают в себя монолингвов, говорящих только на американском варианте английского языка, билингвов русского происхождения, владеющих русским и английским языками, проживающих в США, а также российских билингвов, владеющих русским и английским языками и проживающих в России.

Результаты исследования нацелены на выявление билингвизма и бикультурности писателя, выраженных в его творчестве, а также выявление особенностей читательской интерпретации. В данном разделе с помощью культурно-языковых контактов и культурных нарративов выявляется языковая и культурная картина мира писателя, его вклад в современную американскую литературную традицию как автора транслингвальной и транскультурной контактной литературы.

4.1 Интервью как метод исследования рефлексии писателя

Применение интервью в качестве метода [Леонтович, 2011] в рамках лингвокультурологического исследования предполагает устный опрос респондента. Данный метод позволяет напрямую анализировать полученную информацию путем фиксирования высказываний в ходе саморефлексии субъекта.

В рамках настоящего исследования было проведено интервью с писателем-билингвом и носителем унаследованного русского языка Николаем Котаром (Nicholas Kotar). Материалы интервью состоят из списка вопросов, видеозаписи ответов писателя-билингва и их письменной транскрипции (см. Приложение 1). Интервью было проведено по-русски в

онлайн формате на платформе Zoom в удобное для писателя время – 12 сентября 2023 года.

Интервью состоит из 40 вопросов и делится на три раздела:

- Часть 1. Билингвизм и бикультурность автора (вопросы с 1 по 14).
- Часть 2. Влияние русского языка и культуры на писательский процесс (вопросы с 15 по 25).
- Часть 3. Лингвистические особенности в текстах, создаваемых писателем-билингвом (вопросы с 26 по 40).

Представленные ниже результаты интервью демонстрируют рефлексию писателя в процессе обсуждения и анализа художественного и переводческого творчества Николая Котара.

4.2. Анализ интервью с писателем-билингвом и носителем унаследованного русского языка Николаем Котаром

В настоящем разделе работы приводятся результаты интервью, позволяющие ознакомиться с лингвокультурным опытом американского билингвального писателя с русскими корнями. В данном разделе детально рассматриваются билингвизм и бикультурность автора. В ответах Николая Котара прослеживается лингвокультурная гибридность писателя, проявляющаяся в его творчестве в виде транскультурных и транслингвальных элементов. Ниже приводится анализ ответов писателя на вопросы в рамках проведенного интервью (полный транскрипт вопросов и ответов см. в Приложении 1).

Часть 1. Билингвизм и бикультурность автора

В настоящем разделе проводится анализ ответов Николая Котара на вопросы, касающиеся формирования его билингвизма и бикультурности.

Последовательный билингвизм (вопрос 1 в разделе Приложение 1).

У писателя в раннем детстве формировался последовательный билингвизм (sequential bilingualism). В начале его жизни родители говорили

с ним и с его младшей сестрой только по-русски. Хотя он родился в Сан-Франциско, но до четырех лет он говорил исключительно на русском языке. Позже он стал говорить на обоих языках, но, когда пошел в частную, аккредитованную в штате Калифорния православную школу, в его семье почти полностью перешли на английский. Русский язык поддерживался благодаря частым поездкам в Россию, где он общался с родственниками на русском.

Возраст освоения первого языка (вопрос 2 в разделе Приложение 1).

Так как для Николая Котара характерен последовательный билингвизм, он пояснил, что его первым языком был русский, на котором он начал говорить, когда ему было около двух лет.

Возраст освоения второго языка (вопрос 3 в разделе Приложение 1).

Писатель отметил, что начал говорить на английском языке в возрасте четырех лет.

Самоидентификация билингва (вопрос 4 в разделе Приложение 1).

Писатель замечает, что никогда не идентифицировал себя «билингвом», несмотря на то что он говорил на двух языках с раннего детства. Он считал себя русским американцем, и именно это внесло решающий вклад в его самовосприятие. По его мнению, вопрос идентификации связан скорее с культурой, чем с языком. Писатель отметил, что это актуальный вопрос для людей поколения XXI века, так как современным молодым людям необходимо как-то себя идентифицировать. Однако в его поколении никто не задумывался об этом и просто все жили в своей культуре.

Посещение дополнительных языковых занятий для сохранения унаследованного русского языка (вопрос 5 в разделе Приложение 1).

Писатель поделился своим опытом посещения дополнительных языковых занятий для сохранения русского языка. Он рассказал о Русской школе, известной как Кирилло-Мефодиевская русская гимназия, в которой проводились занятия факультативно по вечерам, три раза в неделю. Эта

школа предоставляла возможность изучать русский язык: на уроках читали короткие пересказы произведений русской литературы и изучали базовую русскую грамматику, русскую историю и Закон Божий. Писатель отметил, что хотя школа и была весьма полезной, без регулярных поездок в Россию, которые происходили примерно раз в четыре года, он бы все равно потерял язык. Таким образом, по мнению писателя, поездки в Россию оказали значительное влияние на его языковые навыки.

Внутренний диалог (вопрос 6 в разделе Приложение 1).

Писатель отметил, что его внутренний диалог (на каком языке он мыслит) зависит от контекста. В основном он мыслит на английском языке, но также добавил, что чаще всего думает образами, а не словами. Если речь идет о разговоре с женой, то он использует русский язык; важные дела, которые нужно обсудить заранее, он обдумывает на русском, не переводя их. Однако вопросы, связанные с работой, он решает на английском.

Языковые предпочтения в семье: раньше и сейчас (вопрос 7 в разделе Приложение 1).

Писатель рассказал о языковой практике в своей семье. В детстве он и его родители общались исключительно на русском языке. Но когда родители начали преподавать в школе, общение стало более разнообразным, и они перешли на английский, так как обучение в школе, которая называлась Академия Святого Иоанна (Saint John’s Academy), велось на этом языке. Писатель замечает, что, когда он встретил свою будущую жену, она почти не говорила по-английски, и они общались на русском. В своей семье они с женой серьезно относятся к языковому вопросу и стараются говорить только по-русски с детьми. Тем не менее в их доме происходит смешение языков, поскольку дети обучаются на дому и общаются с бабушкой на английском, так как она, будучи педагогом, учит своих внуков предметам начальной школы. Н. Котар отмечает, что ему иногда приходится напоминать детям, что дома у них принято говорить на русском языке, но иногда самому приходится говорить с ними на английском, особенно когда они занимаются

чем-то, что связано с американской культурой, например смотрят американский футбол. В целом в семье писателя делается акцент на использовании русского языка.

Языковой узус в повседневности (вопрос 8 в разделе Приложение 1).

Писатель в основном говорит по-английски, так как большую часть времени проводит на работе, где общение происходит на этом языке.

Языковая доминантность (вопрос 9 в разделе Приложение 1).

Писатель отметил, что его доминирующий язык изменялся в течение жизни в зависимости от контекста. Изначально русский был его первым языком, но вскоре английский стал доминирующим. Находясь в России, он замечал, что начинает думать по-русски и ощущать себя иначе. Во время поездок в Россию первые две недели он испытывал трудности с подбором слов и завершением мыслей. Но с течением времени, проведенным в России, ему становилось легче формулировать мысли, и он начинал в основном думать на русском языке.

Язык и поведение (вопрос 10 в разделе Приложение 1).

Писатель утверждает, что его поведение различается в зависимости от языка общения. Он отмечает, что, общаясь на русском языке, он чувствует себя иначе: мысли, речь и общение с другими людьми становятся более открытыми. По его мнению, при общении на английском языке существует больше подразумеваемого подтекста, и поэтому нужно быть более внимательным к формулировкам, так как одна и та же фраза может восприниматься по-разному в зависимости от собеседника. В отличие от этого, говоря на русском языке, он чувствует, что может сказать именно то, что хочет, и его слова будут поняты без дополнительных интерпретаций.

Смешение языковых кодов (вопрос 11 в разделе Приложение 1).

Писатель отмечает, что смешивает языки чаще, чем ему хотелось бы, и английские слова часто проскакивают в его русской речи, особенно после длительного отсутствия в России. В письменной речи писатель выражает свои мысли преимущественно в английском стиле, даже когда пишет на

русском. Он не использует английские слова, но его образ мышления, выраженный в письменной форме, остается американским. Хотя он и не сталкивается с частыми ошибками в правописании, ему бывает необходимо проверять правильность употребления фразеологизмов и каких-то других языковых элементов с помощью жены, носителя русского языка.

Принадлежность к двум культурам (вопрос 12 в разделе Приложение 1).

Писатель утверждает, что владение вторым языком подразумевает наличие второй языковой личности и другой картины мира. Он ощущает принадлежность к двум культурам и связанные с этим сложности. Писатель постоянно размышляет о своей идентичности и о том, где он находится в культурно-языковом отношении. Николай Котар пришел к выводу, что для него важнейшим является быть православным, а вторым по значимости – быть русским православным, то есть связывать свою веру с русской культурой и языком. Хотя православие для него является необходимым, русская культура в контексте православия также играет важную роль. При этом писатель идентифицирует себя как русского американца, что подразумевает принадлежность к русской эмиграции первой волны, с определенными языковыми и культурными особенностями. Он замечает, что, когда он приезжает в Россию, окружающие сразу ощущают, что он русский, но «какой-то другой русский» (см. транскрипт интервью в разделе Приложение 1). Это связано не только с языком и некоторым акцентом, но и с иным, непривычным для современных россиян менталитетом. Н. Котар не считает себя полностью американцем или полностью русским, а скорее ощущает в себе некую гибридность, объединяя элементы обеих культур и находясь между ними.

Гибридность или пограничность: между двумя культурами (вопрос 13 в разделе Приложение 1).

Писатель постоянно ощущает чувство гибридности и пограничности, находясь между двумя культурами. Он отмечает, что осознанно подошел к

вопросу своей самоидентификации, решив, как сохранить в себе две культуры. Писатель считает себя русским, но не в контексте XX или XXI веков, а скорее, как представитель идеализированного прошлого. Для него быть русским американцем – это отдельная идентичность, которую он сформировал в возрасте тринадцати–пятнадцати лет. Писатель отмечает, что его жизнь проходит через призму этой гибридности, и он постоянно фильтрует свои мысли и ощущения через эту уникальную комбинацию культур.

Поездки на историческую Родину (вопрос 14 в разделе Приложение 1).

Писатель впервые посетил Россию в возрасте девяти лет и быстро адаптировался к местным условиям, не испытывая особого языкового барьера. Позже, когда он стал старше, в возрасте четырнадцати–шестнадцати лет, у него начали спрашивать, как получилось, что он так хорошо говорит по-русски. Другие отмечали его необычный акцент, но несмотря на это, общение в русской языковой среде в целом оставалось свободным. Писатель указал на то, что существует различие в лексиконе русского языка между представителями потомков русской эмиграции первой волны и современными русскими в России. Писатель также подчеркивает, что у зарубежных русских есть своя история, связанная с сохранением особенностей их русского языка на протяжении более ста лет. Н. Котар отмечает частое использование зарубежными русскими коммуникантами архаизмов, которыми они гордятся и которые играют важную роль в их идентичности.

Часть 2. Влияние русского языка и культуры на писательский процесс

В разделе «Влияние русского языка и культуры на писательский процесс» рассматривается творческий путь писателя. Также в настоящем разделе уделяется внимание воспитанию в русскоязычной семье русской диаспоры в городе Сан-Франциско, высшему образованию, а также

любимым художественным произведениям и писателям русской и англоязычной литературных традиций и жанров, оказавших влияние на оригинальное творчество Николая Котара.

Влияние детства и юности на творчество (вопрос 15 в разделе Приложение 1).

Детство писателя прошло в Сан-Франциско, в семье и русскоязычной общине, где стремились сохранить русский язык, культуру и веру предков. Мать читала ему русские сказки и классические произведения русской литературы, а бабушка рассказывала о значимых событиях русской истории, таких как битва на Куликовом поле. Эти элементы русской культуры, включая искусство и музыку, были неотъемлемой частью его жизни с раннего возраста. Писатель отмечает, что, когда он начал писать свои книги, многие из тех историй и образов начали появляться в его произведениях. Лишь позже, перечитывая сказки своим детям и используя их как материал для своих книг, он осознал, насколько глубоко такие элементы были вплетены в его творчество. Это влияние оказалось для него очень важным. Некоторые образы, такие как Баба-яга и говорящий волк, включались в его сюжеты естественным образом, и он поначалу не осознавал, что заимствует их из русских сказок.

Образование (вопрос 16 в разделе Приложение 1).

Писатель рассказал, что его первое образование – филология с акцентом на русский язык и литературу. Во время учебы в университете он осознал, что хочет представлять русскую культуру англоязычной аудитории, стремясь показать, насколько она прекрасна и важна. Писатель пояснил, что его любовь к русской культуре была движущей силой, и он считал, что через русский язык и культуру можно привлечь людей к православию. Это сочетание филологического и теологического образования оказало значительное влияние на его творчество.

Влияние русских сказок и фольклора на творчество (вопрос 17 в разделе Приложение 1).

Николай Котар отмечает, что вдохновляясь произведениями Дж. Р. Р. Толкином, который создавал эпическое фэнтези на основе мифологии, он сам решил основывать художественные произведения на русском фольклоре. Писатель считает, что в России богатая мифология, и он, как любитель фэнтези, решил написать свои произведения на основе русского фольклора. Н. Котар заинтересовался тем, как соединить архетипные сюжеты русских сказок с современным эпическим фэнтези, и эта задача стала для него профессиональным вызовом.

Влияние других жанров на творчество (вопрос 18 вопрос в разделе Приложение 1).

Писатель отметил, что помимо русских сказок, на него оказали влияние другие литературные жанры. В первую очередь, он упомянул эпическое фэнтези, особенно произведения Дж.Р.Р. Толкина и К.С. Льюиса. Кроме того, на его творчество повлияли книги Ф.М. Достоевского, а также агиографические произведения, представленные в сборниках житий святых святителя Дмитрия Ростовского.

Продолжение традиций русского фольклора в творчестве (вопрос 19 в разделе Приложение 1).

Писатель замечает, что, даже если он будет писать в других жанрах, он всегда будет опираться на русский фольклор. Даже в его текущих работах в жанре научной фантастики присутствуют элементы, заимствованные из фольклора.

Творческий кружок “Conquering Time” («Покорение времени») (20 вопрос в Приложение 1).

Писатель рассказал о создании творческого кружка “Conquering Time” («Покорение времени»), который возник после открытия классической православной школы в Сан-Франциско, где он преподавал. Николай Котар преподавал в Академии Святого Иоанна, где собирался с коллегами для

обсуждения вопросов культуры и чтения книг. Они решили воплотить свои идеи в концерты, сочетая русское православие с фольклором и музыкой XIV–XVI веков.

Слияние языков и культур в новых произведениях (вопрос 21 в разделе Приложение 1).

Писатель подтвердил, что планирует комбинировать языки и передавать атмосферу разных культур в своих новых произведениях.

Неожиданные моменты в творчестве (вопрос 22 в приложение 1).

Писатель отметил, что, хотя он и не любит составлять детальные планы для своих произведений, ему приходилось организовывать материал и планировать сюжет для первых трех книг, чтобы не запутаться. Но он неожиданно обнаружил, что персонажи и сюжет могут развиваться самостоятельно, если направить их в нужное русло. По словам писателя, слишком тщательное планирование мешает ему чувствовать свежесть сюжета и отбивает желание писать.

Влияние литературы: писатели и произведения (вопрос 23 в разделе Приложение 1).

Писатель выделил два произведения, оказавших на него значительное влияние: «Властелин колец» Дж.Р.Р. Толкина и «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. Он считает роман «Властелин колец» краеугольным камнем жанра фэнтези. Ф.М. Достоевский, в свою очередь, вдохновляет писателя своим глубоким пониманием человеческой психологии и способностью донести до читателя высокую философскую мысль в различных литературных жанрах.

Источник вдохновения (вопрос 24 в разделе Приложение 1).

Писатель отметил, что его вдохновение для написания художественных работ напрямую связано с чтением, особенно духовной литературы. Он считает, что потеря интереса к чтению ведет к утрате вдохновения. Духовные истины, которые он находит в литературе, поражают его и побуждают воплощать их в своих произведениях.

Пожелания и советы писателям-билингвам (вопрос 25 в разделе Приложение 1).

Писатель поделился своими мыслями о возможных советах начинающим писателям-билингвам. Николай Котар подчеркнул, что уникальный личный опыт автора на стыке двух культур является особенно ценным и интересным для читателей. Писатель советует начинающим писателям-билингвам опираться на свой личный билингвальный и бикультурный опыт. Это может привести к созданию новых и оригинальных произведений, отражающих индивидуальный авторский стиль (идиостиль), передающий восприятие языковой личности писателя-билингва.

Часть 3. Лингвистические особенности в текстах, создаваемых писателем-билингвом

В третьем разделе интервью «Лингвистические особенности в текстах, создаваемых писателем-билингвом» рассматриваются русские элементы и аллюзии в художественных произведениях Николая Котара в виде рефлексии собственного творчества писателя-билингва.

Путешествия по России: влияние на творчество писателя (вопрос 26 в разделе Приложение 1).

Писатель рассказал о своих путешествиях по России и их влиянии на его творчество. Он посетил Санкт-Петербург, Москву, Великий Новгород, Псков и Екатеринбург, но особенно запомнился ему Валаам, где он провел полтора месяца зимой. Этот период стал для него переломным моментом в жизни, когда он много думал и писал. При перечитывании своей первой книги он заметил, что его духовное и умственное состояние, а также воспоминания о местах, которые он посетил, сильно отразились в произведении. Описание ландшафта и эмоции, связанные с этими местами, нашли отражение в художественном тексте.

Гибридность авторского голоса: влияние двух языков и культур на творчество писателя (вопрос 27 в разделе Приложение 1).

Писатель отмечает, что в его творчестве проявляются два языка и две культуры. На вопрос о том, стремится ли он достичь оригинального сочетания этих лингвокультур, он отвечает, что именно в этой гибридности, как он полагает, будет заключен его «уникальный голос». Но он не акцентирует внимание на создании особого стиля, так как уверен, что индивидуальность и личный опыт автора сами сформируют этот «авторский голос», отражающий культурную гибридность.

Перевод произведений Николая Котара и культурные трансформации: влияние зарубежной литературы на русскую традицию (вопрос 28 в разделе Приложение 1).

Размышляя о том, смогут ли российские читатели взглянуть на его книги с трансформированными русскими культуронимами как на произведения, вписывающиеся в русскую литературную традицию, писатель выражает надежду, что это возможно.

Перевод и публикация произведений в России (вопрос 29 в разделе Приложение 1).

Н. Котар сообщил, что поручил перевод первой книги другому писателю-переводчику и не собирается переводить свои произведения на русский язык самостоятельно. Он уверен, что профессионал, владеющий литературным русским, сможет сделать это лучше. Писатель также отметил наличие интереса к фэнтези в России и выразил надежду на публикацию своих книг для русскоязычных читателей.

Аллюзии к русским сказкам и фольклору в книгах Н. Котара (вопрос 30 в разделе Приложение 1).

Писатель пояснил, что сначала написал первую книгу “The Song of the Sirin” («Песня Сирин»), не осознавая, что в ней много элементов из русских сказок. Но эти аллюзии были подсознательными только в первой книге. В

следующих книгах он стал осознанно опираться на конкретные элементы из русского фольклора.

Синтез русской фольклорной традиции с англоязычным жанром фэнтези (вопрос 31 в разделе Приложение 1).

В аннотации к новелле “The Rusted Blade” отмечается влияние Ф.М. Достоевского и Дж.Р.Р. Толкина на творчество писателя. Н. Котар замечает, что сочетание русской литературной и фольклорной традиций с англоязычным фэнтези не представляет сложности. В основе его произведений лежат мотивы, сюжеты, образы русских сказок, которые, несмотря на некоторые языческие элементы, являются христианскими.

Писатель ссылается на И.А. Ильина, который описывает процесс христианизации народа Руси, где древние верования и новое христианство переплетаются естественным образом [Ильин, 1997]. Ильин утверждал, что сказка – это первая, дорелигиозная философия народа, его жизненная философия, изложенная в свободных мифических образах и в художественной форме.

Н. Котар считает, что жанр фэнтези может основываться на христианском мировоззрении, выражаясь через мифологический язык, который универсально доступен.

Мифопоэтические трансформации и авторское мифотворчество (вопрос 32 в разделе Приложение 1).

Писатель подчеркивает, что в его книгах присутствуют мифопоэтические трансформации, основанные на русской лингвокультуре. Он целенаправленно создал мир «мифической Руси», где важной идеей народа государства Василлии является служение людям.

Персонаж “Dar” (Дар) символизирует эту концепцию, так как его титул означает как «дар», так и «царь», подчеркивая его роль царя, приносящего свое служение в дар народу. Имя “Otar” также связано с титулом Дар, но означает статус священнослужителя, от русского слова “отец”.

Также писатель поясняет, что зеркальное отображение имен «Voran» (Воран) и “Raven” (Ворон) целенаправленно отражает два духовных начала добра и зла, где человек может стать “Raven’s son” (сыном ворона) если вступит на путь зла. Николай Котар отмечает, что в русском переводе, который еще не опубликован, он намерено трансформировал имя главного положительного героя “Voran” (Воран) на «Рэйван» (Raven), чтобы это было зеркальным отображением английского слова Raven (ворон), в то время как главный антагонист “Raven” из книг писателя получает имя «Ворон» в русском переводе. Также Н. Котар упоминает, что имена персонажей, такие как Svetlomir и Yadovir, были даны намеренно, чтобы передать их сущность.

Писатель также объясняет, что культуроним Сирин вдохновил его на мифопоэтические трансформации славянского бестиария. Этот образ стал символом внутреннего перерождения его персонажа Ворана (Voran). Он также подчеркивает важность правильного написания имени Сирин для сохранения символики, таким образом проводя различие между русским культуронимом Сирин (Sirin) и греческой Сиреной (Siren), более знакомой англоязычным читателям.

Переводческие стратегии в книжной серии “The Raven Son Series” (вопрос 33 в разделе Приложение 1).

Писатель комментирует применение переводческих стратегий доместикации и форинизации в серии книг “The Raven Son”. Он отмечает, что перевод книг может осложняться тем, что зачастую оказывается необходимым вносить множество трансформаций для сохранения в переводе параллельного форинизма между английским и русским языками. Например, слово «сарафан» уже вошло в английский язык, в то время как мифопоэтически трансформированный в его книгах культуроним «боярская дума» в слове “Dumar” не может быть переведен как «дума», чтобы избежать современных ассоциаций и передать мифические образы былинной Руси. Н. Котар считает, что экзотизмы легче сохранять через собственные имена и титулы, чтобы не запутать читателя. Для бытовых слов, таких как «кафтан»,

перевод приемлем, так как они понятны из контекста. Однако уникальные элементы, связанные с фольклором, лучше сохранять при помощи форинизации, чтобы создать ощущение уникального мира с его глубокими традициями.

Перевод русских сказок и былин на английский язык для подкастов и книг “In a Certain Kingdom” (вопрос 34 в разделе Приложение 1).

Отвечая на вопрос о том, что вдохновило осуществить лингвокультурный проект по переводу русских сказок и былин на английский язык для подкастов “In a Certain Kingdom”, писатель отмечает, что первоначально проект не был его идеей. Идея принадлежит композитору, которая предложила ему читать сказки, а сама написала музыку. Только впоследствии он осознал ценность этой идеи, особенно после того, как многие благодарили писателя за то, что он открыл им мир русских сказок.

Переводческие стратегии в подкастах и книгах “In a Certain Kingdom” (вопрос 35 в разделе Приложение 1).

Писатель объясняет, что при переводе русизмов и реалий из русских сказок и былин для англоязычных слушателей и читателей он в первую очередь стремится к тому, чтобы они понимали смысл слова. Он считает, что слишком много экзотики может отвлечь, поэтому использует обе стратегии (форинизацию и доместикацию). Например, для слов «царь» и «царевич» он предпочитает “king” и “prince”, так как они близки по значению. Но для слова «богатырь» он считает важным оставить оригинал, так как это понятие не имеет аналогов в английском языке и связано с конкретной культурной традицией, обозначая, что это иной культурно-языковой мир. Писатель подчеркивает, что некоторые слова, такие как «квас», нужно сохранять, чтобы передать колорит русской культуры и языка. Он считает, что при переводе важно находить «золотую середину» между доместикацией и форинизацией.

Калькированные фразы из русских сказок (вопрос 36 в разделе Приложение 1).

Писатель замечает, что в его произведениях используются кальки фраз из русских сказок. Без этих элементов русские сказки не были бы русскими сказками, именно в этом, по мнению писателя, должна «прозвучать экзотика».

Различное восприятие мифопоэтического творчества читателями-билингвами и читателями-монолингвами (вопрос 37 в разделе Приложение 1).

Писатель отметил различия в восприятии его художественных книг билингвами и монолингвами. Н. Котар объяснил, что в современной литературе существует постмодернистская тенденция к добавлению так называемых “easter eggs” (скрытых аллюзий), которые могут сделать чтение более сложным для тех, кто не знаком с контекстом. Билингвы могут уловить скрытые аллюзии, в то время как читатели-монолингвы могут чувствовать себя выпавшими из контекста и не понимать все элементы прецедентного феномена. Писатель сравнил эти аллюзии с «солью», которая должна дополнять основное «блюдо», то есть сам сюжет повествования. При этом он надеется, что его истории достаточно интересны, чтобы даже те, кто не знаком с русской и православной культурой, могли получить удовольствие от чтения его книг.

Влияние других авторов-билингвов на творчество писателя (вопрос 38 в разделе Приложение 1).

Писатель отметил, что на него оказал особое влияние И.А. Ильин. Н. Котар считает, что лучшие работы И.А. Ильина были написаны на немецком языке и переведены на русский. Писатель восхищается его эссе, особенно о русских сказках. Н. Котар также выразил любовь к произведениям И.А. Бунина, особенно к его поздним работам.

Вклад автора как билингвального и бикультурного писателя в современную американскую литературную традицию (вопрос 39 в разделе приложение 1).

Н. Котар подчеркивает, что его билингвальный опыт помогает ему мыслить иначе, чем англоязычные авторы-монолингвы. Писатель считает, что смешение русскоязычной и англоязычной культур позволяет ему создать свой «уникальный голос», который важен для современной литературы, особенно в жанре фэнтези.

Творчество как часть русской зарубежной литературы в рамках русской литературной традиции (вопрос 40 в разделе Приложение 1).

Писатель размышляет о том, являются ли его книги частью русской зарубежной литературы в рамках русской литературной традиции. Н. Котар выражает надежду, что его книги станут частью такой литературной традиции.

4.3 Анкета как метод исследования читательской перцепции

В данном разделе главы исследуется читательская перцепция фрагментов из художественных книг и переводческого творчества Николая Котара среди трех групп участников эксперимента: англоязычных монолингвов в США, билингвов в США и билингвов в России.

В исследовании был применен метод сопоставления онлайн анкеты-опроса в виде кейс-метода [Леонтович, 2011] для анализа того, как и до какой степени респонденты интерпретируют один и тот-же текст в зависимости от их лингвокультурного опыта. Автором был составлен опрос в рамках данного исследования. Материалы анкеты-опросника состоят из списка вопросов и ответов читателей-респондентов. Анкета распространялась через электронную почту. Сбор материала осуществлялся с помощью сервиса Google Forms. В анкетировании приняли участие 34 респондента. Можно выделить их следующие характеристики: гендер, образование, профессия, научное звание (описаны в разделах ниже).

Далее в этом разделе приведен лингвокультурный анализ полученных в ходе исследования данных, собранных из анкеты-опросника читательской перцепции. Опрос состоит из двух частей:

1. Ознакомление.
2. Читательская перцепция творчества Николая Котара (художественные книги и переводы).

Данный опрос имеет три версии анкеты для трех категорий читателей. Версия анкеты для читателя-монолингва, проживающего в США и говорящего только на английском языке, состоит из пяти вопросов в первой части и из шести вопросов во второй части.

Анкета для двуязычного читателя русского происхождения (свободно владеющего английским и русским языками), проживающего **в США,** состоит из восьми вопросов в первой части и шести вопросов во второй части.

Версия анкеты, предназначенной **для двуязычного читателя** (свободно владеющего английским и русским языком), проживающего **в России**, состоит из семи вопросов в первой части и шести вопросов во второй части.

Вопросы в первой части анкеты **для всех типов билингвов** дублируются (за исключением вопроса № 2, предназначенного для читателей-билингвов в США – см. Приложение 2. Часть 1. Ознакомление).

Вторая часть опроса является одинаковой для всех трех типов читателей версий анкет – для монолингвов анкета на английском языке, в то время как у билингвов анкета двуязычная (Приложение 2. Часть 2. Читательская перцепция творчества Николая Котара).

Анкета для всех типов читателей делится на следующие десять разделов:

I. Антропонимы (имена собственные).
II. Характонимы (имя вымышленного персонажа, которое предполагает отличительную черту этого персонажа).

III. Топонимы (географические наименования).

IV. Аллюзии к русским сказкам и мифологии.

V. Стратегия форинизации в художественных произведениях The Raven Son Series.

VI. Стратегия доместикации в художественных произведениях The Raven Son Series.

VII. Стратегия доместикации в переводах в сборнике In a Certain Kingdom.

VIII. Стратегия форинизации в переводах в сборнике In a Certain Kingdom.

IX. Калькирование фраз из русских сказок и литературы в художественных произведениях The Raven Son Series.

X. Калька фраз из перевода русских сказок в сборнике In a Certain Kingdom.

4.4 Анализ анкеты читательской перцепции

Анкета исследует читательскую перцепцию у двуязычных читателей, свободно владеющих английским и русским языками в России и в США, а также читательскую перцепцию у читателей-монолингвов в США в контексте их ознакомления с отрывками текстов из книг Николая Котара. Ответы респондентов анкетирования вместе с вопросами анкеты представлены в разделе Приложение 2.

Часть 1. Ознакомление с российскими и американскими билингвами

При анализе первой части анкетирования можно выделить представленные ниже результаты опроса читателей-билингвов, свободно владеющих английским и русским языками. В настоящем разделе дается сопоставительный анализ ответов российских и американских читателей-билингвов.

Личное представление: пол, образование и профессия (вопрос 1 в разделе Приложение 2. Часть 1)

В этом вопросе читателям предлагается предоставить краткую информацию о себе: пол, уровень образования и профессия. Настоящая

информация дает общее представление о демографии и опыте читателей, прошедших анкетирование.

Российские читатели-билингвы

Анализ ответов российских читателей-билингвов на первый вопрос о себе показывает следующие. Среди российских билингвов, прошедших анкетирование, 11 женщин и 2 мужчин. Большинство из них имеет высшее образование. Основная профессиональная деятельность связана с преподаванием и лингвистикой. Среди респондентов присутствуют: 1 студент бакалавриата, 1 студент магистратуры, 2 аспиранта, как минимум 4 указанных кандидата наук и 1 доктор наук. Языковая компетенция: участники владеют несколькими иностранными языками, такими как английский, немецкий и французский. В целом респонденты представляют квалифицированную и разнообразную по степени филологического образования группу.

Американские читатели-билингвы

Ответы на первый вопрос (вопрос о себе) американских читателей-билингвов демонстрируют разнообразие респондентов, участвующих в опросе. Все они являются билингвами, владеющими как английским, так и русским языками. Из них 8 женщин и 5 мужчин. Все респонденты имеют высшее образование, включая степени бакалавриата, магистратуры и доктора философии (PhD), что указывает на высокую квалификацию и уровень образования участников. Респонденты работают в различных областях, таких как инженерия, биомедицинская инженерия, фармацевтика, искусство, IT, педагогика, перевод и охрана окружающей среды, что демонстрирует широкий спектр профессиональных интересов и навыков.

Поколение иммиграции: читатели-билингвы в США (вопрос 2 в разделе Приложение 2)

Вопрос 2 предназначен для читателей-билингвов в США и касается их поколения иммиграции. Ответы американских респондентов русского происхождения показывают следующее: 1 респондент указал на приезд в

страну проживания в младенчестве, 3 приехали в страну в детском возрасте, 1 приехал в подростковом возрасте, 4 – в молодом возрасте, другие 4 респондента родились и выросли в США, но как минимум один из их родителей приехал из России.

Овладение языками: одновременно (simultaneous bilingualism) или последовательно (sequential bilingualism) (вопрос 3 в разделе Приложение 2. Часть 1)

Вопрос 3 касается освоения языка респондентами-билингвами, а именно, на каком языке они начали говорить и в каком порядке овладели русским и английским языками.

Российские читатели-билингвы

Ответы показывают, что все респонденты из России начали говорить на русском языке в младенчестве. Большинство из них овладели английским последовательно, начиная изучение в разном возрасте: от 5 до 16 лет. Некоторые респонденты отметили, что до сих пор продолжают изучать английский и начали ощущать уверенность в общении на нем только в старших классах или после завершения вузовского обучения.

Американские читатели-билингвы

Ответы респондентов на вопрос об овладении русским и английским языками показывают разнообразие. 9 респондентов отмечают, что русский – их первый язык, и они овладели английским языком последовательно в возрасте от 5 до 18 лет. Многие из этих респондентов отметили, что полноценно овладели английским языком, оказавшись в общественной языковой среде. Другие 4 респондента отметили, что начали говорить одновременно на русском и на английском языках, так как родились и выросли в смешанной языковой семье, разговаривая с родителями на разных языках.

Участие в дополнительных языковых занятиях для улучшения или сохранения языковых навыков и знаний о культуре (вопрос 4 в разделе Приложение 2. Часть 1)

Вопрос 4 касается посещения дополнительных языковых занятий для улучшения владения языками и углубления знаний об истории и культуре изучаемого языка. Ответы демонстрируют разнообразие опыта среди российских и американских читателей-билингвов.

Российские читатели-билингвы

Большинство респондентов из России подтвердили, что посещали дополнительные занятия по английскому языку. Некоторые из них обучались в школах с углубленным изучением английского языка, проходили языковые курсы или занимались с репетиторами. Один из участников анкеты отметил, что в школьной системе не уделялось достаточного внимания изучению истории и культуре англоязычных стран, и эти знания он получил только в бакалавриате. Респонденты отмечают свое активное стремление к улучшению своих языковых навыков и культурного понимания английского языка.

Американские читатели-билингвы

Среди американских читателей-билингвов многие респонденты подтвердили, что посещали такие дополнительные занятия. В ответах 2 респондента упомянули, что проходили курсы ESL (английский как второй) в школе в первый год после переезда в США. Другие 4 респондента, приехавшие в молодом возрасте, также отметили участие в курсах английского языка. 1 участник не посещал дополнительных занятий. 2 участника занимались с репетитором по русскому языку. Другие 3 респондента посещали факультативные русскоязычные школы в США. Таким образом, большинство респондентов активно участвуют в дополнительных языковых занятиях, что свидетельствует о стремлении сохранить и улучшить билингвальные языковые навыки и культурные знания.

Языковые предпочтения в семейном общении: от детства до взрослой жизни (вопрос 5 в разделе Приложение 2. Часть 1)

Вопрос 5 касается языковых предпочтений респондентов в общении с различными членами семьи как в детстве, так и во взрослом возрасте.

Российские читатели-билингвы

Среди российских читателей-билингвов все респонденты подтвердили, что в семье они говорят исключительно на русском языке.

Американские читатели-билингвы

Ответы на вопрос о языках общения в семье показывают, как языковые предпочтения американских билингвов менялись с возрастом и в зависимости от семейных отношений. Американские билингвы, прошедшие анкетирование, также в большинстве говорят в своих семьях на русском языке, стараясь его сохранить. Однако некоторые из них переключаются на английский в зависимости от контекста. Например, 3 респондента говорят на русском с русской мамой и на английском с американским папой, 1 респондент говорит с американской мамой по-английски, а с русским папой по-русски, а другие 3 респондента используют оба языка в зависимости от собеседника, например с мужем-монолингвом на английском, а с детьми-билингвами на русском. Другие 2 респондента используют оба языка в зависимости от того, с кем они общаются в смешанной семье. 1 респондент упомянул, что предпочитает общаться на русском, но иногда по необходимости переходит на английский с членами семьи, которые не знают русского языка (в смешанной семье). 1 респондент упомянул, что общается на английском с мужем и детьми, но использует русский язык с матерью и сестрой. 1 респондент отметил, что общается с американским папой и братом-билингвом по-английски, а со своей русской женой-монолингвом по-русски.

Таким образом, большинство респондентов отметили, что в зависимости от конкретного члена семьи они могут применять разные языки, демонстрируют разнообразие в языковых предпочтениях, в зависимости от

семейных обстоятельств и окружения. Многие из американских респондентов-билингвов в своих ответах подчеркивают, что осознанно стараются поддерживать русский язык в домашней среде, особенно в условиях, когда окружающая среда преимущественно англоязычная. В целом наблюдается тенденция к сохранению русского языка в семейном общении, но также и к использованию английского языка в зависимости от обстоятельств.

Изменение доминирующего языка в течение жизни (вопрос 6 в разделе Приложение 2. Часть 1)

Вопрос 6 касается изменений в доминирующем языке респондентов на протяжении жизни и их восприятия этих изменений. В ответах на вопрос о том, менялся ли доминирующий язык респондентов в течение жизни, наблюдаются различные мнения респондентов.

Российские читатели-билингвы

Российские респонденты в основном отмечают, что их доминирующий язык оставался русским. Некоторые респонденты отметили, что их язык изменялся в зависимости от профессиональной деятельности и учебы, что приводило к интерференции с другими языками, такими как английский и французский. Другие упоминают, что английский стал более заметным в их жизни с началом научной работы или обучения в университете, но все же считают русский доминирующим.

Американские читатели-билингвы

Некоторые билингвы утверждают, что их доминирующий язык не изменился: один из них отмечает, что русский язык остается основным, хотя в нем присутствуют американизмы. 3 респондента заметили, что их доминирующий язык переключился на английский в подростковом возрасте по мере адаптации и в результате обучения в американских государственных образовательных учреждениях, когда они начали чаще общаться на английском, чем на русском. 1 из этих респондентов отмечает, что английский язык стал доминирующим в школе и остался таким. Он заметил,

что ему легче находить слова для самовыражения на английском, чем на русском. Другой респондент отмечает, что его доминирующий язык изменился в подростковом возрасте. Он и его сестра (также приехавшая в начальной школе), начали часто общаться между собой на английском вместо русского. 1 респондент заметил, что в возрасте 14 лет обнаружил, что предпочитает писать в своем дневнике на английском. 1 участник опроса отметил, что с 1996 года английский язык стал доминировать в семье, когда она вышла замуж за монолингва. Еще 1 респондент, ранний билингв, указал, что, родившись и живя в Калифорнии в первые 16 лет жизни, он считал английский своим доминирующим языком, но после постоянного проживания в Санкт-Петербурге на протяжении 15 лет русский язык стал его доминирующим. 1 респондент отмечает, что, находясь в окружении русскоязычных людей, особенно во время поездок в Россию летом, она начинает думать на русском языке. В остальное время доминирующим языком для нее остается английский, так как это преобладающий язык в ее окружении в Сан-Франциско в Калифорнии.

В целом мнения респондентов варьируются в диапазоне от сохранения русского языка как доминирующего до перехода на английский в англоязычной среде. Респонденты из обеих групп продемонстрировали разнообразие в опыте изменения языковой доминанты, в зависимости от жизненных обстоятельств и языкового окружения.

Две культуры, две языковые личности: влияние владения вторым языком на идентичность и восприятие мира (языковая картина мира) (вопрос 7 в разделе Приложение 2. Часть 1)

Вопрос 7 касается принадлежности к двум культурам и наличия второй языковой личности у респондентов. Также рассматривается то, как владение вторым языком влияет на личность и восприятие мира. Вопрос определяет, ощущают ли респонденты принадлежность к двум культурам и существование в разных мирах одновременно.

Российские читатели-билингвы

Среди российских читателей-билингвов мнения разделились. Некоторые респонденты не ощущают принадлежности к двум культурам, указывая на то, что второй язык не является частью их повседневной жизни или что они не жили в другой культуре. Большинство из них отметили, что, хотя знание английского языка обогатило их опыт, это скорее международный опыт, чем полноценное погружение в другую языковую и культурную среду. Двое респондентов отмечают, что чувствуют связь с множеством культур, особенно когда находятся в среде второго языка. В то же время, один участник анкетирования выразил ощущение раздвоения личности при общении на иностранном языке в иноязычной среде, но не идентифицирует себя с другой культурой.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы, в отличие от российских, все ощущают себя частью двух культур. Все респонденты утверждают, что хорошо интегрированы в обе культуры и чувствуют себя комфортно, находясь между ними. Двое респондентов отметили, что русская культура всегда была им ближе, как культура их происхождения, несмотря на то, что они либо родились и выросли в США, либо большую часть своей жизни живут в США. Также один респондент отмечает в своем ответе, что ощущает глубокую значимость вопроса и утверждает, что владение русским языком делает его более лиричным и поэтичным, придавая ощущение волшебства и тоски, присущей русской культуре. В то же время английский язык позволяет этому респонденту быть более беззаботной, легкой и открытой, но без сильной привязанности, что контрастирует с ее русской стороной. Таким образом, респонденты демонстрируют разнообразие восприятия своей лингвокультурной идентичности, возникающего между российскими и американскими читателями.

Ощущение гибридности и пограничности между культурами (вопрос 8 в разделе Приложение 2. Часть 1)

Вопрос исследует, испытывают ли респонденты чувство гибридности или пограничности, находясь между двумя культурами, позволяя выявить, как часто и в каких именно моментах и ситуациях они ощущают это состояние. В следующих ответах на вопрос 8 о чувстве гибридности или пограничности среди российских и американских читателей-билингвов наблюдаются различные точки зрения.

Российские читатели-билингвы

Российские респонденты в основном не ощущают себя между двумя культурами. Большинство из них утверждают, что не испытывают чувства гибридности, так как их опыт ограничен русской культурой. Однако некоторые упоминают, что это чувство может возникать в ситуациях, когда они общаются на английском языке или находятся за границей.

Американские читатели-билингвы

Среди американских билингвов 11 из 13 респондентов анкеты сообщают о чувстве гибридности на регулярной основе. Четверо респондентов чувствуют себя на границе двух культур, особенно когда общаются с другими русскоговорящими в Америке или когда посещают Россию. Они отмечают, что могут свободно говорить на обоих языках, но иногда испытывают неуверенность в своей культурной идентичности и восприятии, что приводит к ощущению культурной разобщенности. Один респондент пишет, что иногда чувствует себя на периферии обеих культур, к которым принадлежит, и ощущает, что не вполне вписывается ни в одну из них. При этом, он поясняет, что это чувство связано скорее с культурой, чем с языком. Другой респондент также подтверждает подобные переживания. Она далее делится в своем ответе, что может говорить по-английски так, что ее принимают за носителя языка, но при этом ощущает некоторую «неискренность». Аналогично, по ее мнению, когда она говорит по-русски, она может сойти за русскоязычного монолингва, но подсознательно

беспокоится, не кажется ли она «глупой» или «странной» при общении с русскоязычными монолингвами. Она признается, что полностью выразить себя она может только в общении с другими двуязычными собеседниками. Интересно также отметить, что один из респондентов в анкете подчеркнул, что после длительного пребывания в другой культуре ей становится трудно понимать шутки своих старых друзей, а они не понимают ее так, как раньше. Большинство из респондентов выражают постоянное или регулярное чувство гибридности и пограничности, находясь между культурами. Один респондент ощущает состояние гибридности и пограничности преимущественно в юмористических и особых социальных ситуациях. Другой респондент отметил, что осознает и отмечает в себе культурные различия, когда объясняет русскую картину мира иностранцам. Один респондент в своем ответе на данный вопрос отмечает, что испытывает чувство гибридности в определенные моменты, особенно когда испытывает сложности в выражении себя на русском языке, что вызывает огорчение, но также ощущения гордости за свою бикультурную и билингвальную идентичность, даже если другие ее не вполне понимают. В целом, из 13 опрошенных только 2 респондента затруднились отметить наличие гибридности. Один из них отмечает, что иногда испытывает подобные чувства при общении с другими русскими американцами. В то время как второй респондент ответил, что не чувствует гибридности.

Таким образом, российские читатели-билингвы в основном не ощущают гибридности, тогда как американские билингвы более склонны испытывать это чувство, особенно в межкультурных и бикультурных взаимодействиях и ситуациях.

Ознакомление с американскими монолингвами

В настоящем разделе дается анализ ответов первой части анкеты, предназначенной для американских монолингвов. Ниже приводятся результаты, полученные в ходе анкетирования читателей-монолингвов, проживающих в США и говорящих только на английском языке. Читателям

предлагается предоставить краткую информацию о себе: пол, уровень образования и профессия. Настоящая информация дает общее представление о демографии и опыте читателей, прошедших анкетирование.

Краткое представление о себе: имя, образование и профессия (вопрос 1 в разделе Приложение 2. Часть 1)

В ответах на первый вопрос респонденты-монолингвы представили краткую информацию о себе: пол, образование и профессию. Один респондент – женщина, имеет магистерскую степень по специальности «английский язык», она филолог, редактор. Второй участник анкеты – это мужчина с научной степенью доктора философии (PhD) по математике, профессор информатики. Третий участник анкетирования – мужчина, окончивший университет с дипломом в области бизнес-администрирования и работающий в сфере недвижимости. Четвертый респондент – женщина с дипломами магистра (в биологии и образовании), учитель обществознания в старших классах средней школы (*high school social studies teacher*). Пятый монолингв – это мужчина, выпускник университета и профессионал в области управления проектами. Шестой респондент – также мужчина с дипломом бакалавра изобразительных искусств в области графического дизайна, продуктовый дизайнер в IT сфере, преимущественно в технических стартапах. Седьмой монолингв – женщина, бакалавр истории, сотрудник по соблюдению требований в области специального образования (*Special Ed Compliance worker*). Восьмой монолингв – женщина со степенью магистра в области системной инженерии. Девятый респондент – мужчина, обладатель степени PhD в области биомедицинской инженерии и работает менеджером по науке о данных *(Data Science manager).*

Степень знания русской культуры (вопрос 2 в разделе Приложение 2. Часть 1)

Вопрос 2 касается знакомства респондентов с русской культурой. В ответах на вопрос 2 респонденты поделились своими знаниями в отношении русской культуры и традиций.

Первый респондент отмечает, что она довольно хорошо знакома с русской культурой благодаря русским корням по материнской линии и занятиям профессиональным балетом в детстве, где большинство ее преподавателей были русскими. Второй респондент описывает свое знакомство с русской культурой благодаря своей жене, родившейся в России (приехала в США в 10 лет) и сохранившей крепкие связи с культурой страны своего происхождения на протяжении 30 лет за рубежом. Этот же респондент подчеркивает, что у них в семье есть сильная связь с русскими традициями. Он также отметил, что много раз посещал Россию, отмечает в семье русские праздники, любит русскую кухню, читал произведения русских авторов и смотрел русские фильмы. Он также рассказал о своих поездках, включая путешествие по Транссибирской магистрали из Владивостока в Иркутск и поездки в Москву и Санкт-Петербург. Он отметил, что, несмотря на то что не говорит по-русски и никогда не жил в России, его знание русской культуры достаточно глубокое. Третий респондент пишет, что его знакомство с русской культурой не очень глубокое, но он иногда узнает русскую архитектуру, например, купола церквей. Четвертый респондент делится опытом жизни в Москве в течение 18 месяцев, где она преподавала английский, и отмечает, что не знает русского языка, а знает лишь некоторые базовые слова на русском. Она также пишет, что является православной американкой и посещает русскую зарубежную церковь в г. Сан-Франциско, штат Калифорния. Она прочитала «Евгения Онегина» А.С. Пушкина и несколько произведений Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, а также знакома с некоторыми персонажами из русских сказок, как например с Бабой-ягой, а также – со сказочными героями поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Пятый респондент пишет, что знает о русской культуре очень мало. Шестой респондент, напротив, делится тем, что хорошо знает русскую литературу, как например творчество В.В. Набокова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др. Он также отмечает, что у него есть несколько хороших русских друзей. Седьмой респондент пишет о себе, что она является

членом Православной Церкви. Она также отмечает, что прочитала несколько книг о России и немного знакома с русской кухней. Восьмой респондент пишет, что она мало знакома с русской культурой, например видела фотографии Санкт-Петербурга, а также немного знает о казаках. Девятый респондент рассказал, что у него есть русская знакомая, благодаря которой он узнал о праздновании 9 мая, традиционных блюдах, семейных обычаях и свадебных традициях.

Вопрос о вкладах русского наследия в мировую культуру (вопрос 3 в разделе Приложение 2. Часть 1)

Вопрос 3 касается мнений респондентов о важнейших вкладах русского наследия в мировую культуру. В ответах на вопрос 3 респонденты выделили важный вклад русской культуры в мировую культуру. Первый респондент отметил, что это литература, изобразительное искусство, классическая музыка и русский балет. Второй монолингв перечисляет несколько аспектов, включая русскую кухню (как например, икра, квас, салат оливье, бефстроганов, блины и пельмени), искусство (живопись, литературу, музыку и балет), достижения в спорте (особенно в современном фигурном катании и в шахматах) и значимость русского православия как важной мировой религии. Третий респондент акцентирует внимание на произведении «Война и мир» Л.Н. Толстого и других шедеврах русской литературы, которые обычно изучают в старших классах школы на уроках по мировой литературе. Четвертый респондент подчеркивает важность литературных произведений Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, а также классической музыки П.И. Чайковского и С.В. Рахманинова и русской школы балета. Пятый респондент пишет о важности русской литературы. Шестой респондент характеризует русскую культуру как социокультурный феномен, в котором придается большое значение глубокому освоению мастерства в сферах искусства, например в литературе, танце, а также в областях науки, таких как инженерия, математика и др. Седьмой респондент выделил вклад русского наследия в распространение православного

христианства, тогда как восьмой респондент отметил значимость русской философии. Девятый респондент отметил, что важными вкладами России в мировую культуру являются литературные произведения, классическая музыка, танцы, балет, искусство, архитектура, политическое влияние и игра «Тетрис».

Соприкосновение с русской культурой и языком в детстве (вопрос 4 в разделе Приложение 2. Часть 1)

Вопрос 4 касается опыта респондентов, связанного с русской культурой и языком в детстве. В ответах на этот вопрос 6 респондентов поделились своим опытом знакомства с русской культурой и языком. Первый респондент, родившийся и выросший в г. Нью-Йорке, имел значительное соприкосновение с русской культурой и языком в общении с окружающими американцами русского происхождения. Она отметила, что узнала о традиции добавления сметаны ко многим блюдам и провела целый учебный год, изучая русскую литературу, когда обучалась на дому в средней школе. Второй респондент-монолингв признал, что его связь с русской культурой была ограниченной. У него были предки, которые эмигрировали из России в Америку еще в XIX веке, и он соприкасался в своих семейных традициях с некоторыми элементами еврейско-русской культуры того времени, включая кулинарные рецепты и несколько семейных историй. Третий респондент сообщает, что не имел никакого опыта соприкосновения с русской культурой. Четвертый респондент упоминает о знакомстве с русскими сказками в сборнике сказок народов мира, с произведениями П.И. Чайковского, например с музыкой к балету «Щелкунчик», с некоторыми произведениями русской литературы, например с романом Л.Н. Толстого «Война и мир». Пятый респондент пишет, что его знакомство с русской культурой связано с чтением произведений Ф.М. Достоевского и последующими театральными постановками этих произведений в старших классах школы. Шестой респондент, родившийся в 1980 году, делится воспоминаниями о последних годах холодной войны, как его родители

воспринимали события этой эпохи. Он помнит падение Берлинской стены и переход от СССР к России. Его первое знакомство с русской литературой произошло в старших классах школы, когда он начал читать русские художественные произведения вне контекста новостей, мировых событий и голливудских фильмов. Седьмая анкетируемая отметила, что она немного знакома с русской культурой и языком (церковнославянским) через православную церковь, а также слышала, как русскоязычные общаются на русском языке**,** а из блюд русской кухни пробовала борщ. Восьмой респондент ответила, что не знакома с русской культурой. Девятый респондент посещал балет «Щелкунчик» в течение многих лет на Рождество. Большинство примеров русского языка, с которыми он сталкивался, были в американских фильмах. В его доме висела картина русского художника.

Общие впечатления о русском языке и культуре (вопрос 5 в разделе Приложение 2. Часть 1)

Вопрос 5 касается общего впечатления респондентов-монолингвов о русском языке и культуре. Респонденты делятся своими мнениями о восприятии русской культуры, включая литературу, музыку и традиции. Первый респондент описал русский язык как сложный и многогранный. Второй респондент выразил свою симпатию к русской культуре, хотя и не говорит на русском языке. Третий респондент упоминает о некоторых зеркально (по сравнению с английским языком) написанных букв, таких как “R” (похожая на русскую букву “Я”) и “N” (похожая на русскую букву “И”). Четвертый респондент подчеркивает, что русский язык сложен из-за множества падежей и различий, связанных с родом и числом, но при этом обладает уникальным богатством. Кроме того, русское культурное наследие включает в себя прекрасные традиции, с одной стороны, аналогично многим другим культурам, но с другой стороны, со своими характерными культурными особенностями. Пятый респондент признает, что в русской литературе есть много глубоких философских произведений. Шестой респондент отмечает, что особенности русского восприятия заметны как в

литературе, так и в общении с русскими людьми. Он также делится наблюдением, что фатализм и ирония являются общими чертами для русской культуры и для региона Новой Англии на восточном побережье США. Седьмой респондент охарактеризовал русский язык и русскую культуру как «красивые, сложные и целеустремленные». Восьмой респондент отметил, что русский язык и культура мало знакомы для нее. Девятый респондент считает русский язык и культуру очень интересными и видит их влияние на развитие искусства, культуры и философии по всему миру.

Часть 2. Читательская перцепция творчества Николая Котара

Во второй части анкеты рассматривается читательская перцепция творчества Николая Котара, в частности его художественных фэнтези-книг и переводов русских сказок. Обсуждаются впечатления читателей билингвов и монолингвов о его произведениях и ассоциации, появляющиеся при их прочтении, а также влияние русских сказок на его творчество. Читатели отмечают как оригинальность сюжетов, так и гибридную связь с русской лингвокультурой.

Мифопоэтические трансформации в творчестве Николая Котара: анализ и восприятие (вопрос 1 в разделе Приложение 2. Часть 2)

Вопрос 1 фокусируется на мифопоэтических трансформациях, связанных с русской лингвокультурой, которые встречаются в его произведениях.

I. Антропонимы (имена собственные)

Читателям предлагается проанализировать примеры таких трансформаций, включая антропонимы и поделиться своими ассоциациями, возникающими при чтении этих имен в зависимости от контекста.

Otar Gleb

Российские читатели-билингвы:

Восприятие имени ***Otar Gleb*** (Отар Глеб) среди российских читателей-билингвов разнообразно. Некоторые из респондентов не имеют ассоциаций с именем *Otar Gleb*, в то время как другие респонденты отмечают, что имя

персонажа звучит как русское имя Глеб. Один из респондентов отмечает, что для него имя персонажа звучит как «отец Глеб» (обращение к священнику), а у другого респондента имя Глеб вызывает ассоциацию с князем Глебом. В то же время один из респондентов отмечает некоторый диссонанс на английском языке между русским именем Глеб и вымышленным титулом *отар*. Другой респондент пишет, что у него имя Отар вызывает различные ассоциации: с грузинским режиссером Отаром Иоселиани, а также со словосочетанием «отара овец». У нескольких респондентов антропоним вызывает ассоциацию с историческими периодами, такими как татаро-монгольское иго. Один из респондентов отмечает ощущение некоторого смешения имен: *Отар* – грузинское или тюркское имя, а *Глеб* – древнерусское имя. Само имя Глеб воспринимается как древнерусское имя, связанное с князьями и святыми, и вызывает образы доброты и духовности.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы также имеют свои интерпретации имени ***Otar Gleb***. Большинство респондентов отмечают, что Глеб воспринимается как характерное русское имя. Многие из респондентов отметили святых Бориса и Глеба – первых русских святых или связывают Глеба с образом святого или монаха. Один из респондентов отметил, что у него *Otar* вызывает ассоциацию с титулом, а у других двух респондентов *Otar* вызвало ассоциацию со словом «отрок». Один из респондентов отметил, что Отар – это кавказское имя.

Американские читатели-монолингвы

Восприятие имени ***Otar Gleb*** различается у читателей-билингвов и читателей-монолингвов. Респонденты-билингвы выражают широкий спектр ассоциаций, включая культурные и исторические контексты (упоминание святых и традиций). В то же время американские читатели-монолингвы в основном воспринимают это имя как экзотическое и иностранное. Один респондент-монолингв считает, что имя просто звучит как набор звуков, в то время как другой респондент-монолингв отмечает, что имя звучит как что-то

экзотическое и иностранное. Один из монолингвов обращает внимание, что имя Gleb содержит три схожие буквы *-leb* как в библейском имени Caleb (Калеб). Только один из читателей-монолингвов отметил, что имеет ассоциацию со святыми Борисом и Глебом. Пятый респондент говорит, что не имеет конкретных ассоциаций. Шестой респондент интерпретирует имя персонажа как молодого человека, который, возможно, был замкнутым или интровертным и теперь испытывает тепло дружбы и принятия. Седьмой респондент отметил, что «отар» должен быть добрым и счастливым человеком, тогда как восьмой респондент заметил, что не испытывает никаких ассоциаций. Девятый респондент отметил, что имя *Otar Gleb* не вызывает у него никаких особых ассоциаций или контекста, кроме того, что оно звучит незнакомо и необычно. В целом, восприятие имени *Otar Gleb* демонстрирует разнообразие ассоциаций как среди русскоязычных, так и среди англоязычных респондентов.

Dar Antomír

Российские читатели-билингвы

Восприятие имени ***Dar Antomír*** у российских читателей-билингвов разнообразно и включает в себя как культурные, так и исторические ассоциации. Многие респонденты не знакомы с именем, однако некоторые видят в нем связи с царской темой (“Dar-in-waiting” – наследник трона), другие отмечают, что *Dar* похоже на русское слово «дар» и ассоциируют его с понятием щедрости и власти. Один из респондентов отмечает, что слово *Dar* в первую очередь ассоциируется с романом «Дар» В.В. Набокова. Имя *Antomír* вызывает представления о мире и спокойствии, хотя некоторые респонденты также отмечают возможные противоречия в значении *Anto-* (анто-) и *-mír* (-мир). В целом, имя воспринимается как имеющее древнеславянские корни и отсылающее к положительному персонажу из контекста отрывка текста, предложенного в анкете.

Американские читатели-билингвы

Перцепция имени ***Dar Antomír*** у американских читателей-билингвов

разнообразна. Многие респонденты ассоциируют *Dar* с русским словом “czar” (царь). Также респонденты ассоциируют *Dar* с русским словом “дар”. Имя *Antomír* вызывает размышления о мире (world) и спокойствии (peace), хотя некоторые отмечают, что корень *Anto-,* созвучное с корнем *Anti-,* может подразумевать противоположное. Некоторые респонденты подчеркивают, что имя не является стереотипным славянским, но сохраняет его колорит за счет применения корня *-мир*. Также у одного из респондентов возникает ассоциация с Антонием Сурожским (митрополитом Русской Православной Церкви и известным представителем русского зарубежья первой волны эмиграции в Великобритании), а у другого респондента – связь с аристократическими чертами персонажа, который, возможно, находится в трудной ситуации. В целом, восприятие имени отражает сложные культурные и символические значения.

Американские читатели-монолингвы

Американские читатели-монолингвы, в свою очередь, воспринимают ***Dar Antomír*** как имя, имеющее восточное звучание, и представляют его как героя в приключенческой истории. Один из респондентов отметил, что для него имя ассоциируется с Кавказом или татарской культурой, что подчеркивает экзотичность восприятия. Другой монолингв предполагает, что “Dar” может обозначать определенный социальный класс. Шестой респондент делится своими впечатлениями, что это, возможно, молодой человек, который столкнулся с горем, но не может полностью это признать из-за вновь взятой на себя ответственности. Седьмой респондент пишет, что не испытывает никаких ассоциаций, а восьмой респондент отметил, что “Dar” – это наследуемый титул. Таким образом, большинство респондентов воспринимают лексему “Dar” как передающую значение выполнения определенных социальных обязанностей. Девятый респондент считает, что “Dar” – это титул, возможно религиозный или политический. Этому же читателю слово “Dar” кажется германским, как “Das Boot”. Он также отмечает, что “Dar” звучит как серьезное или благородное имя.

Voran

Российские читатели-билингвы

Перцепция имени ***Voran*** у российских и американских читателей разнообразна. Некоторые из российских респондентов связывают имя *Voran* (Воран) с образом ворона, мудрой птицы. Некоторые отмечают ассоциации с воином, мудрецом, чародеем и с темным рыцарем, в то время как другие не находят никаких значимых связей. Одна из русских респондентов признается, что у нее возникает неприятное ощущение при прочтении этого имени на английском. Возможно, из-за ассоциации с русским словом *ворон*.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы также связывают ***Voran*** (Воран) с вороном, придавая этому образу качества силы, мудрости, гордости. У одного респондента имя вызывает ассоциацию с чем-то темным, в то время как у другого респондента имя персонажа вызывает положительную ассоциацию «сильного воина». Двое из респондентов также обращают внимание на русский корень *vor-* (*вор-*). А двое других, делясь своими впечатлениями, говорят, что у них возникает очевидная ассоциация с русским словом «ворон/ворона», но она смягчена написанием «vorAn», т.е. написание «А» отделяет имя персонажа от русского слова «ворона» несмотря на очевидную для многих билингвов связь.

Американские читатели-монолингвы

Читатели-монолингвы воспринимают имя как звучащее немного по-балкански или по-татарски или ассоциирующееся с высшим классом общества из книг-фэнтези. Один из респондентов отмечает, что имя вызывает у него ассоциацию с эльфами из книг Дж.Р.Р. Толкина, в то время как два респондента отметили, что не имеют никаких ассоциаций. Другой респондент ассоциирует антропоним ***Voran*** с молодым человеком, который смелый, но дерзкий, и без особого жизненного опыта. По восприятию текста этот же респондент отмечает, что персонаж не готов прислушаться к мудрости и опыту старшего поколения. Седьмой и восьмой респонденты

отмечают, что не имеют никаких ассоциаций. Восьмой респондент отметил, что *Voran* напоминает ему слово “vortex” и кажется изысканным.

Ghan Magai

Российские читатели-билингвы

При восприятии антропонима ***Ghan Magai*** российские читатели-билингвы в основном связывают его с ханом Мамаем, Золотой Ордой, с данью и ярлыком. У многих возникает ощущение связи с монгольским игом и Чингисханом. Некоторые респонденты упоминают о кочевниках в степи, связывая имя с культурным и историческим контекстом средневековой Руси.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы также делают акцент на связи антропонима ***Ghan Magai*** с ханом Мамаем и монгольским игом, отмечая, что *Ghan* напоминает исторический титул “khan” (хан), а *Magai* созвучно Мамаю. Двое из респондентов отмечают, что также усматривают слово “magician” (магия) в имени персонажа. В целом американские билингвы подчеркивают ассоциации с Золотой Ордой и монгольскими ханами, а также с магией.

Американские читатели-монолингвы

Читатели-монолингвы в основном ассоциируют имя персонажа с монгольскими именами, с ханом и Чингисханом, а также со словом “magic” (магия), акцентируя внимание на его звучании, и связывают с татарским контекстом. Также один из респондентов ассоциирует этот антропоним с королевским именем или мудрым человеком, тогда как другой респондент воспринимает ***Ghan Magai*** как представителя племени или изолированной общины, сталкивающейся с другой цивилизацией. Другой респондент предположил, что описываемый человек должен быть могущественным. В то время как восьмой респондент ассоциировал слово с ханом Хубилаем (Kublai Khan), а также с волхвами (the Magi) из рождественской истории, основываясь скорее на звучании и написании, чем на контексте. Девятый респондент делится, что имя кажется восточноазиатским или юго-восточноазиатским, и задается вопросом, изображен ли персонаж как

мистический или экзотический. В целом восприятие имени *Ghan Magai* в разных культурных контекстах подчеркивает его историческую значимость и ассоциации с властью и магией.

Blind Bayan the Bard

Российские читатели-билингвы

При восприятии антропонима ***Blind Bayan*** российские читатели-билингвы в основном связывают его с фольклором и образом гусляра или сказителя. Многие респонденты упоминают ассоциации с музыкальным инструментом, баяном, а также с персонажами русской мифологии, такими как кот Баюн, с певцом Баяном из повести «Слово о полку Игореве», а также с персонажем Садко. Имя воспринимается как отражение мудрости и духовного прозрения, что подчеркивается физической слепотой.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы также делают акцент на связи с фольклорными традициями, подчеркивая, что ***Bayan*** может ассоциироваться как с музыкальным инструментом, так и с мудрым рассказчиком. Некоторые респонденты отмечают, что имя вызывает ассоциации с древними сказаниями и даже с такими фигурами, как Садко. Несколько из респондентов указывают на ассоциацию со словом бард (bard), сохраняющим английское значение «средневековый музыкант».

Американские читатели-монолингвы

Читатели-монолингвы в основном воспринимают ***Bayan*** как музыканта или барда, что подчеркивает его связь с музыкой и рассказами. У одного из респондентов имя вызывает ассоциации с чем-то восточным и обладает сильной аллитерацией в английском языке – *Blind Bayan the Bard*. У другого респондента возникает ассоциация со слепым американским музыкантом XX в. Стиви Уандером (Stevie Wonder), чья физическая слепота усиливает его связь с музыкой. Двое из читателей пишут, что у них не возникают какие-либо ассоциации с данным антропонимом. Один участник анкеты ассоциирует персонажа как старшего советника-сказителя, чья роль

позволяет ему передавать знания. В то время как восьмой респондент связывает слово с менестрелем (minstrel). Девятый респондент отметил, что использование аллитерации звучит очень литературно и напоминает стиль поэта Лорда Байрона. Он также отметил, что эта аллитерация вызывает хорошо известный образ слепого музыканта.

Aglaia

Российские читатели-билингвы

При восприятии антропонима ***Aglaia*** российские читатели-билингвы в основном связывают его с традиционными и сказочными образами. Некоторые респонденты упоминают ассоциации с русскими сказками, такими как «Царевна-лягушка», или с образом Царевны Лебеди, или с Аглаей из романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Имя также вызывает ассоциации с чем-то старорусским или греческим и с упрямым персонажем согласно контексту отрывка текста из анкеты.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы воспринимают ***Aglaia*** как редкое русское имя, ассоциирующееся с предельным состоянием между мирами и некоторой хищностью персонажа. Некоторые респонденты отмечают, что имя звучит как древнее имя и вызывает образы гордых принцесс, мифических существ, а также образ русской девушкой из народа. Упоминается и связь с греческой мифологией, где Аглая была богиней красоты. У одного из респондентов имя “Aglaia” вызывает ассоциацию со британским топонимом “Anglia” (северная часть восточной Англии). Для двух респондентов имя созвучно с английским словом “ugly” (некрасивый). Один из этих респондентов отмечает, что не стал бы называть свою дочь этим именем в англоязычной среде. Однако второй респондент отметил, что ему нравится сочетание букв “-aia” в имени “Aglaia”, которое предотвращает коннотацию с негативным прилагательным. В целом, рецензент высоко оценивает работу автора в адаптации написания этого имени для англоязычной аудитории.

Американские читатели-монолингвы:

Один из американских читателей-монолингвов воспринял имя ***Aglaia*** как старинное и ассоциируют его с Балканами. Второй респондент связывает его с Геей (Gaia), греческой богиней земли, в то время как другие респонденты отмечают, что это женское имя, и видят в нем сочетание имен Агата (Agatha) и Пелагия (Pelagia). Двое из читателей ответили, что у них нет ассоциаций с антропонимом ***Aglaia***. Один из респондентов ответил, что не испытывает никаких ассоциаций, а другой респондент ассоциирует слово в рамках контекста с перевоплощающимся существом (a shapeshifter). Девятый респондент отметил, что название вызывает ассоциации со словами «глия» из биологии (glia) и «Гея» (Gaia) из греческой мифологии. В целом восприятие имени *Aglaia* у читателей варьируется от традиционных сказочных образов до более современных интерпретаций.

II. Характонимы

В настоящем разделе обсуждаются характонимы – имена вымышленных персонажей, которые предполагают их отличительные черты. Читатели делятся своими ассоциациями, возникающими при чтении этих имен героев, и тем, как контекст влияет на их восприятие. Это позволяет глубже понять, как имена персонажей могут отражать их характеристики и роли в произведениях Николая Котара.

Yadovír

Российские читатели-билингвы

Перцепция имени ***Yadovír*** у всех российских читателей-билингвов отрицательная. Все 13 респондентов ассоциируют этого персонажа со словами «яд», «отрава», «ядовитый», что приводит к восприятию персонажа как ядовитого, отрицательного и предательского по своей натуре.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы также связывают имя с ядом и предательством, описывая персонажа как хитроумного злодея, жаждущего власти. Один из респондентов отметил, что второй корень “vir-” также звучит

славянским.

Американские читатели-монолингвы

В то же время, среди американских читателей-монолингвов возникают различные ассоциации, включая связь с творческим сообществом художников “Yaddo” (Яддо) в штате Нью-Йорк, США и отрицательным персонажем Джафара из мультфильма по сказке «Аладдин», а также впечатление о центральноазиатском происхождении имени. Еще двое из респондентов по контексту воспринимают персонажа как злодея, основываясь на описании в художественном тексте. Трое из респондентов не имеют ассоциаций. В то время, как один из респондентов считает, что этот персонаж должен быть отрицательным (bad) и ненадежным (untrustworthy), ссылаясь на контекст отрывка.

Otar Svetlomír

Российские читатели-билингвы

Перцепция имени ***Otar Svetlomír*** у российских читателей-билингвов в основном положительная. Респонденты ассоциируют сочетание русских слов «свет» и «мир» (буквально «светлый мир») в имени *Svetlomír* (Светломир) с добротой, честностью и светлыми качествами, что делает героя положительным. Один из респондентов отмечает, что вымышленное имя звучит схожим со славянским именем Святослав.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы также воспринимают имя ***Svetlomír*** как символ света, доброты, тепла. Один из респондентов перечисляет следующие номинации этого персонажа – это светлый мир, доброта, честность, порядок, благодать. Несколько из респондентов рассматривают титул *Отар* как «отец» или «отрок». Один из респондентов отмечает, что имя *Svetlomír* звучит как положительный персонаж из славянских народных сказок.

Американские читатели-монолингвы

У американских читателей-монолингвов возникает ряд ассоциаций,

связанных с характонимом ***Svetlomír***. Трое из респондентов отмечают ассоциацию с женским именем “Svetlana” (Светлана), в котором содержится корень «свет-». Один респондент отметил, что у него возникает ассоциация с положительным персонажем “Dumbledore” (Дамблдор) из серии книг «Гарри Поттер» Дж.К. Роулинг. У другого респондента возникает образ священника времен поздней Римской империи, основываясь на описании отрывка. Один из респондентов в своем ответе пишет, что он воспринимает характоним *Svetlomír* как относящийся к положительному персонажу из контекста. Трое из респондентов отметили, что у них нет ассоциаций с данным характонимом.

III. Топонимы

В разделе рассматриваются ряд топонимов, и читатели делятся своими ассоциациями, возникающими при чтении указанных топонимов в зависимости от контекста.

City of Vasyllia

Российские читатели-билингвы

При восприятии топонима ***Vasyllia*** российские читатели-билингвы в основном связывают его с царственностью, ассоциируя с именем «Василий» и его значением «царь». Некоторые респонденты упоминают Византийского императора Василевса, или Русское царство, а также «эльфийские» мотивы, что связано с фэнтезийной литературой. Имя «Василиса» также вызывает образы героинь русских сказок и ассоциации с каким-то величественным градом.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы отмечают, что ***Vasyllia*** напоминает им собор Василия Блаженного и ассоциируется с чем-то грандиозным и загадочным, местом древней силы. Некоторые респонденты связывают название с именем «Василиса Прекрасная», а другие отмечают его русские корни и старинные образы.

Американские читатели-монолингвы

Трое из монолингвальных американских читателей ассоциируют топоним ***Vasyllia*** с именем “Vasily” (Василий). Один из читателей отметил, что возникает ассоциация с греческим именем “Vassilios” (Вассилиос). Один из респондентов ассоциирует топоним с древней цивилизацией Ассирия (Assyria), в то время как у другого респондента возникает образ города, построенного на месте, где стоял более древний и, возможно, мифический город (из контекста отрывка). Один монолингв ассоциирует топоним ***Vasyllia*** с английским словом “vacillate” (колебаться). У двоих монолингвов не возникает никаких ассоциаций с данным топонимом.

Ghavan Isle

Российские читатели-билингвы

При восприятии топонима ***Ghavan Isle*** российские читатели-билингвы в основном ассоциируют его с морской тематикой, отмечая связь со словом «гавань», что вызывает образы «спокойствия», «защиты», «убежища», «тепла» и «солнечного портового города». Некоторые респонденты упоминают «Новгород» и «Гавану». Также встречаются ассоциации с мифическими местами, такими как «остров Буян» и «Атлантида».

Американские читатели-билингвы

Большинство американских читателей-билингвов также связывают ***Ghavan Isle*** со словами «гавань», «залив», подчеркивая атмосферу спокойствия и защиты. Два респондента видят в этом названии вымышленное мистическое место, которое находится «между мирами». У одного из респондентов, исходя из контекста отрывка, возникает ассоциация, что это место наподобие «града-Китежа» из русского фольклора.

Американские читатели-монолингвы

Монолингвальные американские читатели ассоциируют ***“Ghavan”*** со словом “caravan” (караван), возможно за счет суффикса *-avan* в обоих словах, а также с загадочными местами, такими как остров Пасхи (Easter Island) и Атлантида (Atlantis). Один из монолингвов также ответил, что у него

возникает ассоциация с Венецией (Venice), так как она постепенно уходит под воду с каждым десятилетием. Трое читателей отметили, что у них нет ассоциаций с данным топонимом. Один респондент связывает этот топоним с Западной Африкой, поскольку название похоже на название страны Гана (Ghana).

Steppe; Steppeland

Российские читатели-билингвы

При восприятии топонима ***Steppe, Steppeland*** российские читатели-билингвы связывают его с бескрайними пространствами, кочевниками и историей Древней Руси.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы ассоциируют ***Steppe, Steppeland*** с открытыми, ветряными пространствами и кочевой жизнью. Один из респондентов перечисляет свои ассоциации – это «простор», «ветер», «движение», «перемены». Респонденты представляют себе бескрайние травяные равнины (flat land; grassland), хотя не всегда связывают этот термин только с русской культурой. Билингвы отмечают ассоциации с историей кочевников или с широкими открытыми прериями (wide open prairies). Интересно отметить, что один из респондентов также упомянул свою ассоциацию с известной песней ансамбля Любэ «Конь» («Выйду ночью в поле с конем»).

Американские читатели-монолингвы

Большинство монолингвальных американских читателей ассоциируют ***Steppe, Steppeland*** с образами степи и прерии, подчеркивая, что степи и прерии являются распространенной темой в обеих культурах. Два респондента также связывают этот термин с Монголией и с высокими травянистыми равнинами (high grasslands), а один респондент упоминает евразийские степи центральной Азии, откуда пришли монгольские орды в Средние века. Один респондент также отмечает ассоциации со словом “valley” (долина) и со словом “steps” (ступени), а также с “yurts” (юрты).

Один респондент считает, что это звучит как нечто, чего нет в Америке (something that doesn't exist in America), а другой респондент представляет себе большие травянистые равнины с минимумом деревьев (large, grassy, mostly treeless expanses of land). Еще один респондент делится словосочетанием: высокогорья с редкой растительностью (highlands sparse of trees). Вышеуказанные ответы подчеркивают преимущественно сходство ассоциативных образов у билингвов и монолингвов.

IV. Аллюзии на русские сказки и мифологию

В разделе IV обсуждаются аллюзии на русские сказки и мифологию. Читателям предлагается поделиться своими ассоциациями, возникающими при чтении указанных аллюзий в зависимости от контекста. Это позволяет глубже понять, как элементы русской фольклорной традиции влияют на восприятие произведений Николая Котара у различных читателей.

A slumbering giant's head; The giant head of Buyan

Российские читатели-билингвы

Российские читатели-билингвы в большинстве ассоциируют ***The giant head of Buyan*** (голову великана Буяна) с образом головы великана из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» и с топонимом остров-Буян из «Сказки о царе Салтане…» А.С. Пушкина. Несколько респондентов также отметили, что у них возникают ассоциации с качеством человека, с буяном («тот, кто буянит»), а также со словосочетанием «буйная голова». Один из респондентов проводит параллель с восточной сказкой «Алладин», где пещера задавала Алладину вопросы на входе к сокровищам, ссылаясь на мифический образ «привратника» и «стража прохода».

Американские читатели-билингвы

Большинство американских читателей-билингвов также связывают ***The giant head of Buyan*** с русскими сказками про остров Буян и поэмой «Руслан и Людмила», видят в этом персонаже «буйного человека-гиганта», который ассоциируется у них с глаголом «буянить». Один респондент представляет его как спящего гиганта с древней силой, а другой упоминает о

персонажах из русских былин, таких как Святогор. Другой респондент видит в персонаже *Buyan* древнюю силу земли, заключенную в угрожающем, но спящем гиганте. В целом восприятие имени *Buyan* отражает сочетание элементов фольклора, мифологии и природных образов.

Американские читатели-монолингвы

Монолингвальные американские читатели ассоциируют ***The giant head of Buyan*** с различными образами. Один респондент упоминает гигантские головы Будды и индуистские статуи из Азии, другой связывает это с английской сказкой «Джек и бобовый стебель». Также отмечаются ассоциации с гейзером, с циклопом из «Одиссеи» Гомера, с огромными каменными статуями голов на острове Пасхи и с энтами (человекообразными ходячими деревьями-гигантами) из романа «Властелин колец» Дж.Р.Р. Толкина. Трое из респондентов отмечают, что не имеют ассоциаций. Перечисленные ассоциации на антропоним *Buyan* подчеркивают различия восприятия данной мифологемы в контекстах западной и восточной мифологий и культур.

Zmei, the prince of the giants

Российские читатели-билингвы

Российские читатели-билингвы в своих ассоциациях с ***Zmei, the prince of the giants*** в первую очередь вспоминают Змея Горыныча. Почти все респонденты упоминают именно его, подчеркивая его значимость в русской мифологии. Один из респондентов указывает на библейские ассоциации, связанные с антропонимом *Zmei* из-за словосочетания “Old Tales” в отрывке, связывая с лексемой «Змей» истории о грехопадении человека из Ветхого Завета (Old Testament), а также упоминает Василиска из книжной серии «Гарри Поттер».

Американские читатели-билингвы

Пять американских читателей-билингвов, рассматривая аллюзии на ***Zmei, the prince of the giants***, в основном связывают их с образом Змея Горыныча из русских сказок, ассоциируя его с хитрым и злым существом.

Пять респондентов описывая ассоциации на имя *Zmei,* представляют того, кто обладает драконьими чертами, включая элементы «мудрости» (wise), «зла» (evil) и «разрушения» (devastating), характерные для мифологемы «дракона» (dragon; serpent; multi-headed snake hydra). Тремя респондентами также упоминаются прилагательные в ассоциативном ряде – «злой», «коварный», «хитрый».

Американские читатели-монолингвы

Американские читатели-монолингвы, рассматривая аллюзии на антропоним ***Zmei***, имеют разнообразные ассоциации. Один респондент отмечает библейские ассоциации, связывающие имя *Zmei* с “serpents” (змеи). Этот же респондент также отмечает, что слово *Zmei* для него звучит несколько по-еврейски. Трое из респондентов упоминают лексему “dragons” (драконов), один из этих респондентов ассоциирует культуроним *Zmei* с персонажем дракон Смауг (Smaug, the dragon) из книги Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит». Также один из респондентов имеет ассоциацию с фильмами про супергероев и суперзлодеев киностудии Marvel. Трое из респондентов отметили, что не находят никаких ассоциаций с этим антропонимом. Один из респондентов ассоциирует антропоним *Zmei* с оборотнями (shapeshifters).

The Waystone

Российские читатели-билингвы

Российские читатели-билингвы, рассматривая аллюзию на мифологему ***The Waystone***, в основном связывают ее с образом путевого камня и распутья дорог, где герои сталкиваются с выбором, определяющим их судьбу. Многие респонденты упоминают фразы из русских сказок, «Пойдешь направо… пойдешь налево…», а также ассоциируют камень с былинами о богатырях и русскими народными сказками. Некоторые отмечают, что этот мотив также встречается в искусстве (знаменитая картина «Витязь на распутье» В.М. Васнецова). В целом восприятие культуронима *The Waystone* связано с идеей выбора определенного пути и его последствий в контексте русской мифологии.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы ассоциируют культуроним ***The Waystone*** с одним из характерных элементов из русских сказок и былин. Один респондент отмечает, что это важный элемент выбора на распутье судьбы, который подразумевает определенность и возможность определить свои ценности. Большинство респондентов упоминают, что «путевой камень» заимствован из русских былин. Также два респондента связывают его с картинами Васнецова и русскими народными сказками, где камень предвещает последствия выбора. Один респондент отмечает уникальность этого образа в русской культуре. Другой респондент проводит параллель с британской литературой, сравнивая это понятие с Чеширским Котом, которого встретила Алиса на распутье в книге «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Один респондент отмечает, что фразы на придорожном камне схожи с пушкинскими строками о коте ученом из посвящения к поэме «Руслан и Людмила». В целом *The Waystone* воспринимается как символ выбора и поворотного момента в жизни героя.

Американские читатели-монолингвы

Американские читатели-монолингвы воспринимают ***The Waystone*** по-разному. Один респондент связывает его с похожим названием гостиницы из другой книги в жанре фэнтези. Второй участник анкетирования отмечает ассоциации с историческим Розеттским камнем (древнеегипетский артефакт). Третий участник – с дорожным указателем. Четвертый респондент имеет ассоциацию с книгами Дж.Р.Р. Толкина. Пятый монолингв ассоциирует данную мифологему с детской игрушкой “magic eight ball” (шар вопросов и ответов) или с интерактивной детской книгой “choose-your-own-adventure book” (книга «Выбери себе приключение») с различными концовками сюжета. Шестой американский монолингв ассоциирует мифологему *The Waystone* с каменными стелами из видеоигры Skyrim. Причем у этого же респондента сами слова на путевом камне в приведенном отрывке ассоциируются с термином “Trolley problem” (Проблема вагонетки)

из философской этики [Сахарова, 2022; Philippa Foot: Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2018], что свидетельствует о восприятии культуронима *Waystone* с потерей чего-либо при любом выборе. Один респондент не имеет каких-либо ассоциаций, а другой респондент вспоминает волшебные сказки, в которых главный герой раскрывает свою истинную сущность через выбор, который он делает. Также девятый респондент отмечает, что это напоминает портал (portkey) из книжной серии «Гарри Поттер», позволяющий телепортироваться.

Firebird

Российские читатели-билингвы

При восприятии аллюзии ***Firebird*** российскими билингвами возникают различные ассоциации. Большинство респондентов сразу связывают этот образ с жар-птицей, отмечая ее сказочную природу и связь с русскими сказками. Некоторые из респондентов также упоминают мифический образ птицы феникс из разных мировых мифологий, подчеркивая схожесть между этими мифическими существами. Один из респондентов упоминает Иванушку при ассоциации с *Firebird*. Интересно, что другой респондент имеет ассоциацию с фениксом, отчасти благодаря книжной серии «Гарри Поттер», но также подтверждает наличие ассоциации с русской жар-птицей. В целом, *Firebird* воспринимается как символ чудес и волшебства, но также вызывает ассоциации с другими мифическими птицами, такими как феникс.

Американские читатели-билингвы

При восприятии аллюзии ***Firebird*** американскими билингвами также возникают разнообразные ассоциации. Большинство респондентов непосредственно связывают *Firebird* с мифонимом жар-птица из русских сказок. Двое из респондентов обращают внимание на связь с птицей феникс, подчеркивая тему возрождения, в то время как один респондент отмечает, что древний образ феникса присутствует в мифологиях многих культур мира, включая русскую. Один из респондентов дает интересную номинацию – a peacock-like magical bird made of fiery sparks (волшебная птица, похожая на

павлина с огненными искрами).

Американские читатели-монолингвы

При восприятии слова ***Firebird*** американскими читателями-монолингвами у них возникают различные ассоциации. Первый из респондентов связывает образ с балетом «Жар-птица» И.Ф. Стравинского, основанным на русской сказке. Второй респондент упоминает о компьютерных продуктах Mozilla, таких как “Firefox” и “Thunderbird”. Третий респондент ассоциирует *Firebird* со словом “fireflies” (светлячки). Трое из респондентов воспринимают *Firebird* как птицу, похожую на феникса (phoenix), обращая внимание на английские лексемы “Fire” (огонь) и “bird” (птица). Один респондент вспоминает образ американского автомобиля 1967 года “Pontiac Firebird” и связанные с ним американские культурные стереотипы. Но визуально этот же респондент также представляет нечто похожее на феникса, но меньшего размера и в стае, напоминающую золотых орлов (golden eagles) из произведений Дж.Р.Р. Толкина. Один респондент отметил, что не имеет ассоциаций. Девятый респондент пишет, что у него возникают ассоциации с английскими лексемами «феникс» (phoenix) и «светлячок» (lightning bug). Восприятие *Firebird* среди билингвов и монолингвов сильно варьируется от культурных и художественных ассоциаций до более современных интерпретаций, как например современные IT технологии и автомобили.

Sirin

Российские читатели-билингвы

При упоминании слова ***Sirin*** респонденты в основном ассоциируют этот культуроним с мифологическими и литературными образами. Большинство респондентов вспоминают о «сладкоголосой» птице, связывая ее с райскими мотивами и образом греческих сирен. Два респондента упомянули о псевдониме «Сирин» В.В. Набокова и картине В.М. Васнецова с образом птицы сирин («Сирин и Алконост. Песнь радости и печали»). Интересно отметить, что у одного из респондентов возник образ «русалочки».

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы также связывают культуроним ***Sirin*** с мифологией. Большинство респондентов также упоминают о связи с сиренами, сфинксами и соблазном, подчеркивая, что сирин может зачаровывать. Один респондент отметил ассоциацию культуронима *Sirin* с вечной радостью. Второй респондент отметил, что *Sirin* воспринимается как одновременно «красивый» и «угрожающий», но «не злой». Два респондента ассоциируют *Sirin* с печалью (как на картине В.М. Васнецова). Один респондент также отмечает, что у него возникает ассоциация с псевдонимом «Сирин» В.В. Набокова. Таким образом, у российских и американских билингвов ассоциации варьируются от образа прекрасной, но печальной птицы до более светлых и вдохновляющих символов, связанных с надеждой и силой.

Американские читатели-монолингвы

Американские читатели-монолингвы в основном ассоциируют *Sirin* с греческой мифологией, в частности с сиренами из «Одиссеи» Гомера. Большинство респондентов отмечают, что *Sirin* напоминает написание *Siren*, и связывают его с похожим зачаровывающим свойством, который производит песня сирены. Также один из респондентов представляет фигуру сирены, вырезанную на носу корабля. Монолингвы часто связывают данный культуроним с зачаровывающим пением сирены. В результате русский образ сирина замещается знакомым западным аналогом – сирены.

Rusalka

Российские читатели-билингвы

Российские читатели-билингвы, сталкиваясь с аллюзией ***Rusalka***, в первую очередь ассоциируют этот образ с русалками, обитающих в водоемах и заманивающими людей. Большинство респондентов упоминают о классических русских произведениях, таких как поэма А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» а также проводят ассоциацию с мультфильмом «Летучий корабль» по мотивам одноименной сказки А.Н. Афанасьева.

Восприятие *Rusalka* у российских респондентов связано с русскими сказочными аллюзиями.

Американские читатели-билингвы

Большинство американских читателей-билингвов, сталкиваясь с культуронимом ***Rusalka***, представляют мифический персонаж русских сказок, живущий в воде. Респонденты отмечают дикий, опасный и обманчивый характер русалки, но при этом красивый и приманивающий голос. Также у одного из респондентов возникает ассоциация с подводным царством, куда попал Садко. Четыре респондента также ассоциируют слово *Rusalka* с западными версиями русалок (mermaid), представляя ее как более зловещую и загадочную фигуру. У американских читателей-билингвов перцепция культуронима *Rusalka* сочетает элементы русской мифологии и литературного контекста.

Американские читатели-монолингвы

Американские читатели-монолингвы воспринимают образ ***Rusalka*** через призму различных культурных ассоциаций. Один респондент отмечает интересный аспект, связанный с тем, что русалки по контексту книг Н. Котара изображаются на деревьях, а не под водой, и упоминает одноименную оперу Антонина Дворжака. Один монолингв ассоциирует культуроним *Rusalka* с Урсулой из мультфильма студии Disney «Русалочка», а третий респондент – с греческими нимфами (a nymph). Интересно отметить, что один из читателей-монолингвов ассоциирует культуроним *Rusalka* с красным цветом, который весьма часто для англоязычного человека символизирует страсть, привлекательность и убедительность с положительной стороны (Red Color Psychology, Symbolism and Meaning, 2025). Также с отрицательной стороны красный цвет в англоязычной лингвокультуре часто символизирует опасность и агрессию, так как ассоциируется с цветом крови (Red Color Psychology, Symbolism and Meaning, 2025). Другой респондент ассоциирует данный отрывок, содержащий культуроним *Rusalka*, с фильмами ужасов, в которых девочки

выступают в роли «монстров», выходящих из колодцев, что подчеркивает атмосферу опасности. Двое из респондентов имеют ассоциацию с девушками, похожими на русалок (Mermaid-like maidens) и с историями о русалках (Mermaid stories). Также еще один респондент вспоминает детскую книгу о существах, похожих на русалок (mermaid type creatures), живущих в воде. Только один из респондентов отмечает, что не имеет ассоциаций. В целом восприятие культуронима *Rusalka* у монолингвов более связано с американскими фильмами, классической оперой и греческим фольклором, нежели с русской мифологией, как у билингвов.

The Deathless One; the Raven

Российские читатели-билингвы

При восприятии аллюзии ***The Deathless One*** российские читатели-билингвы в основном ассоциируют этот образ с Кощеем Бессмертным. Большинство респондентов (7 из 13) прямо упоминают Кощея, некоторые добавляют детали, такие как его связь с иглой, в которой спрятана его смерть. Двое из респондентов не имеют никаких ассоциаций. Один из российских респондентов обращает внимание на вторую номинацию персонажа ***The Raven*** и отмечает, что у него возникает ассоциация с поэмой «Ворон» Эдгара По. В целом, восприятие антропонима *The Deathless One* в контексте русской мифологии сосредоточено на персонаже Кощея Бессмертного.

Американские читатели-билингвы:

При восприятии аллюзии ***The Deathless One*** американские читатели-билингвы также в большинстве ассоциируют этот антропоним с Кощеем Бессмертным. Среди респондентов 8 из 13 ассоциируют его с русским образом Кощея, описывая его как злого персонажа, который символизирует зло, жажду и алчность. Один респондент отмечает, что словосочетание *The Deathless One* вызывает у него ассоциацию с молодильными яблочками, дающими бессмертие. Один респондент упоминает «живую воду» как мифологему, также связанную с бессмертием. Таким образом, восприятие у американских билингвов антропонима *The Deathless One,* также как у

российских билингвов, сосредоточено на культурониме Кощей Бессмертный, но с добавлением философских размышлений о природе зла и бессмертия и с другими мифологемами из русских сказок, касающимися бессмертия.

Американские читатели-монолингвы:

При восприятии аллюзии ***The Deathless One*** американские читатели-монолингвы ассоциируют эту аллюзию с универсальными темами бессмертия и поиска эликсира жизни, например один респондент упомянул легенду “The fountain of youth” (Источник вечной молодости). Другие упоминают такие персонажи, как Волдеморт из книг Дж.К. Роулинг, который стремится избежать смерти, а также Саурон из произведений Дж.Р.Р. Толкина. Один из респондентов отмечает, что ассоциирует антропоним *The Deathless One* в данном контексте с существительным (ворон) из одноименной поэмы Эдгара Аллана По, а также с антропонимом Икар из греческой мифологии, что может указывать на универсальные темы гордости, амбиции и падения. Один из респондентов ответил, что у него нет ассоциаций, а другой респондент вспоминает лексему «философский камень» (Sorcerer's Stone) в книге Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень». Стоит отметить, что этот же американский монолингв упоминает название книги “Harry Potter and the Sorcerer’s Stone” (буквально: «Гарри Поттер и камень чародея»), адаптированное для американских читателей, в то время как в британском варианте английского языка книга названа “Harry Potter and the Philosopher’s Stone” (буквально: «Гарри Поттер и камень философа»). Другой респондент считает, что антропоним *The Deathless One* напоминает долговечных фантастических существ, таких как эльфы (elves), а также антропонимы, стремящихся к бессмертию, таких как «Волдеморт» (Voldemort), «Саурон» (Sauron) и «Палпатин» (Palpatine). В целом восприятие *The Deathless One* у американских монолингвов связано с древними мифами о бессмертии и современной британской литературой, в отличие от билингвов, у которых превалирует русский ассоциативный ряд

мифонимов.

V. Стратегия форинизации в художественных произведениях Николая Котара

В настоящем разделе рассматривается стратегия форинизации в художественных произведениях Николая Котара. Читателям предлагается поделиться своими ассоциациями, возникающими при чтении реалий, переведенных с помощью форинизации, в зависимости от контекста. Это позволяет лучше понять, как эта стратегия влияет на восприятие произведений и их культурные аспекты.

Vohin; Vohini

Российские читатели-билингвы

При чтении слов ***Vohin; Vohini*** российские билингвы в основном ассоциируют их с понятием «воин»; «воины». Большинство респондентов просто отмечают это значение по-русски. Один респондент связывает слово с образом богатыря в доспехах, тогда как другой упоминает о русских воинах. Также один из респондентов связывает концепт “воин” с военным званием. Однако есть и те, кто не испытывает никаких ассоциаций, а один респондент указывает на интерференцию с немецким языком, где слово с похожим написанием “wohin” является предлогом места.

Американские читатели-билингвы

При восприятии слов ***Vohin; Vohini*** американские билингвы также в основном ассоциируют их с русским словом «воин». Большинство респондентов отмечают это значение, подчеркивая различные аспекты, такие как гордость и дисциплина, а также ассоциации с воинствующими и средневековыми воинами. Один респондент связывает слово с образом чародея, в то время как два респондента не испытывают никаких ассоциаций. Интересно, что один респондент указал на то, что форма “Vohini” является множественным числом и подразумевает, что говорящий старше и мудрее, чем сами “Vohini” (воины), выполняющие приказ по контексту сюжета.

Американские читатели-монолингвы:

При восприятии существительных ***Vohin; Vohini*** американские читатели-монолингвы имеют разнообразные ассоциации. Один респондент отмечает, что слово скорее напоминает имя собственное, чем звание. Другой респондент ассоциирует эти слова с всадниками Рохиррим (riders of Rohirrim) из книги «Властелин колец» Дж.Р.Р. Толкина. Третий респондент воспринимает слова ***Vohin*** и ***Vohini*** как “captain” (капитан), а четвертый респондент связывает наименование со словом “soldier” (солдат). Пятый респондент отметил, что у него нет ассоциаций с этим словом, в то время как у шестого респондента возникает ассоциативный ряд слов “sergeant” (сержант) и “lieutenant” (лейтенант) при упоминании культуронима *Vohin* в прочитанном контексте. Седьмой, восьмой и девятый респонденты не имеют ассоциаций.

Voyevoda

Российские читатели-билингвы

При восприятии культуронима ***Voyevoda*** российские билингвы в основном ассоциируют его с образом военачальника и военным титулом. Большинство респондентов подчеркивают, что воевода представляет собой высокопоставленного военного лидера. Некоторые упоминают об ассоциации с Древней Русью, отмечая, что воевода выполняет функции защитника города и обходит территорию дозором. Участники также связывают это слово со сказочным контекстом, что создает атмосферу древности и фольклора. Также интересно отметить, что один из респондентов указал на ассоциацию с Морозом-воеводой, персонажем поэмы Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос».

Американские читатели-билингвы

Большинство американских билингвов также воспринимают культуроним ***Voyevoda*** как военачальника, подчеркивая его высокое звание и уважение, которое он вызывает. Они отмечают, что воевода является предводителем воинов и командиром в Древней Руси. Один из респондентов

также отметил, что слово ***Voyevoda*** вызывает ассоциацию с богатырями, выходящими из вод (the bogatyri emerging from the ocean), ссылаясь на поэму А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Другой читатель-билингв отмечает, что культуроним ***Voyevoda*** может быть ассоциирован с концепцией вождя племени в сказках американских индейцев.

Американские читатели-монолингвы

Среди американских читателей-монолингвов слово ***Voyevoda*** вызывает менее конкретные ассоциации. Один из них связывает его с маркой телекоммуникационной фирмы “Vodafone”. Другой респондент ассоциирует это слово с известным данному респонденту (математику по профессии) современным ученым-математиком Владимиром Воеводским. Один монолингв имеет ассоциацию со словом “commander” (командир). Интересно отметить, что одна из респондентов, знающая несколько базовых русских слов и фраз, выученных за 18 месяцев жизни в России, упоминает, что у нее возникает ассоциация с русским словом “voda” (вода). Один из монолингвов ассоциирует слово *Voyevoda* с более высоким званием, чем предыдущее слово «воин». Четверо респондентов сообщили, что у них нет ассоциаций.

Sudar

Российские читатели-билингвы

При восприятии культурно-специфичного слова ***Sudar*** российские билингвы в основном связывают его с вежливой формой обращения. Большинство респондентов отмечают, что это слово ассоциируется с дореволюционной Россией, где «сударь» использовалось как уважительное обращение к мужчине. Двое из участников также перечисляют ассоциативный ряд «Сударыня» и «Господа».

Американские читатели-билингвы

Американские билингвы также воспринимают ***Sudar*** как форму уважительного обращения, аналогичную слову “sir” (сэр). Они отмечают, что это слово может обозначать «господина» или человека из

привилегированного слоя общества в прошлом. В их представлении этот культуроним является титулом и знаком вежливости и уважения.

Американские читатели-монолингвы

Среди американских читателей-монолингвов слово ***Sudar*** вызывает менее конкретные ассоциации. Один из респондентов воспринял его как опечатку при написании названия страны “Sudan” (Судан). Другой из респондентов также отметил, что вспомнил страну Судан. Двое респондентов отмечают ассоциацию с некоторым социальным титулом. При этом три респондента воспринимают это слово как экзотическую версию титула “sir” (сэр). Двое из респондентов не имеют ассоциаций с представленной лексемой.

Knyaz

Российские читатели-билингвы

При восприятии культуронима ***Knyaz*** российские билингвы в основном ассоциируют его с правителем высокого рода, принцем или руководителем. Некоторые респонденты вспоминают образы князей из фильмов про богатырей или связывают слово с историческими фигурами Руси, такими как князь Игорь. В целом, *Knyaz* воспринимается как титул власти и авторитета, связанный с древнерусской историей.

Американские читатели-билингвы

Большинство респондентов также воспринимают слово ***Knyaz*** как титул правителя, принца. Некоторые из респондентов дали следующие номинации к слову «князь»: “ruler” (правитель), “prince” (принц), “authority” (власть), “king” (король), “lord” (лорд). Один из американских билингвов отмечает, что слово *Knyaz* сложное в чтении и произношении для англоговорящего монолингва, но у самого билингва это слово ясно ассоциируется с русским понятием князя.

Американские читатели-монолингвы

Первый респондент отмечает, что он испытывает сложности при произношении ***Knyaz***. Второй американский монолингв связывает этот

культуроним с образом средневекового русского лорда (medieval Russian lord). Третий респондент отметил возникающую у него ассоциацию со словом «регент» (regent). Четвертый монолингв отметил, что это русское слово, эквивалентное английскому «принц». Он также поделился историей о том, что у него был ученик в старших классах школы с очень похожей фамилией. Пятый респондент не имеет ассоциаций с данным культуронимом. Шестой респондент указал на связь с должностным лицом (governing official). Седьмой респондент так же, как и пятый читатель, отмечает, что у него нет ассоциаций с лексемой *Knyaz.* Восьмой монолингв ответил, что английское сочетание букв “kn-” напомнило лексему “knight” (рыцарь). Девятый респондент также обратил внимание на сходство написания первых двух букв “kn-” в культуроним *Knyaz* (князь) с лексемой из английского языка “knight” (рыцарь), но только после того, как данные два слова были использованы рядом. Таким образом, среди различных читателей-монолингвов культуроним *Knyaz* воспринимается как титул власти и аристократического статуса, хотя степень ассоциации варьируется в зависимости от уровня знакомства с русской культурой.

Veche

Российские читатели-билингвы

При восприятии культуронима ***Veche*** все участвующие в опросе российские билингвы ассоциируют его с русским значением слова «вече» – то есть с народным собранием для принятия решений. Некоторые из респондентов также описывают *Veche* как собрание мудрецов и старцев и связывают это слово с историей Новгорода.

Американские читатели-билингвы

Большинство американских билингвов также воспринимают ***Veche*** как собрание, в котором принимаются важные решения. Они отмечают, что это может быть связано с демократическим голосованием или референдумом. Респондентами используются следующие номинативные единицы при возникновении ассоциаций, связанных с культуронимом *Veche*: “a medieval

democratic vote" (буквально: средневековое демократическое голосование), «народное собрание», «вещий», «голосование», "meeting" (собрание), "referendum" (референдум), "council" (совет). Два респондента связывают «вече» с концепцией «власти» и «силы», а также упоминают о его историческом контексте в Великом Новгороде и в целом в Древней Руси. Таким образом, восприятие *Veche* среди американских читателей-билингвов преимущественно указывает на его значение как собрания, в котором участвуют различные социальные группы.

Американские читатели-монолингвы

Американские монолингвы, не знакомые с русской культурой, имеют менее выраженные ассоциации. Один из них связывает слово ***Veche*** с французским словом "pêche" (персик). Один респондент ассоциирует это слово с собранием. Один респондент указал на ассоциацию с неким средневековым собранием представителей местной управляющей власти и простых людей. Один респондент указал на связь слова с некоей правительственной ролью. Другой респондент также считает, что слово *veche* похоже на название обряда или церемонии. Трое респондентов указали на отсутствие каких-либо ассоциаций. Один респондент отметил, что лексема *Veche* напоминает написание французского слова "vache" (корова). Таким образом, слово *Veche* у половины читателей воспринимается как символ народного участия и коллективного принятия решений, хотя степень осведомленности и ассоциаций варьируется в зависимости от культурного контекста.

VI. Стратегия доместикации в художественных произведениях Николая Котара

В разделе VI обсуждается стратегия доместикации в художественных произведениях Николая Котара. Читателям предлагается поделиться своими ассоциациями, возникающими при чтении реалий, переведенных с помощью доместикации. Это помогает лучше понять, как эта стратегия влияет на восприятие произведений и их адаптацию к культурным особенностям

читателей.

Swanling; Swan

Российские читатели-билингвы

При прочтении слов ***swanling*** и ***swan*** у всех российских билингвов чаще всего возникают различные ассоциации с лебеденком, а также с такими образами «Царевна Лебедь», «Лебединая песня» или «Гадкий утенок». Также несколько из российских билингвов воспринимают *swanling* как ласковое, уменьшительно-ласкательное обращение к девушке, символизирующее нежность и красоту.

Американские читатели-билингвы

Американские билингвы также связывают слова ***swanling*** и ***swan*** с образом изящной, грациозной птицы, а также с русскими сказками о Царевне Лебеди или Василисе Прекрасной, выпускавшей лебедей из своих рукавов, а также с образом балерины (ballerina) и балетом «Лебединое озеро» П.И. Чайковского. Четыре респондента отметили, что слово *swanling* воспринимается как нежное, ласковое обращение, выражающее любовь к девушке и восхищение ею. Также один респондент отметил, что представляет образ стройной девушки в серебряном платье с расклешенными рукавами (a slender maiden in a silver dress with bell sleeves).

Американские читатели-монолингвы

Трое из восьми американских монолингвов отмечают, что слова ***swanling*** и ***swan*** звучат как ласковые обращения или прозвища согласно контексту предложений. Один из них отмечает, что для него показалось интересным то, что эти слова звучат как ласковые обращения к людям, и пишет свое предположение, что это, возможно, изящные люди (maybe they're graceful people). Этот же респондент также вспоминает балет «Лебединое озеро». Другой респондент воспринимает слово *swanling* как экзотический диминутив, похожий на уменьшительно-ласкательные обращения к людям на английском языке, как например “sugar” (сахар), “honey” (буквально: мед или медовый), “love” (буквально: любовь или любимый/любимая) “darling”

(милый/милая). Четвертый респондент отметил, что не имеет никаких ассоциаций с этими словами. Пятый монолингв отмечает, что у него в первую очередь возникает ассоциация “swan bird” (птица-лебедь). Шестой читатель-монолингв по контексту отрывка отмечает ассоциацию с дочерью-подростком видного правителя (a teen daughter of a prominent leader). Седьмой респондент представляет милую маленькую девочку (a sweet little girl), а восьмой респондент вспоминает сказку Ганса Христиана Андерсена «Гадкий утенок» в связи с наличием суффикса -ling в слове “duckling” (утенок) из названия сказки “The Ugly Duckling” (Andersen, 2014). Девятый респондент описал лексему *Swanling* как «красивые птицы» (pretty birds). В целом *swanling* и *swan* вызывают у большинства респондентов ассоциации с чувствами нежности, красоты и грации, а также с самой птицей или с русской культурой и сказками.

Rough shoes woven from tree bark; bark shoes

Российские читатели-билингвы

При прочтении слова ***Bark shoes*** или ***Rough shoes woven from tree bark*** практически у всех у российских билингвов возникают ассоциации с традиционными русскими лаптями. Это словосочетание вызывает узнаваемые образы, связанные с народной культурой, и многие респонденты прямо указывают на «лапти» как на основную ассоциативную лексему. Один из них также упоминает «берестяные грамоты», что подчеркивает связь с традициями Древней Руси.

Американские читатели-билингвы

Большинство американских билингвов также связывают ***Bark shoes*** или ***Rough shoes woven from tree bark*** с лаптями, но некоторые респонденты добавляют, что это выражение ассоциируется с простотой и крестьянским стилем одежды, используют английское прилагательное “peasantly” (характеристика крестьянина) и русское словосочетание «деревянная обувь». Один из них пишет, что у него есть представление о лаптях как о грубой обуви (rough-looking), что подчеркивает их функциональность и связь с

крестьянским бытом. Интересно отметить, что один из читателей-билингвов имеет ассоциацию с именем «Емеля», а другой указал на образ монаха в лесу (a monk in the woods).

Американские читатели-монолингвы

Американские монолингвы, в свою очередь, чаще всего ассоциируют ***Bark shoes*** с крестьянским образом жизни (*the people wearing them must be peasants*). У американских читателей также возникают ассоциации с лексическим рядом “serf” (крепостного), “serfs” (крепостные), “hippie” (хиппи), “country” (деревня), “nomadic people” (кочевые народы), а также с культурой коренных американцев (Native American culture), что указывает на восприятие словосочетания *Bark shoes* или *Rough shoes woven from tree bark* как символа простоты. Трое из монолингвов также находят параллели с предметами быта других культур, например с сандалиями коренных американцев (sandals that native Americans wore), с мокасинами (moccasins), с голландскими деревянными туфлями (Dutch wooden shoes). Один респондент отметил ассоциацию с кочевыми народами (nomadic people). Один респондент ассоциирует культуроним с определенным типом обуви (a certain type of shoes). Но один из монолингвов отмечает, что не имеет ассоциаций. Таким образом, слово *Bark shoes* вызывает у респондентов из разных лингвокультур схожие ассоциации, связанные с традиционной обувью, но все же указывающие на различия в восприятии.

Hag

Российские читатели-билингвы

При прочтении слова ***Hag*** почти у всех у российских билингвов возникают прямые ассоциации с Бабой-ягой из русских народных сказок. Хотя некоторые из респондентов не испытывают определенных ассоциаций, большинство четко идентифицируют этот антропоним.

Американские читатели-билингвы

Большинство из американских билингвов также ассоциируют ***Hag*** с образом Бабы-яги. Но некоторые также воспринимают этот образ со

следующим ассоциативным рядом: “crone” (старуха), “wise woman” (мудрая женщина), “witch” (ведьма), “witch-like being who lives in a hut on chicken legs and travels in a mortar and pestle” (существо, похожее на ведьму, которое живет в избушке на курьих ножках, летает на ступе с пестиком), “bad or evil witch” (плохая или злая ведьма). Один из американских билингвов воспринимает образ *Hag* как таинственную, но и опасную фигуру из глубин леса, которая может быть как злой, так и мудрой. Этот же респондент отмечает, что слово *Hag* также напоминает ему архетип ведьмы из западного фольклора. Другой респондент отмечает, что *Hag* – это неточное определение Бабы-яги, таким образом, подчеркивается стратегия доместикации. В то же время один респондент отметил, что ему нравится применяемое слово *Hag,* что это как бы воплощение сущности Бабы-яги, но без прямого заимствования персонажа Бабы-яги в книге-фэнтези.

Американские читатели-монолингвы

Двое из американских монолингвов также ассоциируют слово ***Hag*** с Бабой-ягой, опираясь на рассказы, которые либо слышали, либо сами читали. Другие респонденты связывают это слово с лексемой “witch” (ведьма) и словосочетанием “with a bit of a hunchback” (с небольшим горбом). Четыри монолингва упоминают сказки братьев Гримм (Grimm’s fairy tales) и конкретно сказку «Гензель и Гретель» (“Hansel and Gretel”) (Grimm, Grimm, 2013). Один из респондентов также ассоциирует *Hag* со злодеями из классических мультфильмов Уолта Диснея и с американским фильмом-комедией 1993 года “Hocus Pocus” («Хокус-покус»), что говорит о восприятии слова *Hag* как части общего европейского фольклорного архетипа, а также о наличии более современных интерпретаций этого слова. Один респондент ответил, что играл в видеоигру, в которой была ведьма (Hag), похожая на ту, что представлена в отрывке. Таким образом, независимо от культурного и языкового опыта, лексема *Hag* вызывает у всех респондентов понятные образы либо самой Бабы-яги или же из европейских сказок более обобщенный образ опасной ведьмы, живущей в лесу.

Loaf of bread in an embroidered white towel

Российские читатели-билингвы

При восприятии фразы "***Loaf of bread in an embroidered white towel***" российские билингвы в основном связывают эту фразу с русской традицией гостеприимства и приветствия гостей. Большинство респондентов имеют ассоциации со словами «каравай» и «хлеб да соль», что подчеркивает важность хлеба как символа достатка и радушия. Один из респондентов также ассоциирует это выражение с русской поговоркой «встречать с хлебом и солью», то есть оказывать теплый прием. Он отмечает, что вариант перевода данного культуронима в книге Н. Котара воспринимается как более утонченный, с использованием фразы "embroidered white towel" (вышитое белое полотенце) (Kotar, 2017b: 153), вместо транслитерации культуронима «рушник».

Американские читатели-билингвы

Американские билингвы, в свою очередь, также воспринимают фразу "***Loaf of bread in an embroidered white towel"*** (Kotar, 2017b: 153) как символ гостеприимства и принятия гостей. Большинство респондентов ассоциируют это выражение с караваем и традицией «хлеб да соль», с русскими свадьбами (Russian weddings), с куличом (kulich), с рушником и с образами из русского фольклора или искусства, когда деревня встречает богатыря (Russian folklore or art when a village meets a bogatyr). Эти ассоциации подтверждают знакомство американских билингвов с русскими культурными обычаями.

Американские читатели-монолингвы

Американские монолингвы имеют более разнообразные ассоциации. Один из них связывает фразу "***Loaf of bread in an embroidered white towel"*** (Kotar, 2017b: 153) с традициями других культур, например с подарками на новоселье (Bread and salt are traditional housewarming gifts in more than one culture). Другой монолингв упоминает о том, что он видел, как эта традиция соблюдается в православной церкви в г. Сан-Франциско при приветствии епископа или молодоженов (A formal greeting of a bishop, or a newly married

couple. I am orthodox and have seen this tradition practiced in the church in San Francisco). Двое из респондентов отмечают ассоциацию с еврейским праздничным хлебом хала (challa). У других двух респондентов нет ассоциаций. Интересно отметить, что один из монолингвов также ассоциирует этот культуроним с пилигримами (pilgrims) и с понятием гостеприимства (being a nice host). Другой респондент пишет, что эта фраза напоминает о важности хлеба (the importance of bread) и необходимости делиться им с другими (sharing it). У большинства читателей-монолингвов возникает ассоциация с церемонией встречи и предложения еды. В целом следует отметить, что большинство респондентов из трех категорий связывают фразу *Loaf of bread in an embroidered white towel* (Kotar, 2017b: 153) с темой гостеприимства и праздника, но акценты различаются в зависимости от культурного контекста и личного опыта.

Перцепция русских традиций в творчестве Николая Котара: влияние на жанр фэнтези (вопрос 2 в разделе Приложение 2. Часть 2)

Вопрос касается восприятия читателями фрагментов из произведений Николая Котара и их возможных ассоциаций с русскими литературными и фольклорными традициями, а также с англоязычным жанром фэнтези, основанном на мифах и легендах. Читатели делятся своими наблюдениями после прочтения отрывков художественных произведений писателя.

Российские читатели-билингвы

Российские билингвы в большинстве своем чувствуют прямые и косвенные аллюзии к образам из русского фольклора. Большинство из респондентов отмечают употребление имен собственных и описание славянских реалий, а также замечают элементы из народных сказок и пословиц. Некоторые упоминают о том, что контекст произведений Котара четко указывает на эти связи, придавая сказочную образность повествованию.

Американские читатели-билингвы

Большинство американских билингвов также подчеркивают

значительное влияние элементов из русского фольклора, таких как имена различных персонажей, сюжеты и образы, знакомые им из русских народных сказок и сказок А.С. Пушкина. Читатели отмечают, что Н. Котар переосмысливает эти культуронимы, делая их доступными для широкой аудитории, включая англоязычных читателей билингвов и монолингвов. Один из респондентов отметил, что для него особенно выделяется образ камня на распутье, при этом сразу возникает ассоциация с картиной В.М. Васнецова «Витязь на распутье». Другой респондент отметил, что ему сразу заметны русские мифонимы в лексемах “Hag” и “Buyan” (Буян). При этом один из респондентов, делясь своим впечатлением, поясняет, что чувствует влияние русского фольклора во многих примерах, но не во всех.

Американские читатели-монолингвы

Большинство (семь из девяти) американских читателей-монолингвов замечают влияние в тексте русских фольклорных элементов (Firebird, Rusalka, Baba Yaga, Steppe). Один респондент также ответил, что заметил влияние русской культуры в именах (Svetlomír) и обнаружил сходство с известными ему мифологическими архетипами, хотя не знал, что они являются русскими. Двое респондентов не обнаружили в отрывке из текста Н. Котара следов русской культуры, фольклора или мифологических образов. В целом при чтении отрывков из книг Николая Котара большинство респондентов, за исключением двух монолингвов, из разных групп отмечают наличие русских литературных и фольклорных традиций, наряду с элементами англоязычного жанра фэнтези.

Русские культуронимы с мифопоэтическими трансформациями в английском языке (вопрос 3 в разделе Приложение 2. Часть 2)

Вопрос касается мнения читателей о присутствии русских культуронимов с мифопоэтическими трансформациями в английском языке. В анкете читателей просят обратить внимание на то, как эти элементы интегрируются в англоязычный контекст и как они могут изменяться в процессе перевода или адаптации. Вопрос о наличии русских культуронимов

с мифопоэтическими трансформациями в английском языке вызывает интерес у респондентов из разных групп.

Российские читатели-билингвы

Большинство российских читателей-билингвов отмечают, что в английских текстах действительно присутствуют русские культуронимы, которые часто подвергаются трансформации. Некоторые респонденты упоминают, что такие изменения делают текст сложным для восприятия, создавая ощущение языковой и культурной «каши». Например, в английском эквиваленте русской пословицы «встречать с хлебом и солью» добавляется слово “embroidered” (вышитый), а имена персонажей, такие как Кощей Бессмертный, могут быть изменены на “deathless Raven”. Баба-яга часто упрощается и вместо этого используется слово “hag”, что также подчеркивает трансформацию оригинальных значений.

Американские читатели-билингвы

Большинство американских читателей-билингвов также подтверждают наличие подобных трансформаций, указывая на то, что слова и концепции из русских сказок адаптируются для англоязычной аудитории. При этом один респондент отмечает, что не замечает подобной трансформации, и один респондент выражает неуверенность.

Американские читатели-монолингвы

Американские монолингвы также замечают русские культуронимы, хотя мнения о степени их трансформации варьируются. Например, из девяти респондентов пятеро отметили, что заметили мифопоэтические трансформации русских культуронимов, а четверо читателей, менее знакомые с русской культурой, ответили, что не заметили этих трансформаций.

VII. Стратегия доместикации в переводах Николая Котара в сборниках *In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old Russia* и *In a Certain Kingdom: Epic Heroes of the Rus*

В сборниках Николая Котара “In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old

Russia" и "In a Certain Kingdom: Epic Heroes of the Rus" представлены примеры русизмов и реалий из русской лингвокультуры, переведенные на английский язык с использованием стратегии доместикации. Эта стратегия предполагает адаптацию культурных элементов оригинала к культуре и восприятию целевой аудитории, что отражается в выборе переводческих решений. Вопросы, связанные с возникновением особых ассоциаций у читателей при чтении таких адаптированных реалий в контексте сборников, позволяют оценить эффективность и восприятие доместицированных переводов.

Ivan the Prince, Prince Ivan

Российские читатели-билингвы

При восприятии имени ***Ivan the Prince*** российские читатели-билингвы в большинстве ассоциируют его с героем русских сказок Иваном-царевичем. Также один из респондентов ссылается на Иванушку-дурачка.

Американские читатели-билингвы

Большинство американских читателей-билингвов также связывают имя с Иваном-царевичем и русскими сказками. Один из респондентов отмечает, что слово "prince" (принц) воспринимается более европоцентричным и вызывает ассоциации с оперой и балетом, а не со сказками. Отдельные респонденты имеют свои особые ассоциации с именем ***Ivan the Prince***. Один респондент ассоциирует его с антропонимом "Ivan the Terrible" (Иваном Грозным). Другой респондент вспомнил русскую музыкальную группу Иванушки International. Еще один респондент отметил, что просто воспринимает имя как русский вариант имени John (Джон).

Американские читатели-монолингвы

Трое из американских монолингвов преимущественно ассоциируют антропоним ***Ivan the Prince*** с личностью Ивана Грозного (Ivan the Terrible). Один респондент отметил общую ассоциацию с молодым принцем. Также другой монолингв отмечает, что имя Иван (Ivan) часто используется как указание на русскую царственность или влиятельных личностей. Один

респондент пишет, что знает имя Иван как распространенное русское имя (a common Russian name), но не связывает его с каким-либо князем (prince). Но у троих респондентов нет никаких конкретных ассоциаций с данным антропонимом.

Koshchei the Deathless

Российские читатели-билингвы

В восприятии имени ***Koshchei the Deathless*** российские читатели-билингвы в большинстве ассоциируют его с персонажем русских сказок с Кощеем Бессмертным. Также приводится лексема «сказки».

Американские читатели-билингвы

Большинство читателей-билингвов также связывают антропоним ***Koshchei the Deathless*** с Кощеем Бессмертным из русских сказок. Некоторые респонденты отмечают, что Кощей олицетворяет зло, но в конце концов всегда терпит поражение. Можно привести следующие лексемы, указанные американскими билингвами при описании ассоциаций, связанных с этим антропонимом: dark mage (темный маг); Pushkin's poems (поэмы Пушкина); scary character (страшный персонаж); Кощей Бессмертный's death on the end of a needle (смерть Кощея Бессмертного на конце иглы). У одного из респондентов есть ассоциация с детскими воспоминаниями, такими как "yolka-shows" (праздничная «елка»).

Американские читатели-монолингвы

Американские монолингвы в большинстве ассоциируют антропоним ***Koshchei the Deathless*** с личностью злодея, а также с некоторыми другими персонажами, такими как Волдеморт (Voldemort) из книг о Гарри Поттере. После чтения приведенного отрывка, где описывается, что смерть Кощея находится на конце иглы, три монолингва отметили ассоциацию с "matryoshka dolls" (с матрешками), "Russian dolls" (русскими куклами) и "Russian nesting dolls" (русские матрешки). Один респондент приводит ассоциацию с лексемами "fate" (судьба) и с "riddles" (загадки). Трое из респондентов не имеют ассоциаций.

Vasilissa the Wise

Российские читатели-билингвы

Российские читатели-билингвы ассоциируют антропоним ***Vasilissa the Wise*** с Василисой Премудрой из русских сказок. Также приводятся лексемы «Василиса Мудрая», «героиня сказок» и «сказки».

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы также связывают ***Vasilissa the Wise*** с Василисой Премудрой, но некоторые из респондентов дополнительно отмечают, ассоциативный ряд: Царевна-лягушка, beautiful and wise character (красивый и мудрый персонаж), Russian fairy tales (русские сказки), manifestation of beauty and wisdom (проявление красоты и мудрости), борьба со злом.

Американские читатели-монолингвы

Американские монолингвы указывают различные ассоциации с именем ***Vasilissa the Wise.*** Один из монолингвов ассоциирует это имя с русской сказкой (from Russian folklore). Другой респондент упоминает святую Василису из Пскова (St Vasilisa of Pskov). Пятеро из респондентов также связывают этот антропоним с европейской сказкой «Принцесса и лягушка» (“The Princess and the Frog”), где лягушка – это мужской персонаж – заколдованный принц (*the frog prince*), что отличается от русской сказки о Царевне-лягушке. Один из этих читателей добавляет, что также возникает ассоциация со сказкой «Красавица и Чудовище» (“Beauty and the Beast”). Другой респондент отметил, что персонажи, «сбрасывающие кожу», обычно воспринимаются как злодеи в китайских сказках. Один респондент не имеет ассоциаций.

VIII. Стратегия форинизации в переводах Николая Котара в сборниках *In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old Russia* и ***In a Certain Kingdom: Epic Heroes of the Rus***

Данный раздел касается примеров русизмов и реалий из русской лингвокультуры, используемых в переводах русских сказок

Николаем Котаром в сборниках “In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old Russia” и “In a Certain Kingdom: Epic Heroes of the Rus”. Читателей просят поделиться своими ассоциациями, возникающими при чтении этих реалий, переведенных с помощью стратегии доместикации, и обратить внимание на контекст, в котором они представлены.

Bogatyr

Российские читатели-билингвы

В переводах Николая Котара, в которых используется стратегия форинизации, особое внимание уделяется адаптации культурных реалий, таких как ***Bogatyr***. Российские читатели-билингвы в основном ассоциируют культуроним ***Bogatyr*** с сильными и смелыми воинами, часто упоминают Илью Муромца и связывают богатырей с древнерусскими сказками, воспринимая богатырей как символы патриотизма и силы.

Американские читатели-билингвы

Большинство американских читателей-билингвов также отмечают, что культуроним ***Bogatyr*** представляет собой сильного воина, сравнивают его с рыцарем из западной культурной традиции. Один респондент отметил ассоциацию с мифической природой богатырей и их ролью в русских былинах. Некоторые респонденты упоминают, что богатырь ассоциируется с идеей героя, сражающегося со злом. Американские читатели-билингвы воспринимают образ богатыря как могучего воина (powerful warrior), обладающего мифическим величием (mythical greatness) и силой (strength), предлагая следующий ассоциативный ряд: могучий воин в легкой кольчужной рубахе (a mighty warrior in a light chainmail tunic), данный Богом, витязь (vityaz), странствующий рыцарь (knight-errant), похожий на рыцаря (knight-like figure), воин (warrior), спасающий принцессу в беде (saves the princess in distress), а также ассоциируют образ с Ильей Муромцем из русских былин.

Американские читатели-монолингвы

Американские читатели-монолингвы, в свою очередь, воспринимают

культуроним ***Bogatyr*** по-разному. Один респондент ассоциирует данный историзм со словом “bog” (трясина) из-за схожего написания. Другой респондент указывает на ассоциацию со словосочетанием “Russian knight” (русский рыцарь). Один из респондентов, который полтора года жил в России, отмечает, что корень “Bog” в слове *Bogatyr* у него ассоциируется с русским словом “God” (Бог). Также один из респондентов ассоциирует культуроним Bogatyr с лексемами “dwarfs in Tolkien” (гномы из книг Толкина) и “viking” (викинг). Один респондент ассоциирует данный культуроним с английской лексемой “warrior” (воин) из представленного контекста. Четверо респондентов не находят никаких ассоциаций.

Cossack

Российские читатели-билингвы

Перцепция культуронима ***Cossack*** среди большинства российских читателей-билингвов в основном ассоциируется с казаками царской России и с учебником истории. Один из респондентов подчеркивает, что в данном контексте под казаком подразумевается богатырь, то есть происходит смысловое сближение этих понятий, не являющихся, однако, прямыми синонимами. Другой участник анкеты отмечает, что слово *Cossack* вызывает ассоциацию с детской игрой «казаки-разбойники».

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы также связывают культуроним ***Cossack*** с вольными всадниками и воинственными персонажами. Один респондент отмечает, что *Cossack* кажется более поздним историзмом и не вполне ассоциируется со средневековыми эпосами о богатырях. В целом американские билингвы ассоциируют культуроним *Cossack* с воинами. Некоторые из респондентов дополнительно отмечают, ассоциативный ряд: «воинственный человек», “free horseman” (свободный всадник), “independent person” (независимый человек), “member of a military formation” (член военного формирования). Один из респондентов также указывает на литературного персонажа Н.В. Гоголя Тараса Бульбу.

Американские читатели-монолингвы

Большинство американских монолингвов ассоциируют культуроним ***Cossack*** с фольклорными воинами (folk warriors), а также с казачьими танцами (cossack dance), с большими пушистыми шапками (big furry hats) как частью традиционного костюма. Также по контексту данного отрывка отмечаются ассоциации со словосочетаниями «старый, но грозный воин» (an aged but fearsome warrior) и «всадники-воины» (horse riding warriors). Четверо читателей отметили, что у них нет ассоциаций. Таким образом, у американских монолингвов восприятие культуронима *cossack* во многом схоже с читательской перцепцией билингвов, но при этом представляется поверхностным и ограниченным.

Foo, foo, foo!

Российские читатели-билингвы

Перцепция междометия ***foo*** среди российских читателей-билингвов характеризуется однозначной ассоциацией с выражением неприятного запаха или отвращения. Респонденты отмечают, что «фу» – это транскрипция с русского, обозначающая звук или возглас, сигнализирующий о дискомфорте, часто связанном с запахом, а также с отрицательными эмоциями. Два респондента приводят упоминание Бабы-яги, отмечая коннотацию с русскими сказками.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы также воспринимают «фу» как русское междометие, выражающее отвращение. Они интерпретируют его как звук, похожий на фырканье, чихание или реакцию на что-то чуждое и нежелательное. Три респондента перечисляют эквиваленты на английском языке “yuck”, “ew”, “phew”. Два респондента связывают междометие «фу» с фразами Бабы-яги из русских сказок, например, «фу-фу, русским духом пахнет» и «реакция Бабы-яги» (Baba Yaga’s reaction).

Американские читатели-монолингвы

Американские монолингвы воспринимают междометие ***Foo, foo, foo***

более разнообразно. Один респондент вспоминает, что его мать использовала это слово вместо ругательства, а также ассоциирует с китайской едой (egg foo young). Другой американский монолингв, из смешанной семьи, связывает слово с испачканными подгузниками, так как его дети-билингвы говорят «фу» при смене подгузников. Третий респондент воспринимает это междометие как слово “fool” (дурак), а четвертый считает, что это весьма общее восклицание, похожее на литературное архаичное английское междометие “fie, fie”. Пятый респондент также воспринимает *Foo, foo, foo* как междометие, используя прилагательное “stinky” (вонючий). Шестой респондент в приведенном отрывке обращает внимание на культуроним Baba Yaga, и делится своим первым знакомством с этим культуронимом через арт-инсталляцию на фестивале Burning Man, а также через обсуждения с русским другом, что добавило понимания этого культуронима. Седьмой респондент воспринял данный культуроним как междометие. Восьмой респондент вспомнил фразу из сказки «Джек и бобовое дерево» (Jack and the beanstalk): “Fee fie foe fum, I smell the blood of an Englishman” – «Фи-фи-фо-фам, я чувствую запах крови англичанина» (Jack and the Beanstalk, 2025). У девятого респондента также возникает ассоциация с английской фразой из сказки «Джек и бобовое дерево» (Jack and the beanstalk): “Fee fie foe fum” – «Фи-фи-фо-фам» (Jack and the Beanstalk, 2025) и со звуком “pee-ew” (пи-ю), обозначающим неприятный запах. Таким образом, восприятие междометия «фу» варьируется от точного понимания междометия с негативной коннотацией у билингвов до более свободных, иногда искаженных ассоциаций у монолингвов.

Kwaa-kwaa

Российские читатели-билингвы

Перцепция ономатопеи (звукоподражания) ***Kwaa-kwaa*** у российских читателей-билингвов однозначно связана с лягушкой и ее кваканьем. Многие респонденты упоминают классические русские сказки, в частности образ Царевны-лягушки.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы также преимущественно ассоциируют звук ***Kwaa-kwaa*** с кваканьем лягушки. Один респондент отмечает, что этот звук отличается от английского звукоподражания “ribbit” (кваканье лягушки) и воспринимается как более «элегантный» (elegant) звук. Один респондент также отмечает схожесть звучания русской ономатопеи “kwaa-kwaa” с английским звукоподражанием “caw-caw” (издаваемым воронами).

Американские читатели-монолингвы

Большинство американских монолингвов, не знакомых с русским языком, связывают ***Kwaa-kwaa*** скорее с общими звуками птиц (bird sounds) или воспринимают это как некое общее звукоподражание (onomatopoeic word; onomatopoeic sound). Один респондент связывает звукоподражание ***Kwaa-kwaa*** с попытками утихомирить плачущего ребенка (trying to soothe a crying baby). Четыре монолингва отметили, что не имеют ассоциаций. В целом у монолингвов восприятие более абстрактное и менее связано с конкретным животным или культурным контекстом. Таким образом, восприятие *Kwaa-kwaa* отражает различия в языковом и культурном опыте респондентов: от четкой ассоциации с лягушкой и сказочной традицией у русскоязычных билингвов до более обобщенного и менее определенного восприятия у американских монолингвов.

IX. Калькирование фраз из русских сказок и литературы в художественных книгах Николая Котара *The Raven Son Series*

Настоящий раздел касается калькирования фраз из русских сказок и литературы в художественных произведениях Николая Котара, представленных в рамках книжной серии “The Raven Son” («Сын ворона»). Читатели делятся своими ассоциациями при знакомстве с образцами калькированных фраз и отвечают на вопрос, относятся ли эти фразы к русской языковой и культурной среде или, наоборот, создают впечатление, что были придуманы носителем английского языка. Примеры включают

литературные цитаты, идиомы и пословицы, такие как “Beauty will save this world” (Kotar, 2020: 9), “Underneath was a beauty that no story can relate, no pen can describe” (Kotar, 2017b: 159), “Hut! Hut! Turn your back to the forest, with your front to me” (Kotar, 2017b: 327), “Andry grew not in days, but in hours” (Kotar, 2023: 8) и другие.

Российские читатели-билингвы

Вопрос о калькировании фраз из русских сказок и литературы в художественных книгах Николая Котара вызывает различные ассоциации у российских читателей-билингвов. Респонденты в целом отмечают, что многие из приведенных фраз узнаваемы как часть русской культуры. Например, такие выражения, как “The morning is wiser than the evening” (Kotar, 2017b: 121), “In a certain kingdom, in a certain land” (Kotar, 2017b: 195) и “This is the moment to strike, when the iron is hot!” (Kotar, 2020: 200), воспринимаются как дословные переводы известных русских пословиц и фраз. В то же время один из респондентов отметил, что некоторые фразы, такие как “The story begins from the grey, from the brown, from the chestnut-colored horse” (Kotar, 2017b: 205), возможно, за счет доместикации исходного текста и исключения из перевода словосочетания «вещая каурка» (Афанасьев, 2021), не вызывают ассоциаций с русским фольклором и могут восприниматься как придуманные носителем английского языка.

Американские читатели-билингвы

Респонденты отмечают, что многие из предложенных выражений хорошо передают смысл русских пословиц и фраз и что они легко узнаваемы. Один из респондентов отмечает, что многие фразы, которые он узнал, являются не только цитатами из русских народных сказок, но и пословицами. Другой респондент пишет в своем ответе, что многие фразы переведены так, что кажутся созданными англоговорящим, кроме фразы: “Andry grew not in days, but in hours” (Kotar, 2023: 8). Этот же респондент также замечает, что он предпочел бы вариант “he grew and grew, not by the day, but by the hour”. В целом эти выражения оказываются знакомыми американским билингвам

русского происхождения. Один из респондентов замечает, что он впечатлен тем, как точно передан смысл калькированных фраз в переводе, и считает, что некоторые из них могут восприниматься как английские идиомы, в то время как другие, такие как “Hut! Hut! Turn your back to the forest, with your front to me” (Kotar, 2017b: 327), требуют дополнительного контекста для полного понимания. Другой респондент считает, что эти фразы являются хорошими примерами языка русских сказок и напоминают исходные русские выражения, хотя некоторые из них звучат так, будто были переведены дословно, с применением форинизации. Тем не менее три респондента отметили, что некоторые из выражений звучат так, будто были придуманы англоговорящим автором.

Американские читатели-монолингвы

Американские читатели-монолингвы по-разному воспринимают представленные фразы. Респонденты замечают, что некоторые фразы могут показаться им привычными или даже общепринятыми в английском языке, в то время как другие явно указывают на их иностранное происхождение. Например, два респондента отметили, что фраза “Strike while the iron is hot” (Cambridge Dictionary, 2025) является широко используемой идиомой в английском, и ее понимание не вызывает вопросов. Одна респондентка пишет, что для нее не очевидно, что эти примеры принадлежат другому языку, так как сказки первоначально не были написаны на современном языке и часто содержат архаизмы и устаревшие выражения. Один респондент отметил, что выражения вроде “strike when the iron is hot” (Cambridge Dictionary, 2025) широко используются в английском языке, а выражение “the morning is wiser than the evening” (Kotar, 2017b: 121) или его вариации тоже знакомы, и из-за сказочного стиля текста не сразу понятно, что знакомые вариации фраз – заимствование из другого языка. Другой респондент отметил, что некоторые фразы звучат как английские идиомы, например “strike while the iron is hot” (Cambridge Dictionary, 2025), а другие выражения звучат как явно переведенные с другого языка, например “grew

not in days, but in hours" (Kotar, 2023. P. 8); "The morning is wiser than the evening" (Kotar, 2017b: 121). Этот же респондент также отмечает, что другие фразы, как, например, "A beauty that no story can relate, no pen can describe" (Kotar, 2017b: 159) и "The story begins from the grey, from the brown, from the chestnut-colored horse" (Kotar, 2017b: 205) создают впечатление, что они могут быть как неологизмами, так и экзотизмами. Третий монолингв считает, что почти все выражения могли быть созданы англоговорящим писателем, кроме фразы "Hut! Hut! Turn your back to the forest, with your front to me" (Kotar, 2017b: 327). Четвертая участница опроса отметила, что для нее все фразы производят впечатление идиом, придуманных англоговорящими авторами (*they give the impression of being coined by English writers whose phrases have become idioms*). Пятый респондент ответил, что представленные фразы не вызывают у него конкретных ассоциаций или концепций. В то время как шестой респондент отмечает (как и четвертый респондент), что воспринимает все эти фразы как часть англоязычной и западной традиций (*I read all of these as English / western*). Седьмой респондент отметил, что некоторые выражения используются в английском языке. Восьмой респондент считает, что приведенные примеры не указывают на какую-либо конкретную культуру или язык (*do not seem to indicate any original language/culture*). Девятый монолингв сообщил, что знаком с некоторыми из фраз, но не со всеми, при этом ни одна из них, на его взгляд, явно не имеет иностранного происхождения (*none seem particularly of foreign origin*). Таким образом, восприятие калькированных фраз англоязычными читателями-монолингвами варьируется в зависимости от культурного фона читателей, что подчеркивает важность контекста и культурной адаптации в переводе. Большинство респондентов согласны с тем, что многие из приведенных фраз имеют четкую связь с русской культурой, хотя некоторые из калькированных фраз могут восприниматься как более универсальные или как неологизмы для англоязычной аудитории. В целом среди читателей восприятие калькированных фраз из русских сказок варьируется от ощущения

доместикации до узнавания элементов перевода и форинизации.

X. Калькирование фраз из перевода русских сказок в сборнике Н. Котара *In a Certain Kingdom*

Десятый раздел касается калькирования фраз из перевода русских сказок в сборнике Николая Котара “In a Certain Kingdom”. Читателей просят поделиться своими ассоциациями при чтении указанных калькированных фраз и оценить их значение. Примеры включают фразы, такие как “Now you will never again see Marya Morevna, just as you’ll never see your ears!” (Kotar, 2021b: 13), “I will go wherever my eyes lead me!” (Kotar, 2021b: 27) и “If you know too much, you’ll get old faster!” (Kotar, 2021b: 39).

Российские читатели-билингвы

Все российские читатели-билингвы отмечают, что данные фразы являются калькированным переводом известных русских пословиц и выражений. Например, “If you know too much, you’ll get old faster!” (Kotar, 2021b: 39) и “just as you’ll never see your ears!” (Kotar, 2021b: 13). Эти выражения вызывают четкие ассоциации с русской культурой у российских билингвов. Один из респондентов делится своими впечатлениями, что для нее кальки русских выражений звучат «негармонично» в английском, но все же легко узнаваемы для русскоязычных читателей.

Американские читатели-билингвы

Респонденты отмечают, что эти фразы относятся к русской языковой среде и напоминают русские пословицы. Большинство билингвов отметили, что воспринимают эти выражения как часть русской культуры. Один из респондентов в своем ответе пишет, что эти выражения звучат больше как архаичные пословицы из английской лингвокультуры, а не как явно иноязычные. Один респондент считает, что фразы хорошо адаптированы к английскому языку, но он также отмечает, что он, как билингв русского происхождения, с легкостью узнает эти фразы из русского языка. Но один из респондентов считает, что фраза “Now you will never again see Marya Morevna, just as you’ll never see your ears!” (Kotar, 2021b: 13), возможно,

может показаться странной для англоговорящего читателя. Но респондент также отмечает, что ей нравится то, как переводчик перевел и адаптировал с русского языка фразу “wherever my eyes will lead me” (Kotar, 2021b: 27). Также один из респондентов считает, что эти фразы более понятны англоязычным читателям, чем предыдущие примеры в разделе IX анкеты, и создают впечатление, что их мог создать англоговорящий человек.

Американские читатели-монолингвы

Трое из респондентов отметили, что фразы кажутся им более иностранными или экзотическими и вызывают ассоциацию с другой культурой и языком (*these examples sound much more foreign*; *these seem more exotic than the previous example, these seem less coined by an English speaker*; *they give the impression of being phrased from a different culture*). Одна из отвечающих также добавила, что у нее при чтении фразы “Now you will never again see Marya Morevna, just as you’ll never see your ears!” (Kotar, 2021b: 13) возникает ассоциация с Ван Гогом. Один из других читателей-монолингвов пишет, что не может точно определить происхождение данных фраз и полагает, что выражения могли быть созданы как носителем английского, так и иностранцем. Другой респондент делится впечатлением, что данные фразы в этом разделе не вызывают у него конкретных ассоциаций и что он воспринимает их в буквальном значении, как они написаны. Один из респондентов рассматривает эти примеры сквозь призму английского языка и относит их к западной культуре (*I read all of these as English / western*). Седьмой респондент отмечает, что эти выражения не производят впечатления, что они были созданы носителем английского языка, а, скорее, переведены или заимствованы из другой культуры. Восьмой респондент, наоборот, не видит языкового или культурного происхождения этих предложений (*no obvious language/culture of origin*). Девятый респондент пишет, что первая фраза (“Now you will never again see Marya Morevna, just as you’ll never see your ears!” (Kotar, 2021b: 13), по его мнению, не имеет английского происхождения, а третья (“If you know too much, you’ll get old

faster!” (Kotar, 2021b: 39) также, скорее всего, имеет иноязычное происхождение. Таким образом, среди монолингвов восприятие калькированных фраз варьируется. В целом в отличие от читателей-билингвов, большинство читателей-монолингвов (5 из 9 респондентов) отмечают, что фразы звучат более экзотично и явно указывают на свое иностранное происхождение. Трое респондентов не смогли идентифицировать явное культурное влияние, а один воспринял эти фразы как часть английского языка.

Применение доместикации и форинизации в переводах русизмов: Восприятие переводческих стратегий Николая Котара в контексте русских сказок и былин (вопрос 4 в разделе Приложение 2. Часть 2)

Николай Котар в переводах русского фольклора сочетал стратегии доместикации и форенизации. Благодаря этому он одновременно адаптировал тексты для англоязычного читателя и сохранял ключевые элементы русской культуры, знакомя аудиторию с их колоритом. Отвечая на вопросы о доместикации и форенизации, читатели описывают, как эти стратегии влияют на восприятие русских фольклорных реалий (из сказок и былин) в английском переводе.

Российские читатели-билингвы

Российские читатели-билингвы в целом положительно воспринимают сочетание этих приемов, отмечая, что форинизация помогает сохранить русский колорит и аутентичность исходного текста, а доместикация облегчает понимание для более широкой аудитории. Большинство из них подчеркивают, что успешность применения зависит от контекста, сюжета и целевой аудитории. Один из респондентов также отмечает важность прочтения текста перевода целиком, так как без прочтения всего текста полностью, непонятно, что уместно, а что нет. Другой респондент выражает мнение, что доместикация лучше передает колорит сказки, чем форинизация. Трое из респондентов считают, что форинизация будет понятна преимущественно только тем, кто знаком с русской культурой и фольклором,

тогда как для менее ознакомленных читателей необходимы пояснения и адаптация через доместикацию. В целом большинство респондентов склонны видеть в комбинировании этих двух стратегий эффективный способ обогащения текста и передачи культурных реалий.

Американские читатели-билингвы

Американские билингвы также оценивают использование доместикации и форинизации в целом положительно, отмечая, что сочетание обеих стратегий способствует созданию «хорошего баланса» (*he strikes a good balance*) и помогает читателю лучше понять русскую мифологию и лингвокультурные особенности. Респонденты отмечают, что автор умело сочетает доместикацию и форинизацию при переводе русских сказок на английский язык (*successfully implements a combination of both*). По мнению пяти респондентов комбинирование обеих стратегий позволяет даже тем, кто не владеет двумя языками, понять в англоязычном тексте основные концепции иной культуры. Один из читателей-билингвов считает, что комбинированный подход автора способствует созданию художественного нарратива, который становится более доступным для англоговорящей аудитории благодаря некоторой адаптации, что делает текст более понятным. Двое респондентов указывают, что испытывают сложность различения между этими двумя стратегиями, но признают, что автор балансирует между сохранением или адаптацией определенных культуронимов. Один из респондентов отмечает, что использование доместикации и форинизации в написании фэнтези зависит от предпочтений писателя. Но один из читателей-билингвов в своем ответе акцентирует, что для англоязычных читателей, не знающих русский язык, воспринять форинизацию бывает сложно. Другой респондент обращает внимание на то, что читатели-билингвы могут параллельно переводить текст в голове, но все же форинизированные элементы могут звучать неестественно на английском языке. Таким образом, важно применять обе стратегии, чтобы объяснить культурные явления, нехарактерные для другой культуры. Один из респондентов отмечает, что

автор очень продуманно подходит к выбору, оставляя некоторые культурные термины и адаптирует другие.

Американские читатели-монолингвы

Англоязычные читатели-монолингвы в целом воспринимают обе стратегии как полезные и взаимодополняющие друг друга. Большинство из них подчеркивают необходимость баланса между этими двумя стратегиями, чтобы, с одной стороны, избежать отчуждения читателя при чрезмерной форинизации, а с другой стороны, чтобы не было утраты оригинального колорита исходного текста при полной доместикации. Респонденты также отмечают, что выбор между этими стратегиями влияет на восприятие культурных элементов, а также на степень восприятия у читателя, считая, что форинизация придает тексту экзотичность, а доместикация углубляет понимание сюжета. Один респондент подчеркивает, что сложно оценить успех переводов, не зная русского языка. При этом он доверяет переводчику, указывая на то, что для создания художественного произведения, особенно в жанре сказок и фэнтези, необходима определенная доместикация, чтобы текст был читабельным и воспринимался легко. Но он также отмечает, что цель чтения переведенной литературы заключается также и в знакомстве с другой культурой, поэтому важно сохранение некоторой «иностранности» для большей передачи смысла. Этот же респондент отмечает, что для этого требуется тонкий баланс. Другой респондент также считает, что в переводе важно сохранять баланс: если все будет оставлено в иностранной форме, читателям будет труднее вникнуть в содержание, но если в тексте слишком много доместикации, то художественное произведение может потеряет аутентичность. Восьмой респондент отвечает, что подход переводчика зависит от его цели: хочет ли он подчеркнуть русское происхождение сказок или показать универсальность человеческих переживаний и проблем, с которыми сталкиваются многие. Девятый респондент считает, что важно переводить культурные элементы, а не только лексическую составляющую, как в оригинальном тексте.

Восприятие фраз из русских сказок в англоязычном тексте (вопрос 5 в разделе Приложение 2. Часть 2)

Данный вопрос касается восприятия фраз из русских сказок в англоязычном тексте. Участники делятся своими впечатлениями о том, как насыщение англоязычного текста русскими культуронимами влияет на их восприятие. Цель вопроса – узнать у читателей, создают ли эти славянские элементы уникальную атмосферу и как они соотносятся с англоязычном нарративом произведения.

Российские читатели-билингвы

Мнения российских читателей-билингвов разделились. Трое респондентов отмечают, что присутствие русских культуронимов придает тексту узнаваемость, хотя один из респондентов заметил, что выражения могут быть сложны для понимания без знания всего контекста произведения. Один из респондентов отмечает в целом положительное восприятие культуронимов, хотя выражает мнение, что это восприятие зависит от наличия опыта погружения в чтение русских сказок на английском языке. Другой респондент делится своим впечатлением, что интеграция пословиц была удачная. Большинство респондентов отмечают положительное восприятие применения русских культуронимов для создания разнообразия и расширения образности произведения. Двое из читателей находят текст на английском языке необычным, но в целом интересным. У одного из респондентов было чувство инородности. Один из респондентов отмечает, что недостаточно хорошо помнит русские сказки, в связи с чем у него возникали трудности с распознаванием некоторых из аллюзий. Другой респондент считает, что пословицы сложны для восприятия читателями, как владеющими, так и не владеющими знаниями о русской культуре. В то время как другой читатель считает, что текст ясно передает русскую культуру. Один из респондентов отмечает наличие межкультурного взаимодействия русского и английского языков в тексте предложенных отрывков (*интересный межкультурный эффект*). Другой российский читатель-

билингв пишет, что *отрадно видеть родные реалии в иностранном тексте*. Таким образом, несмотря на некоторые трудности и неоднозначности при чтении фрагментов произведений, большинство российских билингвов отмечают положительное восприятие художественного текста и интерес к интеграции культурных элементов в англоязычных произведениях. В целом многие респонденты подчеркивают, что такая интеграция обогащает произведение, добавляя образности и разнообразия. Однако некоторые ощущают чувство инородности и отмечают, что восприятие может зависеть от опыта чтения русских сказок как в оригинале, так и в переводе.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы в большинстве отмечают, что русские культурные элементы придают тексту интересный колорит. Двое из респондентов считают, что русские пословицы, фразеологизмы и культурные аллюзии воспринимаются как естественная часть литературного произведения на английском, создавая эффект культурного обмена. Одна респондентка делится тем, что у нее возникает некоторое удивление, когда она встречает русские культуронимы в англоязычном тексте и русские реалии при переводе становятся частью англоязычной культуры. Пять респондентов находят эти элементы знакомыми, так как с детства знакомы с русским языком и культурой. Одна из опрошенных уточнила, что часть русских культуронимов была ей незнакома, тогда как многие аллюзии она узнавала. Один из читателей также выражает мнение, что для англоязычных читателей, не знающих русский язык и культуру, данные культуронимы могут показаться экзотическими и, возможно, сложными для произношения и понимания. Другой респондент отмечает богатство русских идиом и фраз, которые трудно заменить английскими аналогами. Таким образом, американские билингвы в целом положительно воспринимают насыщение русскими культуронимами художественных текстов, написанных на английском языке, в большинстве рассматривают их как естественную часть текста, а не экзотику.

Американские читатели-монолингвы

Больше половины (пять из девяти) читателей-монолингвов отвечают, что они воспринимают представленные фразы и культуронимы из русской культуры как экзотические. Одна респондентка делится впечатлением, что данные русские элементы не кажутся ей особенно экзотическими, так как она раньше читала русские сказки по-английски и имела возможность познакомиться с русской культурой в Нью-Йорке. Но она также отмечает, что без имеющегося у нее опыта эти экзотизмы казались бы незнакомыми. Другой монолингв выразил интерес к данным культуронимам, подчеркнув, что они делают текст более экзотичным для него. Еще один респондент отметил, что не знает многих из представленных реалий и они действительно кажутся ему экзотичными. Одна респондентка отмечает, что эти элементы в основном экзотичны для нее, но при частом чтении фэнтези читатель привыкает к множеству иностранных слов. Другой респондент подтвердил, что такие элементы звучат для него, как из чужой страны, со значениями и аллюзиями непонятными ему. Еще один из респондентов отметил, что прочитал ранее достаточно русской литературы, чтобы воспринимать эти культуронимы как явно русские, но не вполне экзотичные. Он также добавляет, что для него основная трудность заключается в запоминании и чтении русских имен и отчеств, которые он часто неосознанно пропускает при чтении, а не в понимании русских концептов или характерных для русской литературы тем. Другая респондентка поясняет, что при встрече с незнакомыми словами иногда теряется полное понимание текста, но она продолжает чтение, ожидая, что смысл станет яснее позже. Еще один респондент поделился, что некоторые из терминов казались очень экзотическими, а большинство из них не вызывали ощущения знакомства или узнаваемости. В целом восприятие фраз из русских сказок в англоязычном тексте вызывает у читателей разнообразные реакции, которые зависят от культурного контекста и опыта.

Гибридное сочетание лингвокультур в литературном творчестве Николая Котара: влияние английского и русского языков (вопрос 6 в разделе Приложение 2. Часть 2)

Этот вопрос касается ощущения гибридного сочетания английской и русской лингвокультур в литературном творчестве Николая Котара после прочтения предложенных отрывков. Участники анкетирования делятся своими впечатлениями о том, как эти две лингвокультуры присутствуют в его произведениях и какое влияние это оказывает на общее восприятие художественного текста.

Российские читатели-билингвы

Большинство респондентов отмечают, что гибридизация английской и русской лингвокультур очень четко прослеживается. Один из читателей также отметил, что писатель очень хорошо знаком с русским фольклором и культурой, а другой добавил, что *автор интересен* и *обладает необычным чувством текста*. Двое из участников анкетирования выразили трудности в восприятии художественного текста, особенно в первом отрывке, указывая на сложность и чрезмерную гибридность.

Американские читатели-билингвы

Американские читатели-билингвы также отмечают высокий уровень гибридности и интеграции обеих культур. Большинство респондентов отмечают, что автор соединяет русскую и англоязычную литературные традиции, формируя гибридное сочетание двух лингвокультур, балансируя между ними, что позволяет учитывать интересы разных читателей, как билингвов, так и монолингвов. Одна респондентка отметила, что, прочитав отрывки из произведений Николая Котара, она *почувствовала гибридное сочетание двух лингвокультур, и это было необычно и интересно.* Один респондент подчеркивает наличие русских культурных элементов в повествовании, которые сочетаются с английским стилем фэнтези. Как отмечает другой респондент, *это сочетание удалось* писателю. Другой читатель подчеркивает, что автор создает ощущение, что он повествует на

языке, на котором не говорят персонажи его произведения. Один респондент замечает, что у него не возникло впечатления гибридности текста, что автор заимствовал в своих произведениях различные элементы и фразы из русских народных сказок и использовал их в английском тексте.

Американские читатели-монолингвы

Четверо читателей-монолингвов (которые более ознакомлены с русской лингвокультурной традицией) отмечают, что ощущают гибридность текста. Но четверо других респондентов-монолингвов не ощутили гибридного сочетания английской и русской лингвокультур в предложенных отрывках из произведений писателя. Один из этих респондентов (кто не увидел гибридности) в своем ответе далее поясняет, что не ощущает присутствия русской лингвистической культуры в представленных отрывках, но связывает это со своим ограниченным знанием этой культуры. Также стоит обратить внимание на то, что один читатель-монолингв ответил, что в тексте присутствуют некоторые узнаваемые английские культурные элементы, а также элементы другой культуры, однако он не всегда мог точно определить, что они представляют русскую культуру.

Таким образом, читатели из всех трех категорий респондентов, ознакомившись с отрывками из произведений Николая Котара, в большинстве отмечают наличие гибридного сочетания английской и русской лингвокультур (за исключением тех читателей, кто совсем не знаком с русской культурой). Можно также отметить, что в целом работа автора вызывает интерес у читателей из разных культурно-языковых групп.

4.5. Выводы по главе IV

Творчество писателя-билингва Николая Котара направлено на пробуждение восприятия русских традиций и фольклора в контексте жанра фэнтези, где русские традиции и фольклор переплетаются с англоязычной литературной традицией. В настоящей главе проведен анализ формирования билингвизма и бикультурности писателя, а также их влияния на его

творческую деятельность, самоидентификацию и саморефлексию. Также описаны результаты лингвокультурного и психолингвистического ассоциативного анализа данных, собранных посредством анкеты-опросника, направленного на изучение читательской перцепции творчества Николая Котара.

По результатам **интервью** с писателем-билингвом Н.Котаром можно сделать следующие выводы. Писатель вырос в двуязычной семье, где русский язык был его первым языком, на котором он начал говорить примерно в возрасте двух лет. Английский язык он освоил позже, около четырех лет, что соответствует феномену последовательного билингвизма.

Несмотря на владение двумя языками с раннего детства, писатель все же не считает себя билингвом, а воспринимает себя прежде всего как русского американца, акцентируя внимание на культурной принадлежности, а не только на языковой компетенции. Поддержание русского языка в семье происходило через регулярные поездки в Россию и посещение факультативной русской гимназии, где изучались язык, литература, история и религия. Это позволило сохранить связь с родной культурой и укрепить языковые навыки.

Писатель замечает, что его внутренний диалог зависит от контекста: он чаще мыслит на английском, но в семейных и религиозных вопросах использует русский язык, что подчеркивает функциональное разделение языков в его жизни. В семье также присутствует определенное смешение языков, что является типичным для билингвальных семей, где на детей влияют оба языка и культуры. Языковая доминантность менялась в течение жизни: русский был первым языком, но английский стал доминирующим в профессиональной и социальной сферах. При поездках в Россию писатель переключается на русский язык и отмечает изменения в восприятии себя и своего поведения, что свидетельствует о связи языка с его культурной идентичностью.

Творческий процесс писателя тесно связан с его билингвизмом и

бикультурностью. Русская культура, особенно фольклор и православная вера, оказали значительное влияние на его литературное творчество. С детства он впитывал рассказы бабушки и матери, русские сказки и исторические сюжеты, которые впоследствии стали основой для его произведений. Вдохновляясь такими авторами, как Толкин и Достоевский, он стремится соединить русскую фольклорную традицию с жанром эпического фэнтези, создавая уникальный гибридный стиль. Этот стиль отражает стремление автора сохранить свое культурное наследие и адаптировать его к современным литературным формам.

Писатель также осознает важность переводов своих произведений на русский язык, предпочитая сотрудничать с переводчиками-носителями русского языка, чтобы соблюсти нормы русского языка. При переводе с русского на английский Н. Котар использует переводческие стратегии доместикации и форинизации, чтобы сделать текст понятным для англоязычной аудитории, при этом сохраняя уникальность и колорит оригинала. Особое внимание уделяется сохранению фольклорных элементов и культуронимов, которые играют ключевую роль в создании атмосферы и мифопоэтического мира его книг. Интересно отметить выявленные в ходе исследования наблюдения, подтверждающие, что Н. Котар при переводах русских сказок на английский язык в сборнике “In a Certain Kingdom” преимущественно применял форинизацию с некоторой доместикацией. В то время как в своих художественных книгах-фэнтези из серии “The Raven Son” он, наоборот, в основном применяет доместикацию с добавлением элементов форинизации в тексте произведения.

В целом анализ интервью с писателем показывает, что билингвизм и бикультурность являются неотъемлемой частью личности и творчества писателя. Его опыт жизни между двумя языками и культурами формирует уникальную идентичность и авторский голос, который отражает гибридность восприятия мира. Писатель стремится сохранить культурные традиции через литературное творчество, одновременно адаптируя их к

новым формам и аудиториям. Это делает его вклад значимым как для русской зарубежной литературы, так и для современной американской литературной традиции, особенно в жанре фэнтези. Таким образом, языковая и культурная гибридность не только обогащает личность автора, но и способствует развитию литературы, создавая новые возможности для межкультурного диалога и творчества.

Результаты анализа **читательской перцепции** можно обобщить в следующих положениях. Лингвокультурный анализ читательской перцепции был проведен на основе данных, собранных посредством анкеты-опросника, состоящего из двух частей: первая часть анкеты ознакомительная, вторая часть анкеты касается восприятия художественных книг и переводов автора. Были разработаны три версии первой части анкеты (Ознакомление) для различных категорий читателей: (1) для билингвов, проживающих в России, (2) для двуязычных читателей русского происхождения, проживающих в США и свободно владеющих русским и английским языками, (3) для монолингвов, проживающих в США и владеющих только английским языком.

Вторая часть анкеты-опросника (Читательская перцепция) была идентична для всех трех категорий читателей, при этом для монолингвов анкета была на английском языке, а для билингвов анкета была двуязычной (на русском и английском языках). Анкета структурирована по десяти тематическим разделам, охватывающим различные аспекты восприятия текстов писателя: антропонимы, характонимы, топонимы, аллюзии на русские сказки и мифологию, а также стратегии форинизации и доместикации как в художественных произведениях, так и в переводах автора. Кроме того, отдельное внимание уделялось калькированию фраз из русских сказок и литературы, в частности из сборника переводов. Анкета направлена на выявление особенностей восприятия творчества Николая Котара у всех трех групп читателей на основе их знакомства с отрывками из произведений автора.

Анализ ответов читателей из всех трех категорий на первый вопрос, касающийся самих респондентов, выявил их культурный и языковой опыт. В целом структура опроса и методика его проведения позволили получить представление о том, как различные категории читателей воспринимают лингвокультурные особенности текстов, включая использование русских культуронимов, аллюзий и применяемые переводческие стратегии.

Читатели, как русские билингвы, так и американские билингвы и монолингвы, отмечают наличие отсылок к русским мифам и сказкам, и замечают, что это придает произведениям особый колорит и образность. Российские читатели-билингвы подчеркивают, что имена персонажей и сюжетные элементы им хорошо знакомы, в то время как американские читатели, включая билингвов и монолингвов, также отмечают влияние русского фольклора, хотя некоторые из них не всегда чувствуют эту связь.

Вопрос о присутствии русских культуронимов в английском языке также вызывает интерес у большинства читателей. Российские читатели замечают, что такие элементы часто трансформируются при переводе, что может создавать трудности в восприятии. Американские билингвы подтверждают, что адаптация русских концептов помогает сделать текст более доступным, хотя мнения о степени трансформации варьируются.

Н. Котар использует стратегии доместикации и форинизации, стремясь сбалансировать сохранение русской аутентичности и адаптацию для англоязычной аудитории. Читатели из разных групп в целом положительно воспринимают этот подход, отмечая, что он способствует лучшему пониманию русских лингвокультурных реалий. Многие респонденты замечают, что использование элементов русской культуры в англоязычном тексте придает тексту характерную узнаваемость и интерес. Однако русские культурные отсылки будут понятны преимущественно тем, кто знаком с русскими сказками и культурой, тогда как англоязычная аудитория в среднем воспримет их как необычные или странные, особенно если не увлекается жанром фэнтези. Для русскоязычных читателей-билингвов

форинизированный (русифицированный) текст на английском языке обычно не вызывает трудностей, однако для зарубежной аудитории важно пояснять или адаптировать исконно русские культуронимы, то есть применять доместикацию. Здесь можно сделать вывод, что необходимо оптимально сочетать форинизацию для сохранения колорита с доместикацией для лучшей понятности, чтобы сделать текст одновременно аутентичным и доступным.

Восприятие фраз из русских сказок в англоязычном контексте также вызывает разнообразные реакции. Российские и американские читатели-билингвы отмечают, что такие элементы придают тексту узнаваемость, хотя некоторые из читателей испытывают трудности с восприятием некоторых мифопоэтически трансформированных аллюзий. Американские читатели-монолингвы, в свою очередь, находят эти элементы интересными и экзотичными, хотя для них они могут быть сложными для произношения. Гибридное сочетание английской и русской лингвокультур в произведениях Н. Котара заметно для большинства читателей. Многие отмечают, что автор успешно балансирует между двумя линвокультурами, создавая уникальный художественный текст, который вызывает интерес у широкой аудитории. В целом творчество Н. Котара обогащает жанр фэнтези, интегрируя элементы русской культуры и фольклора в англоязычное литературное пространство.

Сочетание стратегий форинизации и доместикации в рамках коммуникативно-равноценного перевода способствует как сохранению аутентичности текста, так и воспринимаемости культуронимов из русских сказок (например, в сборниках “In a Certain Kingdom”). Применение при внутреннем переводе стратегии переадресации (в книжной серии “The Raven Son”) приводит к гибридным формам вербальной реализации элементов русской лингвокультуры в англоязычном художественном тексте. Они позволяют автору сохранить аутентичность исходного текста и одновременно сделать его доступным и понятным для целевой аудитории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование было посвящено анализу средств вербальной реализации элементов русской лингвокультуры и особенностям формирования транслингвальности в англоязычном художественном тексте на материале литературного творчества и переводческой деятельности современного американского писателя-билингва русского происхождения Николая Ко́тара.

В условиях современных культурно-языковых контактов большое значение приобретает проблема сохранения родного языка и культурного наследия в иноязычной среде.

В связи с этим особую актуальность приобретает задача продвижения русского культурного фона за рубежом через творчество англоязычных писателей русского происхождения, которых называют эритажниками. Их произведения сохраняют русскую лингвокультурную идентичность в условиях иноязычной среды.

В этом контексте актуальным представляется исследование особенностей билингвизма автора и применения двух языков в качестве инструмента художественной креативности при создании текстов, способствующих знакомству англоязычных читателей с элементами русской лингвокультуры.

В настоящей работе были проанализированы особенности становления транслингвальности и транскультурности в современной англоязычной литературе, опирающейся на русский фольклор, а также выявлены и охарактеризованы механизмы гибридизации русской и англоязычной лингвокультурных традиций в мифопоэтических текстах на примере произведений изучаемого автора.

Исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: при условии сбалансированного билингвизма и транскультурности автора его способность к свободному переключению языкового и культурного кода обусловливает возникновение гибридных форм вербальной реализации в

англоязычном художественном тексте, включающих славянизмы и другие экзотизмы, заимствования и их лингвокультурные трансформации, а также аллюзии, опирающиеся на русскую лингвокультуру и мифопоэтику через фольклорные мотивы.

В условиях межкультурного взаимодействия ключевую функцию в формировании транскультурных художественных текстов выполняет адаптация мифопоэтических элементов, заимствованных из иной лингвокультуры, что предполагает применение особых стратегий, направленных на сохранение аутентичности исходного культурного кода и одновременно обеспечение его доступности для восприятия целевой аудиторией. Анализ произведений билингвального писателя-эритажника позволил выявить ряд специфических приемов лингвокультурной трансформации, в том числе семантической, орфографической, фонетической, и адаптации, которые целенаправленно используются в художественных текстах для более эффективной передачи и интерпретации русских культурных реалий англоязычными читателями.

В рамках данного исследования была сформулирована и последовательно решалась задача выявления процессов интеграции и гибридизации русской лингвокультуры в англоязычном художественном творчестве билингвального писателя, а также анализировалось, как транслингвальность и транскультурность автора участвуют в формировании его культурной идентичности и языковой картины мира и находят отражение в его оригинальных произведениях на основе русской мифопоэтики и фольклорной традиции.

Обращение к концепциям транслингвальности и транскультурности дало возможность описать динамику взаимодействия языков и культур как в художественном творчестве автора, так и в процессе его восприятия читателями.

Транслингвальность открывает возможность конструирования новых лингвистических форм и смыслов, недоступных для полного выражения в

пределах одного языка. Транскультурность, со своей стороны, представляет собой динамический процесс взаимодействия и взаимопроникновения культур, выходящий за рамки устоявшихся национальных и этнических границ.

В процессе анализа художественных произведений Николая Котара, а также его переводческой деятельности были выявлены особенности гибридизации лингвокультур, проявляющиеся в том, что русские культуронимы подвергаются трансформации и интегрируются в англоязычный контекст в соответствии с возможностями восприятия англоязычной аудитории.

Установлено, что задействование переводческих стратегий доместикации и форинизации с использованием приемов субституции, транскрипции и калькирования приводит к гибридным формам вербальной реализации, формируя синкретизм двух языков и культур в рамках транслингвальных текстов, создаваемых писателями-эритажниками. Показано, что широкое применение автором внутреннего перевода, объяснительного перевода и генерализации культуронимов способствует адаптации элементов русской лингвокультуры для англоязычных читателей.

Особое значение в произведениях Котара имеют характерные для русской культуры реалии, концепты, аллюзии и фольклорные выражения, которые придают его произведениям ярко выраженный аутентичный колорит. Применение в текстах Н. Котара лексических и культурологических заимствований, славянизмов и русизмов преследует цель пробудить у англоязычной аудитории интерес к русской культуре. Включение аллюзий, сопровождаемых приемами внутреннего перевода, объяснительной трансляции и генерализации, способствует постепенному и естественному освоению читателем новых культурных реалий.

Было выявлено, что в своих оригинальных художественных произведениях автор использует внутренний перевод, применяя стратегию переадресации лингвокультурных реалий, что позволяет создать

фэнтезийный текст, воспринимаемый англоязычной аудиторией как органичный и понятный.

При переводе русских сказок и произведений других фольклорных жанров автор-переводчик последовательно использовал разнообразные приемы заимствования, включая калькирование, транслитерацию, транскрипцию, описательный перевод и генерализацию. Было показано, что в переводах фольклорных текстов сочетание стратегий форинизации и доместикации в рамках коммуникативно равноценного перевода позволяет одновременно сохранить аутентичность оригинала и обеспечить его доступность для читателей. Писатель Николай Котар в своем творчестве выступает медиатором русской лингвокультуры в англоязычной литературной среде, адаптирующим и трансформирующим традиционные сюжеты и образы в соответствии с возможностями восприятия англоязычной и билингвальной аудитории.

Эмпирическая часть работы, включающая анализ текстов, интервью с писателем и исследование читательской перцепции, подтверждает гипотезу о том, что сбалансированное владение автором двумя языками и культурами способствует формированию гибридных форм вербальной реализации, позволяющих органично внедрять в англоязычный дискурс русизмы, культурные аллюзии и мифопоэтические мотивы русского фольклора.

Интервью с писателем позволило заглянуть в когнитивные и эмоциональные механизмы формирования языковой картины мира и культурной идентичности писателя как билингва-наследника русского языка, который находится между двумя языками и культурами. Анализ интервью показывает, что билингвизм и бикультурность сформировали основу личности писателя и определили картину мира, отраженную в его художественных текстах. Жизненный опыт, обусловленный нахождением «между двумя языками и культурами», формирует у автора уникальную идентичность и самобытный авторский голос, в котором отчетливо проявляется гибридная природа его восприятия и осмысления

действительности. Эти свойства предоставляют писателю дополнительные возможности для лингвокультурной трансформации и адаптации в целях сохранения русского культурного наследия, создания новых художественных форм.

По мнению писателя, билингвизм и бикультурность могут быть одновременно источником творческого потенциала и вызовом, требующим постоянного балансирования и саморефлексии. Это подтверждает тезис о том, что билингвизм и бикультурность – не просто владение двумя языками и культурами, а сложный процесс их интеграции, трансформации и творческого переосмысления.

Результаты анализа читательской перцепции показали, что билингвальные читатели, обладающие знанием русского языка и культуры, воспринимают и интерпретируют культурные реалии, экзотизмы и аллюзии, основанные на русской мифопоэтике, значительно глубже и точнее, чем монолингвальные англоязычные читатели. Вместе с тем последние проявляют выраженный интерес к элементам русской лингвокультуры, адаптированным для англоязычной аудитории, что подтверждает потенциал билингвального и транскультурного творчества как в оригинальных произведениях, так и в переводах. Для американских билингвов применение автором стратегий трансформации русских концептов способствует повышению доступности текста, хотя степень такой трансформации оценивается читателями неоднозначно. В свою очередь, российские читатели-билингвы отмечают, что некоторые лингвокультурные элементы, подвергшиеся адаптации в процессе перевода или внутренней трансляции, могут вызывать определенные трудности в восприятии, нарушая привычные культурные ассоциации.

Результаты проведенного исследования подтверждают, что билингвизм и бикультурность писателя содействуют формированию гибридных вербальных форм и созданию уникального идиостиля, предоставляют автору дополнительные возможности для лингвокультурной

трансформации и адаптации, применяемым в художественных текстах. Такие возможности помогают сохранению русского культурного наследия, появлению новых художественных форм, расширяют доступ к русской культуре англоязычной читательской аудитории и способствуют межкультурному диалогу.

Представляется, что результаты проведенного исследования могут быть использованы в образовательных и научных программах по психолингвистике, билингвологии, лингвоконтактологии и теории перевода, направленных на изучение особенностей двуязычия и культурной гибридности, а также на формирование навыков перевода и адаптации русских лингвокультурных реалий для англоязычной аудитории.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение того, как степень сбалансированности билингвизма влияет на вербальную реализацию в художественных текстах англоязычных билингвальных авторов русского происхождения. Это позволит расширить горизонты лингвоконтактологии, лингвокультурологии, психолингвистики и переводоведения в контексте современной транслингвальной и транскультурной литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Список теоретической литературы

1. Акишина А.А., Акишина Т.Е. Учимся учить детей русскому языку. 111 ответов на вопросы родителей. 4-е издание. М.: Русский язык. Курсы. 2020. 198 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.
3. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.
4. Антонова А.М. Инокультурная литература – искусство возможного // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т.XIX, вып.1. С. 105–111.
5. Антонова А.М. Основные принципы построения текста иноязычного описания культуры // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XVI. Вып. 1, 2019. С. 121–126.
6. Артефакт – проект Минкультуры России: Височное кольцо, 2025. URL: https://ar.culture.ru/ru/subject/visochnoe-kolco-6 (дата обращения: 15.10.2024).
7. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х томах. М.: Академический проект, 2024. 1616 с.
8. Афанасьева Н.Д., Захарченко, С. С., Могилева, И. Б. Формирование языковой картины мира у билингвов // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С.576-586.
9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
10. Багироков Х.З. Художественный билингвизм как полилингвальное пространство: к постановке проблемы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп 2012. Вып. 2. С. 166-172.

11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 423 с.
12. Баркова А.Л. Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 248 с.
13. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 5-е. изд. М.: Академический проект, 2021. 351 с.
14. Бахтикиреева У.М., Валикова, О. А. Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. №1. С. 57-63.
15. Белоглазова Е.В. Внутренний перевод: Полный carte blanche // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15, вып. 1. С. 55–59.
16. Белоглазова Е.В. Транслингвальная личность – элитарная или маргинальная? // Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни: монография / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Н.А. Боженковой, д-ра филол. наук. проф. М.Р. Желтухиной. М.: ИНФРА-М, 2023. 294 с.
17. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2006. 314 с.
18. Богданова Л.И. Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий. Учебное пособие. М.: Флинта. 2020, 248 с.
19. Богус М.Б. Влияние билингвизма на интеллектуальное развитие личности обучаемых [Текст] / М.Б. Богус // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». – Майкоп: Изд-во АГУ. Вып.7, 2008. С. 47-53.
20. Ботякова О.А. «Сороки» – день памяти Сорока мучеников севастийских URL: https://ethnomuseum.ru/collections/ethnocalendar/march/soroki-den-pamyati-soroka-muchenikov-sevastijskih/ (дата обращения:

22.03.2025).

21. Боян // Academic.ru. 2022. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/38796 (дата обращения 11 декабря 2022).
22. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 33–88.
23. Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты: Учебное пособие. Иваново, 1997. 98 с.
24. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
25. Воронченко Т.В. Пограничные локусы в историко-культурном контексте: геопоэтика границы (на литературно-фольклорном материале российско-китайского и мексикано-американского пограничья) // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 47-58.
26. Гадамер Г.-Г. Миф и разум // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 92-99.
27. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
28. Гарбовский Н.К. Теория перевода. 3-е изд., испр, и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 387 с.
29. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
30. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. 214 с.
31. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию М.: Прогресс, 2000. 656 с.
32. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. М.: URSS, 2009. 205 с.
33. Демьянков В.З. Языковая креативность в художественном творчестве // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2016.

Т. 7. № 4. С. 29–35.

34. Джусупов Н.М. Транслингвальный и транскультурный аспекты стилистического выдвижения в художественном тексте (на материале поэзии О. Сулейменова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. №3. С. 519-530. doi:10.22363/2313229920178351953O.
35. Еленевская М.Н. Повседневная речь мигрантов: многоязычие, аттриция и креативность // Уральский филологический вестник. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2020. № 2. С. 146-155.
36. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Изд-во Пилигрим. 2010. 486 с.
37. Жукова И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. / Под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. М.: Флинта: Наука, 2013. 632 с.
38. Жучкова А.В., Галай К.Н. Функциональное значение мифологического образа Кощея Бессмертного и его отражение в русских волшебных сказках // Вестник славянских культур. 2015. № 3 (37). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnoe-znachenie-mifologicheskogo-obraza-koscheya-bessmertnogo-i-ego-otrazhenie-v-russkih-volshebnyh-skazkah (дата обращения: 08.05.2024).
39. Задорнова В.Я. Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования. Дисс…докт. филол.наук. М., 1992. 479 с.
40. Залевская А.А. Некоторые спорные вопросы теории двуязычия // Путь в язык: одноязычие и многоязычие: сб. статей / отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянских культур. 2011. С. 33—47.
41. Земская Е.А. Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты: Коллективная монография / Отв. ред. Е. А. Земская. М.;

Вена, Языки славянской культуры: Венский славистический альманах. 2001. 496 с.

42. Ильин И.А. Духовный смысл сказки // Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Рус. кн., 1997. Т. 6, кн. II. 672 с.
43. История России. / Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 680 с.
44. Кабакчи В.В. Неисследованный вид переводческой деятельности: “Внутренний перевод” // Studia Linguistica 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб: Тригон, 2000. С. 65-75.
45. Кабакчи В.В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2022. 250 с.
46. Кабакчи В.В. The Dictionary of Russia: 2500 cultural terms = Англо-английский словарь русской культурной терминологии. Изд. 2-е, испр. М.: Директ-Медиа, 2023. 576 с.
47. Карасик В.И. Языковая лестница познания. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. 462 с.
48. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
49. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
50. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.
51. Ковшова М.Л. Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. No 3. С. 745–756.
52. Косиченко Е.Ф. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки: автореф. дис. … канд. филол. н. М., 2006. 28

с.

53. Комиссаров В.Н. Теория перевода Лингвистические аспекты. М.: Высш. шк., 1990. 78 с.
54. Кому поёт вещая птица? Легенды о черном вороне // Славяне: энциклопедия славянских знаний. 2019. URL: https://xn--80aejvmu5h.xn--80aswg/voron-v-mifologii-slavyan/ (дата обращения: 13.11.2024).
55. Кортава Т.В. История преподавания русской словесности в контексте глобализации // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2023. С. 157-165
56. Кравченко А.И. Культурология. М.: Проспект, 2010. 288 с.
57. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация. М.: Филология, 1997. № 2. С. 5–12.
58. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
59. Лебедев С.А. Философия науки: курс лекций. М.: Проспект, 2022. 272 с.
60. Лебедева Е.С. Культурно-языковая личность Ольги Грушиной как писателя транслингва // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XVII. Вып.1, 2020. С. 107-112.
61. Лебедева И.Л., Выдрин, А.А. Вариативность в произведениях Гари Штейнгарта: трудности перевода // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2024. Т.21, №1. С.233–239.
62. Лебедева Е.С., Лупачева, Т.А. Сравнительный анализ лингвостилистических особенностей творчества писателей-транслингвов. // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. №3. С. 347-357.
63. Левицкий А.Э. Языковая личность как лингвокультурный феномен // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 342-353.

64. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
65. Липгарт А.А. Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы 16-20 вв.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 656 с.
66. Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики.Изд. 6-е., стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2022. 166 с.
67. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: АСТ, 2021. 448 с.
68. Лотман, Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста. // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т.1. Таллин: Александра, 1992.479 с.
69. Маковский М.М. Индоевропейская мифопоэтика: Миры и антимиры слова М.: ЛЕНАНД, 2018. 200 с.
70. Малиновский П.В. Конец «эры милосердия», или российские СМИ и кризис цивилизационной идентичности. 2002. URL: http://www.dzyalosh.ru/01-comm/statii/konec-ery/1-5.htm (дата обращения: 04.02.2024).
71. Маринина Е.В. Русские прецедентные имена как элемент английской лингвокультуры (на материале словаря Longman dictionary of English language and culture) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 41-52.
72. Маслова В.А. Лингвистический анализ текста. Экспрессивность / В.А. Маслова; ответственный редактор У.М. Бахтикиреева. М.: Юрайт, 2019. 201 с.
73. Маслова В.А. Лингвокультурология. Введение. / В.А. Маслова; ответственный редактор У.М. Бахтикиреева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 208 с.
74. Матвиенко Е.В. Языковая репрезентация образов восточноазиатской мифологии в англоязычных текстах: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Е.В. Матвиенко. М., 2010. 16 с.
75. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. 2-е. изд., испр. М.: РГГУ,

2019. 170 с.
76. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, 2021. 480 с.
77. Мифолог: Русалка // Мифолог. 2023. URL: https://mifolog.com/rusalka/ (дата обращения 20.06.2023).
78. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А.Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. А–К. 671 с.
79. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А.Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. Л–Я. 720 с.
80. Молчанова Г.Г. Интертекстуальность и мифотехнологии в постмодернистском тексте // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. No 1. С. 9-18.
81. Морковкина А.В. Русские агнонимы в теоретическом и прикладном рассмотрении: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1993. 19 с.
82. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы: (слова, которые мы не знаем). М., 1997. 416 с.
83. Овчеренко У.В., Токарева Н.А. Теория транслингвальности: исследования Стивена Келлмана // Полилингвальность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. No 4. С. 684-693.
84. Осипова Н.О. Мифопоэтический анализ поэзии Серебряного века // Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс). 2001. №1. С. 161-180.
85. Осипова Н.О. Мифопоэтика как сфера поэтики и метод исследования // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. 2000. № 3. С.51-52.
86. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31–39.
87. Полубиченко Л.В. Топология «чужого слова» в английских и русских аллюзивных заглавиях // Социальные и гуманитарные науки на

Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 1. С. 207–216.

88. Потебня А.А. Поэтика. Избранные работы. М.: Юрайт, 2019. 263 с.
89. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Академический проект, Фонд Мир, 2021. 676 с.
90. Протасова Е.Ю., Родина, Н.М. Многоязычие в детском возрасте. СПб.: Златоуст, 2013. 276 с.
91. Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории. World Englishes Paradigm. М.: Флинта, 2020. 205 с.
92. Прошина З.Г. Теория перевода. 4-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 320 с.
93. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155–170.
94. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021а. 640 с.
95. Путь в язык: Одноязычие и двуязычие / Под ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеевой. М.: Языки славянских культур, 2011. 320 с.
96. Раренко М.Б. Внутренний перевод как особый вид перевода. Обзор. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2019. № 1. С. 71-77.
97. Рингблом Н., Карпова, С.В. Особенности нарративов двуязычных детей в Швеции и на Кипре // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. №189. С. 141-153.
98. Робустова В.В., Коваленко А.С. Имя в культуре, культура в имени: по следам прецедентной ономастики / В.В. Робустова, А.С. Коваленко. М.: КДУ, 2022. 158 с.
99. Рожнева О.Л. Истории матушки Марии Котар: Жизнь в эпоху перемен // Pravoslavie.ru, 2021а. URL: https://pravoslavie.ru/139799.html (дата обращения 05.05.2023).

100. Рожнева О.Л. Истории матушки Марии Котар: Как Святитель Иоанн Шанхайский нашел нам дом и другие истории // Pravoslavie.ru, 2021b. URL: https://pravoslavie.ru/140860.html (дата обращения 05.05.2023).
101. Рожнева О.Л. Истории матушки Марии Котар: О моем духовном наставнике – Иеромонахе Серафиме (Роузе) // Pravoslavie.ru, 2021c. URL: https://pravoslavie.ru/141481.html (дата обращения 05.05.2023).
102. Руднев В. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 290 с.
103. Русское зарубежье. Великие соотечественники: 100 судеб русской эмиграции в XX веке. М.: Яуза-каталог, 2018. 664 с.
104. Свиридова Л., Кравченко М. Русский фольклор. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 368 с.
105. Сахарова М.В. ВАГОНЕТКОЛОГИЯ: РАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР, ЦЕННОСТИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ // Право и практика. 2022. №2. С. 244-248.
106. Сдобников В.В. Стратегия перевода: заблуждения и реальность // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. No2. С. 27–34. URL: https://journals.vsu.ru/lic/article/view/9287 (дата обращения: 15.12.2023).
107. Сдобников В.В. Стратегия перевода: общее определение // Вестник ИГЛУ. 2011. No 1 (13). С. 165 –172. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-perevoda-obschee-opredelenie (дата обращения: 15.12.2023).
108. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. статья А. Е. Кибрика. М.: Прогресс, Универс, 1993. 656 с.
109. Символ девичьей красы / Culture.ru URL: https://www.culture.ru/materials/55855/simvol-devichei-krasy (дата обращения: 01.02.2025).
110. Славяне: мифы и предания / Ред. Корешкин И.А. М.: Просвещение, 2023. 208 с.

111. Соколовский С.В. Билингвизм и когнитивное развитие: мифы, концепции, гипотезы // Этнический фактор в жизни общества. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 1991. С. 3–15.
112. Солдаткина Я.В. Мифопоэтика русской прозы романа 1930-1950х годов (А.П. Платонов, М.А. Шолохов, Б.Л. Пастернак): дис. на соискание степени доктора филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2012. 348 с.
113. Сорокина А. 2021. Символ девичьей косы. URL: https://ru.rbth.com/read/1341-braid-russian-women (дата обращения: 01.02.2025).
114. Степанов Ю.С. Семиотика. Изд. 4. М.: УРСС, 2023. 168 с.
115. Суминова Т.Н. Текст и контекст художественного произведения: философско-культурологический анализ // Вестник МГУКИ, 2014. №5 (61). С. 39 – 43.
116. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. М.: URSS, 2023. 366 с.
117. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.:, 1996. 288 с.
118. Тер-Минасова С.Г. Проблемы перевода: mission impossible? // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. No 2. С. 9-18.
119. Тлостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. Жить никогда, писать ниоткуда. М.: Едиториал УРСС, 2004. 416 с.
120. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.
121. Устинова Т.В. Когнитивные аспекты ассоциативной теории лингвокреативности: случай читательской рецепции поэтического текста // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. №3 (25). С. 89-98.

122. Федосюк М.Ю. Молодежное арго в романе Энтони Берджесса “Заводной апельсин” // Язык: изменчивость и постоянство. Сборник статей к 70-летию Л.Л. Касаткина / Отв. ред. М.Л. Каленчук. М.: ИРЯ РАН, 1998. С. 337-347.
123. Федосюк М.Ю., Чжан Сяо. Показатели смыслов слов, употребленных в тексте // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т.80. № 6. С. 79-88.
124. Фомин М.М. Обучение иностранному языку в условиях многоязычия (двуязычия). М.: Мир книги, 1998. 214 с.
125. Фугина О.А. Влияние русских балетных традиций на развитие хореографического искусства США // Культура как стратегический ресурс воспитательного процесса: Сборник статей молодых ученых / Науч. ред. В.А. Тихонова, А.А. Жаркова. М.: МГИК. 2015. С. 87-94.
126. Фугина О.А. Джордж Баланчин – отец американского балета / О.А. Фугина // Эколого-культурная миссия русского зарубежья: сборник научных трудов кафедры теории и истории культуры, этики и эстетики (отделение истории, истории культуры) МГИК: по материалам научной конференции 27 апреля 2018 г. / Под общ. науч. ред. проф. А.А. Аронова. М.: Изд-во «Экон-Информ». 2018. С. 78-87.
127. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2011. 460 с.
128. Хухуни Г.Т. Литературный билингвизм: прошлое и настоящее // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. №2. С. 277-288.
129. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Билингвальное творчество: языковое переключение или языковой сдвиг? // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. №6 (2). С. 227-233.
130. Чиршева Н.Г. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб., 2012. 488 с.
131. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешфидинов Ш.Р. Транскультурная литература XXI века. М.: Юрайт, 2024. 235 с.

132. Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974a. С. 60–74.
133. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Под ред. Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич. Л.: Наука, 1974b. 427 с.
134. Эпштейн М. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 629.
135. Agar M. Language Shock: Understanding the Culture of Conversation. New York, Wm.: Morrow, 1994.
136. Aronin L., Singleton D. Affordances and the diversity of multilingualism // International Journal of the Sociology of Language. 2010. P. 105-129.
137. Baba Yaga // BBC.com. URL: https://www.bbc.com/culture/article/20221118-baba-yaga-the-greatest-wicked-witch-of-all (accessed 05.05.2023).
138. Baker C. Foundations of Bilingual Education and Bilingualism., 5th edn. Bristol, UK: Multilingual matters. 2011. 498 p.
139. Balanchine G. biography, 2025. URL: https://www.nycballet.com/discover/our-history/george-balanchine/ (дата обращения: 06.04.2025).
140. The Oxford Dictionary of Literary Terms. Oxford: Oxford University Press, 2008. 384 p.
141. Beaujour E.K. Alien Tongues: Bilingual Russian Writers of the "first" Emigration. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1989. 263 p.
142. Beloglazova E.V. Myth and fact in Russia-centered discourse: The case of (non-)fictional Shostakovich // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/myth-and-fact-in-russia-centered-discourse-the-case-of-non-fictional-shostakovich (дата обращения: 04.03.2025).
143. Benveniste E. Problems in General Linguistics / transl. by M.E. Meek. 2 vols. Coral Gables, Florida: University of Miami, 1971. 317 p.

144. Bialystok E. Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent // Bilingualism: Language and Cognition. 2009. Vol. 12 Issue 1, P. 3–11.
145. Boas F. Race, Language, and Culture. Chicago, Illinois: University of Chicago Press. 1982. 647 p.
146. Britannica Literary terms: charactonym / Britannica. URL: https://www.britannica.com/art/charactonym (дата обращения: 29.01.2025).
147. Butenina E. Literature // Russian English: History, functions, and features. / Ed. by Z.G. Proshina and A. A. Eddy. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 2016. P. 209-222.
148. Campbell J. The Power of Myth / Ed. by Bill Moyers. New York: Anchor, 1991. 293 p.
149. Campbell R.N. Conservation of Language Resources. California University, Los Angeles. Center for Language Education and Research. 1987. URL: https://international.ucla.edu/cwl/article/3507 (дата обращения: 15.04.2024).
150. Campbell R.N., Rosenthal J.W. Heritage languages // Handbook of undergraduate second language education. / Rosenthal, J. W. (ed.). Mahwah, NJ: Routledge, 2000. P.165-184.
151. Canagarajah S. Translingual practice. Global Englishes and Cosmopolitan Relations. London; New York: Routledge, 2013. 216 p.
152. Chin N.B., Wigglesworth G. Bilingualism: An Advanced Resource Book. London, UK: Routledge, 2007. 358 p.
153. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1965. 261 p.
154. Crystal D. How language works: How babies babble, words change meaning and languages live or die. New York: Penguin Books, 2007. 512 p.

155. Cummins J. Educational implications of mother tongue maintenance in minority language groups // Canadian Modern Language Review. 1978. Vol. 34. Issue 3. P. 395 – 416.
156. Cummins J. The influence of bilingualism on cognitive growth: A synthesis of research findings and explanatory hypotheses // Working Papers on Bilingualism. 1976. Vol. 9. P. 1 – 43.
157. Dagnino A. Transcultural Literature and Contemporary World Literature(s) // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2013. 15.5: Special Issue World Literatures from the Nineteenth to the Twenty first Century. Ed. Marko Juvan. URL: https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2339&context=clcweb (accessed: 15.05.2024).
158. Diebold A.R. Jnr. Incipient Bilingualism // Language in Culture and Society. / D. Hymes (ed.). New York: Harper and Row, 1964. P. 495–511.
159. Dubinina I., Kisselev O. Rodnaya rech': An Introductory Course for Heritage Learners of Russian. Washington, DC: Georgetown University Press, 2019. 304 p.
160. Encyclopedia Britannica: Golden Horde // Encyclopedia Britannica / Ed. by John M. Cunningham. 2023. URL: https://www.britannica.com/place/Golden-Horde (дата обращения 11.12.2023).
161. Etymonline: Borzoi // Etymonline. 2023. URL: https://www.etymonline.com/word/borzoi (дата обращения 11.07.2023).
162. Fincher M. What Is Lard and How Do You Use It, 2021. URL: https://www.allrecipes.com/article/what-is-lard/ (дата обращения: 20.06.2024).
163. Fishman J.A. 300-plus years of heritage language education in the United States // Heritage Languages in America: Preserving a National Resource / J.K. Peyton, D.A.Ranard and S. McGinnis (eds.), Washington, D.C.: Center for Applied Linguistics, McHenry, IL: ERIC, 2001. P. 81-89.

164. Friedrich P. Language, ideology, and political economy // American Anthropologist. 1989. №.91. P. 295–312.
165. Garcia O. Education, multilingualism and translanguaging in the 21st century // Social justice through multilingual education. 2009. No.143. P. 140-158.
166. Garcia O., Li W. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 175 p.
167. Gerhart G. The Russian's World. Life and Language., 3rd edn. Bloomington, IN: Slavica, 2001. 419 p.
168. Gritsenko E.S., Laletina A.O. English as a 'local' language in Russia: the practice of meaning-making in in-group communication // Linguistics & Polyglot Studies. 2024. 10(2). P. 154-165.
169. Gritsenko E.S., Aleshinskaya E. English in Russian musical reviews // World Englishes. 2023. Vol 42. Issue 3. P. 214–229.
170. Grosjean F. Bilingual: Life and Reality. CaKaganmbridge, MA: Harvard University Press, 2010. 276 p.
171. Grosjean F. Life as a Bilingual. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2021. 341 p.
172. Grosjean F. Life with Two Languages: An Introduction to Bilingualism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982. 384 p.
173. Grosjean F. The Mysteries of Bilingualism: Unresolved Issues. Hoboken, New Jersey: Wiley Blackwell, 2022. 176 p.
174. Haugen E. Bilingualism in the Americas. American Dialect Society. Alabama: University of Alabama Press, 1956. 159 p.
175. Heritage Languages: A language contact approach. / S. Aalberse, A. Backus, P. Muysken (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2019. 302 p.
176. Heritage Language Education: A New Field Emerging. / D.M. Brinton, O. Kagan, S. Bauckus (eds.). London, UK; New York, NY: Routledge, 2008. 382 p.
177. Heritage Languages and Variation. / N. Pavlou, C. Fotiou, K.K. Grohmann

(eds.). Venice: Venice University Press, 2024. 156 p.
178. Hockett C.F. A Course in Modern Linguistics. New York: Macmillan, 1958. 621 p.
179. Hoffmann Ch. Towards a description of a trilingual competence // International Journal of Bilingualism. University of Salford. Manchester. 2001. Vol.5, N.1. P. 1–17.
180. Holy Trinity Orthodox Seminary, Faculty List, Dn. Nicholas Kotar. URL: https://hts.edu/frnicholaskotar (дата обращения: 09.05.2024).
181. Innovative Strategies for Heritage Language Teaching: A Practical Guide for the Classroom. / M. Fairclough, S.M. Beaudrie (eds.). Washington, DC: Georgetown University Press, 2016. 285 p.
182. Jakobson R. Closing Statements: Linguistics and poetics // Thomas A. Sebeok. Style in Language. Cambridge Massachusetts, MIT Press, 1960. P. 350-377.
183. Jespersen O. Language, Its Nature, Development and Origin. London, 1922. 452 p.
184. Kachru B.B. The bilingual's creativity and contact literature // Braj B. Kachru. The alchemy of English: The spread, functions, and models of non-native Englishes. Oxford: Pergamon Press. 1986. P. 159–173.
185. Kachru B.B. The bilingual's creativity: Discoursal and stylistic strategies in contact literatures in English // Studies in the Linguistic Sciences.1983. Vol. 13. No. 2. P. 37–55.
186. Kagan O., Akishina T. and Robin, R. Russian for Russians. Bloomington, IN: Slavica, 2002. 300 p.
187. Kellman S.G. Nimble Tongues: Studies in Literary Translingualism. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 2020. 203 p.
188. Kellman S.G. Switching languages: Translingual authors reflect on their craft. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2003. 339 p.
189. Kellman S.G. The Translingual Imagination. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2000. 160 p.

190. Kharkhurin A.V. A paradigmatic shift in the relationship between bilingualism and creativity: Plurilingual creativity approach // Bilingualism: Language and Cognition. 2024. С. 1-22.
191. Kotar N. A Window to the Russian Soul: Ancient Folk Wisdom for Modern Life. Las Vegas, NV: Waystone Press. 2020a. 134 p.
192. Kotar N. Five interesting facts about Russian ritual lamentation. 2016. URL: https://nicholaskotar.com/2016/09/02/russian-ritual-lamentation/ (дата обращения: 04.09.2024).
193. Kotar N. Foundations of Christian Culture / Transl. by Nicholas Kotar. Las Vegas, NV: Waystone Press, 2019a. 66 p.
194. Kotar, N. Heroes for All Time: Stories of Inspiring Heroism from Russian History. Las Vegas, NV: Waystone Press. 2020b. 127 p.
195. Kotar N. How to Survive a Russian Fairy Tale: or How to Avoid Getting Eaten, Chopped into Little Pieces, or Turned into a Goat. Las Vegas, NV: Waystone Press. 2019b. 82 p.
196. Kotar N. Introducing: In a Certain Kingdom. 17.09.2020. URL: https://nicholaskotar.com/2020/09/17/introducing-in-a-certain-kingdom/ (дата обращения: 06.05.2023).
197. Kotar N. Official Website: About. [Электронный ресурс]. URL: https://nicholaskotar.com/about-me/ (дата обращения: 04.09.2024).
198. Kotar N. Spiritual Meaning of Stories. 02.12.2016. http://nicholaskotar.com/2016/12/02/spiritual-meaning-stories/ (дата обращения: 04.05.2023).
199. Kovala U. Cultural Studies and Cultural Text Analysis // CLCWeb: Comparative Literature and Culture, 2002. 4(4). P. 2-8.
200. Krings H.P. Translation problems and translation strategies of advanced German learners of French (L2) // Interlingual and Intercultural Communication: Discourse and Cognition in Translation and Second Language Acquisition Study / J. House and S. Blum-Kulka (eds.). Tübingen, Gunter Narr, 1986. P. 268.

201. Kristeva J. Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. New York: Columbia University Press, 1980. 305 p.
202. Langacker R.W. Culture, cognition, and grammar // Language Contact and Language Conflict. Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins, 1994. P. 25–53.
203. Lévi-Strauss C. Myth and Meaning. Toronto: University of Toronto Press, 2015. 64 p.
204. Lewis C.S. On Stories: And Other Essays On Literature. New York City, NY; London, UK: HarperOne, 2017. 272 p.
205. Li W. Research Perspectives on Bilingualism and Multilingualism // The Blackwell Guide to Research Methods in Bilingualism and Multilingualism / Li, Wei and Moyer, M.G. (eds.). Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008. P. 3-17.
206. Mark J.J. Norse Alcohol & The Mead of Poetry // World History Encyclopedia, 2019. URL: https://www.worldhistory.org/article/1307/norse-alcohol--the-mead-of-poetry/ (дата обращения: 04.10.2024).
207. Montrul S. The Acquisition of Heritage Languages. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2016. 364 p.
208. Myers-Scotton C. Multiple Voices: An Introduction to Bilingualism. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2006. 472 p.
209. Origin and History of Mead // Etymonline.com, 2025. URL: https://www.etymonline.com/word/mead (дата обращения: 04.10.2024).
210. Palmer G.B. Toward a Theory of Cultural Linguistics. Austin, TX: University of Texas Press, 1996. 348 p.
211. Pavlenko A. Bilingual minds. Emotional Experience, Expression, and Representation // Bilingual Education and Bilingualism, Vol. 56, Clevedon: Multilingual Matters, 2006. P. 1-56.
212. Penfield W., Roberts L. Speech and Brain Mechanisms. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959. 302 p.

213. Pennycook A. Global Englishes and Transcultural Flows. London, UK; New York, NY: Routledge, 2007. 189 p.
214. Philippa Foot: Stanford Encyclopedia of Philosophy / plato.stanford.edu, 2018. URL: https://plato.stanford.edu/entries/philippa-foot/ (дата обращения: 05.05.2025).
215. Polacco P. Official Website: Author Info. URL: http://patriciapolacco.com/#author (дата обращения: 11.11.2024).
216. Polinsky M. Heritage Language. 2014. URL: https://youtu.be/PKtSAirA_T8 (дата обращения: 15.05.2024).
217. Proshina Z.G., Nelson C.L. Varieties of English and Kachru's Expanding Circle // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24, No 3. P. 523-550.
218. Pym A. Cultural translation. 2009. URL: https://youtu.be/WV0P8-mhWXM?si=stDpK3yLeuPkij7s (дата обращения: 15.01.2024).
219. Rehman S. Make Your Child Multilingual!: The 10 Step Success Plan to Raising Bilingual / Workbook edition. Seattle. CreateSpace, 2010. 110 p.
220. Ringblom N. The emergence of a new variety of Russian in a language contact situation // Multilingual individuals and multilingual societies / K. Braunmüller, Chr. Gabriel (Eds.). Amsterdam; Philadelphia, 2012. P. 63–80.
221. Rivlina A.A. Bilingual Language Play and World Englishes // The Handbook of world Englishes. 2nd ed. / C.L. Nelson, Z.G. Proshina, D.R. Davis (ed.). Hoboken, NJ: Blackwell Publ., 2020. 848 p.
222. Romaine S. Bilingualism., 2nd ed. Oxford: Blackwell Pub., 1995. 384 p.
223. Rumbaut R.G. A language graveyard? The evolution of language competencies, preferences, and use among young adult children of immigrants. // The Education of Language Minority Immigrants in the United States. / T.G. Wiley, J.S. Lee, and R.Rumberger (eds.). Clevedon: Multilingual Matters. 2009. P. 35-71.
224. Russian English: History, functions, and features. / Z. G. Proshina, A. A. Eddy (eds.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2016. 312 p.

225. Saint John of San Francisco Orthodox Academy: Academics. URL: https://www.stjohnsacademysf.org/academics (дата обращения: 04.05.2023).
226. Salnikova-Gilmore O. Official Website: About. URL: https://olesyagilmore.com/about/ (дата обращения: 02.02.2024).
227. Sapir E. Selected Writings of Edward Sapir // Language, Culture, and Personality / David G. Mandelbaum (ed.). Berkeley: University of California Press, 1983. 623 p.
228. Sdobnikov V.V. Strategy and Tactics of Translating Special Texts // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2012. T.5, No6. P. 861–867. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategy-and-tactics-of-translating-special-texts(дата обращения: 15.12.2024).
229. Sharifian F. Cultural Linguistics. Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins, 2017a. 171 p.
230. Sharifian F. Cultural Linguistics and world Englishes. World Englishes, 2015. T.34, No 4. P. 515–532.
231. Sharifian F. Cultural Linguistics: The state of the art // Advances in Cultural Linguistics. Singapore: Springer Nature Singapore Publ., 2017b. P. 1-28.
232. Shin S. Bilingualism in School and Society: Language, Identity, and Policy. New York, NY: Routledge, 2013. 248 p.
233. Slavic Languages and Literature, University of California, Berkeley. Viktor Zhivov. URL: https://senate.universityofcalifornia.edu/_files/inmemoriam/html/ViktorMarkovichZhivov.html (дата обращения: 04.05.2023).
234. Slochower H. Mythopoesis: Mythic Patterns in the Literary Classics. Detroit, MI: Wayne State University Press, 1970. 363 p.
235. Smith L. Familiar issues from a World Englishes perspective // Культурно-языковые контакты / под ред. З.Г. Прошиной. Вып. 10.

Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 67-73.
236. The Handbook of world Englishes / B.B. Kachru, Y. Kachru, C.L. Nelson (ed.). Malden: Blackwell Publ., 2006. 811 p.
237. The Handbook of world Englishes. 2nd ed. / C.L.Nelson, Z.G.Proshina, D.R.Davis (ed.). Hoboken: Blackwell Publ., 2020. 848 p.
238. The Routledge Handbook of Heritage Language Education From Innovation to Program Building. / C. Hitchens Chik, M.M. Carreira, Olga E. Kagan (eds.). London, UK; New York, NY: Routledge, 2017. 508 p.
239. Titus J. Creating an Online Assessment Test for Heritage Learners of Russian // Heritage Language Journal, 2012. 9(2). C. 222-244.
240. Valdes G. Learning and not learning English: Latino students in American schools. New York, NY: Teachers College Press, 2001. 192 p.
241. Venuti L. Strategies of Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London; New York: Routledge, 2001. P. 240-244.
242. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London and New York: Routledge, 1995. 324 p.
243. Wanner A. Russian-English Literary Translingualsim // The Routledge Handbook of Literary Translingualism. / Ed. by S.G. Kellman, N. Lvovich. London, UK; New York, NY: Routledge. 2022 P. 200-210.
244. Weinreich U. Languages in contact. Findings and Problems. New York, NY: Linguistic Circle of New York. 1953. 148 p.
245. Whorf B.L. Language, thought and reality. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1956. 412 p.
246. Williams C.H. Language and Governance. Cardiff, UK: University of Wales Press, 2007. 320 p.
247. Zaverukha L., Bogdan N. Images of America: Russian San Francisco. Charleston, SC: Arcadia Publishing, 2010. 128 p.

Список источников практического материала

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГИ, 2021. 1087 с.

2. Баба-яга – костяная нога // Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. 2007. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/11169/%D0%91%D0%B0%D0%B1%D0%B0 (дата обращения: 05.05.2024).
3. Былины: сборник. СПб.: Азбука-Аттикус, 2020. 416 с.
4. Вир // Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4: Т. 1: А–З. М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 912 с.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т. 1. / Выступ. слово М. Шолохова. М.: Худож. лит., 1984a. 383 с.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т. 2. / Выступ. слово М. Шолохова. М.: Худож. лит., 1984b. 399 с.
7. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1989. С. 380
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4: Т. 1. М.: А/О Издательская группа Прогресс, Универс, 1994a. 912 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4: Т. 2. М.: А/О Издательская группа Прогресс, Универс, 1994b. 864 с.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4: Т. 4. М.: А/О Издательская группа Прогресс, Универс, 1994c. 912 с.
11. Древнеславянская керамика, 2023. URL: https://dzen.ru/a/ZKxJ6GbX4WQfHxxu (дата обращения: 22.03.2025).
12. Евангелие от Иоанна 14, 27 URL: https://www.biblegateway.com/passage/?search=%D0%9E%D1%82%20%D0%98%D0%BE%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B0%2014%3A27%2CJohn%2014%3A27&version=RUSV%3BNIV (дата обращения: 11.11.2024).
13. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 1084 с.
14. Значение *Василий* в русском эпосе // Энциклопедический словарь

Брокгауза и Ефрона. 2023. URL: https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron/1589875.html (дата обращения: 20.06.2023).

15. «Идиот» // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15-ти томах. Т. 1-15: Т. 6. Л.: Наука, 1989. 670 с.
16. Имя Антон: Журнал Фома, 2017. URL: https://foma.ru/imya-anton.html
17. Кафтан // Большой Энциклопедический словарь: онлайн версия. 2025. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/151470 (дата обращения: 01.04.2025).
18. Киктенко Е. Жаворонки. История и рецепт. // Журнал ФОМА. [Online]. 2024. URL: https:// foma.ru/zhavoronki.html (дата обращения 02.02.2024).
19. Когда рак на горе свистнет // Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. 2007. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/11169/%D0%91%D0%B0%D0%B1%D0%B0 (дата обращения: 05.05.2024).
20. «Красна девица» / Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Аяъ, 1992. 960 с.
21. «Красота спасет мир» / Академик: Словарь крылатых слов и выражений, 2024. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/1281/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BE%D1%82%D0%B0 (дата обращения: 20.11.2024).
22. Кузнецова В.П. Причитания в северно-русском свадебном обряде. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 180 с.
23. Мирошенкова В.И. Lingua Latina / В.И. Мирошенкова, Н.А. Федоров. 9-е изд. М.: Флинта: Наука, 2006. 400 с.
24. Надежда на белорусском / Glosbe.com Russian-Belarusian dictionary, 2025. URL: https://ru.glosbe.com/словарь-русский-белорусский/надежда-надзея (дата обращения: 20.01.2025).
25. Ожегов С.И. Словарь русского языка: /Под. ред. Н.Ю. Шведовой. 17-

е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. 797 с.

26. Островский К. Жития святых / Протоиерей Константин Островский. Красногорск: Успенский храм, 2014. 1040 с.
27. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники / В.Я. Пропп. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021b. 256 с.
28. Пушкин А.С. Руслан и Людмила. М.: Азбука, 2022. 352 с.
29. Пушкин А.С. Сказка о царе Салтане, о его славном и могучем богатыре Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди: иллюстрированный комментарий / коммент. Е. Хортова; худож. И. Билибин (сказка), А. Ростова (коммент.). М.: Проспект, 2023. 48 с.
30. Русские народные сказки / рис. И.Я. Билибина. М.: Издательский Дом Мещерякова, 2021. 128 с.
31. Русские народные сказки и былины. / Н. Анашина М.: Издательство АСТ, 2022. 382 с.
32. Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М.: Академический проект, 2022. 495 с.
33. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. / Н. Абрамов, М.: Русские словари, 1999. 499 с.
34. Соболиные брови // Толковый словарь Ушакова / Д.Н. Ушаков, 1940. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1032874 (дата обращения: 12.11.2024).
35. Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. М.: Владос, 1996. 764 с.
36. Суперанская А.В. Словарь русских личных имён. М.: Эксмо, 2005. 376 с.
37. Предслава Владимировна // Academic.ru. 2025. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1604496 (дата обращения: 13.01.2025).
38. Толковый словарь современных разговорных фразеологизмов и присловий, 2025. значение: Много будешь знать – скоро состаришься. URL: https://phraseologism.academic.ru/ (дата обращения: 10.02.2025).

39. Фразеологический словарь русского литературного языка, 2025. URL: https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/ (дата обращения: 10.02.2025).
40. Фразеологический словарь русского литературного языка, 2025. значение: “куда глаза глядят”. URL: https://gufo.me/dict/fedorov/%D0%BA%D1%83%D0%B4%D0%B0_%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B7%D0%B0_%D0%B3%D0%BB%D1%8F%D0%B4%D1%8F%D1%82 (дата обращения: 10.02.2025).
41. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов: Т. 1-2. М.: Рус. яз. 1993a. Т. 1: А-Пантомима. 623 с.
42. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов: Т. 1-2. М.: Рус. яз. 1993b. Т. 2: Панцирь-Ящур. 560 с.
43. Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. 1, вып. 2. СПб., 1900.
44. Электронная версия словаря Фёдорова “Фразеологический словарь русского литературного языка”, 2008. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ. 2008. 880 с. URL:https://gufo.me/dict/fedorov/%D0%BD%D0%B5_%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%8C_%D0%BA%D0%B0%D0%BA_%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B8%D1%85_%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%B9 (дата обращения: 10.02.2025).
45. Andersen H.C. An Illustrated Treasury of Hans Christian Andersen's Fairy Tales. Edinburgh, UK: Floris Books, 2014. 216 p.
46. Behind the name: Andrew, 2025. URL: https://www.behindthename.com/name/andrew (дата обращения: 01.11.2025).
47. Behind the Name: Kiera, 2025. URL:

https://www.behindthename.com/name/keara (дата обращения: 11.11.2024).
48. Behind the Name: Vera. URL: https://www.behindthename.com/name/vera-1 (accessed: 03.10.2024).
49. Borzoi / Cambridge Dictionary, 2025. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/borzoi (дата обращения: 10.01.2025).
50. Definition of “head over heels (in love)” from the Cambridge Dictionary. Cambridge University Press. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/head-over-heels-in-love (дата обращения: 09.01.2025).
51. Definition of ‘oi’ in English from the Cambridge Dictionary. Cambridge University Press. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/oi (дата обращения: 09.01.2025).
52. Definition of to be wet behind the ears from the Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. Cambridge University Press. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/be-wet-behind-the-ears (дата обращения: 09.01.2025).
53. Definition of to kiss something goodbye from the Cambridge Dictionary. Cambridge University Press. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/kiss-goodbye (дата обращения: 15.01.2025).
54. Encyclopedia Britannica: Mead // Encyclopedia Britannica. / Ed. by Kara Rogers. 2023. https://www.britannica.com/topic/mead (дата обращения: 02.05.2023).
55. Grimm J., Grimm W. An Illustrated Treasury of Grimm’s Fairy Tales. Edinburgh, UK: Floris Books, 2013. 224 p.

56. Ivanova 2025. Shades of Meaning: “Black” in Different Languages and Cultures. URL: https://ilab.academy/en/black-in-different-languages-and-cultures/ (дата обращения: 02.02.2025).
57. Jack and the Beanstalk, 2025. URL: https://resources.corwin.com/sites/default/files/13._jack_and_the_beanstalk.pdf (дата обращения: 06.06.2025).
58. Kotar N. In a Certain Kingdom: Epic Heroes of the Rus. Amazon Customer Reviews. URL: https://www.amazon.com/Certain-Kingdom-Epic-Heroes-Rus/dp/1951536215/ref=sr_1_4?crid=1H8E6E35Q41JF&keywords=Nicholas+Kotar&qid=1684419133&sprefix=nicholas+kotar+%2Caps%2C355&sr=8-4#customerReviews (дата обращения: 08.05.2023).
59. Kotar N. In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old Russia. Amazon Customer Reviews. URL: https://www.amazon.com/Certain-Kingdom-Fairy-Tales-Russia/dp/1951536185/ref=sr_1_1?crid=1H8E6E35Q41JF&keywords=Nicholas+Kotar&qid=1684419133&sprefix=nicholas+kotar+%2Caps%2C355&sr=8-1#customerReviews (дата обращения: 08.05.2023).
60. Kotar N. The Forge of the Covenant. Las Vegas, NV: Waystone Press, 2019c. 112 p.
61. Kotar N. The Curse of the Raven. Las Vegas, NV: Waystone Press, 2017a. 107 p.
62. Kotar N. The Heart of the World. Las Vegas, NV: Waystone Press, 2018. 436 p.
63. Kotar N. The Rusted Blade. Las Vegas, NV: Waystone Press, 2019d. 130 p.
64. Kotar N. The Son of the Deathless. Las Vegas, NV: Waystone Press, 2022. 120 p.
65. Kotar N. The Song of the Sirin. Las Vegas, NV: Waystone Press, 2017b. 420 p.

66. Kotar N. The Throne of the Gods. Las Vegas, NV: Waystone Press, 2020c. 352 p.
67. Kotar N. Tomorrow, a new fairy tale podcast. 16.09.2020. URL: https://nicholaskotar.com/2020/09/16/in-a-certain-kingdom/ (дата обращения: 09.04.2023).
68. Macmillan Dictionary. Sake: Definition. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/sake_1#sake_1__17 (дата обращения: 29.05.2023).
69. Mead / Etymology Online Dictionary, 2025. URL: https://www.etymonline.com/word/mead (дата обращения: 15.01.2025).
70. Oi / Cambridge Dictionary, 2025. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/oi (дата обращения: 20.01.2025).
71. Oxford English Dictionary: Mead Definition // Oxford English Dictionary, 2025. URL: https://www.oed.com/dictionary/mead_n1?tl=true (дата обращения: 04.10.2024).
72. Red Color Psychology, Symbolism and Meaning / Color Psychology.org, 2025. URL: https://www.colorpsychology.org/red/ (дата обращения: 05.05.2025).
73. Safe haven / Cambridge Dictionary, 2025. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/safe-haven (дата обращения: 21.01.2025).
74. Strike while the iron is hot / Cambridge Dictionary, 2025. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/strike-while-the-iron-is-hot (дата обращения: 21.01.2025).
75. The King is Dead, Long Live the King: Definition, Meaning, and Origin / U.S. Dictionary, 2023. URL: https://usdictionary.com/idioms/the-king-is-dead-long-live-the-king/ (дата обращения: 21.12.2023).
76. The Project Gutenberg eBook of “The Idiot”, by Fyodor Dostoyevsky URL: https://www.gutenberg.org/files/2638/2638-h/2638-h.htm (дата

обращения: 17.01.2025).

77. Wet behind the ears / Cambridge Dictionary, 2025. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/be-wet-behind-the-ears (дата обращения: 21.01.2025).
78. When pigs will fly / Merriam Webster, 2025. URL: https://www.merriam-webster.com/wordplay/a-whole-barnyard-of-farm-idiom (дата обращения: 20.01.2025).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Транскрипт интервью с писателем-билингвом

Часть 1. Билингвизм и бикультурность автора

1. *На каком языке Вы начали говорить? Вы овладели русским и английским языками одновременно (simultaneous bilingualism) или последовательно (sequential bilingualism)?*

Ответ писателя: Последовательно. С нами родители говорили только по-русски вначале. Несмотря на то что я родился в Сан-Франциско, я говорил только по-русски до четырех лет, а потом уже на двух, и, когда пошел в православную школу, в доме чуть ли не полностью перешли на английский язык. Тогда русский язык поддерживался в основном из-за того, что мы ездили часто в Россию и там говорили с родственниками на русском языке.

2. *Если для Вас характерен последовательный билингвизм, сколько Вам было лет, когда Вы начали разговаривать на первом языке?*

Ответ писателя: Я не помню точно, мама говорит, что я начал говорить в 11 месяцев. Но, наверное, около двух лет.

3. *В каком возрасте Вы освоили второй язык?*

Ответ писателя: На английском я стал говорить в четыре года.

4. *С какого возраста Вы начали идентифицировать себя билингвом?*

Ответ писателя: Я никогда себя так не идентифицировал. Я не знал такого слова. Я себя считал русским американцем. И вот с этого все пошло. Тут вопрос культуры, а не языка. Ваш вопрос интересен, это типичный вопрос для XXI века, потому что все должны себя идентифицировать как-то. Но люди моего поколения об этом не задумывались вообще. Мы просто жили в своей культуре и все.

5. *Посещали ли Вы дополнительные языковые занятия для того, чтобы сохранить и улучшить унаследованный русский язык, которым Вы сейчас владеете, а также пополнить знания о русской истории и культуре?*

Ответ писателя: Да, у нас была школа, мы ее называли Русской школой. Кирилло-Мефодиевская русская гимназия по субботам и по вечерам во вторник, четверг. Это такая дополнительная школа. Нельзя сказать, что она была на таком же уровне, как ежедневная школа. В Русской школе мы не читали

русскую литературу, мы читали короткие пересказы, и нас знакомили с базовой грамматикой русского языка. Были хорошие преподаватели русской истории и Закона Божьего. Но в целом обучение было не очень серьезным. Школа, конечно, помогала, но все-таки я думаю, что, если мы бы не летали в Россию периодически и регулярно, то я бы потерял язык. В Россию ездили раз в четыре года, если не чаще.

6. *Думаете ли Вы на двух языках? На каком языке Вы думаете преимущественно (внутренний диалог)?*

Ответ писателя: В основном на английском. Но я должен сказать, что я думаю образами, а не словами. Если есть внутренний диалог, то это полностью зависит от контекста. К примеру, с женой я общаюсь только на русском. Так что если какие-то важные дела надо обсудить и их надо обдумать заранее, то это по-русски будет, конечно. Но то, что связано с работой и так далее, будет на английском.

7. *На каком языке преимущественно говорили Вы в семье, живя с родителями, и теперь в своей собственной семье? Имеете ли Вы языковые предпочтения в общении с различными членами Вашей семьи?*

Ответ писателя: Да, это очень интересный вопрос. В детстве мы говорили только по-русски. Мама с папой всегда общались только на русском. Но в какой-то момент всем стало легче, потому что родители преподавали в школе и мы с ними общались не только как с родителями, но и как с преподавателями, как с членами администрации школы. Мы их видели постоянно весь день, каждый день в разных контекстах. И когда это случилось, то, естественно, все переходили на английский язык, потому что учеба в основном была на английском в Saint John’s Academy. Но, когда я встретился со своей женой, она не говорила по-английски почти, говорила, но плохо. И наш роман был полностью на русском языке. Мы с ней очень серьезно подходим к этому вопросу. Мы стараемся с детьми говорить только по-русски. Так что с родителями был такой момент, когда говорили только по-русски, потом только по-английски. Сейчас опять в доме только по-русски, бывает смешение русского с английским, потому что наши дети homeschooled (на домашнем обучении). Наша бабушка с ними занимается, и они с бабушкой в основном

говорят по-английски (обучение происходит на общеупотребительном английском языке для успешной аттестации по школьной программе на ежегодных государственных экзаменах). Иногда детям надо напоминать, чтобы они переходили на русский, но бывает, что, перед тем как напомнить, сам начинаешь с ними говорить по-английски. Говорим по-английски и когда делаем ультраамериканские вещи, например смотрим американский футбол вместе с сыном. Я не буду с ним говорить про американский футбол на русском, я пробовал. It's too hard (Это слишком сложно). Но в основном стараемся с детьми говорить по-русски, настаиваем на этом. И они как я: тоже все начинают с русского и переходят на английский чуть позже.

8. *До какой степени Вы используете один язык чаще, чем другой?*

Ответ писателя: В основном я говорю по-английски, потому что большинство моего времени я провожу на работе.

9. *Менялся ли Ваш доминирующий язык когда-нибудь в течение жизни? Если да, то как Вы это заметили?*

Ответ писателя: Это все опять зависит от контекста. Если мы в России, то со временем начинаешь думать по-русски, начинаешь себя ощущать по-другому, когда постоянно говоришь на другом языке, на втором. Вначале русский был моим первым языком. Но очень скоро после этого английский стал моим первым. Когда мы приезжаем в Россию, то первые две недели подбираешь слова, думаешь, не можешь донести мысли до конца. Но со временем становится гораздо легче. Побыв в России две недели, начинаешь уже думать в основном на русском.

10. *Различается ли Ваше поведение в зависимости от того, на каком языке Вы разговариваете?*

Ответ писателя: Да, когда говорю на русском языке, я другой. Это абсолютная правда: по-другому мыслишь, по-другому говоришь, по-другому с людьми общаешься. Русское общение гораздо более открытое. Совершенно другая картина мира. Она более осторожная, менее откровенная, менее сердечная, более поверхностная, когда говоришь по-английски. Это почти что стереотип американизма, американцев. Американцы в основном не могут общаться так откровенно, как русские. Особенно возникают трудности общения

при первой встрече. Им нужно побольше побыть с человеком рядом, чтобы почувствовать друг друга, прежде чем говорить на более откровенные темы. И все равно на английском гораздо больше, мне кажется, гораздо больше assumed subtext (подразумеваемого подтекста). На русском то, что ты говоришь, – это оно и есть, а на английском you have to be careful (ты должен быть осторожен), потому что скажешь что-то, и, в зависимости от того, с кем ты общаешься, эта фраза может прозвучать по-разному.

11. *Как часто Вы смешиваете языки (смешение кодов) в разговорной или письменной речи? Как часто Вы смешиваете слова из разных языков в одном предложении?*

Ответ писателя: Чаще, чем хотелось бы. В основном если говорю по-русски, то все-таки английские слова входят. Особенно если я… Ну вот, мы четыре года не были в России. И поэтому сейчас это постоянно. Приедем туда, может быть, зимой, тогда я думаю, что больше будет разделение. Но я скажу следующее: вот в письменной речи я выражаюсь преимущественно на английский лад, даже когда я пишу по-русски, то есть это не то что американские слова туда вкладываются, а просто образ мышления в письменной форме у меня полностью американский. Я должен все, что я пишу русскому человеку – имейлы и т.д., – должен фильтровать через свою жену, потому что она понимает. И вот это и интересно: в письменной русской речи гораздо больше этого подтекста, который есть в американской устной речи. Надо осторожно выражаться, когда ты пишешь, потому что человек не видит твои глаза, и это очень интересно. Особенно если мало практики. Я не пишу на русском часто, так что ошибок в правописании особо нет, но вот фразеологизмы и так далее – это я должен фильтровать через Настю.

12. *Владеть вторым языком означает иметь вторую языковую личность и вторую картину мира. Чувствуете ли Вы принадлежность к двум культурам, ощущаете, что существуете одновременно в двух совершенно разных мирах?*

Ответ писателя: Да, это постоянно. Это очень сложно, особенно когда эти две культуры принадлежат этносам или народам, которые сейчас сильно настроены друг против друга в культурном и политическом смыслах. Надо

постоянно осмысливать кто я, и где я, и как. Это реально. Я всю свою жизнь об этом думаю. Это сложный вопрос. И для себя… я к решению такому пришел, что самое главное для меня – это быть православным, второе самое главное – это надо быть русским православным, то есть быть православным через русскую культуру, русский язык. Русская культура в православии очень важна, а после этого я – русский американец. Что это значит? Это значит – из белой эмиграции (первой волны эмиграции) с определенными особенностями мировоззрения и т.д. Когда я нахожусь в России, все это сразу чувствуют. Ты русский человек, но ты какой-то другой русский. Не только из-за языка, из-за акцента и т.д. Просто мировоззрение, мышление отличается. Но ты и не американец, а какой-то там другой. Да, я из белой эмиграции, я старый русский (первой волны эмиграции). Поэтому для себя я выбрал какое-то среднее – гибрид какой-то. Немножко этого и немножко этого. Я не буду полностью одно или другое, а буду между…

13. *Появляется ли у Вас чувство гибридности или пограничности, когда Вы себя чувствуйте между двумя культурами? Если да, как часто и в каких моментах или ситуациях Вы так чувствуете?*

Ответ писателя: Постоянно. Если говорить о самоидентификации, то для меня это был сознательный процесс. Я должен был для себя решить, как содержать в себе эти две крайности, и для меня это вышло как-то так. Я русский, но я не русский XX или XXI веков. Я русский скорее какого-то прошлого. Может быть, идеализированного, но ничего, пусть будет так. Но я и не американец. Я как бы восточный человек в каком-то смысле, но я чувствую себя членом своей маленькой общины здесь в Upstate New York (Северная часть штата Нью-Йорк). И я люблю американскую историю. Я понимаю, в ней есть какой-то патриотизм по отношению к американской идее. Но это в первую очередь потому, что это хорошая идея, а не потому, что ты американец. Так что для меня всегда быть русским американцем – это отдельная штука. С тринадцати-пятнадцати лет просто для себя решил, что это так будет. Я так живу, я через эту гибридность все фильтрую.

14. *Вы родились в Сан-Франциско и выросли в общине зарубежных русскоговорящих. Когда Вы впервые приехали на историческую Родину,*

каковы были Ваши впечатления о языке, о культуре, о менталитете? Был ли у Вас культурный шок или языковой барьер? Чувствовали ли Вы, что это другой вариант русского?

Ответ писателя: Мне было девять лет, когда я первый раз полетел в Россию. Мы слились с местными очень быстро, языкового барьера не было. Единственный барьер, который мы чувствовали как дети, это то, что наши родственники не давали нам общаться с местными детьми, общение разрешалось только в узком кругу семьи (это было в основном в Москве). Был сложный исторический момент (90-е годы), и они боялись, что их будут грабить. Если «богатые» американские родственники приехали, значит, что у вас деньги есть. Я этого не понимал в тот момент. Но я только помню, что каждый раз, когда мы во двор выходили в Москве на окраине и начинали общаться с местными, которые общались с нами совершенно свободно – они не знали, кто мы такие, – моя тетя выходила из дома в фартуке, в домашнем платье и кричала: «Идите домой! Не смейте общаться с местными детьми». Но в тот момент я не чувствовал языкового барьера вообще. Уже после, когда мы приезжали, когда мне было четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, начинались такие разговоры: «Как вы говорите так хорошо?», а потом «У вас какой-то странный акцент». Но все равно общались всегда свободно, хотя чувствуешь, что там другой лексикон, мы говорим одно, они говорят другое: уборная, туалет и т.д. Это всегда ощутимо, до сих пор ощутимо. Но в первый раз я это не ощущал просто потому, что я был очень маленький. У зарубежного русского своя история, потому что сто лет мы должны были использовать архаизмы, которых мы очень придерживаемся. И для нас очень важны эти архаизмы. Мы ими гордимся.

Часть 2. Влияние русского языка и культуры на писательский процесс

15. *Расскажите, пожалуйста, о Вашем детстве. Вы росли в семье и в общине, которая пыталась сохранить русский язык, культуру и веру предков. Как повлияли Ваши детство и юность на Ваше творчество?*

Ответ писателя: Об этом можно говорить часами, но вкратце скажу, что мама читала русские сказки, русскую литературу, а бабушка нам постоянно

рассказывала про Куликово поле и так далее. Русская история, русские сказки, русское искусство, русская музыка – это было всем для нас в детстве. И когда я начал писать свои романы, то, что я не перечитывал, и то, на что я не смотрел в течение двадцати лет, проявлялось в моих сюжетах, моих персонажах и т.д. И только потом, когда я начал перечитывать эти сказки для своих детей и как research (исследование) для своих романов, до меня дошло, насколько это все было вот прямо в сердце, я и не вспоминал, но все равно эти детали выходили. Это просто какие-то моменты из сказок: Баба-яга и говорящий волк и т.д. Это все как бы… я не думал о том, что это я переписываю русские сказки, это просто выходило. Это было очень важно.

16. *Вы по первому образованию филолог-русист, а по второму – теолог. Как Ваше образование повлияло на Ваше творчество?*

Ответ писателя: Я по первому образованию филолог, чуть ли не by default (по умолчанию). Просто я не знал, что я буду делать. Я собирался быть врачом, и я только начал по русской линии идти, потому что там были хорошие профессора и мало людей было. Можно было по-настоящему учиться. В течение college (университета) я решил, что я буду выступать за русскую культуру для англоязычных. Я буду показывать сознательно, что это хорошо, что это прекрасно и что надо об этом знать. В первую очередь потому, что я люблю русскую культуру, но также потому, что это путь к православию. Я всегда видел, что людей можно привлечь к православию через русский язык и культуру.

17. *Ваши художественные произведения написаны в стиле русского фольклора. Почему Вы решили основывать Ваши художественные книги на русских сказках и фольклоре?*

Ответ писателя: Я как-то так мыслил: если Толкин писал свое эпическое фэнтези по мотивам мифологии, даже несуществующей мифологии каких-то идеализированных протоангличан, то почему бы не сделать то же самое, но с русскими. Это было бы интересно. У Толкина была определенная задача. Он как бы хотел сплотить национальные чувства англичан вокруг фольклорной идеи, которой нет, которая не существует. Так что он придумал свои мифы. В русском фольклоре очень богатая мифология. Но почему бы не написать? Просто я очень

люблю фэнтези как читатель. Я с детства пишу. Я пишу свои версии всего этого. Почему бы не базироваться на том, что я люблю. И получилось очень интересно. Просто для меня это было очень интересно, как совместить фольклорные жанры с жанром фэнтези. Они не очень хорошо совпадают. Фольклорные сюжеты более архетипные. Там у персонажей нет внутренней жизни, у них нет психологии. Это просто архетипы в основном. Особенно если говорить об очень старинных сказках, а не сказках, которые были написаны уже в XIX веке. Нет, мне интересны самые старые – все эти Бабы-яги и волки и так далее, Иваны-царевичи и Иваны-дураки. Так что как соединить современный жанр эпического фэнтези с очень архаичным жанром русских сказок? Для меня это было очень интересно. Так что первая мысль была: я хочу сделать то, что сделал Толкин, но для русских. А потом, чем больше я пишу, тем больше я понимаю, что нет, тут что-то еще. Для меня это professional challenge (профессиональный вызов). Это очень интересно соединить два мира, которые не похожи друг на друга на самом деле.

18. *Помимо русских сказок, какие другие литературные жанры оказали на Вас влияние?*

Ответ писателя: В основном эпическое фэнтези, особенно Толкин и Льюис, а второе – это Достоевский и жития святых (жанр агиографии).

19. *Планируете ли Вы продолжать писать произведения на основе русского фольклора, или Вы планируете также писать в других жанрах?*

Ответ писателя: Даже если буду писать в других жанрах, я всегда буду базироваться на русском фольклоре. Даже если я буду научную фантастику писать, что я сейчас и делаю, там все равно появляются элементы фольклора.

20. *Вы и Ваши коллеги организовали творческий кружок Conquering Time (Покорение времени). Расскажите, пожалуйста, как он возник и как это повлияло на Ваш творческий путь? Писали ли Вы до этого?*

Ответ писателя: Да, до этого я писал. Я писал с детства. Первая вещь, которую мы написали с сестрой – это really bad rip-off of "*Chronicles of Narnia"* (плохая подделка под «Хроники Нарнии»). "Conquering Time" – это интересное было явление. В Сан-Франциско мои родители открыли школу православную k-through-12, classical (с первого по двенадцатый класс, классическая школа).

Тогда таких школ было мало в Америке. Сейчас их больше, но все равно мало. И просто тот факт, что такая школа есть, особенно при соборе, где находятся мощи святителя Иоанна Шанхайского, очень вдохновлял. Ее открыли вскоре после прославления святого Иоанна. Академия Святого Иоанна привлекала разных людей со всей страны, и образовался кружок достаточно высокой культуры среди профессоров. Когда я закончил эту школу, я чуть ли не сразу пошел преподавать в Saint John's Academy (Академию Святого Иоанна). Семь лет там преподавал. Там было столько хороших людей, интересных людей, что просто мы не могли не встречаться вне самой школы. Так что раз в неделю по вечерам у нас дома мы встречались и читали книги вместе, общались на разные культурные темы и в какой-то момент решили, что надо – это было бы интересно – воплотить все эти идеи во что-то конкретное. Мы, как музыкальные люди, были готовы сделать концерт музыкальный, то есть хоровой. Я в тот момент уже был регентом в церковном хоре и к этому времени уже в университете был. Поэтому я уже знал людей в местной общине, особенно в общине Early Music Community (Сообщество старинной музыки). В Сан-Франциско она очень сильна. Там очень много хороших, я бы даже сказал, мирового уровня World Class коллективов Early Music (старинной музыки). И я многих знал лично, потому что я в этих коллективах пел. Поэтому я смог – опять это гибридность моя – соединить тему русского православия с русским фольклором и с западноевропейской музыкой этого периода истории. В основном это была музыка Западной Европы XIV, XV, XVI веков. И все получилось. Я не помню, почему мы именно так выбрали, но наш первый концерт был по мотивам русских сказок. Мы написали на английском языке своеобразную русскую сказку, которая следовала всем правилам русских сказок. Но это все держалось на личностях, на мне, на сестре. И когда мы уехали из Сан-Франциско, это все распалось. Но идея передать правду глубокую, религиозную правду посредством слова, посредством музыки, сюжета сказок и т.д. сохранилась. Об этом Иван Ильин очень красиво пишет в своем эссе "Духовное значение русской сказки". Я считаю, что так и есть, что это можно и нужно делать. Особенно для мира, который утопает сейчас в нигилизме и в атеизме. Так что для нас это было очень важно.

21. *Планируете ли Вы в дальнейшем создавать произведения, комбинируя языки и культуры?*

    Ответ писателя: Да.

22. *Были ли какие-либо неожиданные моменты в процессе написания и публикации Ваших творческих работ, которые впоследствии помогли Вам приобрести писательский опыт? Какие?*

Ответ писателя: Да, конечно. Некоторые писатели составляют очень детальный план для сюжетов своих романов. Я плохо пишу outline (план). Я не люблю этого делать. Но, если я вначале начинаю писать без плана, то часто теряюсь в тонкостях сюжета и иногда в психологии моих персонажей. Так что я опытным путем узнал, что мне надо первые три книги очень детально организовать, чтобы знать, куда идти. Но в процессе написания своей первой книги я понял, что в какой-то момент персонажи и сюжет сами начинают развиваться. И если я направлю всю эту машину в правильную сторону, она после какого-то момента начинает сама ехать. Это было очень неожиданно для меня. Я думал, что надо все очень детально планировать, а оказывается, это не так. Если я слишком стараюсь планировать, то я перестаю чувствовать свежесть этого сюжета и просто его откладываю. Мне не хочется больше писать.

23. *Какие писатели или конкретные произведения повлияли на то, как Вы пишите сейчас?*

Ответ писателя: Книги “Lord of the Rings” («Властелин колец») и «Братья Карамазовы». Роман «Властелин колец» является краеугольным камнем жанра фэнтези, то есть без этой книги не было бы этого жанра. И мало кто смог сделать то, что сделал Толкин. Я бы сказал: никто. Многие стараются, и практически никто не может это делать. Потому что Толкин смог свое мировоззрение воплотить в книги, которые любой человек может прочитать. Он может показать истину просто как объективный факт, и с ним не поспоришь. Это не какие-то доводы, это рационально, то есть для меня это эталон.

Ф.М. Достоевский очень хорошо понимает человеческую психологию. Для меня очень важно понимать, почему люди делают то, что они делают. Особенно когда они делают ужасные вещи. Это мне очень интересно. Мне как диакону, как сыну священника всегда важно понимать причины поступков

людей. Еще Достоевский смог соединить высокую литературность с достаточно низкими жанрами, с тем, что считается невысокой литературой. Детективы – это невысокая литература, но Достоевский смог сделать что-то очень высокое. Для меня это очень интересно: взять что-то something populist (что-то популистское) и сделать что-то красивое. И это все еще там бродит. Брожение идет. Я не знаю, как это все закончится.

24. *Что вдохновляет Вас в написании Ваших художественных работ?*

Ответ писателя: Если я не читаю, то я теряю вдохновение писать. Для меня в первую очередь очень важно читать духовную литературу. Это всегда так было. Я занимаюсь духовной литературой, какая-нибудь правда духовной жизни начинает меня поражать. Я хочу ее как-то осуществить, но в литературной форме. Это для меня очень важно.

25. *Какие Ваши пожелания или советы для начинающих писателей-билингвов? Что бы Вы сделали по-другому, если бы Вы только начинали свой писательский путь?*

Ответ писателя: Я недостаточно мудр или стар, чтобы сказать, что я бы по-другому сделал, потому что я в середине всего. Я думаю, что то, как оно было, оно должно было так быть. Я думаю, что есть что-то особое в личном, уникальном опыте билингва, каждого человека at the intersection of two cultures (на стыке двух культур). И именно вот этот момент: ощущения, восприятие жизни человеком на стыке двух культур – самый интересный для читателя, даже если для человека-писателя это самое сложное, самое естественное, самое важное – как бы его нутро. Он может возразить: Who cares. It's the thing that's most usual, the most typical for me. (Кому какое дело. Это самое обычное, самое типичное для меня). Но на самом деле – lean into that (опирайся на это). Это самое интересное для читателей, потому что у каждого человека опыт уникален. Поэтому из этого будет выходить что-то, что никто никогда не читал. Мне так кажется.

Часть 3. Творчество писателя-билингва

26. *В каких местах в России Вы успели побывать и отразилось ли это в Вашем творчестве?*

Ответ писателя: О, да. Я сейчас перечитываю свою первую книгу со

своими читателями в Патреоне (вебсайт Patreon). И я поражаюсь. Вот я в России был в основном в Петербурге и в Москве. Бывал в коротких поездках в Новгороде, Пскове, в Екатеринбурге, где был три раза. Но то, что больше всего на меня повлияло, – это Валаам. Я на Валааме был полтора месяца зимой. Это был интересный момент моей жизни. Я в тот момент встречался с одной русской барышней в Москве. Был переломный момент вообще для меня – как бы такой важный момент, я очень много переживал, думал, писал. Я заметил, когда перечитывал свою книгу, что мое духовное состояние, умственное состояние и места из того времени очень сильно проявляются в первой книге, очень сильно. Вот я читаю описание ландшафта какого-то, и я помню, где именно я был, что я думал в тот момент, когда я видел это место первый раз в своей жизни. Так что описывать эти места было очень легко, потому что они связаны очень сильно с эмоциональными моментами моей жизни, глубокими моментами моей жизни. Так что да, Россия очень сильно отразилась в моей книге. В других книгах не так сильно уже, потому что я просто как бы вложил все, что мог, из этого очень насыщенного момента в свою первую книгу. И во многом, я думаю, это помогло моему творчеству, потому что все то я выложил – got rid of it (избавился от этого). И дальше я могу уже расти в своем творчестве и менее опираться на какие-то там личные переживания, больше расти как писатель. Если писатель постоянно базируется только на каких-то внутренних эмоциональных состояниях, то это не очень полезно для человека.

27. *Два языка и две культуры проявляются в Вашем творчестве. Стремитесь ли Вы достичь оригинального и гибридного сочетания этих двух лингвокультур в Вашем творчестве?*

Ответ писателя: Да, я думаю в этом – вот где-то в этой гибридности – будет мой «уникальный» голос. Я не стараюсь создать какой-то особый голос в своем творчестве. Но я знаю, что он будет, потому что я уникальный человек и у меня уникальная личная история. Поэтому, если я буду продолжать творить в этом ключе, то, что останется после меня, будет отражать эту гибридность.

28. *Как Вы думаете, при переводе Ваших произведений на русский язык могли бы российские читатели взглянуть на Ваши книги с русскими культуронимами, которые бы вернулись в исконную лингвокультуру с*

мифопоэтическими трансформациями, как на произведения, вписывающиеся в русскую литературную традицию?

Ответ писателя: Я бы хотел, чтобы это было так. Это было бы просто прекрасно. Но я не знаю. Если бы мы, зарубежники, смогли бы как-то внести то, что мы взяли с собой из России и постарались сохранить, если бы мы смогли как-то эту маленькую струю влить в огромную Волгу русской культуры, как-то повлиять немножко – это было бы прекрасно. Я бы очень хотел.

29. *Есть ли у Вас планы опубликовать Ваши произведения для русскоязычных читателей? Вы бы предпочли перевести их сами или поручили бы это другому переводчику?*

Ответ писателя: Я уже поручил переводчику перевод первой книги – другому писателю. Я бы не переводил мои книги, нет, ни в коем случае. Книги были написаны на английском языке. Пусть человек, который владеет литературным русским переведет их как следует. Планы есть. Я знаю, что интерес к фэнтези в русской печати есть. У меня есть друзья-писатели, которые продавали права своих романов на русский рынок. Так что я думаю, шансы есть.

30. *В аннотациях Ваших книг "The Raven Son Series" можно встретить различные аллюзии к русским сказкам и фольклору, например «Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о Сером Волке», которая повлияла на Вашу первую книгу "The Song of the Sirin" и т.д. С чем был связан выбор сказок, которые были задействованы в Вашем творчестве?*

Ответ писателя: Я написал сначала роман. Потом, когда его написал, до меня дошло, что там было много моментов из русских сказок. И потом я вернулся к сказкам, посмотрел, какие больше всего сходились с тем, что я уже написал. Да, это было подсознательно. Так что я их выбрал после того, как я закончил писать. Но это только для первой книги. После первой книги я больше базировался на сюжетах каких-то конкретных сказок. Но в первой книге, да, все было совершенно естественно.

31. *В аннотации к новелле "The Rusted Blade" отмечается, что на Ваши произведения повлияло творчество Ф.М.Достоевского и Дж.Р.Р.Толкина. Как Вам удалось скомбинировать русскую*

литературную традицию и фольклорную традицию вместе с англоязычным жанром фэнтези, который основан на мифах и легендах?

Ответ писателя: Ну, как это соединить? Это не сложно. Мир книг строится на фундаменте космического мировоззрения русских сказок: то есть как бы такой космический мир сказок, который немного отличается от настоящего мира, но он полностью христианский, несмотря на то, что там всякие чуть ли не языческие моменты. Ильин об этом пишет очень красиво. Иван Ильин говорит о том, что русские сказки содержат в себе весь процесс христианизации народа. Не элитной христианизации, как в «Слове о полку Игореве», а такой, какая была в народе. Поэтому там есть моменты и элементы древнего вероисповедания и нового христианства. Они как бы переплетены, но очень естественно, очень красиво. И это показывает процесс и итог христианизации, который смог взять то, что было хорошее в древнем дохристианском мире и его освятить, я также подхожу к жанру фэнтези. Жанр фэнтези – это современный жанр. Его фундамент можно поставить на правильном христианском мировоззрении. Это мировоззрение потом выражается через язык мифологический, более приемлемый для людей, которые нехристиане, они думают, что им никто не читает проповедь. Как Ф.М. Достоевский туда входит? Я уже говорил. В жанре фэнтези нужно несмотря на то, что там все мифологическое, сконцентрироваться на психологии конкретной личности. Надо писать через viewpoint (точку зрения) конкретной личности, то есть надо понимать психологию человека. Достоевский делает это просто потрясающе.

32. *В Ваших книгах можно встретить множество примеров мифопоэтической трансформации и авторского мифотворчества, относящегося к русской лингвокультуре в авторской интерпретации. Что подвигло Вас на такое применение и трансформацию русизмов, как, например, следующие мифопоэтические трансформации русских культуронимов? Какие ассоциации Вы хотели бы донести до читателя?*

Ответ писателя: Мир мифической Руси из былин. Так что это было целеустремленно. Да, я могу объяснить как я “Dar” придумал. Для меня очень важно было, чтобы в стране Василлии царила главная идея о том, что народ

должен служить всем остальным народам, то есть он, народ Василлии, должен быть даром для мира. Поэтому царь не царь, а дар, это я специально так сделал. Это звучит как царь – достаточно близко. Потому что ts- d- – это морфология достаточно более или менее realistic (реалистичная). Он царь и дар в одно и то же время. Он должен приносить себя как подарок своему народу. Вся его жизнь должна быть отдана. “Otar” – это тоже дар, но он отец, то есть священнослужитель. В том переводе, который у меня есть, мы поменяли имя персонажа Воран на Райван, чтобы это было зеркальное отображение английского слова Raven (ворон). Потому что тут духовное нутро всего, то есть любой человек может стать Вороном. Может стать тем, кем он не хочет стать. Он может впасть под власть темной силы. Поэтому бдительность нужна. Персонаж “Buyan” – это аллюзия. Мы в детстве с сестрой очень любили сказку и смотрели фильм. Говорящие имена “Svetlomir”, “Yadovir”: Да, намерено были даны *эти имена.*

Часть 32 вопроса: Что означает корень Vir? Имеет ли он отношение к корню Mir?

Ответ писателя: Может быть, но я об этом не думал. Возможно, на подсознательном уровне. Ядомир как-то хуже звучало чем Ядовир. Более резкое имя. Плюс у этого персонажа нет мира в душе. Персонаж “Велес”: его первоначальное имя не было Велес. Но потом, в конце книги, он приобретает чуть ли не мифический характер. Он как бы разоблачает себя как не простой человек, как demigod (полубог) – такая фигура, то есть обóженный человек в каком-то смысле, но не с большой буквы. Почему я должен был поменять его имя? Потому что, когда мы записывали аудиокнигу, его первоначальное имя (персонажа) было слишком похоже на имя какого-то другого персонажа. Мне нужно было посмотреть в черновики, чтобы вспомнить, но имя звучало слишком похоже. Это проблема аудиокниг, о которой писатель не думает, когда он пишет просто для печати. Поэтому я должен был решить, какое имя будет передавать суть его нутра. Кто он такой? Он как бы дохристианский бог, который перешел в новый мир и принял состояние не божества, а немного ниже божества, то есть я хотел передать этот процесс христианизации дохристианской культуры.

Часть 32 вопроса: Образы птицы сирин и птицы гамаюн – что подвигло Вас на их трансформации? Что подвигло Вас на такие мифопоэтические трансформации славянского бестиария?

Ответ писателя: Мне всегда нравился образ птиц сирин и алконост у Васнецова. Есть древние сказки, где птица сирин поет так, что человек с ума сходит в положительном смысле: он идет и ищет сад Ирий, где живет сирин. Мне это всегда нравилось. Это было очень созвучно с внутренним перерождением моего персонажа Ворона. Образы Сирина и человека, которые друг с другом общаются на глубокие духовные темы, появились как картина в моей голове еще перед тем, как я начал писать. Просто как-то из ничего появились. И я думаю, ок, значит, нам туда идти. Только после этого я начал немного узнавать, что такое Сирин и как его имя перекликается с Сиреной. Поэтому я не писал Siren (Сирена), несмотря на то, что это может быть сложно англоязычному человеку. Почему это Sirin, а не Siren? Это неправильное решение потому, что это меняет все, it confuses the reader (это сбивает читателя с толку). Для меня это было важно. Для символики. Вот персонаж Гамаюн темный, потому что у Васнецова есть картина «Гамаюн, птица вещая». Ее образ темный, она кричит. Она вещая, и то, что она видит, ужасно, все это именно в картине Васнецова. Она мне очень нравится, и поэтому я смотрю на картину и сразу вижу целый сюжет вокруг этого персонажа.

33. *В Ваших литературных произведениях Вы применяли переводческие стратегии доместикации и форинизации. Как Вы решал**и,** когда какую стратегию применять при переводе русизмов и реалий из русской лингвокультуры в "The Raven Son Series"?*

Ответ писателя: Да, абсолютно. Перевести эту книгу будет сложно человеку потому, что надо будет много чего менять, чтобы был параллельный форинизм с английского на русский. Кстати, слово *сарафан* существует в некоторых английских словарях уже как английское слово. Dumar – ассоциация с *думой*, слово, которое может быть известно американскому читателю как Государственная дума. Да, вот Dumar нельзя было оставить как дума. Если просто *дума*, то это сразу ассоциируется больше с современной манифестацией этого термина. Мне хочется что-то больше похожее на средневековый

Новгород. Экзотизм легче всего сохраняется с proper names (именами собственными), или титулами, или названием места и т.д. Главная задача писателя – это не слишком сконфузить читателя. Если речь идет о каких-то бытовых вещах, то лучше перевести с русского. Что-то, как *сарафан*, *кафтан,* приемлемо, потому что это человек может понять из контекста, во-первых, а во-вторых, слово *кафтан* используется в английском языке достаточно часто. *Каравай* – нет. Это сложно, а *лебедушка*, *ясный сокол* и т.д. – вот это уникально в русском языке на самом деле. Вот эти все диминутивы связаны со зверями. Это перекликается с фольклорной традицией очень ярко. Но если это перевести, то это будет не эффектно. Если это не переводить, а сохранить как в русском языке, то вместо *my falcon* (мой сокол) надо использовать *my sokol* (транслитерацию с русского на английский язык). Так можно делать, конечно, и такое бывает в фэнтези, но в книге момент был более важный: не экзотика, а наоборот, чувствовалось что-то более приближенное, deep rooted tradition (традиция с глубокими корнями). Это помогает создать ощущение, что ты находишься в совершенно уникальном мире, который похож на наш, но он другой.

34. *Что вдохновило Вас осуществить Ваш лингвокультурный проект по переводу русских сказок и былин на английский язык для подкастов "In a Certain Kingdom" (буквально с англ.: В некотором королевстве) и одноименных книг?*

Ответ писателя: Это была не моя идея. Ко мне пришла композитор и предложила проект, в котором я буду читать сказки, а она будет писать музыку. И получилось очень хорошо, мне кажется. Но я могу сказать, что раз это была не моя идея первоначально, я долго к этой идее привыкал. Только сейчас я наконец полностью начинаю понимать, насколько это ценно, после того как многие мамы мне писали и говорили: «Спасибо огромное, что Вы открываете этот мир нашим детям. Это для нас очень ценно». У американцев нет своей фольклорной традиции как таковой. Такой монолит, как русский фольклор, отсутствует в Америке. Америка – молодая страна. Есть маленькие фольклоры, но они больше связаны с народностями или с географическими местами. Но общего американского фольклора нет. Поэтому, когда есть соприкосновение –

особенно для православного американца – с такой глубокой культурой, которая проявляется через сказки, им это очень нравится. Так что я понимаю: люди это любят. Я рад, что Натали ко мне пришла и предложила эту идею. Получилось классно.

35. *В Ваших переводах Вы также применяли субституцию (доместикацию), механический перенос в виде транскрипции и транслитерации (форинизацию) и кальку. Как Вы решали, когда какую стратегию применять при переводе русизмов и реалий из русских сказок и былин для англоязычных слушателей и читателей подкастов и книг "In a Certain Kingdom"?*

Ответ писателя: Главное что? Чтобы читатель или слушатель понимали, в чем дело. Если слишком много экзотики, то они просто выключат понимание. Зачем *царь* или *царевич*, когда слово *king* (король) и *prince* (принц) не особо отличаются в тонкости значения этих слов. Но *богатырь* – это богатырь. Это не *warrior* (воин). Это что-то совершенно определенное, потому что это исходит из очень конкретной традиции, которой нет в английском языке вообще. Поэтому я думаю, некоторые считают, что это неправильно, а я считаю, что это надо делать. Слово *Богатырь* надо использовать, и слово *Квас* тоже, потому что это квас, исконно русский напиток. Такого просто нет нигде. Если можно передать читателям это понимание, то хорошо. Но надо вспомнить иногда, что они "not in Kansas anymore" (буквально: «больше не в Канзасе»), что это другое место, что это другой мир. Если можно туда немного экзотики добавить – это тоже помогает. Главное – золотая середина. А почему именно эти слова, а не другие – это просто вопрос вкуса. Мне лично нравится слово *богатырь* на английском.

36. *В Ваших художественных произведениях и переводах встречаются кальки фраз из русских сказок. Почему Вы решили их заимствовать в Вашем творчестве вместо замены на традиционный англоязычный эквивалент?*

Ответ писателя: Потому что на русском языке это очень важно. Без этих элементов русские сказки не были бы русскими сказками. Поэтому именно в этом экзотика должна прозвучать. Потому что есть традиция не американских,

а европейских сказок, у которых в переводе на английский уже есть свои присказки: *Happily ever after* (Долго и счастливо) и т.д. Это совершенно другая традиция. И я хочу показать, что это совершенно другая традиция. Так что не надо их смешивать. Там свои правила, там свои нюансы и особенности – тоже хорошие сказки. Я их очень люблю, но это другое.

37. *В Ваших произведениях отражается русская лингвокультура и содержится много русизмов. Замечали ли Вы различное восприятие Вашего мифопоэтического творчества Вашими читателями-билингвами (владеющими английским и русским) и читателями-монолингвами (говорящими только на английском)?*

Ответ писателя: есть постмодернистская тенденция в популярной литературе и вообще в entertainment (развлечении): давать фанатам свои easter eggs (аллюзии), и все делают это. И что получается? Получается, если ты фанат, то ты это очень любишь. Если ты простой человек, который просто пришел, потому что кажется интересно, то ты чувствуешь, что тебя исключают. Ты чувствуешь that you're not in the inner circle (что ты не являешься частью внутреннего круга). You’re not getting the jokes (Ты не понимаешь шуток). И это сейчас везде. Это в comic culture (культуре комиксов), это в Star Wars culture (культуре Звездных войн) выражено очень сильно. Это везде. It’s the predominant cultural force – now it’s easter eggs (Это доминирующая культурная сила – теперь эти скрытые аллюзии). Это очень сильная на самом деле культурная тенденция. Это везде бывает, всегда. If you’re inside, you want to share the inside information with other insiders (Если вы внутри, вы хотите поделиться внутренней информацией с другими инсайдерами). Это очень важно. Но если ставить это в центр всего – you’re missing the point (то ты упускаешь главное). Это должно быть – it’s the extra (это должно быть дополнительным). Это как соль, которая дает особое ощущение всему. Но это не блюдо. Это соль. Когда соль становится блюдом, она становится невыносима. Если просто дать человеку блюдо соли – это нельзя есть. Я стараюсь дать читателю хорошее «блюдо». Если у них есть эта соль, они могут немного ее добавить, и они поймут более глубокие layers (слои) ко всему этому. Так что билингвы понимают скрытые аллюзии, особенно православные

билингвы. Они читают, и они смеются, где надо смеяться. Они понимают все, что я стараюсь передать. Но в то же время, я надеюсь, что я создал достаточно интересный сюжет, что простой человек-американец, у которого нет никакого опыта с православием или с русскостью, может все равно прочитать сказку и получить удовольствие. Вот как-то так.

38. *Как, по Вашему мнению, другие авторы-писатели билингвы, такие как В.Набоков, И.Бродский, также писавшие на английском языке о культуре своего происхождения, повлияли на Ваше творчество?*

Ответ писателя: Никак. Я Набокова почти совсем не читал. Особенно его на английском не читал. Я считаю, что он очень красиво писал на русском. Бродский тоже. К Серебряному веку я еле-еле прикоснулся и только из-за того, что у меня был очень хороший преподаватель, который очень любил русских поэтов Серебряного века, а то я от мамы, папы, бабушки никогда бы не услышал об Ахматовой, Гумилеве несмотря на то, что это прекрасные поэты. Это другой мир для меня. Повлиял И. Ильин, но я не читаю по-немецки. Он был билингвом (писал по-русски и по-немецки), и его произведения, его лучшие произведения, я считаю, написаны на немецком языке, которые потом были переведены на русский. Это его трилогия: «Поющее сердце», «Взгляд в будущее» и еще одно произведение. Его personal essays (личные эссе) очень красивые. Он их написал на немецком. Его синтактика не русская в этих произведениях. Она очень сложная, очень интересная, словосочетания такие необычные. Мне это очень нравится. Но я сужу больше как читатель. Вот Бунина я очень люблю, особенно его поздние произведения. Они более сложные. Они очень красиво написаны. Я никогда не задумывался о том, что может это именно потому, что он был билингвом. Может быть.

39. *В Ваших книгах отображены русскоязычная и англоязычная лингвокультуры. Какой вклад Вы хотели бы внести в современную американскую литературную традицию как билингвальный и бикультурный писатель?*

Ответ писателя: Вот я думаю, что в момент смешивания двух культур создается мой «уникальный голос». Для современной литературы, особенно в жанре фэнтези, самое главное – это иметь «голос», который сразу можно узнать.

Мне кажется, что я смогу достичь этого именно через мой опыт билингва. Потому что я думаю немного иначе, чем англоязычные писатели в этом жанре.

40. *Думаете ли Вы, что Ваши книги – это часть русской литературной традиции (возможно зарубежной русской литературы)?*

Ответ писателя: Было бы приятно. Я не знаю, существует ли такая вещь, будет ли существовать. Но почему бы и нет. That would be nice (это было бы здорово). Если когда-нибудь мне скажут что-нибудь в этом ключе, то мне будет очень приятно.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Анкета читательской перцепции

Анкета читательской перцепции
Перцепция двуязычных читателей, свободно владеющих английским и русским языком:
Часть 1. Ознакомление
Вопрос 1. Пожалуйста, расскажите кратко о себе. Например: Ваш пол, образование, профессия.
Ответы на вопрос 1 российских читателей-билингвов: **Респондент 1.** Женщина, высшее: филология, доцент, “учитель английского и немецкого языков”, сейчас преподаватель лингвистических дисциплин. **Респондент 2.** Женщина, лингвист, преподаватель английского языка. **Респондент 3.** Женщина. Филология. **Респондент 4.** Мужчина, аспирант ФИЯР МГУ, литературный редактор. **Респондент 5.** Женщина. Образование экономическое и лингвистическое. Работаю преподавателем РКИ. **Респондент 6.** Мужчина. Аспирант МГУ, копирайтер. **Респондент 7.** Женщина, высшее, канд. филол. наук, переводчик. **Респондент 8.** Женщина, высшее, преподаватель АЯ. **Респондент 9.** Female, PhD, Associate Professor, MSU. **Респондент 10.** Женщина, канд. филол. наук, доцент ВАК; по спец. филолог, преподаватель, переводчик, 30 лет отработала в ДВФУ, сейчас работаю в ТОВВМУ, Владивосток. **Респондент 11.** Женщина, я являюсь магистрантом факультета иностранных языков и регионоведения МГУ. **Респондент 12.** Женщина, доктор наук, филолог. **Респондент 13.** Женщина. Учусь на втором курсе бакалавриата МГУ на факультете ФИЯР, на кафедре теории преподавания иностранных языков. Преподаю английский в частном порядке.
Ответы на вопрос 1 американских читателей-билингвов: **Респондент 1.** Мужчина, у меня высшее образование, я инженер. **Респондент 2.** Male. I am an Engineer working in airplane production. **Респондент 3.** Female, PhD in biomedical engineering, Data Scientist in tech. **Респондент 4.** Женщина, высшее образование, художник. **Респондент 5.** Женский пол, образование: магистр, профессия: бизнес-аналитик. **Респондент 6.** Женский пол, высшее образование, IT-программирование. **Респондент 7.** Женщина, высшее образование, учитель начальных классов. **Респондент 8.** Женский пол, бакалавр искусств и сертификат по иконописи, педагог в художественном музее.

Респондент 9. Женщина, имею высшее образование по специальности учитель английского и немецкого языков, работаю в Вальдорфской школе, преподаю музыку.
Респондент 10. Male, PhD, chemist.
Респондент 11. Male, MA degree, teacher and translator.
Респондент 12. Male, master's degree, IT.
Респондент 13. Female, Bachelor of Science in Ecology and Environmental Sciences with a teaching credential, environmental sector and education.

Вопрос 2. (Вопрос № 2 предназначен для читателей-билингвов в США.) К какому поколению иммигрантов Вы относитесь? Выберете то, что относится к Вам, или же уточните, что другое имеет отношение к Вам.

Ответы американских читателей-билингвов русского происхождения:

Ответы на вопрос 2 американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Приехали в США в молодом возрасте.
Респондент 2. Приехали в США в детском возрасте.
Респондент 3. Приехали в США в детском возрасте.
Респондент 4. Приехали в США в молодом возрасте.
Респондент 5. Приехали в США в детском возрасте.
Респондент 6. Вы приехали в США в младенчестве (в дошкольном возрасте).
Респондент 7. Приехали в США в молодом возрасте.
Респондент 8. Вы родились в США, но как минимум один из Ваших родителей приехал из страны происхождения.
Респондент 9. Приехали в США в молодом возрасте.
Респондент 10. Вы родились в США, но как минимум один из Ваших родителей приехал из страны происхождения.
Респондент 11. Приехали в США в подростковом возрасте.
Респондент 12. Вы родились в США, но как минимум один из Ваших родителей приехал из страны происхождения.
Респондент 13. Вы родились в США, но как минимум один из Ваших родителей приехал из страны происхождения.

Вопрос 3. На каком языке Вы начали говорить? Вы овладели русским и английским одновременно (simultaneous bilingualism) или последовательно (sequential bilingualism)?

Ответы на вопрос 3 российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Русский. На русском, английский с 10 лет учила в школе. Что считать "освоением", какие критерии? Начала в 10 лет, поддерживать беседу могла лет с 16, наверное.
Респондент 2. Русский, последовательно. Продолжаю осваивать, начала изучение английского в 5 лет.

Респондент 3. Последовательно; русский, а потом английский (с начальной школы). Начала учить англ. в начальной школе, достигла C1 в ~10-11 классе.
Респондент 4. Первый язык – русский. Начал учить английский в шесть лет. Осваиваю до сих пор.
Респондент 5. Начала говорить на русском, английский начала изучать в школе в 14 лет.
Респондент 6. Начал говорить только на русском. Английским овладел после русского. Сложно сказать, потому что я до сих пор его осваиваю. Но в возрасте 16–17 лет я уже мог общаться на английском и работал с иностранцами на международных мероприятиях.
Респондент 7. Sequential bilingualism. В 7 лет – английский.
Респондент 8. Русский, последовательно. В 6 лет второй язык.
Респондент 9. Russian since birth. I started learning English at 8.
Респондент 10. Родной – русский. Последовательно. Начала изучать в школе с 5-го класса (12 лет), но почувствовала свободное пользование английским языком (второй язык) только после окончания вузовской программы обучения на отделении иностранной филологии.
Респондент 11. Начала говорить на русском языке, английский язык начала изучать как иностранный язык с детского сада. Чувствовать себя комфортно, общаясь на иностранном языке, я стала только в старшей школе (9–10 классы).
Респондент 12. Последовательно. 17 лет.
Респондент 13. Начала говорить на русском (родной язык). Овладевала обоими языками последовательно. Английский начала осваивать с детского сада (точный возраст не помню). Говорить об освоении, думаю, можно с класса 7-го средней школы – время, когда я начала подходить к изучению языка осознанно.

Ответы на вопрос 3 американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Последовательно. Полноценно овладел английский в 34 года в языковой среде.
Респондент 2. My first language was Russian. I acquired English at the age of 11.
Респондент 3. Russian first. English when I was 10 years old.
Респондент 4. Последовательно. Первый язык – русский. По-английски стала говорить в 18 лет, но реальная языковая практика началась в языковой среде в 35 лет.
Респондент 5. Изначально говорила на русском, начала говорить на английском в 8 лет.
Респондент 6. На русском, в 5 начала говорить на английском.
Респондент 7. Русский мой первый язык. В 16 лет я выучила английский язык.
Респондент 8. Одновременно русский и английский.
Респондент 9. Начала говорить на русском языке. С шести лет изучала английский язык.

Респондент 10. Simultaneous bilingualism. With my mom I spoke Russian. With my dad I spoke English.
Респондент 11. Russian, sequentially, I started speaking English in an English-speaking environment when I was 13, I spoke English a little when I was in Russia.
Респондент 12. English and Russian simultaneously.
Респондент 13. Simultaneous bilingualism for Russian and English.

Вопрос 4. Посещали ли Вы дополнительные языковые занятия для того, чтобы сохранить и улучшить один из языков, которым Вы сейчас владеете, а также пополнить знания об истории и культуре этого языка? Если да, то на каком языке(ах)?

Ответы на вопрос 4 российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Да.
Респондент 2. Да, на английском.
Респондент 3. На английском (в старших классах).
Респондент 4. Посещал дополнительные занятия по английскому и французскому.
Респондент 5. Да, посещала курсы английского языка.
Респондент 6. Да, на английском языке.
Респондент 7. С 6 класса ходила в английский лицей.
Респондент 8. Да, английский.
Респондент 9. Regularly for English.
Респондент 10. Занятия не посещала.
Респондент 11. Да, обучаясь в школе, я занималась с репетитором, однако, в тот момент в образовательной среде, к сожалению, не уделялось должного внимания обучению истории, культуре изучаемого языка. Поэтому эти знания приобрела, только обучаясь на бакалавриате.
Респондент 12. Факультет английской филологии.
Респондент 13. Да, посещала занятия на английском языке.

Ответы на вопрос 4 американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Да.
Респондент 2. I took ESL classes at school when I first immigrated to the US (the first year).
Респондент 3. No.
Респондент 4. Да, посещала курсы английского разного уровня.
Респондент 5. Посещала русскую церковную школу.
Респондент 6. Занималась русским языком с репетитором.
Респондент 7. Да.
Респондент 8. Да. Ходила в русскую школу по субботам.
Респондент 9. Изучала английский язык в школе и в институте.
Респондент 10. Russian with a tutor.
Респондент 11. English, before moving to the US and ESL class in the US for about a year.
Респондент 12. Russian tutor.

Респондент 13. Yes, I attended the русская гимназия on Saturdays on Geary Street, San Francisco from elementary school to junior year of high school.

Вопрос 5. На каком языке преимущественно говорили Вы в семье, живя с родителями, и теперь в взрослом возрасте? Имеете ли Вы языковые предпочтения в общении с различными членами Вашей семьи?

Ответы на вопрос 5 российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Только на русском говорила и говорю. На украинском говорила бабушка, поэтому я его понимаю, но сама не говорю**.**
Респондент 2. Русский.
Респондент 3. Только на русском.
Респондент 4. Со всеми членами семьи разговариваем на русском.
Респондент 5. На русском.
Респондент 6. В моей семье только я знаю английский язык, поэтому исключительно на русском.
Респондент 7. В семье только на русском. Живя в Корее, говорю на английском и корейском.
Респондент 8. Русский.
Респондент 9. Russian.
Респондент 10. На русском.
Респондент 11. Говорим только на русском языке.
Респондент 12. На русском.
Респондент 13. На русском. Члены моей семьи не знают английского.

Ответы на вопрос 5 американских читателей-билингвов:
Респондент 1. На русском языке.
Респондент 2. Growing up we strived to maintain Russian in the household due to my youngest sister learning Russian while we lived in a predominantly English-speaking environment.
Респондент 3. Growing up we had a mostly Russian speaking household; now I live in a predominantly English-speaking household with my English-speaking monolingual husband.
Респондент 4. Предпочитаю общаться в семье по-русски, но эпизодически по необходимости переключаюсь на английский.
Респондент 5. В семье мы все говорим на русском.
Респондент 6. На русском.
Респондент 7. С мужем и с детьми говорю на английском, с мамой и сестрой говорю на русском.
Респондент 8. По-русски с мамой и по-английски говорили с папой.
Респондент 9. С родителями и детьми говорю только на русском, с мужем - по-английски.
Респондент 10. Both languages are used in the family: Russian with my wife, English with my dad and younger brother.
Респондент 11. Russian.
Респондент 12. Identical, English with dad, Russian with mom.

Респондент 13. My parents divorced, so I spoke and still speak English with my American mom and then I have spoken and still speak Russian with my Russian dad. I speak Russian with my Russian family and relatives and friends (that mostly speak just Russian, residing in Moscow).

Вопрос 6. Менялся ли Ваш доминирующий язык когда-нибудь в течение жизни? Если да, то как Вы это заметили?

Ответы на вопрос 6 российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Тоже непонятно, что имеется в виду под изменениями... С получением образования, работой по профессии, написанием научных работ, конечно, язык менялся в сторону приобретения специальной лексики и стиля в целом. После проживания в иной языковой среде была интерференция в родной язык.
Респондент 2. Нет.
Респондент 3. Нет.
Респондент 4. Когда много занимался английским и французским, русский начинал проседать и появлялась интерференция.
Респондент 5. Нет, не менялся.
Респондент 6. Не менялся.
Респондент 7. Доминирующий всегда был русский.
Респондент 8. –
Респондент 9. Not sure.
Респондент 10. Переход перешел в области аудирования, а не говорения. При нахождении в США на стажировке чувствовалась усталость от английского до физической потребности поговорить на русском с коллегами, что мы с удовольствием и делали. Субординатизм сохранялся. Доминирование языка – первого или второго – в моем случае обусловлено не внешними обстоятельствами кратковременного пребывания в иноязычной среде (не более полутора месяцев), а волевой установкой на необходимость переключения и моделирования ситуации погружения в иноязычную речь, продиктованной профессиональными потребностями и необходимостью совершенствовать язык (амбициозно сказано, скорее, поддерживать на определенном уровне).
Респондент 11. Если под “доминирующим языком” мы понимаем язык, используемый в той или иной ситуации общения, то менялся, поскольку преимущественно “языком образования” для меня со времени обучения в университете стал английский язык.
Респондент 12. Да, с начала научной работы в аспирантуре.
Респондент 13. Не сказала бы, что английский был когда-либо доминирующим, но в жизни точно был период, когда его присутствие ощущалось особенно зримо. В период подготовки к олимпиаде по английскому языку (7–11 класс) старалась максимально окружать себя этим языком: разговаривала с собой на английском, потребляла контент на нем и т.д. Но, думаю, что доминирующим всё же русский).

Ответы на вопрос 6 американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Нет, не менялся.
Респондент 2. My dominant language switched when I was a teenager living in America. I noticed when me and my sister (who also immigrated at a similar age) found ourselves often conversing in English instead of Russian.
Респондент 3. Yes. Around 14 I noticed I prefer to write in my journal in English.
Респондент 4. Доминирующий русский. Но ощущаю в нем много американизмов.
Респондент 5. Мне кажется, что русский всегда был мой доминирующий язык, но в школьные годы приходилось много общаться, читать и писать на английском, и, возможно, английский стал доминировать.
Респондент 6. Нет.
Респондент 7. В 1996 году английский стал доминирующим в семье.
Респондент 8. По-английски больше стала говорить, когда младший брат стал больше говорить на этом языке дома.
Респондент 9. Нет, не менялся.
Респондент 10. While living in California (the first 16 years of my life) English was my dominant language, after living in Russia for 15 years Russian became my dominant language.
Респондент 11. I think English became dominant in High School and remained such. I noticed it was easier to find words I needed to express myself in English than in Russian oftentimes.
Респондент 12. No.
Респондент 13. Yes, if and when I am around many Russian speakers (mostly happened when I would go to Russia for an entire month during the summers growing up), I would start to think in Russian. I would even start confusing English a little by the end of my trip! Other than that, it has mostly been English because it is the predominant language all around me.

Вопрос 7. Владеть вторым языком – значит иметь вторую языковую личность и вторую картину мира. Чувствуете ли Вы принадлежность к двум культурам, что Вы существуете одновременно в двух совершенно разных мирах?

Ответы на вопрос 7 российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Не совсем, потому что второй язык - не повседневный, не бытовой, а лишь рабочий.
Респондент 2. Нет.
Респондент 3. Я не совсем с этим согласна. Мне кажется, развитие второй языковой личности все же больше зависит от существования в иноязычной культуре, нежели чем просто от владения иностранным языком. Безусловно, благодаря знанию английского, я приобрела за эти годы очень много опыта, в первую очередь косвенно, что в значительной степени повлияло на формирование моей личности, моих взглядов, убеждений, мировоззрения. Однако я бы сказала, что этот опыт, скорее, международный, так как мое

информационное поле охватывает представителей десятков различных народов и культур. Так как я сама никогда полноценно не жила в другой, не русской, культуре, вне российского контекста, то и второй языковой личности у меня нет.
Респондент 4. На данном этапе своей жизни чувствую принадлежность к множеству культур. Какие-то впитались вместе с языком, а какие-то изучал самостоятельно, и теперь они неотъемлемая часть моего «Я».
Респондент 5. Когда нахожусь в среде второго языка и много говорю на нем, да.
Респондент 6. Иногда да.
Респондент 7. Принадлежность к двум культурам **–** нет, но ощущение раздвоения личности **–** да.
Респондент 8. Нет.
Респондент 9. Yes**.**
Респондент 10. Нет, я не чувствую. Я носитель знаний о другой культуре, но не носитель этой культуры. Она мне чужда.
Респондент 11. Признаться честно, я не задумывалась над этим вопросом. К тому же сразу всплывает вопрос: “Who owns English?”, иными словами, к какой лингвокультуре можно вообще себя относить?
Респондент 12. Нет.
Респондент 13. На данный момент – не сказала бы, поскольку время, посвящаемое изучению английского, в моей жизни снизилось. В прошлом тоже такого ощущения не было, думаю, я воспринимала культуру англоговорящих стран отдельно от культуры своей страны. Были периоды «романтизации» чужой культуры: искусственно перенимала на себя некоторые ценности, присущей второй картине мира. Сейчас разница во многих аспектах очевидна, и я скорее стараюсь идентифицировать себя как носитель картины мира русского языка. Но, честно признаться, мне сложно ответить на этот вопрос.

Ответы на вопрос 7 американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Да, чувствую, особенно после многих лет жизни за рубежом.
Респондент 2. I do feel like I am well integrated with both cultures.
Респондент 3. Yes, very much so.
Респондент 4. Да, конечно. Я ощущаю, что я нахожусь в двух культурах.
Респондент 5. Да, иногда чувствую, что одновременно существую в двух разных мирах, но русская культура мне всегда была ближе.
Респондент 6. Чувствую принадлежность к двум культурам.
Респондент 7. Я всегда себя ощущаю русской, но я также и гражданка Америки с русскими корнями, русская американка.
Респондент 8. Да.
Респондент 9. Да, конечно, но русская культура мне ближе и понятнее.
Респондент 10. Yes.
Респондент 11. Yes.
Респондент 12. More or less.

Респондент 13. YES! OMG, I feel so seen by this question! And so validated. Totally – my Russian side is more lyrical, poetic, when I can express myself in this way. More fairy-like, magical almost. This half of me also really feels hardship and pain and this deep Russian sorrow (тоска). There is something that connects all of us Russians, with our long history. My American side allows me to be more carefree, light, open minded. But also not really attached to anything. Nothing rooting me particularly (contrasting with the Russian side).

Вопрос 8. Появляется ли у Вас чувство гибридности или пограничности, когда Вы себя чувствуйте между двумя культурами? Если да, как часто и в каких моментах или ситуациях Вы так чувствуете?

Ответы на вопрос 8 российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Нет.
Респондент 2. Нет.
Респондент 3. Я не чувствую, что нахожусь между какими-либо двумя конкретными культурами, так как у меня нет опыта проживания/существования вне русской. Однако я думаю, что мой менталитет не на 100% русский (что, мне кажется, характерно для многих людей, владеющих какими-либо иностранными языками на высоком уровне и/или живущих всю/большую часть своей жизни в мегаполисе). Я активно интересуюсь историей, традициями и современными реалиями разных стран и народов, поэтому, думаю, мне зачастую бывает легко (или легче) посмотреть на ту или иную ситуацию с позиции человека с отличающимся менталитетом (или же объяснить то или иное поведение).
Респондент 4. Появляется редко. В основном, когда оказываюсь за границей и начинаю активно общаться с кем-нибудь на втором языке.
Респондент 5. Нет, такого не было.
Респондент 6. Обычно такое чувство возникает, когда долго работаешь на английском языке или смотришь что-то в свободное время. Начинает казаться, что чужой язык и чужой образ мышления более привлекательный.
Респондент 7. Нет.
Респондент 8. Нет.
Респондент 9. Yes. Hard to put it into words. Politeness is one thing, nonverbally - elevators and the way Russians stand there is driving me insane.
Респондент 10. Не появляется.
Респондент 11. Ощущаю себя носителем русской культуры, поэтому не думаю, что мне свойственно чувство гибридности.
Респондент 12. Нет.
Респондент 13. Не припомню.

Ответы на вопрос 8 американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Да, особенно когда приезжаю к родственникам в Россию.
Респондент 2. Yes, at times I feel like I am on the periphery of either linguaculture and don't quite fit into either, but it is more cultural than linguistic.
Респондент 3. Very much so. When I speak English I can pass for a native English speaker, however I feel some sense of fallacy, like I am not being 100%

sincere; when I speak Russian I also can pass for a monolingual Russian speaker, however I begin to subconsciously worry about whether I come off as stupid and/or strange. I can express myself fully with other bilingual Russian/English speakers.
Респондент 4. Однозначно, ощущаю это постоянно. После длительного пребывания в иной культуре я заметила, что я плохо понимаю шутки моих старых друзей, а они не понимают меня так, как раньше.
Респондент 5. Да, бывает чувство гибридности, особенно когда общаюсь с другими русскоговорящими людьми в Америке.
Респондент 6. Да, появляется.
Респондент 7. Да. Я отстаиваю Россию и ее культуру, но я также горжусь быть американкой, потому что мои дети – американцы.
Респондент 8. Да. Часто с юмором и в социальных ситуациях.
Респондент 9. Да. В основном, когда приходится объяснять иностранцам о России, понимаю, что они видят совершенно по-другому в силу своей культуры и ценностей.
Респондент 10. Sometimes with other Russian Americans.
Респондент 11. Yes, when there are differences between cultural values and attitudes.
Респондент 12. Not really.
Респондент 13. Yes. When I try to express all of myself in Russian lately it has been hard because I am speaking it less and less. It is hard for me to grasp and allow this to happen because it is painful for me! I don't want to let my ancestors down with whom I feel very close and connected. So, when I don't express myself in the way I maybe once did, or the way my native dad speaks, then I feel limited. However, when I can't find the correct words to describe in English, I fall back onto Russian and try to explain that word in English… I say the word in Russian, and it doesn't matter that others don't understand Russian! In this sense, it is a piece of my pride, of my identity that I cherish and so any opportunity to express that I enjoy. I feel unique (contrasting to above response).

Перцепция американских читателей-монолингвов, проживающих в США и говорящих только на английском языке:

Часть 1. Ознакомление

Вопрос 1. First, please briefly tell us about yourself. For example: Your gender, education, profession.

Респондент 1. Gender: Female; Education: Master's in English (poetry concentration); Profession: Editor.
Респондент 2. Male, PhD in 2014 from UCLA in mathematics, professor of computer science.
Респондент 3. Male, college graduate - business administration, real estate.
Респондент 4. 43yr old female, BA liberal arts, MS biology, MA Education, high school social studies teacher.

Респондент 5. Male, college graduate, project management professional, great cook. **Респондент 6.** Male, BFA in graphic design, product designer (UX + visual for tech, primarily startups). **Респондент 7.** Chinese/White American born woman, 51, B.A. History, part time Special Ed Compliance worker. **Респондент 8.** I am a female with a master's degree in systems engineering. I wrote software until I retired; now I enjoy quilting. **Респондент 9.** Male, PhD in biomedical engineering, Data Science manager.
Вопрос 2. How familiar are you with the Russian culture? Please name some aspects of Russian culture that are best known to you.
Респондент 1. Quite familiar! My ancestry is Russian on my mother's side and I was a ballet dancer as a child: most of my ballet teachers were Russian. **Респондент 2.** I am familiar with Russian culture through my wife who was born in Russia and lived there through her early childhood and who maintains a very strong connection with Russian culture. I have been to Russia many times, we celebrate Russian holidays, I love Russian cuisine, I have read works by Russian authors, and watched Russian movies. I have ridden the trans-Siberian railroad from Vladivostok to Irkutsk. I have been to Moscow and Saint Petersburg numerous times. I would say I am extremely familiar with Russian culture for someone who does not speak the language, has never lived there, and who was exposed to the culture for the first time in their 20s. **Респондент 3.** Not very familiar. Sometimes I recognize Russian architecture such as the church onion domes. **Респондент 4.** I lived in Moscow (don't know Russian, only some basic words and phrases) for 18mo (taught English there), and I am an American Orthodox Christian (attend a Russian Orthodox parish in SF). I have read Eugene Onegin, several Tolstoy and Dostoevsky novels. I am familiar with Baba Yaga (house w/chicken feet lady), and I know of Ruslan and Lyudmilla (Pushkin). **Респондент 5.** I don't know very much. **Респондент 6.** I'm a fan of Russian literature (Nabokov, Tolstoy, Dostoevsky, etc) lucky enough to have made some good Russian friends in America. **Респондент 7.** Member of the Russian Orthodox Church (outside Russia); I've read several books on Russian culture, and have had plenty of exposure to Russian food. **Респондент 8.** Not familiar. Pictures of St. Petersburg; vague references to Cossacks. **Респондент 9.** I have a good friend who is Russian. Through her I have learned about the celebration on May 9th, traditional foods, some family customs, and some wedding traditions.
Вопрос 3. In your opinion, what are the most important contributions of Russian heritage to world culture?
Респондент 1. Literature, fine arts, classical music and dance.

Респондент 2. In no particular order (and I'm probably forgetting many important ones…):
1) food – caviar sandwiches, kvas, olivye salad, beef Stroganoff, blini, pelmeni (to name a few).
2) the arts – art, literature, music, ballet.
3) sport – figure skating (in particular, recently the Russian women skaters have transformed the sport), chess (in particular, in the 20th century, the Soviet chess school elevated the game).
4) religion – Russian orthodox Christianity is a major world religion.
Респондент 3. War and Peace and other masterpieces of Russian literature.
Респондент 4. Tolstoy & Dostoevsky's literature, Tchaikovsky & Rachmaninov's music, and ballet.
Респондент 5. Honestly, I'm not sure. Literature, I guess.
Респондент 6. A society that has prioritized and enabled deep learning and mastery in both arts (writing, dance, etc) and academic (engineering, math, etc) fields.
Респондент 7. The spreading of Orthodox Christianity.
Респондент 8. Russian philosophy.
Респондент 9. Some important Russian contributions to world culture include literary works, classical music, dance, ballet, art, architecture, political influence, and Tetris.

Вопрос 4. Growing up, did you encounter any Russian culture and / or language? If yes, please provide some examples.

Респондент 1. Growing up in NYC I had a lot of exposure to Russian culture and language. Most importantly, I learned they put sour cream on everything. I also spent an entire school year reading Russian literature when I was homeschooled in middle school.
Респондент 2. My connection to Russian culture was very limited growing up. Some of my ancestors came from Russia to America in the 1800s so I was exposed to a few remnants of Jewish-Russian culture from this period. Mostly this included recipes, and a few family stories.
Респондент 3. No, not really.
Респондент 4. Growing up I encountered Baba Yaga in a book of world fairy tales, Tchaikovsky through the Nutcracker, and Tolstoy's War and Peace.
Респондент 5. Dostoevsky reading assignments and acting out a play after reading the book.
Респондент 6. Born in 1980 the last stages of the cold war and how my parents perceived it through their lives were palpable, old enough to remember the fall of the Berlin war and the transition from the USSR to Russia. Began encountering Russian literature in High School, first exposure that wasn't filtered through news / world events / Hollywood.
Респондент 7. Yes, through church. Hearing people converse in Russian, eating borscht.
Респондент 8. No.

Респондент 9. I attended the Nutcracker ballet for many years around Christmas. Most examples of Russian language that I encountered were in US movies from a US perspective. We had some art by a Russian painter hanging in our home.

Вопрос 5. What is your overall impression of Russian language and culture (linguaculture)?

Респондент 1. That it's a complex and nuanced language.
Респондент 2. I like Russian culture very much. I do not speak the language.
Респондент 3. There are "backwards" letters like the letters R, N.
Респондент 4. The language is complicated (so many verb tenses and differences based on gender and number), and has unique richnesses to it, as does any language, and that the heritage culture has beautiful traditions as do many other cultural heritages.
Респондент 5. There are very smart philosophical readings. Though I don't read often.
Респондент 6. The value of storytelling is evident in both writing and in knowing some actual Russians. Fatalism and irony are shared qualities with New Englanders.
Респондент 7. Beautiful, complex, single minded.
Респондент 8. Vague.
Респондент 9. I have found Russian language and culture very interesting, and I see its influences in a lot of art, culture, and philosophy worldwide.

Часть 2. Читательская перцепция творчества Николая Котара (художественные книги-фэнтези и переводы русских сказок)

Вопрос 1.
В книгах Николая Котара можно встретить множество примеров мифопоэтической трансформации, относящихся к русской лингвокультуре. Пожалуйста, посмотрите на следующие мифопоэтические трансформации. Какова Ваша перцепция этих примеров текста?

I. Антропонимы (имена собственные)
Возникают ли у Вас какие-либо особые ассоциации при чтении следующих антропонимов в зависимости от контекста?

Otar Gleb

- "The potter beamed at the newcomer. 'Otar Gleb! We only needed you to make this evening perfect. Come, come!' The newcomer was a young priest whom Voran didn't know. He was dressed in a linen cassock with no adornment other than a red embroidered belt" (Kotar, 2017b: 42).
- "Otar Gleb smiled, and it was like a sunrise after a dark winter night. <…> Otar Gleb had his own kind of beauty" (Kotar, 2017b: 38).
- "Otar Gleb smiled with genuine pleasure" (Kotar, 2017b: 40).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. У меня нет никаких ассоциаций с выделенным именем.

Респондент 2. Возникает диссонанс от того, что выражения, относящиеся к российской культуре/реалиям, воспроизведены на английском языке. Я ассоциирую их с иностранными фильмами, в которых собраны стереотипные представления о России.
Респондент 3. Отар Глеб звучит как отец Глеб (обращение к священнику).
Респондент 4. Имя Отар у меня ассоциируется с Отаром Иоселиани. Ну или с отарой овец.
Респондент 5. Отар Глеб. Что-то грузинское и древнерусское одновременно. Мцыри, у которого все хорошо закончилось.
Респондент 6. Ассоциация со временами татаро-монгольского ига, с именами из того периода.
Респондент 7. Ощущение смешения имён (Отар – тюркское имя, Глеб – древнерусское имя).
Респондент 8. Нет ассоциаций.
Респондент 9. Gleb is a Russian anthroponym.
Респондент 10. У меня не возникает. Возможно, микроконтекст мал. Voran можно соотнести с русским ворон, а Gleb – с русским именем. Отар – с именем журналиста (грузинского происхождения) из телешоу «Акулы пера», активного в 90-е годы.
Респондент 11. Возможно, отсылка к русским князьям.
Респондент 12. Не возникает ассоциаций.
Респондент 13. Слово “otar” созвучно со словом «царь» в русском языке. Имя Глеб вызывает ассоциации с князем Глебом, чему способствуют слова “priest”, “linen cassock”, “his own kind of beauty” (probably, ethereal beauty), “smile with genuine pleasure” окрашенные церковным колоритом (как известно, князь Глеб был страстотерпцем. Сравнение “like a sunrise after a dark winter night” тоже вызывает соответствующие ассоциации, связанные с духовным подвигом князя Глеба).

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Глеб – характерное русское имя. Имя Отар вызывает ассоциацию с титулом.
Респондент 2. Otar is associated with sheep or shepherds and Gleb is associated with bread. Overall, a very warm feeling name as someone who is kind, fatherly, giving, bringing peace. A father figure of a sort.
Респондент 3. “Otar”– reminds me of “Otrok”, however it is different enough to not be overly literal to the Russian speaker. I appreciate fantasy names that aren’t directly pulled from one language or another.
Респондент 4. Со Святыми Борисом и Глебом.
Респондент 5. Otar Gleb seems to be a kind and bright person. Gleb is an old Slavic name. Otar reminds me of Kotar.
Респондент 6. Отрок.
Респондент 7. Отар – это кавказское имя, а Глеб – это русское этническое имя. Красный, расшитый бисером пояс – это пример русского костюма. Отар не может улыбаться настоящей русской улыбкой, потому что русские люди мало улыбчивы.

Респондент 8. Борис и Глеб.
Респондент 9. I feel like there's a notion towards Saint Gleb, a prominent Russian Saint, who was an innocent youth murdered by his brother.
Респондент 10. No associations.
Респондент 11. Gleb is an old-fashioned Russian name; Otar doesn't elicit any associations for me.
Респондент 12. The saints Boris and Gleb.
Респондент 13. Yes, a monk in the forest. Strict routine and discipline in the monastic life. Red bells symbolize that they are monks and don't marry… "dark winter night" is this solemn hardship - Russian association… But then, "own kind of beauty, and genuine pleasure" also come from this juxtaposition.
Modest, very frugal, bare minimum living conditions. But doing this maybe on purpose? For monasticism.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. It just reads as some sounds, not really a name.
Респондент 2. I imagine Otar Gleb as a prominent person from a foreign culture.
Респондент 3. Has the same last three letters as the name Caleb.
Респондент 4. Saints Boris and Gleb and wondering if Otar is Cossack or Georgian.
Респондент 5. Nothing comes to mind at all but it's a fun sounding name.
Респондент 6. "Sunrise after a dark winter" suggests to me a young man who may have been isolated or introverted and is experiencing the warmth of friendship / acceptance.
Респондент 7. Otars must be kind and happy people.
Респондент 8. No impressions or associations.
Респондент 9. "Otar Gleb" doesn't bring up any particular associations or context, beyond sounding unfamiliar and unusual.

Dar Antomír

- "Dar Antomír sat in a simple throne of white marble under the fresco of the aspen sapling" (Kotar, 2017b: 102).
- "Then it hit Antomír. His father was gone, unreachable, in some other place. Antomír was no longer the Dar-in-waiting. He was now the Dar-in-exile" (Kotar, 2018: 171).
- "Antomír, Dar of Vasyllia, or whoever you are. You must be mad. But you are brave. I have never seen such bravery. I honor it" (Kotar, 2018: 258).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. К сожалению, тоже незнакомы ни имя, ни его элементы.
Респондент 2. То же, что и в первом примере.
Респондент 3. Dar – царь Антомир. Dar-in-waiting – наследник трона.
Респондент 4. Слово "Дар" в первую очередь ассоциируется с романом Набокова. Потом уже идут более сказочные ассоциации.
Респондент 5. Некий царь Антомир, недавно вступивший на престол. Румынский или восточнославянский.
Респондент 6. Ассоциация с чем-то старославянским или древнерусским.

Респондент 7. –
Респондент 8. Нет ассоциаций.
Респондент 9. Vasylia is Russian.
Респондент 10. Читаются русский корень *мир* и греческий *базил* – правитель, царь; дар – зд. Правитель. Dar-in-waiting – дословн**о:** правитель в ожидании своей очереди. Lady-in-waiting – фрейлина. Сращение ан**гл.** формы и контекст значения.
Респондент 11. Вторая цитата ассоциируется с "приписыванием". имен/п**розвищ** богатырям/царям (тот же Иван Грозный).
Респондент 12. Боромир.
Респондент 13. Единственно возникшие ассоциации: Dar – похоже на русское слово «дар» >> идея отдачи чего-либо, щедрости + simple throne – идея того, что сам Dar Antomír не нуждался во многом. В слове Antomír есть слово «мир» – ассоциации с миром в значении «спокойствие, отсутствие вражды, войны» + слова о смелости составляют образ положительного персонажа. Первая ассоциация со словом Василий — Василий Великий. Хотя из контекста очевидно, что под этим словом подразумевается земля.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Дар ассоциируется со словами *Царь* и *дар*. Ассоциация с положительным героем, например, Царь, одаривающий своих подданных.
Респондент 2. Dar implies a royal title, like a ruler or a czar. Antomir seems like it contains the word peace but 'anto' may imply the opposite of peace, though his traits are largely hidden given the examples.
Респондент 3. I like that he was able to select not an overly stereotypical Slavic name (Antomir) but give it a Slavic flavor through the spelling of the i in mír.
Респондент 4. Царствующий правитель. Имя Антомир у меня ассоциируется с Антонием Сурожским.
Респондент 5. Dar – дар, gift. Mir – мир, world or peace. "Anto" could maybe be "against"?
Респондент 6. Молодец.
Респондент 7. Дар Антомир – это звучит как подарок против мира. Дар от Василия звучит как храбрый. Дар Ожидающий звучит как Дар-сын, ждущий своего отца. Дар Отверженный – потерянный сын.
Респондент 8. Дар как дар, и анатомир как будто антимир.
Респондент 9. Dar sounds like "gift" in Russian, and the name Antomir gives the association with "antimony".
Респондент 10. No associations.
Респондент 11. Dar is associated with Gift. Antomir sounds like the Russian word for Peace (and World). Anto may sound like Anti, but I wouldn't go as far as saying that conclusively. I would keep that as an initial conjecture.
Респондент 12. -
Респондент 13. Yes, he is of high blood — he is sitting under a fresco and white marble! Maybe an aristocrat? But his family is in trouble. He maybe is younger, and now is the "head" of the family.

Some one of his help, прислуга может быть, is saying affirmations and trying to animate and cheer him up and encourage him by saying he is brave.
Перцепция американских читателей-монолингвов: **Респондент 1.** It sounds Middle Eastern. **Респондент 2.** I imagine Dar Antomir as the protagonist in a coming-of-age adventure story. **Респондент 3.** Looks like Dan. **Респондент 4.** Sounds like it comes from the Caucasus region, or associated with Tatars. **Респондент 5.** It sounds like Dar denotes a certain class or path for a person I guess. **Респондент 6.** A young man grappling with grief/confusion that he can't fully acknowledge due to newly shouldered responsibility. **Респондент 7.** No associations. **Респондент 8.** Dar is a title that is inherited. **Респондент 9.** “Dar” is apparently a title, possibly religious or political. It seems Germanic, like Das Boot. It seems like a serious or noble name.
Voran • “My name is Vohin Voran, son of Otchigen” (Kotar, 2018: 261). • “You are Voran the Warrior! <…> ‘I am Voran the Healer’ <...>” (Kotar, 2023: 96). • “This flask contains Living Water. An inexhaustible source. But it will only remain as long as the Healer heals” (Kotar, 2017a: 84). • “You do think much of yourself, don’t you, Raven Son?” <...> “Tarin shook his head, apparently genuinely disappointed in Voran” (Kotar, 2017b: 262).
Перцепция российских читателей-билингвов: **Респондент 1.** Только “живая вода” знакома, концепт понятен, есть в памяти сказки, где она фигурировала. **Респондент 2.** То же, что и в первом примере. **Респондент 3.** Voran – ворон. Living Water – живая вода из русских сказок. **Респондент 4**. Здесь никаких ассоциаций не возникает. **Респондент 5.** Некий Ворон, мудрец или чародей. **Респондент 6.** Возникает ассоциация с вараном (то есть животным). **Респондент 7.** Vohin Voran (Воин Воран) – ассоциация с темным рыцарем. **Респондент 8.** Нет ассоциаций. **Респондент 9.** Voran doesn’t look Russian to me. **Респондент 10.** Воевода – воинский чин, глава войска, Базилия воспринимается как страна, владение Базилевса. **Респондент 11.** Нет ассоциаций. **Респондент 12.** Не возникает ассоциаций. **Респондент 13.** Особых ассоциаций с русскими сказками не возникло. На чувственном уровне почему-то возникла неприятная ассоциация при прочтении этого имени.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Vohin ассоциируется со словом *воин*. Ворон – имя, совпадающее с названием птицы, часто присутствующей в русских сказках.
Респондент 2. I have a feeling of strength and breadth when I hear this name, and the second 'A' draws it away from the raven or voron. I have positive associations with this name. Overall associations with a raven = voron, but also a powerful, warrior-like figure.
Респондент 3. There's the obvious «ворон» association, but it's been softened with the spelling of "vorAn" so as not to feel cringey to Russian speakers. The slight other association I'm getting is "Vor" which I am guessing is not intentional.
Респондент 4. Воран ассоциируется с гордой, мудрой птицей. Это имя может носить человек мудрый, имеющий власть и силу.
Респондент 5. Voran sounds similar to ворон, raven.
Респондент 6. Птица ворон.
Респондент 7. Воран абсолютно означает Ворон.
Респондент 8. Вор, но это не с контекстом.
Респондент 9. Voran sounds like "voron" – the raven in Russian.
Респондент 10. No associations.
Респондент 11. Voran is associated with raven: wisdom, darkness, maybe even death. Sometimes those are associated with ravens and crows.
Респондент 12. –
Респондент 13. Voran is displaying too much self-confidence or pride? So that's why someone is disappointed in him? That's frowned upon in Russian literature. Meek and selflessness is honorable.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. It sounds vaguely Balkan.
Респондент 2. I think of a member of a high class of society - maybe like an elf in LOTR.
Респондент 3. No associations.
Респондент 4. Tatar.
Респондент 5. No.
Респондент 6. A young man, daring but defiant, without much life experience, is not yet open to listening to the elder's advice.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. None.
Респондент 9. It makes me think of the word vortex, also it seems sophisticated.

Ghan Magai

- "Ghan speak now, yes?" said the Ghan. "My name—Magai. Ghan Magai. You, I know" (Kotar, 2017b: 267).
- "The Dar must recognize the lordship of the Ghan <...> An additional tribute of timber, furs, gold, and wine will be levied every few months" (Kotar, 2017b: 184).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Здесь, наверное, отсылка к хану, Золотой орде, дани? Ассоциация: захватчики, несправедливый “налог”, желание сопротивляться.
Респондент 2. Ассоциируется со статьей из Википедии.
Респондент 3. Ghan Magai – хан Мамай.
Респондент 4. На ум сразу приходит хан Мамай.
Респондент 5. Ордынский хан Магай.
Респондент 6. Возникает ассоциация с арабским миром.
Респондент 7. Ассоциация с монгольским игом, Чингисханом.
Респондент 8. –
Респондент 9. Feels Mongolian.
Респондент 10. Ghan Magai ассоциируется с ханом Мамаем, монголо-татарским игом. Степь – место кочевников.
Респондент 11. Возможно, для героев важно отождествление себя с титулом.
Респондент 12. С романом Набокова “Дар”, написанным под псевдонимом Сирин.
Респондент 13. Ghan – хан. Magai – Мамай. Ассоциация с периодом монгольской зависимости на Руси – времени, когда значительная часть власти была в руках чужеземцев.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Ghan Magai – напоминает известного из истории хана Мамая.
Респондент 2. Ghan is a title and clearly alludes to the Khans of the Mongol empire. Magai is also very Mongolian sounding and carries a feeling of strength, danger and alien threat.
Респондент 3. The Golden Horde and Khans. I’m curious if English speakers get the same association.
Респондент 4. Татарский Мамай.
Респондент 5. Ghan Magai seems like he is some kind of foreign leader/magician. The word “ghan” reminds me of хан, and “magai” reminds me of магия.
Респондент 6. Хан татарский.
Респондент 7. *Хан магай* означает иди и смоги. Принеси дань Хану.
Респондент 8. Хан Мамай.
Респондент 9. Yes! To Khan Mamai, the Golden Horde ruler and military leader. He ruled the Golden Horde and led a campaign against Russia. He was defeated in the Battle of Kulikovo in 1380 by Dmitry Donskoy.
Респондент 10. Ghan sounds a bit like Khan.
Респондент 11. Magician.
Респондент 12. Mongolian Huns.
Респондент 13. Yes, maybe Tatar Mongols? Because the крестьяне that were under татаро-монголов власть, им пришлось платить дань монголам.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. I think of Mongolian names (such as Khan) when I read this one.
Респондент 2. I think of Genghis Khan.

Респондент 3. Genghis Khan, magic.
Респондент 4. Tatar.
Респондент 5. Sounds like a royal name or a wise person somehow.
Респондент 6. Tribal or otherwise isolated individual encountering a more modern society.
Респондент 7. From the description, he must be powerful.
Респондент 8. Khan (as in Kublai Khan); and the Magi (the three wise men in the nativity story). These were not really based on the context, just on the spelling or sound.
Респондент 9. The name seems east Asian or southeast Asian. I wonder whether the character is depicted as mystical or exotic.

Blind Bayan the Bard

- "Every Dar has had his own chosen bard. The last, and most brilliant of all, was blind Bayan, who outlived two Dars" (Kotar, 2017b: 339).
- "Bayan commanded respect <...> 'I was visited by a song this morning' <...> Bayan sang a prophecy" (Kotar, 2017b: 341).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Смутные ассоциации "баян-баюн" с рассказчиком, бардом, исполнителем.
Респондент 2. Ассоциируется с фольклором.
Респондент 3. Инструмент баян.
Респондент 4. Баян – довольно говорящее имя для барда. В сочетании с blind и bard получается красивая аллитерация.
Респондент 5. Боян, сказитель, гусляр.
Респондент 6. Ассоциация с периодом Руси и с баяном как музыкальным инструментом.
Респондент 7. Ассоциация с котом Баюном.
Респондент 8. Ассоциация с Садко, котом Баюном и с Гомером.
Респондент 9. Doesn't seem Russian.
Респондент 10. Песни вещего Баяна – сказителя, часто слепого.
Респондент 11. Герой, упоминающийся в "Слове о полку Игореве".
Респондент 12. Кот-баюн, баян как старая шутка.
Респондент 13. Bard – поэт-певец. Баян ассоциируется с мудростью (подтверждение в тексте: the most brilliant of all), духовным прозрением, которое выявляет физическая слепота (blind; visited by a song; prophecy), преклонным возрастом, благодаря которому Баян делится накопившимся ценным опытом (outlived two Dars).

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Bayan – Баян - певец-гусляр.
Респондент 2. Bayan to me sounds like a musical instrument but also a wise storyteller that is frail but powerful in his influence, close to the word "bayki" - tall tales or fairy tales.
Респондент 3. This is a direct borrowing of Boyan, the prophetic bard character from folk tales of old Rus. I love that he is also prophetic here.

Респондент 4. Это певец-поэт, который сочиняет песни древних времен.
Респондент 5. Bayan – Баян, a Russian instrument similar to an accordion.
Респондент 6. Бард.
Респондент 7. Барды-певцы под один инструмент. Слепой Баян – это певец под баян.
Респондент 8. Садко.
Респондент 9. To the Blind Old Russian singer and narrator, "song-maker" Boyan (Bayan). In Russian poetry, it was used as a common noun to denote a Slavic wandering singer.
Респондент 10. Bayan is a type of accordion.
Респондент 11. Bayan reminds me of the musical instrument the accordion and also of folk tales and even embellished lies or fairy tales.
Респондент 12. Russian word "Баян".
Респондент 13. He had a spiritual or creative gift.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. Again vaguely Middle Eastern, strong alliteration.
Респондент 2. I think of Stevie Wonder – a blind musician whose lack of sight heightens his connection to his music.
Респондент 3. A bard, according to the context.
Респондент 4. Musician.
Респондент 5. No.
Респондент 6. Elder advisor whose role as a bard allows him to impart knowledge to leaders without being seen as overstepping.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. A musician.
Респондент 9. The alliteration is very literary. It reminds me of the poet Lord Byron. It invokes the well-established trope of a blind musician.

Aglaia

- "Aglaia stood in her human form, dressed like an ancient queen of Vasyllia. <...> She had found her human form again" (Kotar, 2020c: 259).
- "The wolf was a princess of Vasyllia, but in her other form" (Kotar, 2020c: 41).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Имя знакомо, но никаких мифов про Аглаю, оборотней и т.п. в русской мифологии мне не вспоминается.
Респондент 2. Ассоциируется с переводом сказки.
Респондент 3. Русское женское имя Аглая напоминает сказку про принцессу Лебедь.
Респондент 4. Имя Аглая сразу вызывает ассоциации с чем-то традиционным и сказочным.
Респондент 5. Аглая. Ни одной ассоциации с русскими сказками. Ближе всего лиса-оборотень из китайского фольклора.
Респондент 6. Ассоциация с чем-то старославянским или древнерусским.
Респондент 7. Ассоциация с упрямой, своевольной девушкой.

Респондент 8. Любая из царевен, которые могли менять свой облик (Царевна-лягушка, Царевна- Лебедь).
Респондент 9. Russian 100%.
Респондент 10. Греч имя Аглая, значение имени, Аглая из Теогонии Гесиода - жена Гефеста, есть ли параллель с событиями Теогонии?
Респондент 11. Царевна-лягушка, а здесь Аглая-волк.
Респондент 12. Аглая из романа Достоевского "Идиот".
Респондент 13. Ассоциация с Царевной-лягушкой.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Аглая – старое, довольно редкое русское имя.
Респондент 2. I have associations of marginality, of being on the edge of two worlds, and something predatory or hungry. Some sense of loneliness as well in that name. A shape shifter, part woman, part wolf, exudes hunger and strives for power and to regain her rightful place.
Респондент 3. I like the feel of the "-aia" letter combination in the name. If it were not there, I would be getting the English word "ugly" mixed in, but the current spelling makes sure it doesn't happen. Great job by the author.
Респондент 4. Имя Аглая – у меня ассоциация с гордой принцессой. Это древнее имя.
Респондент 5. Aglaia reminds me of the name Аглая.
Респондент 6. Русская девушка из народа Аглая.
Респондент 7. Русское старинное имя Аглая. Персонаж – волк. Имя созвучно с английским словом ugly, к сожалению. Я бы не назвала мою дочь Аглая, живя в англоязычной среде.
Респондент 8. Ugly**,** но кроме этого ничего.
Респондент 9. Association with Greek mythology, in which Aglaia was the goddess of beauty, glory, splendor, and adornment.
Респондент 10. No associations.
Респондент 11. Sounds like Anglia, England.
Респондент 12. No associations.
Респондент 13. Oh wow, yes maybe a mythical creature? A good witch? Or a fairy?

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. Vaguely Balkan. For some reason she sounds old to me.
Респондент 2. I think of Gaea – Greek goddess of earth.
Респондент 3. A female name.
Респондент 4. A mashup of the names Agatha and Pelagia.
Респондент 5. No.
Респондент 6. No associations.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. A shapeshifter.
Респондент 9. The name reminds me of the words "glia" and "gaia", so it creates a biological impression.

II. Характонимы (имя вымышленного персонажа, которое предполагает отличительную черту этого персонажа)
Возникают ли у Вас какие-либо особые ассоциации при чтении следующих характонимов (имен героев) в зависимости от предоставленного контекста?

Yadovír

- "Yadovír wanted power, absolute power, and he was even willing to speak with the Ghan, to give up his own city on the enemy's terms, if only it meant a chance at that power" (Kotar, 2017b: 235).
- "Yadovír, the traitor who had opened the gates of Vasyllia to the invading army of Gumiren" (Kotar, 2017a: 5-6).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Если только "яд" – это отрава**.**
Респондент 2. Яд.
Респондент 3. От слова "яд".
Респондент 4. В этом имени сразу чувствуется что-то ядовитое, так что персонаж сразу воспринимается как отрицательный.
Респондент 5. Ядовитый человек, нехороший.
Респондент 6. Компонент «яд» сразу вызывает негативные эмоции, кажется, что это человек, который может обмануть или предать в любую минуту.
Респондент 7. Ассоциация с ядом, едким человеком.
Респондент 8. Ядовитый, отрицательный персонаж.
Респондент 9. Ярослав?
Респондент 11. Какой-то злой персонаж (возможно, русским угадывается сема "яд" в слове).
Респондент 12. Яд.
Респондент 13. В слове Yadovír угадывается русское слово «яд». Данная ассоциация укрепляется контекстом ("wanted power, absolute power", "traitor").

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Ассоциация с ядом.
Респондент 2. Associated with poison and treason immediately, even before reading the verses. A treacherous villain. Poisonous and power hungry, an obvious deceitful villain, cunning, selfish and vile.
Респондент 3. Yad-poison; vir sounds Slavic.
Респондент 4. Возникает ассоциация с ядом, с отравлением, с плохой персоной.
Респондент 5. "Yad" **–** яд, poison.
Респондент 6. Яд.
Респондент 7. Ядовир. Звучит как дающий яд насильственно.
Респондент 8. Ядовитый.
Респондент 9. The name Yadivir has a strong association with the word "yad", which means "poison" in Russian.
Респондент 10. Yadovir **–** яд means poison.
Респондент 11. Yad reminds me of Poison.

Респондент 12. Russian word for poison “Ядовитый”.
Респондент 13. Oh, maybe the story of Борис Годунов? Or the other brother that killed or tried to kill his own brother for power to the throne? In Old Rus.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. It makes me think of Yaddo, an artist retreat in upstate NY!
Респондент 2. I think of Jafar from Aladdin.
Респондент 3. Based on the context, a villain.
Респондент 4. Sounds like it is from central asia.
Респондент 5. No.
Респондент 6. Sociopathic villain, set up for a fall after betraying his own.
Респондент 7. He must be bad, untrustworthy.
Респондент 8. No.
Респондент 9. Not much.

Otar Svetlomír

- “Otar Svetlomír was the first to embrace him with tears in his eyes, then every other member of the village followed suit” (Kotar, 2017b: 206).
- “Otar Svetlomír smiled down at Antomír. <...> The old priest from Ghavan had always left a good impression. <...> His joyful eyes now seemed brimming with tears” (Kotar, 2020c: 160).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Отар – нет, “светломир” благодаря корню “свет” предполагает, что герой положительный.
Респондент 2. Честность, доброта, справедливость.
Респондент 3. “Светло” и “мир” как имя Святослав и другие.
Респондент 4. Светломир, наоборот, вызывает ассоциации с чем-то добрым.
Респондент 5. Хороший человек, светлый.
Респондент 6. Светломир ассоциируется с чем-то светлым, честным, добрым.
Респондент 7. Светломир – добрый человек с большим сердцем.
Респондент 8. Положительный герой.
Респондент 9. Олег светло солнышко?
Респондент 10. –
Респондент 11. А здесь угадывается сема “свет”.
Респондент 12. Свет, благо.
Респондент 13. *Otar* похоже на русское слово «царь».
Svetlomír – буквально «светлый мир». Ассоциация с нечто благим, благородным, чистым, высоким. Контекст:
1) «smile smoothed out the furrows in his forehead, making him look twenty years younger», “young smile”, “priest”, ассоциация с тем, что духовные качества находят отражение и во внешности;
2) “tears in his eyes”, “his joyful eyes now seemed brimming with tears” – слёзы как проявление искренности испытываемых эмоций, неподдельности.

Перцепция американских читателей-билингвов:

Респондент 1. Ассоциация со светом.
Респондент 2. He seems very kind, otar seems to be a title for "father" and his name implies peace, light and kindness. The name manifests light and warmth, a fatherly figure.
Респондент 3. Svetlomir – light; peace; sounds like a generic Slavic folk tales "good guy". Here, Otar sounds like отец, whereas before I got отрок.
Респондент 4. Высшего сословия человек, который приносит свет в пространство.
Респондент 5. Svetlo – светло, light. Mir – мир, world or peace.
Респондент 6. Отрок светлый.
Респондент 7. Светломир – это Светлый мир. Доброта, честность, порядок, мир, благодать.
Респондент 8. Светлый мир.
Респондент 9. Svetlomir literally means "bright world".
Респондент 10. Perhaps a father figure.
Респондент 11. Light, goodness.
Респондент 12. Светлый мир.
Респондент 13. Someone repented and came back and the old priest was the one who welcomed him and forgave him.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. I can only think of the name Svetlana when I see this name.
Респондент 2. I think of Dumbledore.
Респондент 3. Based on the context, a positive character.
Респондент 4. Svetlomir reminds me of Svetlana.
Респондент 5. No.
Респондент 6. Reminiscent of the roles priests usually play in a Hollywood depiction of the Roman Empire.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. No.
Респондент 9. It reminds me of the name Svetlana, but it doesn't instill any particular qualities about the character.

III. Топонимы (географические наименования)

Возникают ли у Вас какие-либо особые ассоциации при чтении приведенных ниже топонимов (географических наименований) в зависимости от контекста?

City of Vasyllia

- "The song of the Sirin can overthrow kingdoms. I know. I have seen it. I have seen the song make gods of men. The song carved the eternal city of Vasyllia out of the mountains" (Kotar, 2017b: v).
- "Voran remembered that Vasyllia the Old had been there even before the Vasylli had come <...> It had been called the City of the Gods, once" (Kotar, 2020c: 336).

- “There is a secret at the heart of Vasyllia, deep in the midst of Vasyllia Mountain. The source of all Living Water is here, under our very feet” (Kotar, 2020c: 111).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. “Василий” в значении “царь”, ассоциация с царством.
Респондент 2. Нет.
Респондент 3. Император Византии Василевс.
Респондент 4. Первые ассоциации – что-то эльфийское. Наверное, потому что в жанре фэнтези в различных именах часто встречается “-силл-”.
Респондент 5. Русское царство.
Респондент 6. Василлия вызывает ассоциации с женским именем Василиса, представляется героиня русских сказок с длинными волосами и загадочным характером). С другими топонимами в этом фрагменте особо четких ассоциаций не возникает.
Респондент 7. Ассоциация с именем Василиса.
Респондент 8. Очень много географических мест подходит под описание.
Респондент 9. Russian?
Респондент 10. –
Респондент 11. –
Респондент 12. Василиск, Василиса.
Респондент 13. Ассоциации с величественным, высоким (“eternal”, “City of Gods”, “Vasyllia Mountain” – высоким в том числе и в буквальном смысле), несущим в себе особую ценность (“a secret at the heart of Vasyllia”).

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Напоминает собор Василия Блаженного.
Респондент 2. Vasyllia makes me think of something grand, powerful and mysterious. Also, something that must be strived for and not easily attained. A place of ancient power, a sense of mystery and some forlorn longing.
Респондент 3. I have an association with St Basil’s Cathedral.
Респондент 4. Столица государства.
Респондент 5. Vasyllia – город, названный в честь Василия.
Респондент 6. Василия.
Респондент 7. Василлия – это дающая силу. Как гора дает силу водному потоку – реке из талых снегов.
Респондент 8. Василий как будто собор Василия Великого.
Респондент 9. Vasyllia gives me a strong association with the name Vasilisa the Beautiful, one of the most beloved characters of the Russian fairy tales.
Респондент 10. No associations.
Респондент 11. Vassily, something very Russian, a village, old times.
Респондент 12. Russian name Василий.
Респондент 13. Immortal fountain, or fresh spring water that comes from the earth that is drinkable.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. The name Vasily comes to mind. And Vaseline. Also, vascular.

Респондент 2. I think of the ancient city/civilization Assyria.
Респондент 3. No associations.
Респондент 4. It reminds me of the name Vasily.
Респондент 5. No.
Респондент 6. A modern long-standing city built up on the site of a possibly-mythical early city.
Респондент 7. Greek name Vassilios.
Респондент 8. The word vacillate came to mind.
Респондент 9. I played a video game with a character named Vasili.

Ghavan Isle

- "Ghavan Isle is stuck in a very strange place between the Realms" (Kotar, 2019c: 26).
- "This isle was fed by a source of Living Water. <...> The strange healthfulness of Ghavan's population must be entirely due to it. <...> There were no physicians on Ghavan" (Kotar, 2018: 79-80).
- "Ghavan Isle was sinking under the waters, slowly, but visibly. <...> As soon as the sea covered the last trees on the highest hillock of Ghavan Isle, the whirlpool stopped. <...> The skies cleared, the sun shining down on a sea with no island in it. Antomír looked over the edge into the depths. It was as though the water did not even touch them" (Kotar, 2018: 157).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. "Гавань" намекает на воду, побережье.
Респондент 2. Новгород.
Респондент 3. Гавана.
Респондент 4. Читая название, сразу представляешь каменный портовый город и паруса на горизонте.
Респондент 5. Никаких ассоциаций. Разве что с Гаваной.
Респондент 6. Гавань вызывает ассоциации только с морской тематикой + ощущение спокойствия, тепла и солнечной погоды.
Респондент 7. Нет.
Респондент 8. Буян, сказочный остров-град.
Респондент 9. Гавань?
Респондент 10. –
Респондент 11. Ghavan Isle – Атлантида.
Респондент 12. Тихая гавань.
Респондент 13. Ghavan – гавань. Своего рода "safe haven". Ассоциация с убежищем, спасением (даже само место может уйти с лица земли, но оно не перестанет выполнять функцию защиты своих людей: "They were not drowning. It was as though the water did not even touch them").

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Напоминает гавань, залив, спокойствие.
Респондент 2. It seems like a peaceful and surreal place that brushes with another world, and is a transitory haven of a sort. A place in between, a welcoming respite from travel. Sense of protection. Otherworldly and surreal.

Респондент 3. Ghavan – harbor. Direct borrowing from Russian. I get imagery of an island that is hospitable to ships.
Респондент 4. Этот остров находится в тихом месте. По сюжету есть ассоциация, что это наподобие града Китежа.
Респондент 5. Ghavan reminds me of гавань, harbor.
Респондент 6. Гавань.
Респондент 7. Ghavan – это ассоциация с гаванью, которая может уйти под воду при приливе.
Респондент 8. Гавань.
Респондент 9. Haven and harbor.
Респондент 10. No associations.
Респондент 11. Harbor, haven.
Респондент 12. Гавань.
Респондент 13. Imaginary world.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. Caravan is the first thing that comes to mind.
Респондент 2. I think of Easter Island.
Респондент 3. The context makes me think of Atlantis (the sinking and underwater isle).
Респондент 4. Mysterious.
Респондент 5. No.
Респондент 6. Venice if it wasn't polluted.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. None.
Респондент 9. I associate it with West Africa, from its similarity to some names of countries**.**

Steppe, Steppeland

- "They were a Steppe-traveling group of nomads" (Kotar, 2020c: 181-182).
- "You're getting soft, she grumbled at herself. Have you forgotten the winters in the Steppe?" (Kotar, 2018: 274).
- "The Steppe. The roll and swell of the dappled long-grass of her home" (Kotar, 2020c: 40).
- "The Steppe is a hard mother. The Steppe provided food and grass for the herds. The Steppe gave water and firm land, comfortable for the feet of the horses. The Steppe's endless sky and limitless grass—it was a home as great as the earth itself. But the Steppe was cold. The Steppe was wind and driving snow. The Steppe was dearth and labor and, sometimes, death" (Kotar, 2018: 1).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. «Степь» с узнаваемыми характеристиками, в том числе кочевниками.
Респондент 2. Степь**.**
Респондент 3. От слова «степь».

Респондент 4. Ассоциация с бескрайними степями, по которым обязательно скачут всадники.
Респондент 5. Степь, кочевники, орда.
Респондент 6. Степь ассоциируется с большими пустынными территориями, на которых страшно оставаться одному + ощущение одиночества, страха.
Респондент 7. Ассоциация с обширной степью.
Респондент 8. Ассоциация одна **–** Древняя Русь и Великая Степь.
Респондент 9. Степь.
Респондент 10. –
Респондент 11. Русские просторы, степи.
Респондент 12. Степь да степь кругом.
Респондент 13. Steppe **–** степь. Ассоциация с племенами кочевников. С могуществом. Строгостью любящей мамы. Со свободой, с домом. С другой стороны – с холодом, смертью, в какой-то степени со сложностью реальной жизни и неизбежностью, но той, в которой есть место надежде – противоречивость, необходимая для баланса.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Однозначно степь, равнина, ветреное место.
Респондент 2. Open vastness and freedom, endless expanses, quite literally the steppe or prairie land. Harsh and liberating at the same time.
Респондент 3. I just imagine a boundless grassland. I'm not sure I get anything particularly Slavic from the word "steppe", although perhaps non-Russians do.
Респондент 4. Это простор, это ветер, движение, перемены.
Респондент 5. Steppe **–** степь, prairie. Wide open natural landscapes.
Респондент 6. Степь.
Респондент 7. Степь и кочевая жизнь.
Респондент 8. Степь.
Респондент 9. The long and wide steppe comes to mind, a large area of flat unforested grassland in southeastern Russia and Siberia.
Респондент 10. Steppe, prairie.
Респондент 11. The steppe: flat land with little vegetation.
Респондент 12. Любэ song «Выйду ночью в поле с конем».
Респондент 13. The типичная русская долина. The wide open prairies.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. I'm familiar with the steppe from a lot of literature, both Russian and American (since grasslands/plains/prairie are a Western theme as well).
Респондент 2. I think of Mongolia.
Респондент 3. The high grasslands.
Респондент 4. Eurasian steppes of Central Asia, where the Mongol "hordes" came from.
Респондент 5. Valley comes to mind, and steps.
Респондент 6. Yurts, a lot of animal fur clothing, tightly bound small communities.
Респондент 7. This sounds like something that doesn't exist in America.
Респондент 8. Large, grassy, mostly treeless expanses of land.

Респондент 9. I think of highlands sparse of trees.

IV. Аллюзии на русские сказки и мифологию

Возникают ли у Вас какие-либо особые ассоциации, когда Вы читаете приведенные ниже аллюзии из произведений Н. Котара?

A slumbering giant's head; The giant head of Buyan

- "Not a stone's throw away lay the strangest thing he had ever seen — a slumbering giant's head" (Kotar, 2017b: 135).
- "The giant head of Buyan. He is the father of a race of giants who wield immense earth-power" (Kotar, 2017b: 368).
- "Buyan blew out a blast of hot, putrid air <...> 'My sons and I will scrape every atom of humanity from this earth' <...>" (Kotar, 2020: 45).

Перцепция российских читателей-билингвов:

Респондент 1. Голова была в "Руслане и Людмиле", других сказок не помню. Но образ "привратника", "стража прохода" знаком по разным сказкам.
Респондент 2. Сказки Пушкина.
Респондент 3. Скорее, напоминает голову (льва) из мультфильма "Алладин", которая задавала Алладину вопросы на входе в пещеру с сокровищами.
Респондент 4. Вспоминается остров-град Буян из Пушкина.
Респондент 5. Голова из "Руслана и Людмилы".
Респондент 6. Ассоциация со Змеем Горынычем.
Респондент 7. Ассоциация с гигантской головой из Руслан и Людмила (А.С. Пушкин).
Респондент 8. Руслан и Людмила.
Респондент 9. На острове Буяне. Пушкин.
Респондент 10. –
Респондент 11. –
Респондент 12. Буйная голова.
Респондент 13. Само имя Buyan ассоциируется с буяном – «тем, кто буянит, скандалистом». Ассоциаций с русскими сказками не возникло. Не уверена, что эта информация имеет отношение к делу, но, возможно, что-то похожее было в мифах Древней Греции, однако могу ошибаться + точную ассоциацию вспомнить не могу.

Перцепция американских читателей-билингвов:

Респондент 1. Buyan ассоциируется со сказочным островом Буяном в русских сказках.
Респондент 2. Ancient power of earth, embodied in a giant, slumbering and constrained but menacing all the same and implied to be capable of great wrath.
Респондент 3. I imagine a giant head in an old Rus helmet, sort of like from Pushkin's tales. I like the backstory about giants which makes it feel less borrowed and more creative.

Респондент 4. Был буйный человек-гигант, которого наказали, закопав его тело в землю.
Респондент 5. Большая голова из поэмы «Руслан и Людмила».
Респондент 6. Голова из сказки «Руслан и Людмила».
Респондент 7. Буян – бурно растущая зелень в природе или волосяной покров как у льва.
Респондент 8. Буянить.
Респондент 9. Reminds me of the Head - a character from "Ruslan and Lyudmila" by Alexander Sergeevich Pushkin, a fairy tale in verse, inspired by ancient Russian epics.
Респондент 10. Svyatogor comes to mind.
Респондент 11. A giant cat, I think there is such a cat in Russian folklore.
Респондент 12. Literally the severed head of the giant from the poem "Ruslan and Ludmila".
Респондент 13. Кащей Бессмертный-like.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. I think of giant Buddha heads (statues) from Asia. Also, Hindu statues.
Респондент 2. I think of Jack and the Beanstalk.
Респондент 3. A geyser.
Респондент 4. Odysseus and the cyclops.
Респондент 5. Makes me curious if it's just a head or a whole giant.
Респондент 6. Easter island heads, much larger. The ents of Lord of the Rings but stone.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. None.
Респондент 9. This name doesn't remind me of any stories or characters that I can think of.

Zmei, the prince of the giants

- "Fifteen giants came to the bottom of the shallow hill. <...> Their man-shapes melted and reformed into horrifying beasts—serpents. <...> Zmei remained still human-shaped in the light of the moon" (Kotar, 2018: 328).
- "Giants, particularly giant serpents, had only evil roles in the Old Tales. <...> The serpents still spewed fire on everything that lived in the fallen city" (Kotar, 2020: 225).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Со змеем библейские ассоциации и ещё с Горынычем.
Респондент 2. Змей Горыныч.
Респондент 3. Змей Горыныч.
Респондент 4. Тут в первую очередь вспоминается Змей Горыныч.
Респондент 5. Змей Горыныч.
Респондент 6. Тоже со Змеем Горынычем.
Респондент 7. Ассоциация со Змеем Горынычем.

Респондент 8. Змей Горыныч.
Респондент 9. Змей Горыныч.
Респондент 10. –
Респондент 11. Змей Горыныч.
Респондент 12. Горыныч.
Респондент 13. Змей **–** ассоциация со злым, коварным, хитрым. Сразу вспоминается Библия и причастие змея ко грехопадению человека (Zmei, the demonic serpent-giant capable of sacrificing an innocent woman to the fire merely for a bit of power + при прочтении фразы "Old Tales" подумала про Ветхий Завет). Также вспомнился Василиск из Гарри Поттера**.**

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Zmei ассоциируется со Змеем Горынычем из русских сказок.
Респондент 2. A slithering, cunning and devastating creature. Power of dragons. He seems to have a destructive role in these books. Also, likely wise.
Респондент 3. The word zmei is laden with fairy tale imagery of dragons.
Респондент 4. Мудрый змей, который творил злые дела.
Респондент 5. Zmei **–** змей, snake.
Респондент 6. Змея.
Респондент 7. Конечно же, змей, дракон, змея.
Респондент 8. Змей Горыныч.
Респондент 9. Zmei is the shapeshifting dragon from Russian folklore that can appear as serpent, dragon or a human-like figure with draconic traits.
Респондент 10. Змей Горыныч.
Респондент 11. A snake, evil, strength, fire.
Респондент 12. That multi-headed snake hydra thing I remember from Russian mythology.
Респондент 13. Evil forces and spirits.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. This has Biblical associations for me with the serpents, and Zmei sounds vaguely Hebrew.
Респондент 2. I think of Smaug, the dragon from the Hobbit.
Респондент 3. Dragons.
Респондент 4. No associations.
Респондент 5. No.
Респондент 6. Very distinctly pictured a marvel action movie scene.
Респондент 7. Dragons.
Респондент 8. Shape shifters.
Респондент 9. No, I have no context for this name and imagery.

The Waystone

- "Upon closer inspection, the scratches on the waystone were legible, though barely, after what seemed many centuries of erosion <...> If left you go, there love awaits. If right you go, there gold awaits. If straight you go, there death awaits" (Kotar, 2017: 136).

- “If straight you go, cold and hunger await. If left you go, you will die, but your horse will live. If right you go, your horse will die, but you will live” (Kotar, 2020: 251-252).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Узнаваемый камень на пути героев, предлагающий варианты будущего в зависимости от выбора вариантов.
Респондент 2. Нет.
Респондент 3. Камень на распутье: “Налево пойдёшь – коня потеряешь, направо пойдёшь – жизнь потеряешь, прямо пойдёшь – жив будешь, да себя позабудешь”.
Респондент 4. Путевой камень вызывает ассоциации с былинами о богатырях.
Респондент 5. Камень у дороги, предоставляющий выбор: коня потерять или самому умереть.
Респондент 6. Забыл, в какой сказке было распутье и фраза «Пойдешь направо – …, пойдешь налево – …».
Респондент 7. Ассоциация с русскими народными сказками: богатырь стоит на развилке у путевого камня.
Респондент 8. Былинный камень, у которого богатыри выбирали дорогу.
Респондент 9. Налево пойдёшь, смерть свою найдёшь.
Респондент 10. –
Респондент 11. “Витязь на распутье” Васнецова.
Респондент 12. Не возникает ассоциаций.
Респондент 13. The Waystone – камень на распутье. Часто встречается в русских сказках, когда главный герой стоит перед выбором.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Придорожный камень из сказок и былин.
Респондент 2. The Waystone is a crucial element of eastern folklore, and a mysterious element of choosing a path at a fork in your destiny with some sense of finality attached to it. A chance to define what your values are, or what you are willing to risk and sacrifice.
Респондент 3. Basically, waystone is directly borrowed from old Rus epics, but it’s a great fantasy element so I don’t see it as overused or cringey. Also, waystone sounds like lodestone or other magical stones in fantasy.
Респондент 4. У меня ассоциируется с картиной Виктора Васнецова. Это то положение, когда человек должен решить, куда дальше идти.
Респондент 5. Reminds me of other Russian folktales, where a stone with writing on it would foreshadow what lies ahead if you follow each path at a crossroads.
Респондент 6. Камень из русских сказок, который предлагает разные варианты.
Респондент 7. Куда пойдешь, что ты найдешь. Ничего подобного в американской литературе. В английской Льюис Кэррол пишет о встрече Алисы с Чеширским котом, который говорит: пойдешь налево… пойдешь направо…

Респондент 8. Путеводный камень в сказках про богатырей.
Респондент 9. The stone in the middle of crossroads is a turning point in life, when the choice of the right path determines the fate of the hero. The development of his personality depends on which life path he chooses. Here the hero is immediately informed about what each of the roads can lead to, what happens to a person on each of the possible life paths.
Респондент 10. Bogatyr folk tales.
Респондент 11. Showing direction.
Респондент 12. The Knight at the Crossroads by Vasnetsov.
Респондент 13. Very similar "лукоморья дуб зелёный, златая цепь на дубе том: и днём и ночью кот учёный все ходит по цепи кругом. Идёт направо – песнь заводит, налево – сказку говорит…".

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. It's actually the name of an inn in one of my favorite fantasy novels (not by Kotar). I associate it with the fantasy genre overall.
Респондент 2. I think of the Rosetta stone.
Респондент 3. A signpost.
Респондент 4. Sounds like Tolkien.
Респондент 5. Reminds me of a magic eight ball or a choose-your-own-adventure book.
Респондент 6. The waystone immediately gave me a visual of the 'standing stones' in the skyrim video game, but the text on it made me think of the trolley problem and associated memes.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. Fairy tales in which the protagonist reveals her true nature through the choices she makes.
Респондент 9. It reminds me of a portkey from Harry Potter.

Firebird

- "All month, the migrating firebirds had been returning, and all week the boys had been losing sleep to capture them at night. This year, they had caught thirteen. An omen for a warm and fruitful growing season" (Kotar, 2018: 42).
- "The sky above them shimmered with red gold. Hundreds of firebirds circled the tree" (Kotar, 2017b: 395).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Жар-птица. Кроме как чудо, которое хотел заполучить царь, не помню её функций в сказках.
Респондент 2. Жар-птица.
Респондент 3. Феникс.
Респондент 4. Первая ассоциация – феникс.
Респондент 5. Жар-птица.
Респондент 6. Не могу вспомнить конкретную сказку, ни с чем не ассоциируется.
Респондент 7. Ассоциация с жар-птицей.

Респондент 8. Жар-птица.
Респондент 9. Жар-птица.
Респондент 10. –
Респондент 11. Жар-птица.
Респондент 12. Иванушка.
Респондент 13. Возникла ассоциация и с фениксом (в частности благодаря «Гарри Поттеру», хотя в этой серии книг феникс был всего один, в то время как в приведенном контексте птиц несколько). Также ассоциация с жар-птицей.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Жар-птица.
Респондент 2. Magic, warmth, a firebird is associated with good and promising things. Beautiful, glowing creatures. Firebird is a prominent prized target in Russian folklore.
Респондент 3. A peacock-like magical bird made of fiery sparks.
Респондент 4. Тоже ассоциируется с русскими сказками. Эта птица может принести не только счастье, но и беду.
Респондент 5. Firebird – жар-птица.
Респондент 6. Жар-птица из русских сказок.
Респондент 7. Птица феникс сгорает и возрождается снова.
Респондент 8. Жар-птица.
Респондент 9. It's a phoenix, a sacred firebird found in the mythologies of many cultures, including Russian folklore.
Респондент 10. Жар-птица.
Респондент 11. Жар-птица, fire, Phoenix, rebirth.
Респондент 12. Жар-птица.
Респондент 13. The boys seem to be some aristocratic children playing.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. I think of the ballet, which is of course based on the Russian tale.
Респондент 2. I think of the Mozilla products Firefox and Thunderbird.
Респондент 3. Fireflies.
Респондент 4. A phoenix-like bird.
Респондент 5. 'Fire' and 'bird' make me think of a phoenix.
Респондент 6. As an American of a certain age, it is impossible not to think of a Pontiac Firebird and the associations with the type of folks who gravitate to that car. I visually pictured something akin to a phoenix but smaller and grouped, like the golden eagles in Tolkien.
Респондент 7. A Phoenix comes to mind.
Респондент 8. None.
Респондент 9. It reminds me of a phoenix, combined with a lightning bug.

Sirin

- "The Sirin were a beautiful race, their women's faces like statues brought to life by a poet's imagination" (Kotar, 2019c: 4).

- “The creature had a woman’s face and torso, seamlessly blending with the wings and eagle body. She opened her mouth and sang <...> The song of the Sirin stopped, and life lost all meaning. It was all grey, ugly, useless without her song” (Kotar, 2017b: 11-12).
- “We have a spark inside, fed by our soul-bond with the Sirin. And it leaves us forever restless, searching for something...a change, a transfiguration into something higher, something stranger” (Kotar, 2017b: 363).
- “With the power of Feína, the Sirin of fire, she had appeared to many of her people in dreams and premonitions, helping them, giving them strength” (Kotar, 2020: 224).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Смутно помню птицу сирин, что-то про сладкий голос. Но это не точно.
Респондент 2. Птица Сирин.
Респондент 3. Морские сирены.
Респондент 4. Вспоминается райская птица сирин, а также один из псевдонимов Набокова.
Респондент 5. Птица сирин.
Респондент 6. Русалочка.
Респондент 7. Райская птица-дева, сирена.
Респондент 8. Птица сирин.
Респондент 9. Сладкоголосые сирены**.**
Респондент 10. –
Респондент 11. Птица сирин (если я не ошибаюсь, то она не очень счастливая, ее пение лучше не слушать).
Респондент 12. Набоков, Васнецов.
Респондент 13. Ассоциация с сиренами, с их искусительной, пленительной любовью и с необыкновенным голосом. Не близко знакома с мифологией, поэтому не могу ручаться за правильность ответа, но кажется, что здесь представлен более светлый, высокий образ, дающий надежду и силы жить.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Вещая птица из русского фольклора.
Респондент 2. The Sirin makes me think of a siren in a sense that it captures you, but takes you to some transformation rather than to your doom like the sirens do. Associations of being drawn in, possession and magic. Beautiful and threatening at the same time, but also not malicious.
Респондент 3. I associate it with Greek mythology and sirens, also with sphinxes.
Респондент 4. У Васнецова это птица печали.
Респондент 5. Sirin sounds like the sirens in Greek mythology.
Респондент 6. Сирин из мифологии.
Респондент 7. Сирин – серое существо.
Респондент 8. Сирин.
Респондент 9. In Russian folklore, Sirin is a half-woman half-bird who symbolizes eternal joy. She is as fast and difficult to catch as human happiness.

Респондент 10. No associations.
Респондент 11. Half bird half woman, Nabokov's pseudonym.
Респондент 12. Vasnetsov.
Респондент 13. A seductress.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. It's very much just a slightly different spelling of "siren"—even the siren song has exactly the same effect.
Респондент 2. I think of the sirens from the odyssey.
Респондент 3. Greek myths.
Респондент 4. The Odyssey.
Респондент 5. I think of the sirens from mythology, which somewhat makes me think of mermaids.
Респондент 6. Greek/Roman mythology obviously, but possibly reinterpreted. pictured an aesthetic that could be found in the bayonetta games, interpretation of Greek aesthetics.
Респондент 7. A siren carved into the front of a ship.
Респондент 8. The Sirens of The Odyssey.
Респондент 9. This reminds me of the sirens of Greek mythology.

Rusalka

- "Rusalka: the unquiet soul of a drowned girl. Likes to tickle young men to death" (Kotar, 2017b: 189).
- "Then she saw them—the Rusalkas in the trees, their hair waving around them as though they were underwater" (Kotar, 2019c: 35).
- "So that was a mermaid, a Rusalka" (Kotar, 2020: 173).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Русалки хорошо знакомы – девушки, обитающие в водоемах, заманивающие и губящие людей. «На ветвях сидит» тоже вспоминается.
Респондент 2. Русалка.
Респондент 3. Русалка.
Респондент 4. Одновременно ассоциации с Пушкиным и «Летучим кораблем».
Респондент 5. Русалка.
Респондент 6. И снова «Русалочка».
Респондент 7. Русалка из поэмы «Руслан и Людмила»: «У лукоморья дуб зелёный…».
Респондент 8. Русалки.
Респондент 9. Русалка на ветвях сидит.
Респондент 10. –
Респондент 11. Русалка («Руслан и Людмила» Пушкина).
Респондент 12. На ветвях сидит.
Респондент 13. Ассоциация с русалками + с Ундиной в романе Михаила Юрьевича Лермонтова «Герой нашего времени».

Перцепция американских читателей-билингвов:

Респондент 1. Персонаж русских сказок. Живет в воде.
Респондент 2. Unbridled, wild, dangerous, tricky but beautiful. Not to be approached but wondered at from the distance.
Респондент 3. I imagine a spookier, undead freshwater version of the western mermaid. I like this reimagined version as it is closer to the Russian fairytale character of rusalka, however subtly different from it. I have never heard any explanation as to where rusalkas come from and this one makes it into the definition of the word in a nice way that is very fitting to fantasy.
Респондент 4. Мифический персонаж русских сказок.
Респондент 5. Rusalka – русалка, mermaid. «Русалка на ветвях сидит» из поэмы «Руслан и Людмила».
Респондент 6. Русалки из стиха «У лукоморья дуб зеленый».
Респондент 7. Русалка – полурусская славянка.
Респондент 8. Русалка.
Респондент 9. Association with the play "Rusalka" by Alexander Pushkin.
Респондент 10. Mermaid.
Респондент 11. Mermaid, Pushkin.
Респондент 12. Sadko, underwater kingdom.
Респондент 13. Sounds like a regular rusalka, the one that enchants men.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. I find it interesting that the mermaids are in the trees, not actually underwater. I also think of the opera.
Респондент 2. I think of Ursula from The Little Mermaid.
Респондент 3. A nymph.
Респондент 4. Mermaid-like maidens.
Респондент 5. Makes me think of the color red.
Респондент 6. A particular genre of horror movie where girls are the monster, climbing out of wells or tv sets.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. Mermaid stories.
Респондент 9. I am reminded of a children's book about some mermaid type creatures living in the water.

The Deathless One; the Raven

- "The Living Water is never spoken of in the Old Tales without mention of the Raven and his eternal quest to seek out the Living Water. To become the Deathless One" (Kotar, 2017b: 60).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Нет ассоциаций.
Респондент 2. Кощей.
Респондент 3. Кощей Бессмертный.
Респондент 4. Ворон вызывает ассоциации со славянским божеством, которое может перевоплощаться. А "Deathless" словно отсылает к Кощею Бессмертному.
Респондент 5. Нет ассоциаций.

Респондент 6. Кощей Бессмертный, Волк и семеро козлят.
Респондент 7. Ассоциация с Кощеем Бессмертным.
Респондент 8. Кощей.
Респондент 9. Только сейчас узнала живую воду.
Респондент 11. Кощей Бессмертный.
Респондент 12. Ворон – Эдгар По.
Респондент 13. Ассоциация с Кощеем Бессмертным, смерть которого прочно спрятана в игле.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Описание ассоциируется с Кощеем Бессмертным из русских сказок.
Респондент 2. He seems like the core of evil and destruction that is to be forever contained but cannot be vanquished because it is a part of life. Evil seeking power that it has been kept from, restless, hungry and tenacious in finding its target.
Респондент 3. Well, the Deathless triggers imagery of Koschei, and I look forward to seeing how he transforms that character.
Респондент 4. Ассоциируется также с Молодильными яблочками, которые тоже дают бессмертие.
Респондент 5. The Deathless One – бессмертный. Может, Кощей Бессмертный?
Респондент 6. Кощей Бессмертный.
Респондент 7. Неумирающий.
Респондент 8. Кощей Бессмертный.
Респондент 9. Reminds me of Koshchei the Immortal, a character in Russian fairy tales.
Респондент 10. Кощей.
Респондент 11. Кощей Бессмертный, thin, bald, wearing black, evil.
Респондент 12. Кощей Бессмертный.
Респондент 13. Immortal if you drink this living water.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. All cultures have a fairy tale of some sort involving an elixir of immortality.
Респондент 2. I think of Voldemort's quest to defy death.
Респондент 3. The fountain of youth, someone who lives forever.
Респондент 4. Tolkien’s Sauron and Rowling’s Voldemort.
Респондент 5. I think of the fountain of youth.
Респондент 6. Edgar Allan Poe’s “The Raven” and for some reason Icarus.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. Harry Potter and the Sorcerer's Stone.
Респондент 9. It reminds me of long-lived fantasy races like elves, and of characters chasing immortality like Voldemort, Sauron, and Palpatine.

V. Стратегия форинизации в художественных произведениях Николая Котара

Возникают ли у Вас какие-либо особые ассоциации, когда Вы читаете следующие реалии (переведенные с помощью форинизации) в приведенном контексте?

Vohin

- “You will leave your sword here, Vohin Voran” (Kotar, 2017b: 99).
- “My rank is Vohin” (Kotar, 2022: 36).
- “Voran approached. <...> ‘Vohini,’ said Voran, in a commanding voice. <...> Both of the guards stood up. They straightened their helmets and brushed down their leather jerkins” (Kotar, 2018: 221).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Понятно, что "воин", но никаких особых ассоциаций нет.
Респондент 2. Воин.
Респондент 3. Воин?
Респондент 4. Созвучно с русским "воин", так что сразу представляешь богатыря в доспехах.
Респондент 5. Воин.
Респондент 6. Нет ассоциаций.
Респондент 7. Ассоциация с русскими воинами.
Респондент 8. Нет, возникает интерференция с немецким языком, где это предлог.
Респондент 9. Воин.
Респондент 10. –
Респондент 11. –
Респондент 12. Не возникает ассоциаций.
Респондент 13. Ассоциация со словом «воин» — военным ранком (“My rank is Vohin”).

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Ассоциируется со словом «воин».
Респондент 2. Vohin is a warrior or fighter, proud and disciplined.
Респондент 3. Voin – warrior.
Респондент 4. Ассоциируется с воинствующим человеком, с воином.
Респондент 5. Vohin – воин, soldier.
Респондент 6. Чародей.
Респондент 7. Нет ассоциации.
Респондент 8. Воины.
Респондент 9. The warriors.
Респондент 10. No associations.
Респондент 11. Warrior.
Респондент 12. Medieval warrior.
Респондент 13. Whoever is saying Vohini is saying the plural form of the word Vohin and is likely older and wiser than a Vohin.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. Actually no, not really. It sounds more like a name than a rank.
Респондент 2. I think of the riders of Rohirrim from LOTR.
Респондент 3. Captain.
Респондент 4. A soldier.
Респондент 5. No.
Респондент 6. Sergeant or lieutenant, someone with command.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. None.
Респондент 9. No.

Voyevoda

- "Otchigen unsheathed his sword. <...> Who would challenge the Voyevoda of Vasyllia?" (Kotar, 2019d: 53).
- "The warrior, a sub-voyevoda probably only a few battles away from a command of his own, flushed. 'I did not say? Forgive me. The commander of this force is badly wounded. I was assigned to take care of the administrative details while we wait for the official word' <...>" (Kotar, 2018: 34).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Воевода - военачальник.
Респондент 2. Воевода.
Респондент 3. Воевода.
Респондент 4. С воеводой такие же ассоциации, как и с воином, только воевода должен быть более статным и суровым.
Респондент 5. Воевода, военачальник.
Респондент 6. –
Респондент 7. Ассоциация с Древней Русью, воеводами.
Респондент 8. Ассоциации с воеводой, защитником города.
Респондент 9. Воевода дозором обходит.
Респондент 10. –
Респондент 11. Воевода **–** обозначение должности (сразу погружение в сказку как будто).
Респондент 12. Мороз-воевода.
Респондент 13. Ассоциация со словом «воевода» **–** военным титулом.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Военачальник.
Респондент 2. The one who leads the vohins to battle, a high rank warrior leader that is respected and revered.
Респондент 3. A higher rank Slavic fantasy warrior; a commander.
Респондент 4. Военачальник.
Респондент 5. Voyevoda **–** воевода, military leader.
Респондент 6. Воевода.

Респондент 7. Предводитель воинов. В американской литературе это будет вождь племени. Все сказки в Америке пришли из Европы. Все остальное-это индейский фольклор.
Респондент 8. Воевода/полководец.
Респондент 9. In ancient Rus, voyevoda was a chief of an army, as well as of an area.
Респондент 10. Commander.
Респондент 11. A military leader, like a general.
Респондент 12. The bogatyri emerging from the ocean.
Респондент 13. Powerful warrior.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. It makes me think of Vodafone!
Респондент 2. I think of the Russian American mathematician Vladimir Voevodsky.
Респондент 3. Commander.
Респондент 4. Voda is water.
Респондент 5. No.
Респондент 6. A higher rank than vohin, reached only after showing actual accomplishment.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. No impressions or associations.
Респондент 9. No.

Sudar

- "Sudar," said the merchant, using the honorific of respect for a person of indeterminate social class, "may I ask what you intend…" (Kotar, 2017b: 33).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Здесь есть дефиниции, так что на неё и идёт опора, ассоциация с ней совпадает.
Респондент 2. Сударь.
Респондент 3. Сударь.
Респондент 4. Вежливая форма обращения, сразу представляется такой усатый купец, который обращается к тебе "сударь".
Респондент 5. Сударь.
Респондент 6. –
Респондент 7. Сударь – вежливая форма обращения в дореволюционной России.
Респондент 8. Вежливое обращение.
Респондент 9. Сударь – обращение: господа.
Респондент 10. –
Респондент 11. Сударь – обращение к человеку, обычно в бытовой среде.
Респондент 12. Сударыня.
Респондент 13. Ассоциация со словом «сударь».

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Ассоциация с русским словом «сударь», «господин» при обращении.
Респондент 2. A Sir or another similar respectful acknowledgement.
Респондент 3. Сударь.
Респондент 4. Ассоциация с русским словом «сударь», «господин» при обращении.
Респондент 5. Sudar – сударь, sir.
Респондент 6. Сударь.
Респондент 7. Сударь – господин.
Респондент 8. Сударь.
Респондент 9. It's a form of polite address to a man from a privileged stratum of society in old times.
Респондент 10. Sir.
Респондент 11. Sir.
Респондент 12. Сударь.
Респондент 13. A title.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. It looks like a misspelling of Sudan.
Респондент 2. I think of an exotic version of the word "sir".
Респондент 3. Sir.
Респондент 4. Sir.
Респондент 5. A social title.
Респондент 6. Victorian or earlier period, where etiquette and titles were more important and required.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. I thought of the country Sudan.
Респондент 9. No.

Knyaz

- "You are loyal to the sword and to the office of knyaz" (Kotar, 2018: 94).
- "As knyaz of Nebesta, I grant you safe passage through these lands <...> Go. Before my men decide that I am too lenient" (Kotar, 2018: 258-259).
- "I wish you luck. I hope Nebesta will choose you for her next knyaz" (Kotar. 2018: 380-381).
- "He had been recently promoted to head of the knyaz's household knights" (Kotar. 2018: 367).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Князь – правитель, высокого рода.
Респондент 2. Князь.
Респондент 3. Князь.
Респондент 4. Первая ассоциация – князь из анимационных фильмов про богатырей.
Респондент 5. Князь.
Респондент 6. –

Респондент 7. Князь.
Респондент 8. Правитель, принц.
Респондент 9. Князь.
Респондент 10. –
Респондент 11. Особых ассоциация со словом "князь" не возникает.
Респондент 12. Игорь.
Респондент 13. Ассоциация со словом «князь» – правителем Руси.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. С русским титулом князя.
Респондент 2. A ruler anointed with power by his people, somebody elevated to power.
Респондент 3. This sort of reads as a mouthful for an English-speaker. I obviously also get князь.
Респондент 4. Руководитель государства.
Респондент 5. Knyaz – князь, prince.
Респондент 6. Князь.
Респондент 7. Князь – ранг иерархии.
Респондент 8. Князь.
Респондент 9. Knyaz is a prince, a ruler, an authority.
Респондент 10. King.
Респондент 11. Prince, lord.
Респондент 12. Literally the title Князь.
Респондент 13. The ruler of that land, the highest authority.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. I keep looking at the word trying to pronounce it in my head.
Респондент 2. I think of a medieval Russian lord.
Респондент 3. Regent.
Респондент 4. It's similar to the word that means prince, I had a high school student with a very similar surname.
Респондент 5. No.
Респондент 6. Governing official, someone outside and maybe in command of the military, but in a constant balance of power with the military so that they wouldn't turn against him.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. The kn- reminded me of Knight.
Респондент 9. I notice the similarity to the word knight, but only after the two were used in juxtaposition.

Veche

- "Why do you think he is calling Veche now? <...> He needs the Veche's support" (Kotar, 2018: 94-96).
- "Piles of swords, spears, teardrop shields like burial mounds marked the four corners of Veche Square (no one was allowed to enter armed). <...> the inevitable fist-war to decide the new knyaz. <...> 'I convoke the Veche of Choosing.' The shouts began anew. <...> 'Make me knyaz' <...> "He had

won. <...> The Veche of Choosing was complete" (Kotar, 2018: 129-133).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Вече - народный сбор для принятия решений.
Респондент 2. Вече.
Респондент 3. Вече.
Респондент 4. Представляется собрание мудрецов и старцев, которые решают очень важные вопросы.
Респондент 5. Вече.
Респондент 6. –
Респондент 7. Народное собрание – вече.
Респондент 8. Собрание народное.
Респондент 9. Вече, Новгород.
Респондент 10. –
Респондент 11. Вече – ассоциация с собранием.
Респондент 12. Народное.
Респондент 13. Ассоциация со словом «вече».

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. С новгородским вече, советом.
Респондент 2. A gathering of strength, decision, and seemingly a brawl to decide who the power belongs to. Also, a telling of a sort.
Респондент 3. Veche – a medieval democratic vote.
Респондент 4. Это собрание людей, имеющих власть решать проблемы государства.
Респондент 5. Veche **–** вече, народное собрание у славянских народов.
Респондент 6. Вече в Великом Новгороде.
Респондент 7. Вещий. Как Вещий Олег, который извещает о победе.
Респондент 8. Голосование.
Респондент 9. A meeting, a referendum.
Респондент 10. No associations.
Респондент 11. Council.
Респондент 12. Old Rus.
Респондент 13. A meeting – with various social groups, something with church (religion) or spirituality where someone sees and envisions the next ruler, the knyaz.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. What comes to mind is the French word for peach (pêche).
Респондент 2. I think of a medieval group of local government workers and common people.
Респондент 3. None.
Респондент 4. Some sort of meeting.
Респондент 5. No.
Респондент 6. A temporary situational governing position.
Респондент 7. No associations.

Респондент 8. Seems like veche is a rite or ceremony.
Респондент 9. It reminds me of the French word for cow.

VI. Стратегия доместикации в художественных произведениях Николая Котара

Возникают ли у Вас какие-либо особые ассоциации, когда Вы читаете следующие реалии (переведенные с помощью доместикации) в приведенном контексте?

Swanling

- "The entire village will take care of our swanling" (Kotar, 2017b: 301).
- "I think you're about to be tested, swanling" <…> "Lebía almost jumped at that diminutive" (Kotar, 2019c: 66).
- "You must understand, my swan." (Kotar, 2020c: 28).
- "Our Swan, the Darina Sabíana, promised you would return" (Kotar, 2018: 261).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Нет ассоциаций.
Респондент 2. Нет.
Респондент 3. Лебедушка?
Респондент 4. Очень милое обращение, сразу представляется пушистый лебеденок.
Респондент 5. Лебедушка.
Респондент 6. –
Респондент 7. –
Респондент 8. Ассоциации со сказкой «Гадкий утенок».
Респондент 9. Лебеденок? Лебединая песня, Царевна Лебедь.
Респондент 10. –
Респондент 11. Может, это наше "мой дорогой/хороший".
Респондент 12. Не возникает ассоциаций.
Респондент 13. Уменьшительно-ласкательное обращение, употребляемое по отношению к девушке.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Лебедь, лебедушка.
Респондент 2. An expression of adoring someone dear, sense of beauty and precious fragility. A gentle and endearing epithet for someone who is precious to you.
Респондент 3. I get an image of a slender maiden in a silver dress with bell sleeves.
Респондент 4. Нежное обращение девушке. Василиса Прекрасная, которая выпускала лебедей из своих рукавов.
Респондент 5. Swanling напоминает Царевну Лебедь из сказки о царе Салтане.

Респондент 6. Лебедь из разных сказок русских.
Респондент 7. Лебедь на задворках – пасынок, воспитуемый всей деревней.
Респондент 8. Лебедушка.
Респондент 9. A beautiful girl, often associated with the swan in Russian folklore.
Респондент 10. No associations.
Респондент 11. Лебедь, a graceful bird.
Респондент 12. Swan Lake, Tchaikovsky.
Респондент 13. I think of a ballerina.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. I thought of the ballet Swan Lake, but mostly just find it interesting that these sound like affectionate names for people: maybe they're graceful people.
Респондент 2. It seems like a foreign diminutive, like "sugar" or "honey" but more exotic.
Респондент 3. Darling, love, a pet name.
Респондент 4. No associations.
Респондент 5. I think of the swan bird of course.
Респондент 6. Teen daughter of a prominent leader, likely destined for an arranged marriage for political reasons.
Респондент 7. A sweet little girl.
Респондент 8. The Ugly Duckling.
Респондент 9. Pretty birds.

Rough shoes woven from tree bark, Bark shoes

- "He wore a nondescript grey robe, and rough shoes woven from tree bark peeked out from the tattered hem" (Kotar, 2017b: 192).
- "She began to plait a new set of bark shoes, humming to herself" (Kotar 2018: 76).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Лапти узнаваемы**.**
Респондент 2. Нет.
Респондент 3. Лапти.
Респондент 4. Первая ассоциация – лапти.
Респондент 5. Лапти.
Респондент 6. –
Респондент 7. Лапти.
Респондент 8. Лапти.
Респондент 9. Лапти, берестяные грамоты.
Респондент 10. –
Респондент 11. Лапти.
Респондент 12. Лапти.
Респондент 13. Ассоциация с русскими лаптями.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Лапти.
Респондент 2. Peasantly, expression of simplicity in attire. An equivalent of Russian lapti.
Респондент 3. I see lapti, but more rough-looking.
Респондент 4. Лапти.
Респондент 5. Bark shoes – лапти.
Респондент 6. Лапти.
Респондент 7. Деревянная обувь – лапти, сделанные из бересты и лыка.
Респондент 8. Лапти.
Респондент 9. Lapti – the shoes made of bark.
Респондент 10. Lapti.
Респондент 11. Лапти.
Респондент 12. Лапти, Емеля.
Респондент 13. A monk in the woods

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. That the people wearing them must be peasants.
Респондент 2. I think of sandals that native Americans wore.
Респондент 3. Hippie.
Респондент 4. A serf.
Респондент 5. I think about Dutch wooden shoes. I think about trees and moccasins.
Респондент 6. Country / nomadic people, native american culture.
Респондент 7. A certain type of shoes.
Респондент 8. No.
Респондент 9. Serfs.

Hag

- "The Hag was known to bake her visitors during their sleep. But no, she only did that to the boys—the Ivans, as she called them" (Kotar, 2020c: 133).
- "There, in a clearing, he saw the hut standing on chicken feet. 'Hut, hut! Turn your back to the forest, with your front to me.' It turned" (Kotar, 2017b: 327).
- "A massive mortar flew into the clearing. <...> she cackled as the mortar crashed into the ground in the middle of the clearing" (Kotar, 2020c: 64).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Совпадает с тем, что я знаю про Бабу-ягу.
Респондент 2. Нет.
Респондент 3. Баба-яга.
Респондент 4. Представляется существо, аналогичное Бабе-яге или ведьме.
Респондент 5. Баба-яга.
Респондент 6. -
Респондент 7. Баба-яга.
Респондент 8. –

Респондент 9. Не узнаю.
Респондент 12. Не возникает ассоциаций.
Респондент 13. Ассоциация с русской Бабой-ягой.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Ведьма.
Респондент 2. Mysterious and dreadful denizen of the deep forests, a man (boy) eater, source of wisdom and treacherous. A tricky, dangerous and at times helpful character. Baba Yaga quite clearly but also alludes to the crones or wise women / witches that may be found in the western lore, though more spindly, dry and haggard.
Респондент 3. I love that it's the essence of Baba Yaga but without the wear and tear.
Респондент 4. Ведьма.
Респондент 5. Hag – Баба-яга.
Респондент 6. Баба-яга.
Респондент 7. Хэг – это не точное определение Бабы-яги и ее домика на курьих ножках. Американцы не могут ассоциировать домик на курьих ножках.
Респондент 8. Баба-яга.
Респондент 9. Reminds me of Baba Yaga - a prominent figure in Russian folklore, often depicted as a witch-like being who lives in a hut on chicken legs and travels in a mortar and pestle.
Респондент 10. Baba Yaga.
Респондент 11. Баба-яга, witch.
Респондент 12. Baba Yaga.
Респондент 13. Bad or evil witch.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. Baba Yaga!
Респондент 2. I think of Baba Yaga from the stories my daughter reads.
Респондент 3. Witch.
Респондент 4. Grimm's fairy tales.
Респондент 5. I think of a witch with a bit of a hunchback.
Респондент 6. A classic disney villain, "Hansel and Gretel", definitely a snaggle tooth. And then the comedy film "Hocus Pocus" after thinking about it a little more.
Респондент 7. The witch in Hansel and Gretel.
Респондент 8. Hansel and Gretel and the witch who wanted to push them into her oven.
Респондент 9. I have played a video game where your characters battle a hag similar to the one described in the excerpt.

Loaf of bread in an embroidered white towel

- "A small group of Vasylli greeted us. Svetlomír was at their head, carrying a loaf of bread in an embroidered white towel, with a wooden cup of salt in the middle. They welcomed us like family" (Kotar, 2017b: 153).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. –
Респондент 2. Хлеб-соль.
Респондент 3. Каравай.
Респондент 4. Первая ассоциация – каравай.
Респондент 5. Каравай.
Респондент 6. –
Респондент 7. Ассоциация с обрядом «хлеб-соль».
Респондент 8. Хлеб да соль.
Респондент 9. Каравай на полотенце, рушнике, приветствие, хлебом солью встречать, гостей привечать.
Респондент 10. –
Респондент 11. Возможно, каравай.
Респондент 12. Не возникает ассоциаций.
Респондент 13. Ассоциация с русской поговоркой «встречать с хлебом и солью», то есть оказывать теплый прием. Интересно, что вариант Котара более утонченный (со словом “embroidered”).

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Хлеб-соль, рушник.
Респондент 2. Sense of hospitality and acceptance.
Респондент 3. Russian weddings.
Респондент 4. Доброжелательностью и миром при встрече гостей.
Респондент 5. Loaf of bread in an embroidered white towel – хлеб да соль, Russian greeting tradition.
Респондент 6. Хлеб да соль.
Респондент 7. Гостеприимство. Хлебосольство.
Респондент 8. Хлеб да соль.
Респондент 9. That’s the symbol of Russian hospitality.
Респондент 10. No associations.
Респондент 11. Хлеб и соль, welcoming guests.
Респондент 12. Too many to count. Any scene from Russian folklore or art when a village meets a bogatyr etc.
Респондент 13. Kulich.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. Bread and salt are traditional housewarming gifts in more than one culture. I think of old women in a village.
Респондент 2. I think of challa.
Респондент 3. None.
Респондент 4. A formal greeting of a bishop, or a newly married couple (I am orthodox and have seen this tradition practiced in the church in San Francisco).
Респондент 5. I think of pilgrims or being a nice host.
Респондент 6. A ceremonial food gift, in a society/setting where the food alone would be precious.
Респондент 7. No associations.

Респондент 8. Seems like ceremonial bread like challah on the Jewish sabbath.
Респондент 9. It reminds me of the importance of bread and of sharing it with others.

Вопрос 2. Прочитав отрывки из произведений Николая Котара, увидели ли Вы какие-либо русские литературные и/или фольклорные традиции (Ваша перцепция) в англоязычном фэнтези, вдохновленном мифами и легендами?

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Да.
Респондент 2. Употребление имён собственных, описание славянских реалий.
Респондент 3. Да, контекст почти во всех случаях очень четко дает понять ту или иную отсылку.
Респондент 4. Во всех отрывках присутствуют прямые и косвенные отсылки к русскому фольклору, которые придают повествованию сказочную образность.
Респондент 5. Да.
Респондент 6. –
Респондент 7. Отсылки к русским народным сказкам, славянским мифам.
Респондент 8. Да, безусловно, связь и заимствование очевидны.
Респондент 9. Да, есть аллюзии.
Респондент 10. –
Респондент 11. Да, угадывались русский образы.
Респондент 12. Да, конечно.
Респондент 13. Почувствовала присутствие образов из русских народных сказок + русских пословиц и поговорок. Также увидела отсылки на «Гарри Поттера», но не уверена, что они действительно имели место быть.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Да. Отрывки отражают сюжеты из русского фольклора.
Респондент 2. There is a lot of borrowed lore present in his fantasy, including many familiar characters like the Hag or Buyan, as well as some deeply Slavic names that carry implications of virtue, wisdom, vice or beauty that can be accessed depending on the level of familiarity with the Russian language and culture but also accessible enough to an English-speaker only.
Респондент 3. I think he reimagines ethnic Russian legends nicely, so they seem fresh and not overused. This made me want to read the book.
Респондент 4. Да, почувствовала. Особенно ярко упоминание камня на распутье. Сразу возникает образ картины Виктора Васнецова “Витязь на распутье”.
Респондент 5. Да, я заметила много отсылок к русской литературе и фольклорной традиции.
Респондент 6. Много ассоциаций с русскими народными сказками.

Респондент 7. Много схожего из-за того, что европейские (русские) сказки и фольклор составили основу американских мифов и легенд.
Респондент 8. Да.
Респондент 9. Конечно, здесь чувствуется сильное влияние русских народных сказок и сказок Пушкина.
Респондент 10. Yes.
Респондент 11. Yes, it seems that they are numerous and prominent.
Респондент 12. The writer borrows a lot from Russian folklore.
Респондент 13. Yes, many of them but not all.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. Yes: the Firebird, Rusalka, Baba Yaga, the Steppe...
Респондент 2. Yes definitely.
Респондент 3. No.
Респондент 4. Yes, I sensed them.
Респондент 5. Yes.
Респондент 6. Yes. Reverence for role/hierarchy in society, familiar Russian characters (striving youth destined to be undone), representations of the unknown through mythical characters, reverence for history.
Респондент 7. Yes. These excerpts are so similar to fantasy stories and fairy tales I grew up with, but different.
Респондент 8. No. Only The Harry Potter I referenced above, Homer's Odyssey, Grimms' Fairy Tales.
Респондент 9. I saw some Russian influence in some names. I saw similarities to myth archetypes that I knew, but I didn't know that any of them were Russian.

Вопрос 3. Замечаете ли Вы русские культуронимы с мифопоэтическими трансформациями в английском языке?

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Да.
Респондент 2. Похожий прием использовался в серии романов в жанре фэнтези Ли Бардуго.
Респондент 3. Да, контекст почти во всех случаях очень четко дает понять ту или иную отсылку.
Респондент 4. Да, замечаю.
Респондент 5. Да.
Респондент 6. –
Респондент 7. Мое субъективное мнение: очень много трансформаций, включений русских культуронимов, которые делают текст сложным для восприятия. Ощущение языковой и культурной «каши».
Респондент 8. Да.
Респондент 9. Да.
Респондент 10. –
Респондент 11. Да.

Респондент 12. Да.
Респондент 13. Да. Например, в английском эквиваленте русской поговорки «встречать с хлебом и солью» появляется дополнительное слово “embroidered” + возможно, изменение названий некоторых персонажей (не припомню, чтобы в русских сказках был deathless Raven, а вот Кощей Бессмертный есть + “swanling” (слово «лебедушка» в русских сказках фигурирует не так часто, на мой взгляд). Баба-яга упрощена до “hag” (ведьмы).

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Да. Слова из русских сказок и легенд видоизменены и иногда комбинированы с английскими словами.
Респондент 2. Yes, Baba Yaga got transformed into Hag and many concepts were changed from original meaning somewhat to adapt them easier for the English-speaking audience.
Респондент 3. Definitely.
Респондент 4. Да.
Респондент 5. Да.
Респондент 6. Да.
Респондент 7. Да.
Респондент 8. Да.
Респондент 9. Да.
Респондент 10. Yes.
Респондент 11. Yes.
Респондент 12. Not really. Many of them seemed very literal.
Респондент 13. Not sure.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. Yes.
Респондент 2. Yes.
Респондент 3. No.
Респондент 4. Yes.
Респондент 5. No.
Респондент 6. Yes.
Респондент 7. Yes.
Респондент 8. No.
Респондент 9. No.

Примеры реалий из русской лингвокультуры в сборниках Николая Котара ***In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old Russia*** и ***In a Certain Kingdom: Epic Heroes of the Rus***

VII. Стратегия доместикации в переводах Николая Котара

Возникают ли у Вас какие-либо особые ассоциации, когда Вы читаете следующие реалии (переведенные с помощью доместикации**),** приведенные в данном контексте.

Ivan the Prince, Prince Ivan

- "I am King Berendei's son. Ivan the Prince" (Kotar, 2021b: 4).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Иван-царевич, герой сказок.
Респондент 2. Сказки.
Респондент 3. Иван-царевич.
Респондент 4. Первая ассоциация – Иванушка-дурачок.
Респондент 5. Иван-царевич.
Респондент 6. –
Респондент 7. Царевич Иван.
Респондент 8. Иван-царевич.
Респондент 9. Принц Иван.
Респондент 10. –
Респондент 11. Иван-царевич.
Респондент 12. Не возникает ассоциаций**.**
Респондент 13. Ассоциация с русским Иваном-царевичем.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Иван-царевич из русских сказок.
Респондент 2. A favored character with a common Russian name.
Респондент 3. Иван Царевич **–** a staple of Russian fairytales. However, the word "prince" makes it feel more Europe-centric and makes me associate the title with opera and ballet instead of fairytale books.
Респондент 4. Главный персонаж событий.
Респондент 5. Иван-царевич.
Респондент 6. Царевич Иван.
Респондент 7. Иван русский, но не принц, а царевич.
Респондент 8. Иван-царь.
Респондент 9. A character from Russian fairy tales, who always goes through challenges but comes out as a winner due to his kind heart.
Респондент 10. Ivan the Terrible.
Респондент 11. Иван-царевич.
Респондент 12. Иванушки International.
Респондент 13. The Russian name for John.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. Ivan the Terrible.
Респондент 2. Ivan the Terrible.
Респондент 3. None.
Респондент 4. Ivan the Terrible.
Респондент 5. No.
Респондент 6. A young prince.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. Ivan often seems to be used to indicate Russian royalty or power brokers.

Респондент 9. I know of Ivan as a common Russian name, but I don't associate it with any prince.

Koshchei the Deathless

- "She's stuck in the kingdom of Koshchei the Deathless. It will be hard to get her out, you know, not easy to deal with Koshchei. After all, his death is on the end of a needle, but that needle is in an egg, and the egg is in a duck, and that duck is inside a rabbit, and that rabbit is inside a chest, while that chest is in the branches of a tall oak tree, and Koshchei's vigilant eye never leaves that oak tree" (Kotar, 2021b: 49).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Кощей Бессмертный.
Респондент 2. Сказки.
Респондент 3. Кощей Бессмертный.
Респондент 4. Кощей Бессмертный, персонаж мифов и фольклора.
Респондент 5. Кощей Бессмертный.
Респондент 6. Кощей Бессмертный.
Респондент 7. Кощей Бессмертный.
Респондент 8. Кощей Бессмертный.
Респондент 9. Кощей Бессмертный.
Респондент 10. –
Респондент 11. Кощей Бессмертный.
Респондент 12. Не возникает ассоциаций**.**
Респондент 13. Ассоциация с Кощеем Бессмертным.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Кощей Бессмертный.
Респондент 2. A dark mage figure or the familiar Koschei the Deathless from our childhood fairy tales. Meaning translates well into English.
Респондент 3. Well, the Deathless triggers imagery of Koschei. I associate it with yolka-shows from my early childhood.
Респондент 4. Это персонаж воплощающий злое начало из русских сказок.
Респондент 5. Кощей Бессмертный.
Респондент 6. Кощей Бессмертный.
Респондент 7. Кощей, состоящий из костей скелет бессмертный.
Респондент 8. Кощей Бессмертный и сказки про него.
Респондент 9. The scary character who stays on the side of the evil but always loses in the end.
Респондент 10. Кощей Бессмертный.
Респондент 11. Кощей Бессмертный.
Респондент 12. Pushkin's poems.
Респондент 13. Кощей Бессмертный's death on the end of a needle.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. Matryoshka dolls given the rest of the paragraph.
Респондент 2. I think of Voldemort.

Респондент 3. Fate.
Респондент 4. Sounds like a villain.
Респондент 5. I think of Russian dolls. I think of riddles.
Респондент 6. Russian nesting dolls.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. None.
Респондент 9. No.

Vasilissa the Wise

- "The frog tucked him into bed, and as soon as he fell asleep, she shed her frog-skin and turned into a beautiful princess, Vasilissa the Wise" (Kotar, 2021b: 44).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Василиса Премудрая.
Респондент 2. Сказки.
Респондент 3. Василиса Мудрая.
Респондент 4. Героиня сказок Василиса Премудрая.
Респондент 5. Василиса Премудрая.
Респондент 6. Василиса Прекрасная.
Респондент 7. Василиса Премудрая.
Респондент 8. Василиса Премудрая.
Респондент 9. Василиса Премудрая.
Респондент 10. Нет ассоциаций**.**
Респондент 11. Василиса Премудрая.
Респондент 12. Не возникает ассоциаций**.**
Респондент 13. Ассоциация с Василисой Премудрой.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Василиса Премудрая.
Респондент 2. Vasilisa is a manifestation of beauty and wisdom under a layer of magic charms.
Респондент 3. I understand that it's «Василиса Премудрая». I wish he translated it as the "arch-wise" even if it is clunkier.
Респондент 4. Царица, которая не боится вступать в борьбу со злом. Помогает главному герою и вдохновляет его.
Респондент 5. Василиса Премудрая, Царевна-лягушка.
Респондент 6. Василиса из сказки про Царевну-лягушку.
Респондент 7. Василиса Премудрая. Всегда знала, как делать и что делать.
Респондент 8. Василиса премудрая и сказки про нее.
Респондент 9. Beautiful and wise character, who helps Ivan the Prince.
Респондент 10. No associations.
Респондент 11. Василиса Премудрая.
Респондент 12. Russian fairy tales.
Респондент 13. I vaguely remember (one of the main characters in Russian stories).

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. The fairy tale The Princess and the Frog.
Респондент 2. I think of Vasilisa the beautiful from Russian folklore.
Респондент 3. Princess and the Frog, frog prince.
Респондент 4. Only St Vasilisa of Pskov.
Респондент 5. Sounds like the frog prince that is really a prince.
Респондент 6. The Princess and the Frog.
Респондент 7. Most characters who shed skin are bad guys, like in Chinese stories.
Респондент 8. Beauty and the Beast; the prince who had been turned into a frog.
Респондент 9. No.

VIII. Стратегия форинизации в переводах Николая Котара

Возникают ли у Вас какие-либо ассоциации, когда Вы читаете следующие реалии (переведенные с помощью форинизации), приведенные в данном контексте.

Bogatyr

- "In those mountains, those holy mountains, lived a wondrous bogatyr, a warrior that even Mother Earth could no longer bear" (Kotar, 2021a: 10).
- "Lean down closer to me," said Sviatogor, "and I will breathe some of my bogatyr-might into your lungs" (Kotar, 2021a: 13).
- "And the bogatyr and the dragon fought and fought" (Kotar, 2021a: 35).
- "Well known was that city for its warriors of old, for the bogatyri, led by Ilya Muromets and Dobrynia son of Nikita" (Kotar, 2021a: 36).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Богатырь.
Респондент 2. Сказки.
Респондент 3. Богатырь.
Респондент 4. Представляется условный Илья Муромец. Большой сильный мужчина в доспехах на коне.
Респондент 5. Богатырь.
Респондент 6. Ассоциация с древнерусскими сказками.
Респондент 7. Богатырь.
Респондент 8. Богатыри.
Респондент 9. Богатырь.
Респондент 10. –
Респондент 11. Богатырь (русские сказки не представляются без богатырей).
Респондент 12. Три богатыря.
Респондент 13. Ассоциация с богатырями — сильными, смелыми, патриотичными воинами.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Богатырь.

Респондент 2. Powerful warriors such that no longer exist, mythical greatness and strength.
Респондент 3. I see a mighty warrior in a light chainmail tunic.
Респондент 4. Сильный воин, который не боится сражаться со злом.
Респондент 5. Богатырь.
Респондент 6. Богатырь.
Респондент 7. Богатырь – данный Богом.
Респондент 8. Богатырь и сказки про богатырей.
Респондент 9. A bogatyr or vityaz is a heroic figure from medieval Russian legends, similar to a knight-errant in Western Europe. These characters feature prominently in Rus' epic poems called bylinas and are believed to have originated during the reign of Vladimir the Great as members of his elite warrior force, much like the Knights of the Round Table.
Респондент 10. Knight-like figure.
Респондент 11. Warrior, Илья Муромец.
Респондент 12. Mighty warrior.
Респондент 13. Powerful might. The prince who saves the princess in distress.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. It really just makes me think of the word bog.
Респондент 2. I think of a Russian knight.
Респондент 3. None.
Респондент 4. Bog means God in Russian.
Респондент 5. No.
Респондент 6. Dwarfs in Tolkien, with some viking qualities.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. No.
Респондент 9. Warrior.

Cossack

- "And the old cossack, Illya Muromets, rode on his horse once again" (Kotar, 2021a: 54).
- "But the old cossack warrior, Ilya Muromets the brave, had no faith in the words of his warrior-horse" (Kotar, 2021a: 60).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Казак.
Респондент 2. Учебник истории.
Респондент 3. Казак, но подразумевается богатырь.
Респондент 4. Представляется казак эпохи царской России.
Респондент 5. Казак.
Респондент 6. –
Респондент 7. Богатырь.
Респондент 8. Казаки.
Респондент 9. Казаки.
Респондент 10. –
Респондент 11. –

Респондент 12. Казаки-разбойники.
Респондент 13. Ассоциация со словом «казак».

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Казак.
Респондент 2. A free horseman, unconstrained, subjected only to their horse clan, not easily bridled by bigger rulers, strength in numbers.
Респондент 3. This translation is a bit odd to me since Cossack in my mind is from a much later time period than the medieval epics.
Респондент 4. Воинственный человек.
Респондент 5. Казак.
Респондент 6. Казак.
Респондент 7. Казак.
Респондент 8. Казаки.
Респондент 9. Cossack is a free, independent person, and a member of a military formation that performed border service.
Респондент 10. Warrior.
Респондент 11. Казак.
Респондент 12. Тарас Бульба.
Респондент 13. Казак, fighting on horseback.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. The big furry hats and the Cossack dance.
Респондент 2. I think of the Russian folk warriors.
Респондент 3. None.
Респондент 4. Cossack warriors.
Респондент 5. No.
Респондент 6. An aged warrior but still fearsome.
Респондент 7. No associations.
Респондент 8. Cossacks who are horse riding warriors.
Респондент 9. No.

Foo, foo, foo!

- “Foo, foo, foo! For years uncounted I did not have to smell the stink of Russian blood” (Kotar, 2021b: 28).
- “Baba Yaga arrived from the forest. She stopped at her gate and gave a great sniff. Foo! Foo! It smells of Russian stink! Who's here?” (Kotar, 2021b: 37).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Фу, выражение неприятного ощущения от запаха.
Респондент 2. Калька с русского.
Респондент 3. Фу-фу-фу.
Респондент 4. Возглас, когда человек чувствует какой-то неприятный запах.
Респондент 5. Баба-яга говорит: «Фу. Русским духом пахнет».
Респондент 6. Ассоциация с яркими неприятными эмоциями.
Респондент 7. Звук отвращения «фу-фу».

Респондент 8. Фу-фу.
Респондент 9. «Фу-фу русским духом запахло», – Баба-яга.
Респондент 10. –
Респондент 11. Междометие “фу”, когда говорим о чем-то неприятном.
Респондент 12. Не возникает ассоциаций.
Респондент 13. Ассоциация с русским словом «фу», выражающим неприятный запах.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Междометие “фу” из русского языка.
Респондент 2. An onomatopoeia of snorting, sneezing or reacting to an environmental factor that is foreign and unwanted.
Респондент 3. Yuck yuck yuck. Also – shoo, shoo, shoo.
Респондент 4. Фраза Бабы-яги: «Фу, фу, русским духом пахнет».
Респондент 5. «Фу» говорят на что-то неприятное.
Респондент 6. Фу – мерзость.
Респондент 7. Фу – плохой запах, отвращение.
Респондент 8. Ew.
Респондент 9. Something that doesn’t smell good, an expression of disgust.
Респондент 10. Фу.
Респондент 11. Bad smell. Phew!
Респондент 12. Bad-smelling stuff.
Респондент 13. Something that smells “unpleasant”. Baba Yaga’s reaction.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. My mother actually used to say that instead of cursing. I also think of Chinese food: egg foo young.
Респондент 2. I think of soiled diapers (my daughters say "foo" when we change their diapers).
Респондент 3. Fool.
Респондент 4. An utterance, akin to fie fie.
Респондент 5. Sounds maybe stinky but nothing comes to mind.
Респондент 6. There was a Baba Yaga art installation at Burning Man that was my first exposure to the word, along with a healthy dose of commentary from my Russian friend. I pictured not only the art piece but talking about it with him.
Респондент 7. An interjection.
Респондент 8. Jack and the beanstalk: fee fie foe fum I smell the blood of an Englishman.
Респондент 9. It reminds me of Fee Fi Fo Fum. Or of pee-ew (the sound indicating some foul odor).

Kwaa-kwaa

- Ivan the Prince came back to his room sad, his head hanging below his wide shoulders. ‘Kwaa-kwaa, Ivan the Prince! Why are you so sad? Has your father said something unkind to you?’ ‘How can I not be sad, frog? My father the king has ordered you to weave a silk rug overnight!’ (Kotar, 2021b: 44).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Ква-ква, ассоциация с Царевной-лягушкой.
Респондент 2. Калька с русского.
Респондент 3. Кваканье лягушки.
Респондент 4. Звукоподражание лягушке в русском языке.
Респондент 5. Царевна-лягушка.
Респондент 6. Ассоциация с лягушкой.
Респондент 7. «Как мне не грустить» – часто используется в обращении героя русских сказок к добрым существам.
Респондент 8. Ономатопея лягушки.
Респондент 9. «Ква-ква», Иван-царевич жену искал, лягушка-квакушка.
Респондент 10. –
Респондент 11. Звук лягушки.
Респондент 12. Не возникает ассоциаций.
Респондент 13. Ассоциация с русским «ква-ква» — звуком, который издает лягушка.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Кваканье лягушки.
Респондент 2. The sound a frog makes in Russian.
Респондент 3. I like the Russian animal sound— it gives this flavor it wouldn't have if he wrote "ribbit ribbit". Also, kwaa is a much more "elegant" sound.
Респондент 4. Ассоциируется с лягушкой.
Респондент 5. Ква-ква is the sound a frog makes.
Респондент 6. Звук лягушки на русском.
Респондент 7. "Ква-ква" – звук лягушки по-русски. А по-английски лягушки: рэббит (ribbit), рэббит (ribbit).
Респондент 8. Frog noise.
Респондент 9. The sound that frogs make.
Респондент 10. Ribbit.
Респондент 11. Croaking frog**.**
Респондент 12. Frogs.
Респондент 13. The sound "kwaa-kwaa" is a sound that a frog makes in Russian. But it also sounds similar to the sound "caw-caw" that a crow/raven makes in English.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. It makes me think of bird sounds.
Респондент 2. I think of trying to soothe a crying baby.
Респондент 3. Seems to be an onomatopoeic word.
Респондент 4. No associations.
Респондент 5. Nothing comes to mind.
Респондент 6. I wasn't sure how to interpret this, I read it as a sound, onomatopoeic.
Респондент 7. Onomatopoeia.
Респондент 8. None.

Респондент 9. No.

IX. Калькирование фраз из русских сказок и литературы в художественных книгах Николая Котара *The Raven Son Series*

Возникают ли у Вас какие-либо особые ассоциации, когда вы читаете следующие калькированные из русской лингвокультуры фразы в художественных произведениях Н. Котара?
Относятся ли явно следующие примеры в отрывках к русской языковой/культурной среде, или они создают впечатление, что были придуманы носителем английского языка?

Literary quote:
- "I know now. Beauty will save this world" (Kotar, 2020: 9).

Idiom:
- "This is the moment to strike, when the iron is hot!" (Kotar, 2020: 200).

Sayings:
- "The morning is wiser than the evening" (Kotar, 2017b: 121).
- "Underneath was a beauty that no story can relate, no pen can describe" (Kotar, 2017b: 159).
- "The story begins from the grey, from the brown, from the chestnut-colored horse" (Kotar, 2017b: 205).

Phrases:
- "Hut! Hut! Turn your back to the forest, with your front to me" (Kotar, 2017b: 327).
- "In a certain kingdom, in a certain land" (Kotar, 2017b: 195).
- "Andry grew not in days, but in hours" (Kotar, 2023: 8).

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Все узнаваемы, из русской культуры.
Респондент 2. Скорее как подражание народной сказке.
Респондент 3. Утро вечера мудренее;
ни в сказке сказать ни пером описать.
Избушка-избушка, повернись ко мне передом, а к лесу задом. В некотором царстве, в некотором государстве. Рос не по дням, а по часам.
Респондент 4. Здесь представлены дословные переводы крылатых фраз из русского фольклора. Думаю, что если русскоязычный читатель столкнется с этими текстами, то сразу же это считает.
Респондент 5. Утро вечера мудренее. Ни в сказке сказать ни пером описать. К лесу передом, ко мне задом. В некотором царстве, в некотором государстве. Не по дням, а по часам.
Респондент 6. –
Респондент 7. Относятся к русской языковой/культурной среде.

Респондент 8. Безусловно, ассоциации возникают, и они имеют четкую отсылку к русской языковой и культурной среде.
Респондент 9. Не возникает впечатление, что это носитель английского языка. Это мог бы написать носитель русского языка – на английском языке. Может это и перевод.
Респондент 10. –
Респондент 11. 1) кто рано встает, тому Бог подает; 2) что ни в сказке сказать, ни пером описать; 3) – ;
4) повернись ко мне передом, к лесу задом; 5) в тридевятом царстве, в тридесятом государстве; 6) растет не по дням, а по часам.
Наверное, если я верно угадала 5 пункт, то только он, по моему мнению, несколько не совпадает с привычной фразой – все остальное отлично вписывается в русскую лингвокультуру.
Респондент 12. Возникают.
Респондент 13. 1) Beauty will save this world – красота спасет мир. Относятся к русской языковой среде. Не культурной, поскольку в русской культуре красота не воспринимается как основная добродетель.
2) To strike, when the iron is hot! – куй железо, пока горячо. Относится к русской языковой и культурной среде.
3) The morning is wiser than the evening – утро вечера мудренее. Относится к русской языковой и культурной среде.
4) Underneath was a beauty that no story can relate, no pen can describe – такая красота, что ни в сказке сказать, ни пером описать (использовала интернет для нахождения точного эквивалента фразы в русском языке). Относится к русской языковой и культурной среде.
5) The story begins from the grey, from the brown, from the chestnut-colored horse – не возникло ассоциаций. Впечатление, что предложение было придумано носителем английского языка.
6) Hut! Hut! Turn your back to the forest, with your front to me" – "Избушка! Повернись к лесу задом, а ко мне – передом" – фраза, которую произносила Баба-яга. Относится к русской языковой и культурной среде.
7) "In a certain kingdom, in a certain land" – в некотором царстве, в некотором государстве. Относится к русской языковой и культурной среде.
8) grew not in days, but in hours – рос не по дням, а по часам. Относится к русской языковой и культурной среде.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Да, это все относится к русской языковой среде, русским известным поговоркам.
Респондент 2. I recognize a lot of these expressions from Russian, and I am impressed with how well the meaning is carried. Some of them can pass for English speaking idioms or sayings, a few seem obviously foreign like the "chicken leg hut" excerpt, which needs additional context to be comprehended fully.
Респондент 3. These feel like they were coined by an English speaker, with the exception of the last one: "Andry grew not in days, but in hours". I'd prefer it as

“he grew and grew, not by the day, but by the hour.” Of course, all of these sayings are familiar to me, but it is nice to see them translated so clearly. They do not feel awkward in translation.
Респондент 4. Я сразу узнаю все эти фразы из русской культуры.
Респондент 5. I recognize all of these phrases. Some of them are not just citations from Russian folktales, but also proverbs. To me, it is obvious the phrases are Russian and not coined by an English-speaking person, because my mind translates them to the Russian version when I read them, since they are so commonly used.
Респондент 6. Most of these are either common phrases from Russian fairy tales or famous proverbs.
Респондент 7. Obviously they are different, although they teach the same lesson.
Респондент 8. Да, думается о пословицах русских, типа “красота спасет мир” и т.д.
Респондент 9. These phrases are well-translated examples of the typically Russian fairytale language.
Респондент 10. Obviously Russian.
Респондент 11. They remind me of the original Russian sayings; they seem like borrowed phrases.
Респондент 12. They seem like translated Russian phrases.
Респондент 13. Some of them read as they were coined by an English-speaking person but most of them don’t read well in English suggesting they were translated literally from Russian.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. No particular associations come to mind, but ‘strike when the iron is hot’ is a widely used expression in English and ‘The morning is wiser than the evening’ or at least a version of it is also used. I don't think it would be immediately obvious that these examples were from a different language: fairy tales aren't exactly written in modern English.
Респондент 2. Some seem like they are English speaking (strike while the iron is hot) some seem to be translated to English from another language (grew not in days, but hours; the morning is wiser than the evening). Some seem like they could be either (a beauty no story can relate, no pen can describe; the story begins from the grey, brown, chestnut-colored horse).
Респондент 3. All sound like they could be coined by an English-speaking person, except “Hut, Hut! Turn your back to the forest with your front to me”.
Респондент 4. They give the impression of being coined by English writers whose phrases have become idioms.
Респондент 5. These don’t evoke ideas or related concepts for me.
Респондент 6. I read all of these as English / western.
Респондент 7. Some of these expressions are used in English.
Респондент 8. The examples do not seem to indicate any original language/culture.
Респондент 9. I am familiar with some, but not all of the phrases, but none seem particularly of foreign origin.

X. Калькирование фраз из перевода русских сказок в сборнике Н. Котара *In a Certain Kingdom*

Возникают ли у Вас какие-либо особые ассоциации, когда вы читаете следующие калькированные фразы? Что означают эти фразы? Есть ли у Вас какие-либо особые ассоциации, когда Вы читаете следующие тексты?

- “Now you will never again see Marya Morevna, just as you’ll never see your ears!” (Kotar, 2021b: 13).
- “I will go wherever my eyes lead me!” (Kotar, 2021b: 27).
- “If you know too much, you’ll get old faster!” (Kotar, 2021b: 39).

Перцепция российских читателей-билингвов:

Респондент 1. Не видать, как своих ушей = никогда. Вторую не узнаю, выглядит придуманной. Много знаешь, скоро состаришься = не задавай лишних вопросов (многие знания – многие печали).

Респондент 2. Перевод сказки.

Респондент 3. Не видать как своих ушей. Куда глаза глядят. Много будешь знать, скоро состаришься.

Респондент 4. Опять дословный перевод русских крылатых фраз. Каждая из них по-своему ассоциируется с фольклором и сказками.

Респондент 5. Не видать как своих ушей; куда глаза глядят; много будешь знать, скоро состаришься.

Респондент 6. Ассоциация с калькированием.

Респондент 7. Не видать как своих ушей; идти, куда глаза глядят; будешь много знать, скоро состаришься – для меня эти кальки в английском тексте звучат негармонично.

Респондент 8. Перевод популярных русских пословиц и поговорок: не видать, как своих ушей**;** идти, куда глаза глядят; будешь много знать, скоро состаришься.

Респондент 9. Русские фразы все узнаваемы.

Респондент 10. –

Респондент 11. 1) не видать чего-то как собственных ушей. 2) пойду, куда глаза глядят. 3) много будешь знать, скоро состаришься.

Респондент 12. Не видать как своих ушей – никогда; куда глаза глядят – куда угодно, много будешь знать… – не будь слишком любопытным**.**

Респондент 13. Just as you’ll never see your ears! – не видать как своих ушей (использовала интернет для нахождения точного эквивалента фразы в русском языке). Значение: никогда не увидеть. Go wherever my eyes lead me! - куда глаза глядят. Значение: в любом направлении. Подчеркивается, что направление движения не имеет значения. “If you know too much, you’ll get old faster!” – в голову пришел не дословный эквивалент «меньше знаешь, крепче спишь». Значение: не всегда знание большого количества информации играет на руку.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Да, это все относится к русской языковой среде, русским известным поговоркам.
Респондент 2. They sound like archaic sayings one may have lost familiarity with, rather than obviously foreign. Some old wisdom perhaps. They seem pretty well adapted for English, but I also easily recognize them from Russian, so perhaps this is better answered by a non-bilingual.
Респондент 3. The ears thing seems a little odd to an English speaker. It's an ambitious saying to translate. I like how he translated "where my eyes will lead me" instead of "wherever my eyes gaze".
Респондент 4. Все эти фразы из русской культуры.
Респондент 5. I recognize these phrases too. And again, it is obvious the phrases are Russian and not coined by an English-speaking person.
Респондент 6. Similar to the previous question, these are common phrases used in the Russian language.
Респондент 7. Can't bite your own elbow.
Респондент 8. It's obvious that they're from a different language.
Респондент 9. These phrases are perfect examples of Russian fairytale culture.
Респондент 10. Obviously Russian.
Респондент 11. Yes, they are copied from Russian.
Респондент 12. Also seem like translated Russian phrases.
Респондент 13. To me, these are more English friendly and give the impression of an English-speaking person.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. I think of Van Gogh for the first one. These examples sound much more foreign. I would immediately think they're from a different language/culture.
Респондент 2. I can't tell. These seem like they could have been coined by an English speaker or a foreign person.
Респондент 3. These seem more exotic than the previous example, these seem less coined by an English speaker.
Респондент 4. They give the impression of being phrased from a different culture.
Респондент 5. They don't spawn thoughts for me. I read them for what they are saying literally.
Респондент 6. I read all of these as English / western.
Респондент 7. These do not give me the impression of being coined by an English-speaking person. They seem to be translated or at least borrowed from a different culture.
Респондент 8. No obvious language/culture of origin.
Респондент 9. The first one does not seem to be of English origin. The third one seems to have an external genesis as well.

Вопрос 4. Николай Котар применял в своих переводах доместикацию и форинизацию. Как Вы воспринимаете применение этих двух стратегий при переводе русизмов из русских сказок и былин на английский язык?

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Придаёт узнаваемости, но без прочтения всего текста непонятно, уместно или нет.
Респондент 2. Определяются как русизмы, далее зависит от контекста.
Респондент 3. Интересный прием, но, думаю, он будет понятен исключительно тем, кто был воспитан на русских сказках (даже не всей русскоязычной аудитории); остальными же (англоязычной аудиторией) это будет восприниматься, скорее всего, либо как какая-то диковинка, либо как нечто очень странное и непонятное (в зависимости от любви к жанру фэнтези, вероятно, потому что там тоже, насколько я знаю, часто изобретают новую лексику).
Респондент 4. Положительно. С помощью этих стратегий ему удаётся наполнить свой текст реалиями другой культуры, обогатить его с помощью заимствований и ознакомить англоязычного читателя со славянской мифологией.
Респондент 5. Очень интересные приемы, позволяют привнести элементы другой культуры и сделать их понятными читателю.
Респондент 6. –
Респондент 7. –
Респондент 8. Нейтрально, смотря для какой цели, зависит от персонажей, сюжета и всей канвы произведения.
Респондент 9. Я не знаю, что ответить. Воспринимаю нормально.
Респондент 10. –
Респондент 11. Что-то сложно понять русскому читателю, а что-то иностранному.
Респондент 12. Доместикация лучше передает колорит.
Респондент 13. Как у русского человека, у меня не возникло особых сложностей при восприятии форинизированного текста. Однако для аудитории, недостаточно ознакомленной с реалиями русской культуры, есть смысл пояснять смысл исконно русских слов, то есть использовать доместикацию. Либо же комбинировать эти две стратегии: форинизация может быть использована с целью придания тексту русского колорита, но для легкости восприятия имеет смысл пояснять каждый славянизм (то есть использовать доместикацию).

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Я думаю, что это вносит оригинальность и обогащает текст.
Респондент 2. I think he strikes a good balance. I can see how even someone who is not bilingual will get a good sense of these concepts. He successfully implements a combination of both to advance his world building.

Респондент 3. Not sure which is which. I think he is very thoughtful when it comes to leaving some ethnic terms in and transforming others.
Респондент 4. Я считаю, что это необходимо для того, чтобы объяснить какие-то культурные явления, не характерные для другой культуры. Для этого применять обе стратегии.
Респондент 5. Как русскоговорящему человеку, мне больше нравится форинизация, так как сохраняются изначально русские слова, имена, названия. Но понимаю, что доместикация нужна, чтобы сделать текст более понятным для всех читателей.
Респондент 6. Either is fine to use when writing a fantasy novel, it depends on the preference of the author or what type of fantasy world he is constructing.
Респондент 7. It is very difficult for foreigners to do foreignization, so many books translated to English are domesticated.
Респондент 8. Воспринимаю спокойно. Американцам, не знающим русский сложнее понять. Я сразу в голове параллельно перевожу и нормально для меня, но читается неестественно на английском.
Респондент 9. Судя по этим небольшим отрывкам, автор умело сочетал оба приема при переводе русских сказок на английский язык. У меня сразу возникли ассоциации с первоисточником. Я не знаю, как бы поняли эти выражения иностранцы, не знающие русского языка.
Респондент 10. Hard to tell since I'm bilingual.
Респондент 11. Foreignization predominantly.
Респондент 12. Definitely foreignization.
Респондент 13. Hm, well if you adapt it to English speakers they can understand more and be engaged more and it is more inviting, more inclusive and adaptive. Open minded.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. I think trying to find a middle ground/balance between them is needed. You risk alienating the reader with foreignization if they can't relate to the text, and domestication always loses something from the original.
Респондент 2. I like these two techniques and think they are both useful. I like how foreignization makes the content seem more exotic, while domestication makes it easy to understand and relate to the characters.
Респондент 3. It seems like this choice made by the translator is just as important as much of the writing done by the author. It can affect who the reader finds more relatable, who remains mysterious; it can affect who the reader likes or dislikes. It sounds like a great tool for the translator to enhance the author's intent for how they want readers to relate to their characters.
Респондент 4. I think they are fine in general.
Респондент 5. I think both could be helpful and ideally you'd read both versions perhaps.
Респондент 6. It's hard to judge the success of translations, as someone who doesn't speak Russian. I generally put my trust in the translator. I feel like some domestication is necessary to make fictional work, especially a fairy tale / fantasy, readable enough to be enjoyable in that genre. But also the point of reading translated work is to experience the other culture, so without retaining some of the

foreignness you'd wonder what you're even doing. A delicate balance I would assume.
Респондент 7. I think each must have its place. If everything retained its foreignness, readers might not follow. Yet, if everything were domesticated, the reader might feel like the story isn't authentic.
Респондент 8. Depends on the purpose of the translator. Is he drawing attention primarily to the origin of the fairy tales being Russian or is he intending that the readers discover a universality of humanness and the challenges that are faced by most people?
Респондент 9. I think it can be important to translate cultural elements rather than solely the literal lexicon as written in the original work.

Вопрос 5. В целом как Вы восприняли эти фразы из русских сказок в англоязычном тексте? Какое впечатление оставляет у Вас насыщение англоязычного текста русскими культуронимами?

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Такой же ответ, как выше. Придаёт узнаваемости, но непонятно, насколько уместно без прочтения всего текста.
Респондент 2. Скорее ощущение, что читаю статью из Википедии.
Респондент 3. Странно, но интересно, мне кажется, интеграция пословиц получилась наиболее удачной.
Респондент 4. Впечатление положительное, потому что это позволяет разнообразить вселенную произведения и добавить образности.
Респондент 5. На английском это звучит очень необычно. Но в целом интересно.
Респондент 6. Я не очень хорошо помню сказки, поэтому многие фразы и отсылки мне распознать не удалось.
Респондент 7. Чувство инородности.
Респондент 8. Есть некоторые неоднозначные моменты, но в целом отношение положительное. Зависит от опыта погружения в чтение русских сказок на английском языке. Так как есть опыт чтения и тех, и других в оригинале, явного ощущения экзотичности нет.
Респондент 9. Узнаю, что русские, понятно, что хотели описать русскую культуру.
Респондент 10. –
Респондент 11. Любопытно, однако не сразу их разгадала, отсюда делаю вывод, что они сложны для восприятия читателями как чужой, так и родной культур.
Респондент 12. Интересный межкультурный эффект.
Респондент 13. Восприняла положительно: отрадно видеть родные реалии в иностранном тексте.

Перцепция американских читателей-билингвов:

Респондент 1. В целом возникает впечатление внедрения русской культурной традиции в английский текст литературного произведения.
Респондент 2. All of this sounds very familiar but that is because I am Russian American. I see how some of these can be quite exotic to an English-speaker only, and several can be hard to pronounce or get the grasp on the sounds associated with the meanings, but most were adapted successfully to convey the meaning without a sense of jarring or being out of place.
Респондент 3. They seem pretty natural.
Респондент 4. Некоторое удивление потому, что они при переводе становятся частью англоязычной культуры. Получается такой культурный обмен.
Респондент 5. Насыщение англоязычного текста русскими культуронимами - это интересно. Так как я привыкла слышать и читать эти фразы на русском языке, было немного необычно видеть их на английском, но я всё равно мысленно переводила их на русский.
Респондент 6. They don't seem exotic.
Респондент 7. The Russian language is so rich in idioms and sayings and phrases. It is never going to be substituted with English language cultures.
Респондент 8. Нормальное. Выросла с этим.
Респондент 9. Для меня это звучит органично.
Респондент 10. Not bad.
Респондент 11. Not exotic to me, I know them in Russian.
Респондент 12. No, of course not exotic. I grew up with Russian fairy tales.
Респондент 13. Some of them I had no idea about. Others I had an idea and recognized.

Перцепция американских читателей-монолингвов:
Респондент 1. They don't seem particularly exotic, but I did grow up reading fairy tales and having a fair amount of exposure to Russian culture in NYC—without that they probably would.
Респондент 2. I like them. They do make the material seem more exotic to me.
Респондент 3. I did not recognize many, they do seem exotic.
Респондент 4. Mostly exotic. If one reads enough fantasy there are lots of “foreign” words, one gets used to it.
Респондент 5. Yes, they do. They sound from a foreign land with meanings and references probably apparent to others but not me.
Респондент 6. I think I've read enough Russian literature that it felt distinctly Russian without being fully exotic. My primary struggle is the Russian names more so than the concepts/subject, which can be hard to form in my head and I frequently pass over (unintentionally) while reading.
Респондент 7. They seem exotic to me.
Респондент 8. When unfamiliar words are used in my reading, I put my understanding on hold and continue to read knowing that I am not fully understanding what is in the text until the meaning is made clear.
Респондент 9. Some of the terms did seem very exotic. Most of them did not invoke familiarity.

Вопрос 6. Прочитав отрывки, почувствовали ли Вы гибридное сочетание двух лингвокультур (английской и русской) в литературном творчестве Николая Котара?

Перцепция российских читателей-билингвов:
Респондент 1. Да.
Респондент 2. Больше как перевод на английский.
Респондент 3. Да, автор очень хорошо знаком с русским фольклором, даже, наверное, лучше, чем некоторые люди, выросшие в полностью русских реалиях.
Респондент 4. Да, гибридизация английской и русской лингвокультур здесь точно чувствуется.
Респондент 5. Да.
Респондент 6. Да, это очень четко прослеживается. Интересный автор с необычным чувством текста.
Респондент 7. Слишком гибридное, тяжело для восприятия.
Респондент 8. Да.
Респондент 9. Да, бесспорно.
Респондент 10. –
Респондент 11. Безусловно, да, но хочется отметить, что было достаточно сложно воспринимать особенно первые отрывки.
Респондент 12. Да.
Респондент 13. Да, почувствовала.

Перцепция американских читателей-билингвов:
Респондент 1. Да. Однозначно почувствовал. Очевидно, что автор хорошо знает русский язык и культурные традиции.
Респондент 2. Yes, I sense a high level of hybridity and integration into both cultures. He does a very good job bridging Russian and English.
Респондент 3. Yes. He is great at balancing out the cultures with both types of readers in mind.
Респондент 4. Конечно, чувствуется гибридность двух культур.
Респондент 5. Да, я почувствовала гибридное сочетание двух лингвокультур, и это было необычно и интересно.
Респондент 6. There is a mix of Russian cultural storytelling with a more English fantasy writing style.
Респондент 7. Yes.
Респондент 8. The author seems to be speaking a different language than the characters speaking.
Респондент 9. Да, и, по-видимому, автору это сочетание прекрасно удалось.
Респондент 10. Yes.
Респондент 11. Yes.
Респондент 12. To me it just seems that he borrowed Russian fairy tales and translated traditional Russian phrases/sayings.

Респондент 13. Yes!
Перцепция американских читателей-монолингвов: **Респондент 1.** Yes, that does seem perceptible. **Респондент 2.** Yes, I definitely do. **Респондент 3.** No. **Респондент 4.** Yes. **Респондент 5.** I don’t. **Респондент 6.** Absolutely. **Респондент 7.** No. **Респондент 8.** No, but since my awareness of the Russian linguistic culture is so limited, I'm not sure I would sense its presence. **Респондент 9.** I see some very familiar English cultural elements, and I see evidence of another culture, but it is not always immediately identifiable as Russian culture to me.